

Виталий Родионов

Гитара в литературе

The background of the cover is a warm, orange-toned illustration. On the right side, there is a detailed, dark-toned drawing of a Gothic cathedral's exterior, showing a tall, slender tower with a pointed roof and intricate architectural details. The rest of the background is a soft, painterly wash of orange and yellow tones, with some faint, vertical lines suggesting a landscape or architectural elements.

Виталий Родионов

Гитара в литературе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70440670

SelfPub; 2024

Аннотация

Книга написана для тех, кто любит гитару, кто готов отдавать ей лучшие минуты своей жизни.

Содержание

ОТ АВТОРА	17
АЛЬФОНС X	19
АДЕНЕ ле РУА	22
ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ	25
ХУАН РУИС	27
ГИЛЬОМ де МАШО	29
ДЖОВАННИ БОККАЧЧО	32
ПЬЕР де РОНСАР	36
МИГЕЛЬ де СЕРВАНТЕС	38
ЛУИС де ГОНГОРА	44
ЛОПЕ де ВЕГА	48
ТИРСО де МОЛИНА	52
ФРАНСИСКО КЕВЕДО	55
ПЕДРО де КАЛЬДЕРОН	60
ДЖОН ДРАЙДЕН	63
ЯКОБ ШТЕЛИН	66
МАРГАРИТА де ЛЮБЕР	69
ОЛИВЕР ГОЛДСМИТ	71
ПЬЕР БОМАРШЕ	74
ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН	76
ИОГАНН ГЁТЕ	79
ФРАНСИСКО де МИРАНДА	84
РОБЕРТ БЁРНС	88

ЯН ПОТОЦКИЙ	92
НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН	98
ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ	101
ВАЛЬТЕР СКОТТ	105
ИВАН ИВАНОВИЧ КОЗЛОВ	111
ПЬЕР БЕРАНЖЕ	113
ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВИЧ НАРЕЖНЫЙ	116
ВАШИНГТОН ИРВИНГ	118
НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА	126
ФЁДОР НИКОЛАЕВИЧ ГЛИНКА	129
СЕМЁН БОГДАНОВИЧ БРОНЕВСКИЙ	133
ЛЮДВИГ УЛАНД	135
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ БАТЮШКОВ	138
ДЖОРДЖ БАЙРОН	141
ФАДДЕЙ БЕНЕДИКТОВИЧ БУЛГАРИН	145
ФЕНИМОР КУПЕР	150
ПАВЕЛ ЛУКЪЯНОВИЧ ЯКОВЛЕВ	153
ПЁТР АНДРЕЕВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ	156
ЖАК-ФРАНСУА АНСЕЛО	159
ГЕНРИХ ГЕЙНЕ	165
АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН	174
ВИКТОР ГЮГО	181
АЛЕКСАНДР ДЮМА	184
НИКОЛАУС ЛЕНАУ	191
ПРОСПЕР МЕРИМЕ	196
ЖОРЖ САНД	200

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ПОЛЕЖАЕВ	204
ЭДГАР ПО	208
НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ	213
УИЛЬЯМ ТЕККЕРЕЙ	217
ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ	222
ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС	226
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН	234
ЭДУАРД ЛИР	238
ЮЗЕФ КРАШЕВСКИЙ	240
ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ АННЕНКОВ	243
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ СОЛЛОГУБ	246
МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ	249
АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ	253
МАЙН РИД	256
ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ МЕЛЬНИКОВ- ПЕЧЕРСКИЙ	259
ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ	261
УОЛТ УИТМЕН	269
АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ МАЙКОВ	273
ФЁДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ	277
НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НЕКРАСОВ	282
ГЮСТАВ ФЛОБЕР	285
ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕЙ	289
АПОЛЛОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ	292
МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ САЛТЫКОВ- ЩЕДРИН	300

ЖЮЛЬ ВЕРН	305
ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ	309
ИВАН ФЁДОРОВИЧ ГОРБУНОВ	324
ХОСЕ ЭРНАНДЕС	326
МАРК ТВЕН	328
ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ КРЕСТОВСКИЙ	331
ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ САЛИАС	336
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ АПУХТИН	339
ПОЛЬ ВЕРЛЕН	343
ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ	347
КОЗЬМА ПРУТКОВ	351
АРТЮР РЕМБО	355
СЕЗАРИУ ВЕРДЕ	359
ИННОКЕНТИЙ ФЁДОРОВИЧ АННЕНСКИЙ	361
МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВРУБЕЛЬ	370
ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ	374
АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ	377
АРТУР ШНИЦЛЕР	382
О. ГЕНРИ	384
АЛЕКСАНДР СЕРАФИМОВИЧ СЕРАФИМОВИЧ	390
ФЁДОР КУЗЬМИЧ СОЛОГУБ	393
ЭТЕЛЬ ВОЙНИЧ	396
РОМЕН РОЛЛАН	400
РУБЕН ДАРИО	405

ИБАНЬЕС БЛАСКО	410
ДЖОН ГОЛСУОРСИ	415
МАКСИМ ГОРЬКИЙ	418
ПЁТР НИКОЛАЕВИЧ КРАСНОВ	428
АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ КУПРИН	432
ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН	436
ГЕНРИХ МАНН	443
ГУСТАВ ДАНИЛОВСКИЙ	447
СЕРГЕЙ НИКИФОРОВИЧ ВАСИЛЕНКО	451
ФЁДОР ИВАНОВИЧ ШАЛЯПИН	456
АСОРИН	460
СОМЕРСЕТ МОЭМ	463
ГИЛБЕРТ ЧЕСТЕРТОН	467
РАФАЭЛЬ САБАТИНИ	472
ТОМАС МАНН	475
АНТОНИО МАЧАДО	477
АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ЛУНАЧАРСКИЙ	484
ДЖЕК ЛОНДОН	488
АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ИГНАТЬЕВ	491
МАКСИМИЛИАН АЛЕКСАНДРОВИЧ	496
ВОЛОШИН	
МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ АРЦЫБАШЕВ	498
АЛЕКСАНДР ГРИН	500
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ	503
АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК	505
АРКАДИЙ ТИМОФЕЕВИЧ АВЕРЧЕНКО	510

СТЕФАН ЦВЕЙГ	513
ДЖЕЙМС ДЖОЙС	516
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ	518
АЛЕКСАНДР РОМАНОВИЧ БЕЛЯЕВ	523
АЛЕКСАНДРА ЛЬВОВНА ТОЛСТАЯ	526
ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР	531
БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ АСАФЬЕВ	536
МАНФРЕД ШНАЙДЕР	540
АНДРЕ МОРУА	545
НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ	549
ВЛАДИСЛАВ ФЕЛИЦИАНОВИЧ ХОДАСЕВИЧ	553
ТЕОДОР ВАЛЕНСИ	556
МАРК АЛЕКСАНДРОВИЧ АЛДАНОВ	559
ФЕЛИКС ФЕЛИКСОВИЧ ЮСУПОВ	563
ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН	566
МАРК ЗАХАРОВИЧ ШАГАЛ	570
ФЕРНАН ВАЛЬДЕС	573
САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК	576
ДЖОН РИД	580
ХОСЕ ПОВЕДА	583
ФЕРНАНДО ПЕССОА	586
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ АСЕЕВ	588
БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ ПАСТЕРНАК	591
КЭТРИН ПОРТЕР	596
ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ	601

ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЭРЕНБУРГ	605
МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ БУЛГАКОВ	608
ГЕНРИ МИЛЛЕР	612
СЕСАР ВАЛЬЕХО	614
КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ ПАУСТОВСКИЙ	616
МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА	623
ВИСЕНТЕ УИДОБРО	630
ВАДИМ ГАБРИЭЛЕВИЧ ШЕРШЕНЕВИЧ	632
ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ	634
МАРТИНУС НЕЙХОФ	639
ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОЛЯНОВСКИЙ	642
МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗОЩЕНКО	644
ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТЫНЯНОВ	647
ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ИВАНОВ	650
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН	653
НИНА АЛЕКСЕЕВНА КРИВОШЕИНА	657
ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ АНТОКОЛЬСКИЙ	662
ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ ШИЛИН	665
ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД	669
ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЁДОРОВ	671
АНАТОЛИЙ БОРИСОВИЧ МАРИЕНГОФ	675
АНДРЕС БЛАНКО	679
ЛУИ АРАГОН	682

ИЛЬЯ ИЛЬФ И ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ	686
БЕРТОЛЬД БРЕХТ	688
ИВАН ИВАНОВИЧ СМИРНОВ	690
ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ НАБОКОВ	692
ЛОРКА ГАРСИА	699
ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК	710
ЙОЗЕФ ТОМАН	716
ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ	719
ХОРХЕ БОРХЕС	722
МИГЕЛЬ АСТУРИАС	725
АНТУАН СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ	736
ЮЛИЙ БОРИСОВИЧ МАРГОЛИН	739
МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ	742
ЛУИС КАРДОСА-И-АРАГОН	745
ГИЛЬЕРМО ФАБРЕ	747
ДЖОН СТЕЙНБЕК	749
НИКОЛАС ГИЛЬЕН	753
НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАБОЛОЦКИЙ	757
ИОСИФ ПАВЛОВИЧ УТКИН	762
АНН И СЕРЖ ГОЛОН	767
ХОРХЕ АНДРАДЕ	775
САЛЬВАДОР ДАЛИ	777
ПАБЛО НЕРУДА	779
ГРЭМ ГРИН	783
СЕРГЕЙ ИОСИФОВИЧ ЮТКЕВИЧ	785
ЭРИБ СЕРВЕРА	789

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШОЛОХОВ	791
РАУЛЬ ТУНЬОН	795
ГРИГОРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ БЕЛЫХ	798
ВАРЛАМ ТИХОНОВИЧ ШАЛАМОВ	801
ПАВЕЛ ФИЛИППОВИЧ НИЛИН	804
ИВАН АНТОНОВИЧ ЕФРЕМОВ	807
ИРАКЛИЙ ЛУАРСАБОВИЧ АНДРОНИКОВ	813
МИГЕЛЬ ОТЕРО	816
ТАМАРА НИКОЛАЕВНА ЛИВАНОВА	818
ЭЙС КРИГЕ	822
АНАТОЛИЙ НАУМОВИЧ РЫБАКОВ	825
ВИКТОР ПЛАТОНОВИЧ НЕКРАСОВ	829
ЛЕВ ЗИНОВЬЕВИЧ КОПЕЛЕВ	833
ОСКАР СЕРРУТО	839
ЖОРЖИ АМАДУ	841
ХУЛИО КОРТАСАР	860
ДИДЕРИК ОППЕРМАН	863
ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ ШЕФНЕР	866
БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ КРЕМНЕВ	871
ЕВГЕНИЙ АРОНОВИЧ ДОЛМАТОВСКИЙ	873
ДАВИД ШАЙНЕРТ	875
ВЛАДИМИР ДМИТРИЕВИЧ ДУДИНЦЕВ	879
ЖАКЛИН СЬЮЗАН	882
АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ ГАЛИЧ	885
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БОГДАНОВ	889
АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ СОЛЖЕНИЦЫН	892

ДАНИИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРАНИН	900
ГИ БРЕТОН	904
ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ЧИРКОВ	908
ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ЕЖОВ	912
СТАНИСЛАВ ЛЕМ	916
ДЖЕЙМС ДЖОНС	920
КАРЛОС ЧАНГ МАРИН	923
ДЖЕК КЕРУАК	925
БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ ЧИЧИБАБИН	928
ЭДУАРД АРКАДЬЕВИЧ АСАДОВ	930
ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ БАКЛАНОВ	934
МИХАИЛ ИСАЕВИЧ ТАНИЧ	937
ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ	941
БУЛАТ ШАЛВОВИЧ ОКУДЖАВА	944
ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ СОЛОУХИН	952
ТРУМЕН КАПОТЕ	957
ЭРНЕСТО КАРДЕНАЛЬ	959
АЛЕКСАНДР ГОВОРОВ	961
БРАТЪЯ СТРУГАЦКИЕ	963
АНДРЕЙ ДОНАТОВИЧ СИНЯВСКИЙ	969
НОННА ВИКТОРОВНА МОРДЮКОВА	972
КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ ВАНШЕНКИН	974
ТАДЕУШ КОНВИЦКИЙ	976
МАРКЕС ГАРСИА	979
ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ КУНИН	983
ЭЛЬДАР АЛЕКСАНДРОВИЧ РЯЗАНОВ	988

ЛУКЕ ЭРРЕРА	996
ВАЛЕНТИН САВВИЧ ПИКУЛЬ	998
ФАЗИЛЬ АБДУЛОВИЧ ИСКАНДЕР	1002
ВАЛЕРИЙ АБРАМОВИЧ АГРАНОВСКИЙ	1005
ХАНС ЭНЦЕНСБЕРГЕР	1011
АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АЗОЛЬСКИЙ	1014
ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ ЗОЛОТУССКИЙ	1016
ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ	1018
ЮЛИАН СЕМЕНОВИЧ СЕМЁНОВ	1024
ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ АЛЕКСЕЕВ	1027
РОБЕРТ ИВАНОВИЧ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ	1032
ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕВТУШЕНКО	1035
ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ВОЙНОВИЧ	1040
АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВИЧ ГОРОДНИЦКИЙ	1044
ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ ВИЗБОР	1047
ДМИТРИЙ СПИРИДОНОВИЧ ПОПАНДОПУЛО	1051
ФРАНСУАЗА САГАН	1053
НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ	1056
МАРИО ВАРГАС ЛЬОСА	1059
АЛЕКСАНДР СЕМЕНОВИЧ КУШНЕР	1064
ЭДВАРД СТАНИСЛАВОВИЧ РАДЗИНСКИЙ	1068
БЕЛЛА АХАТОВНА АХМАДУЛИНА	1072
ВИКТОРИЯ САМОЙЛОВНА ТОКАРЕВА	1075
ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ ВЫСОЦКИЙ	1078

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАЙНЕР	1083
ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРОДСКИЙ	1085
СЕРГЕЙ ДОНАТОВИЧ ДОВЛАТОВ	1091
ЭДУАРД ЛИМОНОВ	1095
СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АБРАМОВ	1097
ВИКТОР СУВОРОВ	1099
АЛЕКСАНДР МОТЕЛЕВИЧ МЕЛИХОВ	1101
СТИВЕН КИНГ	1103
ПАСКАЛЬ БРЮКНЕР	1106
МИХАИЛ ИОСИФОВИЧ ВЕЛЛЕР	1109
ДАНИЛ АРКАДЬЕВИЧ КОРЕЦКИЙ	1111
ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ КОСТОМАРОВ	1113
ХАРУКИ МУРАКАМИ	1116
АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ	1119
ДАРЬЯ ДОНЦОВА	1124
ДИНА РУБИНА	1128
ИРИНА БОРИСОВНА РАТУШИНСКАЯ	1132
АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ПАРЩИКОВ	1134
ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОЛЯКОВ	1137
БОРИС АКУНИН	1142
ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ НЕТРЕБО	1144
АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ СЛАПОВСКИЙ	1146
ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ СВИНАРЕНКО	1156
ВИКТОР ТОЛЕДО	1158
ВАСИЛИЙ ЛОМАКИН	1160
ВАЛЕРИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ ГОРБАНЬ	1162

ПОЛИНА ВИКТОРОВНА ДАШКОВА	1165
ВАН КОВЕЛЕР ДИДЬЕ	1167
АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ РЫБИН	1169
КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ МИХАЙЛОВ	1174
ЭЛЛА НИКОЛАЕВНА КРЫЛОВА	1180
НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ГВЕЛЕСИАНИ	1183
РОДИОН АНДРЕЕВИЧ БЕЛЕЦКИЙ	1187
ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ РУМЯНЦЕВ	1189
ИРИНА НИКОЛАЕВНА СИДОРЕНКО	1191
НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ НИКИФОРОВ	1192

Виталий Родионов

Гитара в литературе

Молодым гитаристам и всем поклонникам гитары

Посвящается талантливому гитаристу и композитору Денису Асимовичу

ОТ АВТОРА

Впервые я познакомился с классической гитарой, когда начал преподавать сочинение музыки молодым гитаристам Валерию Живалевскому, Владимиру Захарову, Денису Асимовичу – будущим лауреатам международных конкурсов. Мне открылся ранее неведомый мир звуков, гармоний и мелодий чудесного испанского инструмента!

Помню, как однажды бродил по лесу, любовался красотой природы, а в душе зрели восторженные слова о гитаре, готовые вылиться на бумагу.

Это были счастливые минуты!

Позже мне захотелось переложить для гитары отдельные номера из моей оперы. Но – увы! – не получилось.

Выручил преподаватель Белорусской академии музыки Валерий Живалевский. Он сделал замечательные транскрипции моих пьес и сыграл их на сцене республиканской филармонии.

Я снова пережил минуты восторга!

Шло время.

Известный гитарист Денис Асимович обратился ко мне с просьбой написать книгу о гитаре. Я не мог отказать ему, ибо знал, что новая встреча с волшебницей-гитарой будет такой же радостной, как и все предыдущие.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. XIII-XVIII ВЕКА. ПРОБУЖДЕНИЕ

АЛФОНС X

Альфонс X Мудрый (1221-1284) – король Кастилии и Леона с 1252 года. Отвоевал у арабов Херес, Кадис. Централизованная политика Альфонса X натолкнулась на сопротивление знати, в 1282 году фактически был лишен власти.

Гитара, как и любое творение рук человеческих, из века в век

преображалась. Каждое новое поколение людей вносило в ее конструкцию какие-то изменения и улучшения. История доработок гитары еще ждет

своего исследователя, но кое-что уже сделано. К примеру, на тщательно прорисованных заставках, украшающих пергаментный экземпляр

рыцарских романсов «Песни Святой Марии», автором которых является

король Альфонс X Мудрый, встречаются изображения гитары. Нетрудно разглядеть ее разновидности: примитивную, названную в специальной литературе мавританской, и более совершенную, латинскую. Порой плохо различимы детали

инструмента, хотя любопытнейшее это дело – рассматривать старинные миниатюры!

АДЕНЕ ле РУА

Fe qui fist dogier le danois
 de bertan qui fu ou loiz
 de lucien de cennarchis
 a i tu autre liure rempris

n nen de dien
 le creltour
 queur dunt
 pfit grant douour
 Olesmes li
 puillous rendre
 uerai arimeuer
 entendee

fu aus ce me fist reconbater
 Et me daignement gaudier
 Et te ceste esteve entendisse
 Et a rimer leutrepresse
 Et dames enai uistut la fleur
 Et seut de bante de veleur
 Leur neis ne vueil en ape dire
 Et Arleuepals aum d dunt leur ire
 Et que bien sat queie moeris
 Et de duel le fist ne det auois
 Et ieus foet leur plaisir et leur gre
 Et oure seront leur ueti noene

Руа, Адене ле (ок.1240-ок.1300) – французский поэт. Последний из великих труверов, автор стихотворных романов «Берта Большеногая» и других.

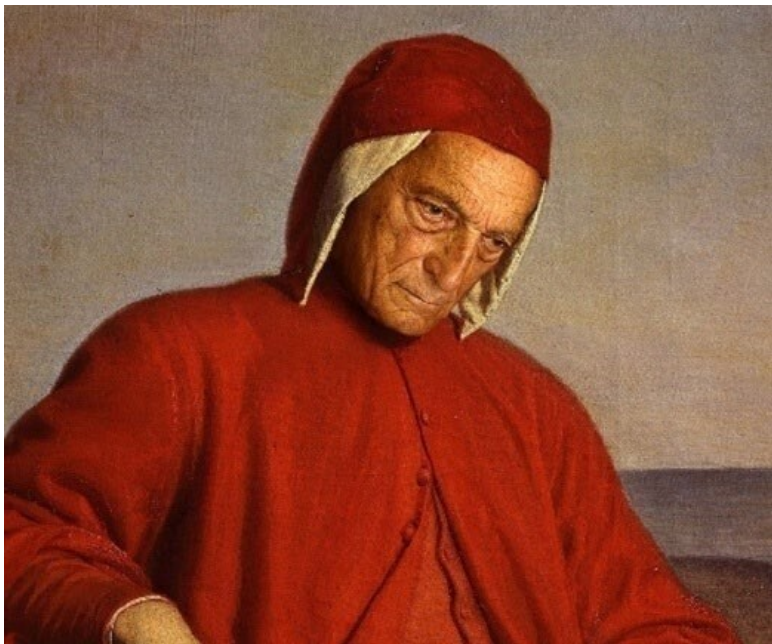
Литературные источники свидетельствуют, что в середине XIII века на гитаре играли в основном деревенские музыканты. Иногда кого-то из них брали на придворную службу. Так, в «Романе о Клеомадесе» (конец XIII столетия) его автор, Адене ле Руа, описывает жизнь некоего королевского двора. После обильной трапезы музыканты развлекают пирующих. «...Для гостей отобедавших пели / Под аккорды негромких гитар / Приглашенные в зал менестрели, / И, ценя их божественный дар,

/ Гости слушать певцов были рады / И другой не желали
улады...»

Не обходились без гитаристов и во время празднеств, ежегодно устраиваемых в замке. «...Был обед приготовлен на славу, / Ждали всех развлеченья, забавы, / Все, чем праздник прекрасен и мил, / Ведь король музыкантов любил / И для них покровителем был. / При дворе содержали лютнистов / И искусных в игре гитаристов...»

Как видим, гитаре уже в те далекие времена отводилось достойное место в высшем обществе!

ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

Данте Алигьери (1265-1321) – итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка. В юности примкнул к школе «дольче стиль нуово» (сонеты, воспевающие Беатриче, автобиографическая повесть

«Новая жизнь», 1292-1293, издание 1576). Философские и политические трактаты («Пир», не закончен, «О народной речи», 1304-1307, издание 1529, «Послания», 1304-1316). Вершина творчества Данте – поэма «Божественная комедия» (1307-1321, издание 1472) в 3 частях («Ад», «Чистилище», «Рай») и 100 песнях, поэтическая энциклопедия средних веков. Оказал большое влияние на развитие европейской культуры.

«Божественная комедия» Данте косвенно свидетельствует о музыкальных пристрастиях поэта. «Поистине улыбки был достоин / Его ленивый вид и вялый слог. / Я начал так: «Белаква, я спокоен / За твой удел; но что тебе за прок / Сидеть вот тут? Ты ждешь еще народа / Иль просто впал в обычный свой порок?» Известно, что прославленный поэт вывел в трилогии многих своих знакомых, и Белаква – не исключение. Этот флорентинец выделывал грифы к лютям и гитарам, а Данте с ним дружил и очень любил послушать его игру.

Кто знает, сколько звучных терцин поэмы были вдохновлены гитарой!

ХУАН РУИС

Руис, Хуан (1283-ок.1350) – испанский поэт. В поэме «Книга благой любви» (ок.1343)

–

конфликт возвышенного, аскетического и чувственного понимания любви.

Гитара была неизменным атрибутом молодого красивого

идальго. Вот как Хуан Руис описывает своего героя: «Высокий, крепкий, ходит он степенно, / Ступает важно, как павлин надменный. / Большая голова на низкой шее, / Крутые волосы угля чернее, / Нос маленький, а рот большой и алый, / Две алые губы, как два коралла... / Всегда любезный и всегда приятный, / Играет на гитаре, знает песни, / Он шутками всех шутников известней».

Герой Руиса – монах, а его страстная любовь к юной монашке все-таки осталась целомудренной, не запятнанной плотским соблазном. В этой ситуации гитара несет на себе «светскую» нагрузку, выступая в роли искусительницы.

В исследовании о «канте хондо» композитор Мануэль де Фалья приводит любопытные строки испанского поэта Хуана Руиса, свидетельствующие о том, что арабские музыканты использовали гитару особой конструкции, несколько отличную от европейской: «Там слышится резкий звук мавританской гитары, / Так остро выделяющийся среди голосов, причудливый среди звучаний, / Дородная лютня, аккомпанирующая веселью, / Латинская гитара, собирающая толпу».

Хуан Руис делает различие между гитарой мавританской и латинской. У каждой из них – своя публика.

ГИЛЬОМ де МАШО

Машо, Гильом де (ок.1300-1377) – французский поэт

и композитор, представитель

«

арс нова».

Лирические стихотворения,

аллегорические

поэмы

(«Книга

о действительно

случившемся»,

1365).

В

музыкальных произведениях

одноголосие

(традиция

музыкальнопоэтического рыцарского

искусства)

сочетается

с полиф

оническими приемами.

В хорошо известном «Взятии Александрии» Гильома де Машо сцена шумного победного торжества не обходится без упоминания гитары. «...Все инструменты оказались в сборе. / Орган могучий рядом с цистрой старой, / В соседстве с лютней – арфа и труба, / Отдельно красовались две гитары, / В чьих струнах страсть, и радость, и мольба.
/ Здесь были также бубны и цимбалы...»

Колоритная поэтическая зарисовка показывает, как широко была распространена гитара в Европе эпохи Раннего Возрождения, когда восходила звезда Петрарки и Боккаччо.

ДЖОВАННИ БОККАЧЧО

Боккаччо, Джованни (1313-1375) – итальянский писатель, гуманист Раннего Возрождения. Поэмы на сюжеты античной мифологии, психологическая повесть

«

Фьямметта» (1343, опубликована в 1472), пасторали, сонеты. В главном произведении «Декамерон» (1350-1353, опубликовано

в

1470)

–

книге реалистических новелл, проникнуты х идеями гуманизма, духом свободомыслия и антиклерикализма, неприятием аскетической морали, жизнерадостным юмором, – многоцветная панорама нравов итальянского общества. Поэма «Ворон» (1354-1355, опубликована в 1487), книга «Жизнь Данте Алигьери» (ок.1360, опубликована в 1477).

Одна из новелл «Декамерона» Боккаччо доказывает, что гитара уже в середине XIV века была повсеместно распространена в Италии. Некий художник влюбился в молодую сеньориту, однако робеет перед ней. Тогда его коллега решается дать совет. «По дороге во Флоренцию Бруно сказал Ка-

ландрино: “Она тает от твоих взглядов, как лед на солнце, можешь мне поверить. Захвати-ка с собой гитару и спой любовные песенки – вот ей-богу, она выпрыгнет к тебе в окошко!”»

Совет оказался удачным. Действительно, прошло совсем немного времени, и роман завершился счастливой развязкой, когда Никколоза молвила: «Милый ты мой Каландрино, сердце мое, душа моя, отрада моя, услада моя! Наконец-то ты мой, наконец-то я могу прижать тебя к своей груди! Ласковыми своими речами ты из меня веревку свил, игрою на гитаре ты меня приворожил. Неужто взаправду ты мой?»

Пылкость чувства и возвышенная музыка творят чудеса! Эту истину надолго усвоили романтические поклонники прекрасного пола.

ПЬЕР де РОНСАР

Ронсар, Пьер де (1524-1585) – французский поэт, глава

«Плеяды». В сборниках «Оды» (1550-1552), «Гимны» (1555-1556), «Сонеты к Елене» (1578) выраже-

ны гуманистические идеалы Возрождения. Трактат «Краткое изложение поэтического искусства» (1565).

Гитара была особо почитаемой при дворе Франциска I. Знаменитый поэт Пьер Ронсар посвятил ей целую оду: «Моя гитара, славлю вновь тебя я! / Любим я – и звенит струна твоя, / Звенит, когда, отвергнутый, страдаю. / Когда страстями раздираем я / Тебя, мою заветную гитару, / Я как зеницу ока берегу...»

Здесь гитара – спутница счастливой и несчастной любви.

МИГЕЛЬ де СЕРВАНТЕС

Сервантес, Мигель де (1547-1616) – испанский писатель.

Пасторальный роман «Галатея» (1585), патристическая трагедия «Нумансия», «Назидательные новеллы» (1613), «Новые восемь комедий и интермедий» (1615), любовно-приключенческий роман «Странствия Персилеса и Сихизмунды» (опубликован в 1617).

Главное произведение – роман «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» («Дон Кихот», Ч.1, 1605, Ч.2, 1615), в котором органически сочетаются реализм, героика и романтика, – одно из выдающихся сочинений эпохи Возрождения, оказавших большое влияние на мировую культуру. Пародируя рыцарский роман, Сервантес дал широкую картину жизни Испании, трагикомично

изобразил мир непрактичного духа и бездуховной практики. Образы странствующего рыцаря Дон Кихота и его оруженосца Санчо Пансы стали нарицательными.

Крайне любопытно узнать, в каком качестве выступает гитара в самой известной испанской книге – «Дон Кихот» Сервантеса. В конце первой части романа читаем о солдате, который бахвалится своими мнимыми подвигами. «Держал он себя развязно, с невиданною наглостью, и хвастал, что его рука – вот его родная мать, его дела – вот его родословная и что когда он в солдатском мундире, то ему и король не король». А далее приводятся забавные штрихи портрета: «Са-

моуверенность его питалась еще тем, что он был немного музыкантом и так умел бренчать на гитаре, что, как уверяли некоторые, гитара у него прямо так и разговаривала. Но этого мало: он обладал еще даром стихотворца и по поводу всякой безделицы, случавшейся в нашем селе, сочинял романсы в полторы мили длиной». В этого франта по имени Винсенте де ла Рока влюбляется дочь зажиточного крестьянина и убегает с ним в горы. Там удалой солдат отнял у нее деньги и драгоценности, а сам, не покусившись на ее честь, запер несчастную в пещеру, после чего унес ноги.

По милости автора романа гитара оказалась в недостойных руках и сыграла неблагоприятную роль.

Еще один обольститель юных красоток обрисован Сервантесом во второй части «Дон Кихота». Некий привлекательный кабальеро своей молодостью и необыкновенными способностями соблазнил очаровательную принцессу. Добился он этого благодаря тому, что «гитара у него в руках прямо так и разговаривала, да к тому же он был стихотворец, изрядный танцор и умел мастерить клетки для птиц...» Его песня дуэнье принцессы показалась «перлом создания», в котором было столько отчаяния: «Ранен в сердце я прекрасной / Ненавистницей моей / И – что вдвое тяжелее – / Должен боль терпеть безгласно». А вот глубокомысленные фразы: «Смерть! Конец приуготовь / Мне с такую быстротою, / Чтобы, насладясь тобою, /

Благом жизнь не счел я вновь...»

Именно эти строки, их подтекст должна комментировать гитара. Поэтому Сервантес и употребляет несколько неожиданное слово «разговаривает» применительно к гитаре.

Чем закончился флирт кабальеро и принцессы, догадаться нетрудно: инфанта забеременела. Ее и безродного дворянина тайно венчают, после чего королева, не выдержав позора, умирает, а лиходей-волшебник заколдовывает молодоженов прямо на могиле матери: «Инфанту превратил в медную, а дона Треньбренью – в страшного крокодила из какого-то неведомого металла...»

Имя героя данной истории исходит от пренебрежительно-междометия «трень-брень», каким характеризуют неумелый, беспомощный перебор струн. Таким образом, важная роль гитары в разъяснении смысла хорошего стихотворного текста тут же перечеркивается иронией Сервантеса. С его легкой руки сотни писателей и поэтов позднее начали говорить о ней, как об инструменте, пригодном всего лишь для бряцания.

Взгляните, как Сервантес устами студента описывает юношу, богато одаренного природой: «Басильо – самый ловкий парень, какого я только знаю, здорово мечет барру, изрядный борец, в мяч играет великолепно, бегают, как олени, прыгает, как серна, кегли сбивает точно какой волшебник, поет, как жаворонок, гитара у него прямо так и разговаривает, а главное шпагой он владеет – лучше нельзя».

Эта филиппика свидетельствует о том, что гитара была

весьма популярна в Испании XVI-XVII веков и частенько являлась собеседницей, другом влюбленных молодых людей. Она не пела, а «разговаривала», то есть обращалась не только к чувствам, но и к мыслям человека. Сервантес, похоже, подчеркивает ее интеллектуальное начало. И действительно, гитару не встретишь на шумных деревенских свадьбах среди рожков, волынок, тамбуринов, гуслей, свирелей, бубнов и погремушек. Автор «Дон Кихота» почему-то не говорит о ней, перечисляя простенький состав сельских оркестров.

Как-то Дон Кихот небрежно промолвил: «Все или почти все цирюльники – гитаристы и стихоплеты».

Это замечание Рыцаря Печального Образа еще раз говорит нам о том, что гитара в Испании сервантесской была весьма доступным инструментом.

ЛУИС де ГОНГОРА

Гонгора, Луис де (1561-1627) – испанский поэт. Поэма «Полифем» (1612-1613), сборник «Сочинения в стихах испанского Гомера» (опубликован

**В
1627),
для
которых**

характерен вычурный, нароч

ито усложненный поэтический язык. Имел последователей среди поэтов Испании и Латинской Америки (аристократическая поэтическая школа – гонгоризм).

В сатирических куплетах «Летрильи» Луиса де Гонгоры упоминается и гитара, и серенады под ее звуки: «Что гитара до рассвета / Может тренькать то да это, / Что ж. / Но что нас не доконали / Упражнения каналы – / Ложь... / Что внимает серенаде / Менга со слезой во взгляде – / Что ж. / Но что ей не снится проза / Вроде денежного воза – / Ложь...»

Как видим, автор исполнен скепсиса, он весьма невысокого мнения как о гитаре в руках невежды и нахала, нарушающего ночной покой, так и о серебролюбивой «даме сердца», которой посвящена «любовная песнь».

Приведем еще один образчик поэзии Луиса де Гонгоры: «Расфуфыренные хвататы / Разодеты в прах и дым: / Предков, мол, не посрамим. / Те и впрямь аристократы, / Но носили чаще латы, / Чем крахмальный воротник. / Восемь фиг. / В битве с одного удару / Сей храбрец сражает трех. / Только этот пустобрех / Брешет с винного угару: / Мастер петь он под гитару, / Но не слышал пенья пуль. / Девять дуль».

В этом отрывке тоже немало яду. Насмехаясь над хвастуном и трусом, именующим себя «храбрым идальго», стихотворец, походя, поносит также ни в чем не повинную гитару. А это уже несправедливо по отношению к чудесному инструменту!

Стихи Луиса де Гонгоры пользовались необыкновенной популярностью в Испании. Их мелодика и жизнерадостный юмор не могли оставить аудиторию равнодушной. Возьмем отрывок из песни о несчастном влюбленном: «Сколько раз о полночь / Пел я под гитару: / – Дай воды, сеньора, / Гибну от пожара! – / Ты не помогла мне, / Черствое создание, / Лишь сосед на помощь / Подоспел с лоханью... / Что ж – прощай, сеньора, / Ты добра со мною: /

Обогреешь летом, / Снега дашь зимою...»

Пожар любви был потушен самым оскорбительным образом: певца с гитарой окатили из окна помоями.

Традиции бардовской песни очень давние – достаточно вспомнить Гомера и прочих древнегреческих кифаредов. Не был исключением и Луис де Гонгора, который обычно пел свои стихи под гитару. Нужны доказательства? Пожалуйста. Вот зачин одной из его баллад: «Я про Фисбу и Пирама / С позволения гитары / Вам поведаю – про верность / И страданья юной пары».

Несложно представить себе испанского поэта с гитарой в руках.

ЛОПЕ де ВЕГА

Вега, Лопе де (1562-1635) – испанский драматург. Крупный представитель Возрождения. Автор свыше

2000 пьес (500 из которых изданы), романов, стихов. В том числе – историческая драма «Великий герцог Московский» (1617), социальные драмы «Кровь невинных» (1623) и «Звезда Севильи» (1623), народно-героическая драма «Саламейский алькальд» (написана до 1610) и «Фуэнте Овехуна» (1619), комедии о любви «Собака на сене» (1618), «Учитель танцев» (1593).

В пьесе Лопе де Веги «Учитель танцев» главный герой, дворянин Альдемаро, попадает в дом к любимой девушке, представившись ее отцу простым музыкантом. Готовясь к первому уроку, он настраивает гитару и по ходу дела излагает притчу применительно к ней: «Таит божественные звуки / Душа моя, как инструмент: / И вот теперь в один момент / Она к любви попала в руки...» Здесь же драматург выстраивает ряд параллелей между пятью человеческими чувствами и струнами гитары (надо помнить, что в те времена этот инструмент был пятиструнным): «Пять струн – пять чувств. / Во-первых, зренье. То – прима: надо увидеть / Предмет любви, чтобы отдать / Ему навеки поклоненье. / Секунда – это будет слух. / Согласно с зреньем чувство это / В вопросе выбора предмета, / Не разделяем мы их двух. / Поставим третьим – обонянье: / Как терция, оно звучит, / Любимой аромат таит / В себе всю силу обаянья. / Над нею кварта верх берет, / Земное страстное желанье, / А это, чувство осязания, / Невольный страх с собой несет. / К нему же квинтой будет бас, / То чувство вкуса, и известно, / Что с осязанием

совместно / Оно является у нас. / Когда, как нежным дуновением, / Любви небесная рука / Тех струн касается слегка, / Дано звучать им вдохновением / И песни рая вызывать. / Но ревности жестокой муки / Способны исказить те звуки / И струны навсегда порвать...»

Великий испанец своеобразно и весьма тонко охарактеризовал исполнительские возможности гитары.

Гитара часто звучит там, где разыгрываются любовные драмы. Для графини Дианы, главной героини пьесы Лопе де Веги «Собака на сене», свет кажется не мил, как только поклонник отворачивается от нее. Даже песня не в силах увлечь ее. Служанка Анарда возражает госпоже: «Любовь и музыка созвучны. / Что нагадает нам гитара?» И за сценой звучит: «О, если б можно, если б можно было, / Чтоб самовольно сердце разлюбило! / Зачем, зачем того не может быть, / Чтоб самовольно взять и разлюбить!»

Звуки испанского инструмента и мудрые слова романса в иных ситуациях способны врачевать разбитые сердца.

ТИРСО де МОЛИНА

Молина, Тирсо де (Габриель Тельес, ок.1583-1648) – испанский драматург. Эстетические принципы ренессансной драмы сочетал с духом барокко. Драма «Севильский озорник, или Каменный гость» (1630) – первая драматургическая обработка легенды о Дон Жуане.

Менее десяти лет отделяют появление пьесы «Севильский озорник» Тирсо де Молины от выхода в свет второго тома «Дон Кихота» Мигеля Сервантеса. Герой Молины – развратный Дон Хуан, Сервантеса – целомудренный Рыцарь Печального Образа. Нравственный облик двух бессмертных персонажей диаметрально противоположен.

В обоих произведениях гитара возникает эпизодически, занимая довольно-таки скромное место в жизни общества. В «Севильском озорнике», например, она фигурирует в сцене из быта рыбаков. Доверчивая и трогательная Тисбея говорит о любви преданного ей Анфрисо: «И все ж, чуть день погаснет, / Он бродит неизменно / Под окнами моими. / От холода немея, / А утром, с ближних вязов / Охапку веток срезав, / Мой дом украсит ими, / Как праздничной одеждой. / Порой он на гитаре / Иль камышовой флейте / Дает мне серенаду, / Мое не тронув сердце...»

Больше гитара в знаменитом сюжете о Дон Хуане и Каменном госте не появляется! Довольно странно, если учесть, что герой Молины – прославленный сердцеед. Уж кому-кому, а этому идальго без гитары и серенад обойтись было бы

трудно!

ФРАНСИСКО КЕВЕДО

Кеведо, Франсиско
(1580-1645) –

испанский писатель. В плутовском романе «История жизни пройдохи по имени дон Паблос» (1626), цикле социально-политических

памфлетов

«Сновидения» (1627), сборнике новелл «Час воздаяния, или Разумная Фортуна» (опубликован в 1650) создал сатирическую панораму Испании XVII века.

С лукавой иронией Франсиско де Кеведо, современник и ярый противник Луиса де Гонгоры, обращается к красавице, «утратившей былую

прелесть»: «Какая тягостная тишина / Теперь, Лаура, под твоим балконом, / Где так недавно голосам влюбленным / Гитары томной вторила струна. / Но что поделать? Бурная весна / Впадает в осень, и по всем законам / Мертвеет свет зари в стекле оконном, / А кровь и кудри метит седина».

У обоих стихотворцев-сатириков, Кеведо и Гонгоры, гитара низводится до уровня инструмента, чье единственное предназначение – аккомпанировать серенадам под окнами прелестных дам. И такой взгляд свойствен едва ли не всей испанской поэзии! Пожалуй, лишь Федерико Гарсиа Лорка был первым, кто сумел разгадать тайны души и неизъяснимую прелесть гитары.

Франсиско Кеведо в своих «Сновидениях», запрещенных инквизицией, высмеивает многие людские пороки, и почему-то особенно достается от него парикмахерам. «Тут вдруг грянули гитары, да многое множество. Я малость повеселел. Слышались сплошные пассакальи да ваки.

—

Провалиться мне на месте, если это не цирюльники! Тут

они самые и входят.

Чтоб угадать, особой смекалки не требовалось. У этой братии пассакальи в крови, и гитара им по чину положена. Стоило послушать, как одни бренчат, а другие наяривают. Я приговаривал про себя:

—

Горе бороде, которую бреют, поднаторев в сальтаренах, и руке, из которой пускают кровь, наострившись на чаконах и фольях!»

Продолжая издеваться, насмешник описывает ужасы ада, которые ждут грешников. Цирюльникам, к примеру, положена вот такая кара: «Брадобреи, за исключением рук, были все перевязаны веревками. Над головой у каждого висела гитара, а между ног лежала шахматная доска с шашками. Всякий раз, когда, влекомые природной страстью к пассакальям, они собирались побренчать, гитара улетала от них, а когда они обращали взоры вниз и готовились поддать какую-нибудь шашку, доска исчезала под землей. В этом и заключалось их наказание...»

Как видим, Кеведо задолго до Бомарше с его героем Фигаро отметил страстную приверженность «севильских цирюльников» к гитаре.

РУИС де АЛАРКОН

DE JUAN RUIZ
D ALARCON
DRAMATURGO
1580 - 1639

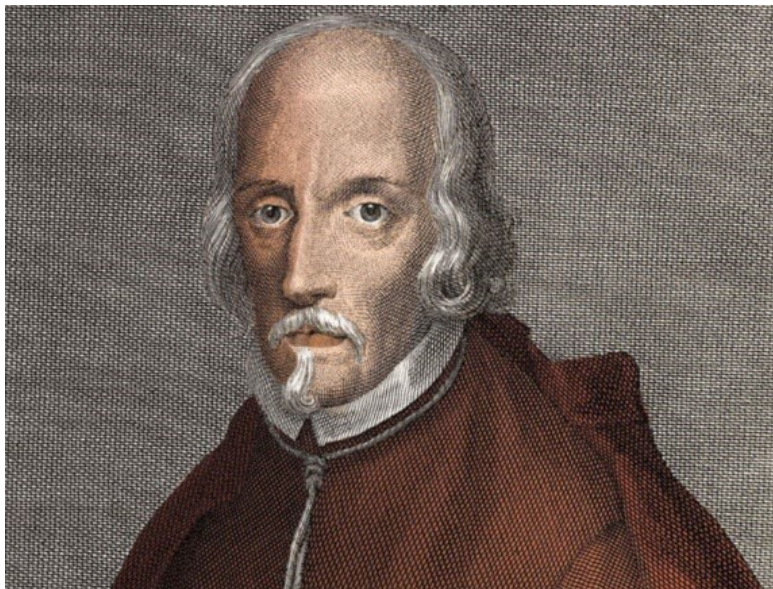

Аларкон, Руис де (1581-1639) – испанский драматург. Историческая пьеса «Ткач из Сеговии» (1634), комедии характеров «Сомнительная правда» (написана до 1619), «И стены имеют уши» (1622) разоблачают человеческие пороки и проповедают гуманистическую мораль.

Дон Гарсия, фантазер и выдумщик, главный герой комедии «Сомнительная правда» Хуана Руиса де Аларкона, красочно описывает своим приятелям придуманный им ночной пир у реки. Кроме ослепительных фейерверков, небывалых яств и вин, гостей ублажают и музыкой. Играет целый оркестр, сопровождающий хор. Он перечисляет инструменты: «Всех раньше начали гобои / Свои свирельные напевы, / За ними нежные виолы / Запели во второй беседке, / Обворожительные флейты / Протяжно зазвучали в третьей, / А из четвертой грянул хор / Под звон гитар и арф волшебных».

Торжество задумывалось в честь красавицы, в которую был влюблен молодой дворянин. Гитара играет в пиршестве незначительную роль, издавая всего лишь «звон».

ПЕДРО де КАЛЬДЕРОН

Кальдерон, Педро де (1600-1681) – испанский драматург. Комедии «С любовью не шутят» (1627), «Дама-невидимка» (1629). В драмах «Стойкий принц» (1628-1629),

«

Саламейский алькальд» (1651)

дана

христианско-демократическая трактовка чести.

Религиозно-философские драмы («Жизнь есть сон»,

1

636, и другие). Крупнейший драматург испанско-го

барокко,

Кальдерон унаследовал традиции ренессансной литературы.

Драма «Саламейский алькальд» Кальдерона в переводе Константина Бальмонта содержит одну любопытную характеристику гитары. Старый крестьянин Педро Креспо следующим образом описывает сад, в котором его дочь проводит свободное время: «Между этих веток / И меж побегов винограда / Приятно песенки лепечет / Полувоздушный ветерок, / Согласный в звуке с водоемом. / Среброжемчужная гитара, / В ней златокамешки, как струны». Изысканная метафора, вложенная в уста сельского жителя, принадлежит, разумеется, самому Кальдерону.

В переводе Ф. Кельина данный фрагмент звучит поэтичнее, однако исчезает гитара и взамен нее появляется цитра: «Ветерок / Станет петь вам в нежных листьях / Виноградных лоз, в вершинах / Слать вам сотни пожеланий. / В такт мелодии воздушной / Зазвенит ручей жемчужной / И серебряною цитрой – / Ей струной напевной камни / Служат, камни зо-

лотые... / О, простите, если только / Петь вам будут инстру-
менты, / Эту музыку рождая, / А певцов совсем не будет, /
Чтоб привлечь вниманье ваше, / Слух ваш тонкий усладить!»

Несколько позже в этой же пьесе вновь появляется гитара.
«Дон Лопе: Что там такое? Креспо: А солдаты / С гитарой
песни там поют. Дон Лопе: Без этой маленькой поблажки /
Труды войны большое бремя, / Солдату очень часто тесно, /
И вольность эта им нужна».

Командир Дон Лопе по-отечески относится к своим под-
чиненным и, хотя считает игру на гитаре «вольностью», поз-
воляет им расслабиться во время привалов.

ДЖОН ДРАЙДЕН

Драйден, Джон (1631-1700) – английский писатель, один из основоположников английского классицизма («Опыт о драматической поэзии», 1668, «Опыт о героических пьесах», 1672). Драмам Драйдена свойственна риторика («Завоевание Гранады», 1672).

Во времена Генри Перселла в Англии проходили ежегодные торжества в честь святой Цецилии, мученицы III века, которая покровительствовала музыке. Эта знатная патрицианка, согласно преданию, обратила в христианство своего жениха Валериана, за что была обезглавлена. Празднества устраивались 22 ноября. Уместно заметить, что сам Перселл умер 21 ноября 1695 года. Такая небольшая разница в датах имеет некий символический смысл.

В 1687 году Джон Драйден написал гимн в честь святой Цецилии, где он утверждал, будто мир был сотворен «из высших благозвучий Вселенной» и что Музыке подвластны все чувства.

Сначала Драйден вспоминает раковину библейского персонажа Иувала, изобретателя гуслей и свирели; затем медные трубы, «зовущие на сечь»; бодрый барабан; плачущую флейту; лютню, которая поможет отслужить панихиду; скрипку, чье пенье раскрывает душевную драму человека; орган, воспевающий любовь к Богу (кстати, Перселл был похоронен у подножия органа в Вестминстерском аббатстве, где служил органистом с 1679 года); и, наконец, Цецилию, присоединившую к музыке органа вокал, в результате чего получилась чудесная гармония звуков, смутившая ангела, который «за небо землю посчитал»!

Конечно же, Драйден упомянул и Орфея, игравшего на лире, мелодия которой примиряла лесных зверей.

Впечатляющая ода. Казалось бы, автор перечислил всех

мифических персонажей и назвал десятки музыкальных инструментов. Смущает только одно: а где же гитара? Ее нет. Или она недостойна высокого слога прославленного поэта? Или утверждение Элен Шарнассе, будто вторая половина XVII века была «золотым веком» гитары не относится к Англии?

ЯКОБ ШТЕЛИН

Штелин, Якоб (1712-1785) – русский ученый. В 1735 году переселился в Россию. Действительный член Петербургской академии наук. Автор многочисленных записок о русском искусстве. Способствовал разви-

тию гравирования в России, собрал богатейшую коллекцию русских гравюр.

Русский академик Якоб Штелин, воспитатель будущего императора Павла I, написал труд под названием «Известия о музыке в России». Там встречается одно упоминание о гитаре: «В заключение музыкальных новинок и достопримечательностей в царствование императрицы Елизаветы, нужно еще добавить, что итальянцы способствовали появлению в Петербурге и Москве итальянской гитары и ее соотечественницы мандолины, которые никогда не пользовались особенной благосклонностью. Тем не менее, здесь эти инструменты в почете, что по иностранному обычаю они предназначаются для сопровождения любовных вздохов под окнами любимой; в этой же стране они не могут выполнять своего назначения, так как ни вздохи, ни серенады в переулках здесь не употребительны».

Пунктуальный и добросовестный немец, каковым был Штелин, правильно заметил, что серенады на Руси не в чести, однако не смог предугадать, какую популярность вскоре завоюет гитара!

МАРГАРИТА де ЛЮБЕР

Любер, Маргарита де (ок.1710-ок.1779) – французская писательница. Переводы испанских рыцарских романов (в том числе «Амадиса Галльского»). Галантные повести «Мурат и Туркия» (1752), «Леонила» (1755), сказки «Принцесса Роза и принц Селадон» (1743), «Беляночка» (1751).

Французская сказка неизвестного автора (видимо, современника Шарля Перро) «Белая Кошка» повествует о том, как некий принц попадает в заколдованный замок, где наблюдает забавную сцену: «В ограждении, предназначенном для маленького оркестра, рассаживаются коты; один из них держал в руках партитуру, исписанную диковинными нотами, другой – свернутый трубочкой лист бумаги, которым он отбивал такт; в руках у остальных были крошечные гитары. И вдруг все коты принялись мяукать на разные голоса и коготками перебирать струны гитар: это была в высшей степени диковинная музыка. Принц, пожалуй, вообразил бы, что попал в преисподнюю, но дворец показался ему слишком прекрасным, чтобы допустить подобную мысль. Однако он все же зажал себе уши и расхохотался от души, видя, какие позы принимают и как гримасничают новоявленные музыканты».

В сказке Маргариты де Любер «Принцесса Скорлупка и принц Леденец» тоже возникает гитара, когда описывается свадьба короля. «Кортеж замыкали музыканты, игравшие кто на чем горазд. Были тут и флейты, и барабаны, и флажолеты, и корнет-а-пистоны, и простые свистки, и колокольчики, и морские дудки и бубенчики, и гитары, и рупора, и всякие другие инструменты, звуки которых сливались в самую прекрасную в мире гармонию».

При всей невероятности вышеприведенных сцен, они отображают реальную жизнь: во Франции XVII-XVIII веков гитара пользовалась любовью знатных особ.

ОЛИВЕР ГОЛДСМИТ

Голдсмит, Оливер (1730-1774) – английский писа-

тельсентименталист. Роман «Векфильдский священник» (1766), поэма «Покинутая деревня» (1770), комедия «Ночь ошибок» (1773) – критика нравов общества в эпоху промышленного переворота, идеализация патриархального уклада. Сборник социальнобытовых очерков «Гражданин мира» (1762), литературно-критические трактаты.

В романе Оливера Голдсмита «Векфильдский священник» встречается комичная сценка, где гитаре отведена важная роль, содействующая сближению двух молодых людей. Гость выслушал игру двух сестер и не удержался от соблазна сам продемонстрировать свое сомнительное мастерство. «Мистер Торнхилл пришел в восторг и от исполнения и от выбора и, когда они кончили, сам схватил гитару. Играл он весьма посредственно: тем не менее старшая моя дочь отплатила ему за его похвалы с лихвой, уверяя, что он играет еще громче, чем ее учитель музыки. На этот комплимент он отвечал поклоном, она же, в свою очередь, сделала ему реверанс. Он стал расхваливать ее вкус, она – изумляться тонкости его суждения; можно было подумать, что они уже век знакомы; а любящая мать, разделяя их восторг, стала усиленно приглашать молодого помещика в дом – отведать крыжовенной настойки».

В добрые старые времена в туманном Альбионе музыка стала непременной частью общественной жизни, и гитара, как видим, была незаменима в быту.

ПЬЕР БОМАРШЕ

Бомарше, Пьер

Огюстен

(1732-1799) – французский драматург. В комедиях «Севильский цирюльник» (1775) и «Женитьба Фигаро» (1784) изображен конфликт между тре-

тьим сословием и дворянством накануне

Великой

французской революции. Герой комедий – полный энергии и ума слуга. На сюжеты его пьес написаны оперы

Дж. Паизиелло «Севильский цирюльник» (1782), В.А. Моцарта «Свадьба Фигаро» (1786) и

Дж. Россини «Севильский цирюльник» (1816).

Понятно, что в «Севильском цирюльнике», действие которого разворачивается в Испании, Бомарше никак не мог обойтись без гитары. Когда влюбленный граф Альмавива собирается петь серенаду под окном дамы, Фигаро вручает ему свой инструмент. Его сиятельство слабо протестует: «А что я с ней буду делать? Я же очень плохо играю!» Хитроумный слуга парирует: «Разве такой человек, как вы, может чего-нибудь не уметь? А ну-ка, тыльной стороной руки, дрын-дрын-дрын... В Севилье петь без гитары – этак вас мигом узнают, ей-богу мигом накроют!»

Получается, что гитарой в той или иной степени владели все – аристократы и простолюдины.

**ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ
ДЕРЖАВИН**

Державин, Гаврила Романович (1743-1816) – русский поэт, представитель русского классицизма. Торжественные оды, проникнутые идеей сильной госу-

дарственности, включали сатиру на вельмож, пейзажные и бытовые зарисовки, религиозно-философские размышления («Фелица», 1782, «Вельможа», 1774-1794, «Бог», 1784, «Водопад», 1791-1794). Лирические стихи.

Певец «Фелицы», то есть государыни Екатерины Великой, Гаврила Романович Державин чутко внимал звукам только что изобретенного фортепиано (как он говаривал – «тихо-грома», поскольку по-итальянски «форте» – громко, «пиано» – тихо) и недавно появившейся в России гитары. Нельзя не вспомнить в этой связи его угловатоиронические слова: «Шестиструнная гитара / У красавицы в руках, / Громы звучного Пиндара

/ Заглушая на устах...»

Совершенно очевидно, что семиструнный инструмент, введенный в русскую музыку Андреем Сихрой, вряд ли был известен русскому поэту, когда писались эти строки.

Пожалуй, первым русским поэтом, который задолго до Аполлона Григорьева воспел в стихах цыганскую музыку, был Гаврила Романович Державин. Читаем его «Цыганскую пляску»: «Возьми, египтянка, гитару, / Ударь по струнам, восклицай: / Исполнясь сладострастна жару, / Твоей всех пляской восхищай. / Жги души, огонь бросай в сердца / От смуглого лица».

Не исключено, что екатерининский вельможа и придворный пиит был поклонником гитары!

ИОГАНН ГЁТЕ

Гёте, Иоганн Вольфганг фон (1749-1832) – немецкий писатель, основоположник немецкой литературы Нового времени. Начал с литературного течения «Буря и натиск» (сентиментальный роман «Страдания молодого Вертера», 1774). Через период Веймарского классицизма, проникнутого стихийным материализмом античности («Римские элегии», 1790),

отмеченного

антифеодальными

и тираноборческими тенденциями (драма «Эгмонт», 1788), Гете шел к реалистическому осмыслению проблем художественного творчества, взаимоотношений человека и общества (автобиографическая книга

«Поэзия и правда», издана 1811-1833, романы «Годы учения

Вильгельма Мейстера», 1795-1796, «Годы странствий Вильгельма

Мейстера», 1821-1829), пантеистическому наслаждению полнотой жизненных переживаний (сборник лирических стихов «Западно-восточный диван», 1814-1819). Творчество Гете отразило важнейшие тенденции и противоречия эпохи. В итоговом философском сочинении – трагедии «Фауст» (1808-1832), насы-

ценной научной мыслью своего времени, Гете воплотил поиски смысла жизни, находя его в положительных деяниях.

В «Фаусте» Гете Мефистофель помогает ученому соблазнить Гретхен, объясняя ему, что серенада действует на женщин не хуже подарков: «Сейчас я Гретхен песнь спою / Под кровом этой ночи звездной, / Чтоб девушка попалась в сеть, / О нравственности буду петь».

Впрочем, на то он и Дух Зла, чтобы, аккомпанируя себе на гитаре, не подпустить яду в слова песни: «Смирная дрожь, / Зачем под нож, / Катринхен, к милому идешь / И гибели не видишь? / Пусть он хорош, / Пусть он пригож, – / Ты девушкой к нему войдешь, / Но девушкой не выйдешь».

Валентин, брат Гретхен, возмутился: «Кого ты пенем манишь, крысолов? / Сейчас расправлюсь я с тобой, нечистый! / Сперва гитару на двадцать кусков, / А после сокрушу и гитариста!»

В завязавшейся драке Фауст закалывает шпагой Валентина, после чего ему пришлось бежать. Приведенный эпизод наводит на мысль: обычай петь под балконом своей возлюбленной бытовал в Испании и, вероятно, в Германии, если Гете счел возможным ввести «гитарную» сцену в свою знаменитую трагедию.

В семейном романе «Избирательное сродство» Гете пишет: «Люциана, услышав, что граф – любитель музыки, решила немедленно устроить концерт; она сама собиралась

петь, сопровождая себя на гитаре. Намерение осуществилось. На гитаре она играла неплохо, голос у нее был приятный; что же касается слов, то понять их было так же трудно, как всегда, когда немецкая красавица поет под аккомпанемент гитары. Все, однако, уверяли, что она пела с большим выражением, и наградили ее громкими рукоплесканиями».

Сцена, в общем-то, ничем не примечательная, если бы не одно обстоятельство:

немецкий стихотворец понимал, что гитара, если при игре на ней не пользоваться несколькими тихими аккордами, мало приспособлена к роли аккомпанирующего инструмента, ее истинное назначение – соло!

ФРАНСИСКО де МИРАНДА

Миранда, Франсиско де (1750-1816) – генералиссимус Венесуэльской республики (1812), один из руководителей войны за независимость испанских колоний в Америке 1810-1826 годах. Был схвачен испанцами, умер в тюрьме.

Франсиско де Миранда написал книгу «Путешествие по Российской империи». Он оставил нам яркие свидетельства жизни и быта России времен царствования Екатерины Великой. В них встречается и несколько упоминаний о гитаре.

Первый фрагмент, увы, малосодержателен: «За столом были гости: капитан первого ранга на русской службе г-н Пристман, англичанин по национальности, и его жена, уроженка Брюсселя, одна из самых красивых женщин, которых я когда-либо видел, но с выражением лица весьма безразличным и несколько наивным. Говорят, она превосходно играет на гитаре, но, будучи на сносях, естественно, не доставила нам этого удовольствия. Они только что приехали из Петербурга».

Зато второй фрагмент дает некоторую пищу для раздумий. Вот описание встречи Миранды с польским магнатом графом Тарновским: «Он тут же вышел к карете, был весьма внимателен и любезен, настойчиво приглашал зайти перекусить, поскольку вся семья как раз за столом, а тем временем и лошади будут готовы. Действительно, войдя в дом, мы увидели в столовой его жену, какую-то барышню и четы-

рех дворян в национальных костюмах. Стол был прекрасно и с большим вкусом сервирован. Беседовали о путешествиях, и оказалось, что граф объездил большую часть Европы; графиня была очень приветлива и остроумна. После обеда перешли в гостиную, где пили кофе, а казачок лет одиннадцати играл на цитре или гитаре и прекрасно исполнил какой-то национальный танец. Закончив, он подошел к Румянцеву за вознаграждением, и тот дал ему дукат – таков обычай этой страны».

Вдумаемся: мог ли уроженец Латинской Америки спутать цитру с гитарой? Конечно же, нет. Тем не менее, заокеанский гость пребывает в неуверенности. Так в чем же дело? Можно предположить, что мальчик-казачок играл на гитаре конструкции Андрея Сихры. Именно наличие седьмой струны в инструменте и смутило Миранду!

РОБЕРТ БЁРНС

Бёрнс, Роберт (1759-1796) – шотландский поэт. Создал самобытную поэзию, в которой прославил труд, народ и свободу, бескорыстную и самоотверженную любовь и дружбу. Сатирические антицерковные поэмы «Два пастуха» (1784), «Молитва святоши Вилли» (1785),

сбор

ник «Стихотворения,

написанные преимущественно на шотландском диалекте» (1786), патриотический гимн «Брюс – шотландцам», кантата «Веселые нищие», гражданская и любовная лирика (стихотворения «Дерево свободы», «Джон Ячменное зерно» и прочие), застольные п

есни. Собрал и подготовил к изданию произведения шотландского поэтического и музыкального фольклора, с которым тесно связана его поэзия.

Робертом Бёрнсом написан остросатирический стихотворный памфлет под названием «Две собаки». Пес по имени Цезарь служит в усадьбе лорда и рассказывает про жизнь-бытьё господина: «...Растратит в Вене и Версале / Фунты, что деды наживали, / Заглянет по пути в Мадрид, / И на гитаре побренчит, / Да полюбуется картиной / Боев испанцев со скотиной. / Неаполь быстро оглядев, / Ловить он будет смуглых дев, / А после на немецких водах / В тиши устроится на отдых / Пред тем, как вновь пуститься в путь, / Чтoб

свежий вид себе вернуть / Да смыть нескромный след, который / Оставлен смуглою синьорой...»

Здесь гитара выступает в двух обличиях: как достопримечательность Мадрида и как атрибут аристократа-пошляка, волочащегося за каждой юбкой. Такого фата совершенно не интересует серьезная музыка, которая может заставлять плакать и смеяться, размышлять о земном и Небесном. Нет, испанской волшебнице он отводит роль своеобразного охотничьего манка для приваживания изысканной дичи в пышных нарядах!

ЯН ПОТОЦКИЙ

Потоцкий, Ян (1761-1815) – польский писатель, путешественник, археолог. Автор романа «Рукопись, найденная в Сарагосе» (1804), написанного в так называемом «шкатулочном» стиле. Писал по-французски.

«Рукопись, найденная в Сарагосе» Яна Потоцкого, задуманная им как пародия на «готические» романы, дает нам немало сведений о гитаре в Испании конца XVIII столетия. Автору можно доверять, поскольку он побывал в этой стране и полюбил ее.

Времяпрепровождение обедневшей знати.

«В то время в Сеговии было много дворянских домов не богаче нашего. Вынужденные жить расчетливо, они соблюдали во всем строгую экономию. Редко кто из них навещал соседа; женщины проводили дни у окон, мужчины прогуливались по улицам. Было много игры на гитаре, еще больше вздохов, – ведь это ничего не стоило».

Два фрагмента о том, что пение серенад под гитару было в Испании узаконенным способом ухаживать за красивыми дамами.

«Чем старше становилась моя сестра, тем больше гитар звенело на нашей улице. Некоторые гитаристы вздыхали, другие бренчали, третьи и вздыхали и бренчали одновременно. Местные красавицы зеленели от злости, но та, которая была предметом этого поклонения, не обращала на него никакого внимания».

«Мое уваженье к незабвенной Эльвире было, быть может,

даже сильней любви, которую я почувствовал к ней с первого взгляда. Я ведь дерзал давать волю своему голосу и гитаре, только когда улица была уже пуста, и не было свидетелей моей смелости». Богатый граф Ровельяс тоже не брезговал игрой на гитаре.

«Так как он не получил титула гранда, а большая часть наших знакомых среди молодежи принадлежала к кастильским titulados, эти господа считали его своей ровней и обращались с ним соответствующим образом. Однако не замедлили сказаться преимущества богатства: когда он играл, все гитары умолкали, и граф первенствовал как в беседах, так и в концертах».

Да что там графы! Куда более важные особы тоже пользовались этим инструментом, чтобы выразить свои чувства!

«Уже поздно вечером мы слышали звон гитары и увидели вице-короля, окутанного плащом и прячущегося за соседним домом. В голосе его, хоть и не юношеском, все же было очарование, а в отношении искусства он сделал большие успехи, говорившие о том, что и в Америке вице-король не забросил занятий музыкой».

О том, что знатных дам специально обучали игре на гитаре, свидетельствует фрагмент беседы двух кумушек:

«— Ты, наверно, говоришь, — заметила другая, — о том учителе игры на гитаре, который целовал ей украдкой руку, делая вид, будто учит перебирать пальцами струны».

Несколько строк из письма дворянки, проживающей в ма-

леньком городке:

«Ты знаешь, сеньора, что в провинции все развлечения состоят в одном только чтении романов или повестей да в мелодекламации романсов под аккомпанемент гитары. У нас в Вильяке было томов двадцать этой изящной литературы, и мы одалживали их друг другу».

Сценка у дома вдовы коррехидора, где мать с двумя дочерьми коротают время.

«Я зашел к ювелиру, купил драгоценностей, потом пошел в театр. Вечером, вернувшись к себе, увидел всех трех сидящими перед дверью дома. Соррилья пела под гитару, а две другие плели сетки для волос».

Домашние развлечения знати.

«От герцогини я пошел к Толедо, которому, однако, не поведал моих тайн, после чего вернулся к себе на улицу Ретрада. Не только ставни, но даже окна напротив были открыты. Старый слуга Андраде играл на гитаре, а Леонора плясала болеро с увлечением и грацией, каких я никогда не ожидал встретить в воспитаннице кармелиток: первые годы жизни она провела там, и только после смерти герцога ее отдали к урсулинкам. Леонора пускала в ход тысячи уловок, желая, во что бы то ни стало, заставить свою дуэнью танцевать с Андраде. Я просто диву давался, что у холодной, серьезной герцогини такая веселая сестра».

Приведем одно из объяснений того, почему испанцы, как правило, молчаливы.

«Герцог находился в расцвете лет. Он был красив, одевался по французской моде, никогда от нее не отступая, и это ему очень шло. Общительностью он тоже отличался от испанцев, которые обычно мало говорят и, видимо, поэтому прибегают к гитаре и сигарам».

Интересен и такой отрывок из романа Потоцкого, где речь идет уже о монахинях в Португалии.

«Все в этих укромных местах опьяняет душу и чувства. Воздух полон бальзамического аромата цветов, в изобилии собранных у образов святых, глаз замечает за решетками дышащие благовонием одинокие спальни, светские звуки гитары мешаются со священными аккордами органа, приглушая нежное воркованье юных существ, жмущихся с обеих сторон к решетке.

Вот какие нравы господствуют в португальских монастырях».

Ян Потоцкий, младший современник Франсиско Гойи, в своем философскофантастическом романе исчерпывающе высказывается о той роли, которую играла гитара в дворянской среде. Жаль, что польский граф очень скупо говорит о простых людях, которые тоже любили этот сладкоголосый инструмент.

**НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
КАРАМЗИН**

Карамзин, Николай Михайлович (1766-1826) – российский историк, писатель, почетный член Петербургской академии наук (1818). Создатель «Истории государства Российского» (т.1-12, 1816-1829), одного из значительных трудов в российской историографии. Основоположник русского сентиментализма («Письма русского путешественника», «Бедная Лиза»). Редактор «Московского журнала» и «Вестника Европы».

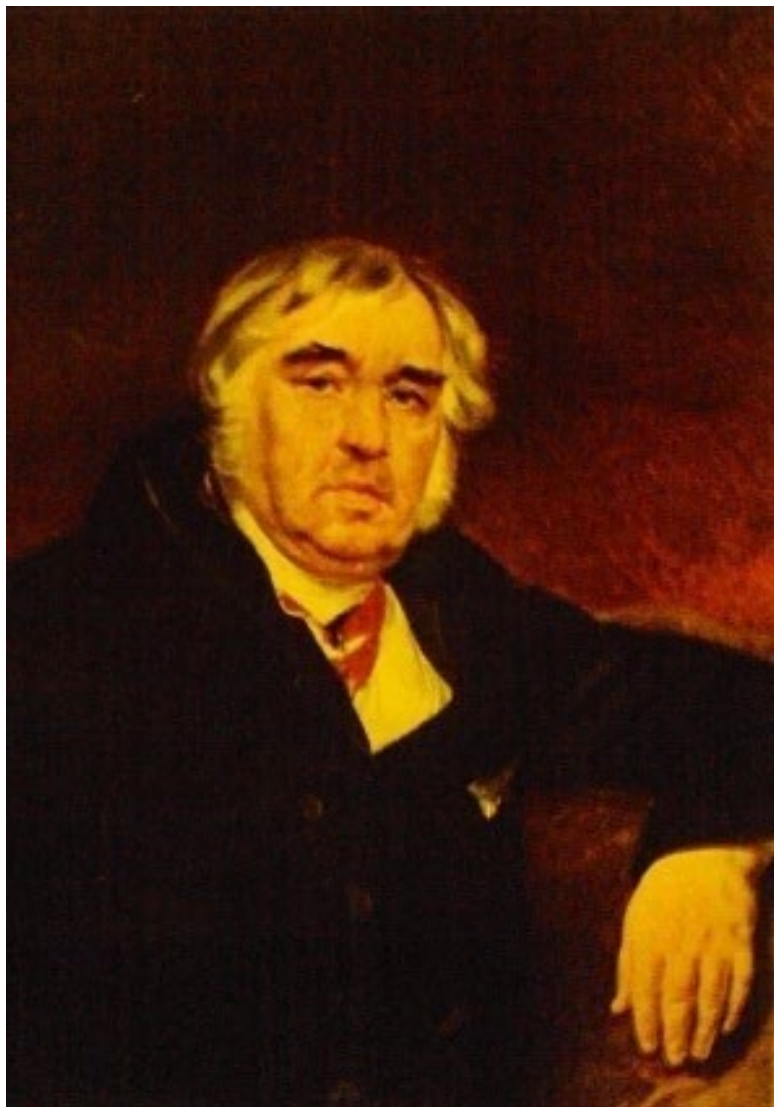
Рассказ Николая Карамзина «Остров Борнгольм» интересен тем, что здесь едва ли не впервые в русской изящной словесности упоминается гитара.

«Я взглянул и увидел – молодого человека, худого, бледного, томного, – более привидение, нежели человека. В одной руке держал он гитару, другою срывал листочки с дерева и смотрел на синее море неподвижными черными глазами своими, в которых сиял последний луч угасающей жизни. Взор мой не мог встретиться с его взором... «Несчастный молодой человек! – думал я. – Ты убит роком...»

Он вздохнул, поднял глаза к небу, опустил их опять на волны морские – отошел от дерева, сел на траву, заиграл на своей гитаре печальную прелюдию...»

Карамзин, воспевая меланхолию, дающую слабому, изнеженному герою «приятность грусти», вполне закономерно привлекает на помощь гитару, которая способна передать любые эмоции человека.

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

Крылов, Иван Андреевич (1769-1844) – русский писатель, баснописец, академик Петербургской академии наук (1841). Издавал сатирические журналы «Почта духов» (1789) и другие. Писал трагедии и комедии, создал более 200 басен, проникнутых демократическим духом, отличающихся сатирической остротой, ярким и метким языком. Был скрипачом-любителем, автором четырех оперных либретто.

Легкомысленное отношение к музыке русских дворян, которые занимались ею ради моды и желания соблюсти «хороший тон», Иван Андреевич Крылов высмеивает в комедии «Урок дочкам». Помещицья дочь Лукерья в беседе со своей сестрой и няней негодует, что ее надолго

«зарыли живой» в деревне, где никакие дарования не нужны. То ли дело сейчас! «Боже мой! Когда вообразить теперь молодую девушку в городе, – какая райская жизнь! По утру, едва успеет сделать первый туалет, явятся учителя: танцевальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; от них тотчас узнаешь тысячу прелестных вещей; тут любовное похождение, там от мужа жена ушла; те разводятся, другие мирятся; там свадьба навертывается, другую свадьбу расстроили; тот волочится за той, другая за тем, – ну, словом, ничто не ускользает, даже до того, что знаешь, кто себе фальшивый зуб вставит, и не увидишь, как время пройдет. Потом пустишься по модным лавкам...»

Примечательно, что в 90-х годах XVIII века гитара наряду с клавикордами считалась «престижным» инструментом в среде дворянской молодежи!

ГЛАВА ВТОРАЯ. XIX ВЕК. РАСЦВЕТ

ВАЛЬТЕР СКОТТ

Скотт, Вальтер сэра (Уолтер, 1771-1832) – шотландский писатель. Создал 26 романов, причем только один («СентРонанские воды», 1823) посвящен современности, действие остальных отнесено в прошлое и разворачивается большей частью в Шотландии.

Действие романа «Пират» Вальтера Скотта происходит в конце XVII века на Шетлендских островах, в суровом краю Великобритании, где быт жителей скучен и непритязателен. Архипелаг состоит примерно из ста островов, многие из которых необитаемы, но на самом крупном из них есть даже некое подобие светского общества. Многие молодые люди добиваются любви Минны, девушки из

хорошей семьи. Один из них ухаживает за ней в лучших романтических традициях. «Пока она лежала, охваченная грустными мыслями, от которых наворачивались у нее эти слезы, вдруг, к ее удивлению, под окном раздались звуки музыки. Сначала Минна подумала, что это очередная затея Клода Холкро: когда на него находило причудливое настроение, он порой позволял себе устраивать подобные серенады. Но вскоре она различила, что это звуки не гю старого менестреля, а гитары – инструмента, на котором из всех жителей острова играл один только Кливленд, в совершенстве изучивший это искусство во время своего пребывания среди испанцев Южной Америки. Быть может, в тех же краях выучил он и песню, которую пел теперь... «Нежна, чиста, /

Спит красота, / Но сна не знает дух влюбленный. / Под звон струны / Златые сны / Он навевает деве сонной».

Что ж, влюбленному молодому человеку не откажешь в смекалке! Мало, кто из девиц на выданье способен сохранить спокойствие духа, когда под окном звучат серенады под аккомпанемент гитары.

В романе Вальтера Скотта «Певерил Пик» забавен эпизодический персонаж, для описания которого автор не жалеет самых смешных красок. «Сэр Хадсон, взгромоздившись на стул, откуда ноги его не доставали до полу почти наполовину, уселся там в изящно томной позе и принялся бренчать на старой, разбитой гитаре и напевать испанские и мавританские песни, а также песни на *Lingua Franca*, всякий раз отвратительно фальшивя. После каждой песенки он переводил Джулиану ее содержание или делал замечание о характере перевода. Он даже пропел балладу, в которой описывалось его собственное приключение, когда он был взят в плен мавританскими пиратами и увезен в Марокко. Эти годы своей жизни Хадсон обычно делал темой рассказов о многочисленных и самых удивительных приключениях, и, по его словам, – если только ему можно было верить, – он тогда произвел целый переполох среди любимых жен в гареме султана. И хотя доказать абсурдность его рассказов о любовных интригах и тайных связях никто не мог, тем не менее среди офицеров Танжерского гарнизона ходили слухи о том, что жестокие мавры могли заставить столь малосильного раба испол-

нять только одну работу – лежать в постели и высиживать индюшачьи яйца... Пока Певерил возился с уборкой, карлик развлекался музыкой, но как только он увидел, что Джулиан собирается готовить завтрак, то, едва не сломав свою гитару, а заодно и шею, прыгнул со стула, на котором с важностью восседал, и торжественно объявил, что скорее согласится стряпать отныне и до скончания века, нежели доверит эту важную обязанность такому неопытному повару, как его товарищ по заключению».

Музыкальные способности сэра Хадсона невелики. Тем не менее, маленький хвостун все же был способен выполнять не только роль наседки, но и кулинара!

Один из героев романа Вальтера Скотта «Сент-Ронанские воды» готовится к карнавалу и принимает «облик испанского кавалера былых времен. Теперь он щеголял в плаще, с пышным пером на шляпе, шпагой, кинжалом и гитарой, одетый так, словно готовился исполнить серенаду под окном своей дамы. Он был в богато расшитом камзоле, и на груди у него, как принадлежность национального костюма, висела шелковая маска, которую можно было сразу надеть, чтобы избежать нескромного взора».

Это и есть единственное произведение Вальтера Скотта, где описываются не глубины истории, а современность, причем в сатирических тонах. Нельзя не заметить, что автор явно потешается над романтиками, успевшими сформировать ходульный образ идальго: бретера, пылкого любовника

и непременно – превосходного гитариста.

ИВАН ИВАНОВИЧ КОЗЛОВ

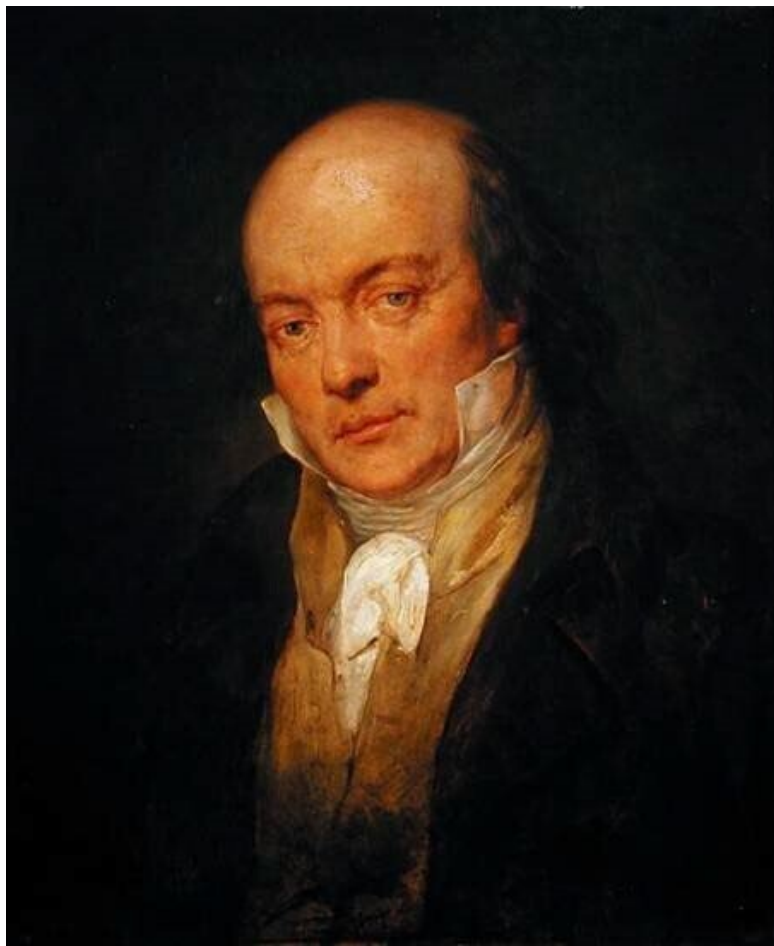
Козлов, Иван Иванович (1779-1840) – русский поэт,

переводчик. В 1821 году ослеп. Лирические стихи, романтическая поэма «Чернец» (1825). Стихотворение «Вечерний звон» (1828, перевод стихотворения Т. Мура) стало народной песней.

Лирический герой элегии «Ночь» Ивана Козлова грезит о встрече с возлюбленной под аккомпанемент гитары: «Он думой тайною в родимый край летал, / Где брак с прекрасною счастливца ожидал. / Гитары трепетной со звонкими струнами / Свивал он песнь любви над тихими волнами...»

Трепетная гитара влюбленного юноши, мечтающего о будущем счастье, была созвучна тревожной лире поэта, потерявшего зрение и живущего воспоминаниями о счастливой молодости, безвозвратно ушедшей в прошлое... И оба они, поэт и его герой, находились под покровом звездной ночи.

ПЬЕР БЕРАНЖЕ

Беранже, Пьер Жан (1780-1857) – французский по-

эт.

Завоевал известность сатирой на наполеоновский режим («Король Ивето», 1813). Поднял фольклорный куплет на высоту профессионального искусства. Песни Беранже, проникнутые революционным духом, юмором, оптимизмом, простонародной прямо-той, приобрели широкую популярность.

Пьер Жан Беранже прославился остроумием и гедонистическим восприятием жизни. Его песни звучали по всей стране – редкий пример прижизненной славы! Свое нравственное кредо он выразил в стихотворении «Бедный чудака». Его герой, гитарист и добрый человек, не стремится к богатству, живет

скромно, если не убого: «Два стула, стол трехногий, / Стол, постель в углу, / Тюфяк на ней убогий, / Гитара на полу, / Швей изображенье, / Шкатулка без замка... / Ой ли! Вот все именье / Бедняги-чудака».

Смысл жизни состоит для поэта в творчестве и любви к людям, и Беранже восклицает: «Ты, бедный, – ослепленный / Богатствами других, / И ты, богач, – согбенный / Под ношей благ земных, – / Вы ропщете... Хотите, / Чтоб жизнь была легка? / Ой ли! Пример берите / С бедняги-чудака».

ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВИЧ НАРЕЖНЫЙ

Нарежный, Василий Трофимович (1780-1825) – русский писатель. Роман «Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (ч.1-3, 1814) – сатира на дворян-крепостников.

Василий Нарезный вошел в историю нашей словесности авантюрным романом «Российский Жилблаз». Среди многочисленных персонажей этого произведения изображен и некий молодой немецкий барон, лишившийся, ввиду беспутства, родительского доверия. Нужда заставляет его искать счастья за порогом отчего дома. «Скоро свел я знакомство с молодым сыном богатого купца. Дарования мои ему понравились, ибо я играл нехудо на гитаре, изрядно пел и много болтал, в чем он сам был незнающ; а потому уговорил отца своего принять меня к себе бухгалтером в контору. Хотя я и не считал бухгалтерию наукою, как многие теперь хвастают, а просто искусством или ремеслом, но и в ремесле сем был я не искуснее королевского бухгалтера, который, ничего не смысла, кричит о знании своем во все горло».

Из этого отрывка становится ясно, что в начале XIX века немецкий дворянин должен был кое-как владеть грамотой, уметь вести непринужденный разговор, а также играть на гитаре. Последнее качество ощутимо способствовало его светскому реноме.

ВАШИНГТОН ИРВИНГ

Ирвинг, Вашингтон (1783-1859) – американский писатель. Один из создателей жанра романтического рассказа в США («Рип Ван Винкль», 1819, «Рассказы путешественника», 1824, «Альгамбра», 1832). Юмористическая трактовка американской «старины» в хронике «История Нью-Йорка» (1809). Жизнеописания Х. Колумба, О. Голдсмита, Дж. Вашингтона.

Вашингтон Ирвинг, рисуя портрет дочери барона фон Ландсхорста из рассказа «Жених-призрак», считает нужным сообщить читателям, что та «сделала значительные успехи даже в письме: умела подписать свое имя, не пропустив ни единой буквы и так разборчиво, что тетушки читали ее подпись, не прибегая к очкам. Она преуспевала и в рукоделии, снабжая дом изящными дамскими безделками всякого рода; была искусна в самых сложных новейших танцах, наигрывала на арфе и гитаре немало романсов и песен и знала наизусть все трогательные баллады миннезингеров».

Не слишком грамотная девушка, тем не менее, неплохо музицировала, что считалось обязательным для барышни из благородного семейства. Гитара была ее неизменной подружкой.

Прославленная книга «Альгамбра» представляет собой блистательный путевой дневник с вкраплениями испанских народных легенд и сказаний, которые автор тщательно записывал во время путешествия. Успех «Альгамбры» был оше-

ломляющим. Достаточно сказать, что даже в снежной России Пушкин так увлекся одной из новелл, что написал «Золотого петушка» по ее мотивам!

Конечно же, Ирвинг десятки раз упоминает гитару, отмечая ее поистине безграничную популярность и удостаивая гитарную музыку высоких похвал. Приведем некоторые фрагменты из его книги, представляющие большой познавательный интерес.

«Так, ужиная с нашим воинственным другом, мы слышали звон гитары и шелканье кастаньет, а потом хор завел народную песню. Оказалось, что наш хозяин созвал певцов и музыкантов, собрал окрестных красоток, и теперь трактирный дворик-патио стал сценой подлинно испанского праздника. Мы уселись рядом с хозяином, хозяйкой и командиром отряда под дворовую аркой; гитара гуляла по рукам, и подлинным Орфеем здешних мест был шутник-сапожник».

Через десяток страниц очередная картинка: «Вообще в гостинице было что-то от притона, а в постояльцах – от контрабандистов: в углу, рядом с гитарой, стоял мушкетон».

Говоря о фатоватых горцах Ронды, Ирвинг замечает: «Это охотники поболтать, покурить, мастера побренчать на гитаре, пропеть куплеты своим махам и особенно станцевать болеро».

Рассказывая о Гранаде, американский бытописатель отмечает: «Верхняя аллея – Аламеда, она идет по склону в Дарро; вечером здесь полным-полно народу, а летними ночами

встречаются влюбленные, и в поздний час со скамеек слышится гитара».

Или возьмем эпизод с таинственным брюнетом «в пышных бакенбардах»: «Мне случилось видеть, как в ранний час он крался прочь, до самых глаз укутавшись в плащ. Иногда он стоял на углу, переодетый, видимо дожидаясь тайного знака, чтобы пробраться в дом.

Ночью оттуда слышен был звон гитары, и фонарь на балконе переставляли с места на место».

Картина ночи в Гранаде. «Из дворов и садов, с улиц и переулков слышатся переборы бесчисленных гитар и щелканье кастаньет; на высоте эти звуки сливаются в общий отдаленный концерт».

Народный праздник в Гранаде никогда не обходится без музыки. «На площади места свободного не оставалось; семьи и соседи сбивались вместе, словно цыганские таборы: одни внимали заунывному напеву старинных баллад под треньканье гитары, другие шутливо беседовали, третьи танцевали под щелканье кастаньет...»

Дворцовый комплекс в Гранаде уже в те времена был доходным туристическим объектом, и там тоже нежно пела гитара. «Весь день Альгамбра открыта для посетителей. В ее чертогах и покоях, где когда-то властвовали мавританские государи, звучат гитары и кастаньеты, и веселые компании в затейливых андалусских нарядах исполняют свои старинные танцы, унаследованные от мавров».

Забавно, что и 16-летняя дочь испанского графа не чуралась старинного инструмента, не считала его «простонародным». «Она пела, играла на гитаре и других инструментах и восхитительно исполняла живописные народные танцы, но восхищенья никогда не искала. Она просто резвилась – весело и беспечно».

Некоторое представление о характере жителей юга Испании дает еще один отрывок книги: «Вскоре мы слышали из долины Дарро вездесущие гитарные переборы и треск кастаньет: посреди горного склона под деревьями расположилась веселая компания, и развлекалась она в истинно андалусском духе: одни лежали на траве, другие танцевали под музыку». Склонность к неге и музицированию в крови у этого народа!

В новелле «Башня царевен», повествующей о тех временах, когда на юге Пиренейского полуострова клонился к упадку Гранадский эмират, христианские рыцари-пленники исполняют серенады трем царевнам: «Они уселись в густой траве у подножия башни и спели под гитару испанское ронделэ». С точки зрения исторической правды здесь нет натяжек, вольных допущений и каких-либо несообразностей – мавры действительно были окончательно изгнаны за Гибралтар в 1492 году, а гитара к моменту завершения Реконкисты уже два с лишним века была в моде при кастильском дворе. «Легенда о розе Альгамбры» дает нам понять, чем обычно занимались знатные испанские девушки в годы правле-

ния мрачного меланхолика Филиппа V, если не испытывали мук неразделенной любви. «Между тем бедняжка Хасинта стала бледной и унылой. Она забросила прежние занятия и забавы – не мотала шелк, не трогала гитару, не ухаживала за цветами, не слушала птицу в клетке, и глаза ее, раньше такие ясные, помутнели от тайных слез». Нетрудно убедиться, что чтение, чем так увлекалась пушкинская Татьяна, тогда было не в почете, зато музицирование на гитаре давало блаженство девичьей душе.

Искусным гитаристам в Гранаде было нетрудно снискать интерес прекрасного пола, о чем свидетельствует следующее наблюдение Вашингтона Ирвинга: «Солдат был весельчак и балагур: всякого подходившего к оконцу он награждал шуточкой, а со всякою дамой любезничал. Он раздобыл откуда-то старую гитару, сидел у окна и распевал баллады и куплеты к восторгу женского пола, сходявшегося ввечеру на площадку попеть и сплясать болеро».

В рассказе про Лопе Санчеса, подручного садовника, писатель следующим образом характеризует своего жизнерадостного героя: «Был он душою и отрадой всей крепости; кончив работу, он садился на каменную скамью на площади, перебирал струны гитары и тешил старых солдат нескончаемыми балладами о Сиде, Бернардо дель Карпио, Фернандо дель Пульгаре и других испанских героях; а то, бывало, заводил музыку повеселее, и девушки пускались отплясывать болеро или фанданго».

«Легенда о зачарованном страже», в которой изложена история бедного студента, ведущего летом, во время каникул, образ жизни бродячего музыканта, содержит глубокомысленную сентенцию: «В нищенстве его нет ничего постыдного – ведь многие ученые люди в Испании с этого начинали, а если, как наш студент, он еще недурен собой и наделен веселым нравом да вдобавок умеет играть на гитаре, то крестьяне почти всегда встречают его радушно, а их жены и дочери – с кокетливой улыбкой».

Цитирование всех фрагментов, упоминающих гитару, заняло бы слишком много места, поэтому хочется завершить этот краткий обзор на высокой ноте. Описывая очередное многолюдное торжество в графских покоях, Ирвинг, внимательный и скрупулезный наблюдатель, отметил: «После пирушки мы перебрались в Посольский Чертог. Здесь каждый старался внести лепту в общее веселье: пели, импровизировали, рассказывали удивительные истории, плясали народные танцы под звон гитары, этой вездесущей услады испанского сердца».

Вот они, самые точные, торжественные и восторженные слова, которые можно было бы сделать эпиграфом книги о древнем и вечно юном инструменте, о гитаре – вездесущая услада испанского сердца!

НАДЕЖДА АНДРЕЕВНА ДУРОВА

Дурова, Надежда Андреевна (1783-1866) – первая в России женщина-офицер, писательница. В 1806 году, выдав себя за мужчину, вступила в кавалерийский полк, участвовала в войнах с Францией в 1807 году и 1812-1814 годах, ординарец М.И. Кутузова. Мемуарные произведения («Записки кавалерист-девицы»,

1836-1839), приключенческие романы и повести.

Надежда Дурова, пресловутая «кавалеристдевица», отличившаяся в Отечественной войне 1812 года, вспоминает в «Записках» свою молодость: «В семействе Павлищева меня любят и принимают, как родную. Старшая дочь его прекрасна, как херувим! Это настоящая весенняя роза! Чистая непорочность сияет в глазах, дышит в чертах невинного лица ее. Она учит меня играть на гитаре, на которой играет она превосходно, и с детскою веселостию рассказывает мне, где что видела или слышала смешного».

Понятно, что будущему гусару, помимо умения скакать на коне и рубиться шашкой, надо владеть и гитарой! Часто скука походной жизни с вынужденным музицированием становится непреодолимой, о чем Дурова и пишет с комичным негодованием: «Две недели сряду уже, как мы слышим всякий день игру Нав...ва и Яз...кого; и признаюсь, что, несмотря на превосходство их таланта, мычанье волов скоро уже покажется мне приятнее этого вечного бречанья на гитаре».

В тех же «Записках» Дурова, вспоминая стоянку войск в Великих Луках, рассказывает комичную историю: «Всякий день приходит ко мне Г*** вспоминать счастливое время, проведенное в Гамбурге, и в сотый раз рассказывает о незабвенной Жозефине, о восхитительном вечере, в который она, приняв от него в подарок выигранные им тысячу луидоров, находила его весьма любезным целую неделю; но

после двери ее всегда уже были заперты перед ним, и он, как влюбленный испанец, приходил с гитарой под дом, где жила эта драгоценность».

Но серенады и певучие струны не тронули жестокое сердце красавицы – звон золота был ей куда милее!

ФЁДОР НИКОЛАЕВИЧ ГЛИНКА

Глинка, Фёдор Николаевич (1786-1880) – русский поэт. Участник Отечественной войны 1812 года, член «Союза спасения», один из руководителей «Союза благоденствия». Военный дневник «Письма русского офицера» (1815-1816). Библейские мотивы в лирике («Опыты священной поэзии», 1826). Стихотворения «Тройка» (1824) и «Узник» (1831) стали популярными песнями.

Известный литератор Фёдор Глинка, участвовавший в заграничном походе русской армии, издал «Письма русского офицера», пользовавшиеся необыкновенной популярностью. Это меткие зарисовки боев, жизни и быта народов тех стран, где ему довелось побывать. На его страницах появляется и гитара. Любопытны заметки о Саксонии, где полк стоит на квартирах. «Прелестная хозяйская дочь играет на фортепиано, на гитаре, поет, показывает свой альбом и рисунки – и вдруг потом очутится на кухне, помогает готовить кушанье. Таковы немки! У нас это странно, но к ним очень пристало: это делает прекрасных еще прелестнее». Картинки из Польши не менее интересны: «В Варшаве всякий может удовлетворить страсть сорить деньги, как бы велика она ни была. Толпы нищих и жидов осаждают вас... поют, играют на гитарах...» Неудивительно – это все-таки столичный город!

А вот наблюдения офицера в провинциальной глуши: «Часто, застигнутый темнотою, останавливается он в простом сельском домике и находит в нем скрипку, гитару и

фортепиано; находит двух или трех девушек, которые играют отечественные песни: мазурки или краковяки; читают стихи; говорят о любви к своему отечеству – и вечер проходит в очаровании».

Из этих скурых свидетельств нетрудно представить себе, выражаясь языком биологии, «ареал распространения» гитары в Европе начала XIX века.

СЕМЁН БОГДАНОВИЧ БРОНЕВСКИЙ

Броневский, Семён Богданович (1786-1858) – русский генерал, сенатор, наказной атаман Сибирского казачьего войска. С 1808 года – адъютант генерала Глазенапа, инспектора сибирских войск и начальника

сибирских линий.

Семён Броневский в «Записках из моей жизни» тепло вспоминает директора Шкловского кадетского корпуса, в котором некогда учился: «Впоследствии добрейший Кетлер, гонимый своими врагами, попал за корыстолюбие под суд, потерял службу и умер в нищете. Он был одним из последних потомков герцогов курляндских. В Петербурге отставной Кетлер и его жена жили исключительно на заработок своей красавицы-дочери, которая давала уроки на фортепьяно и гитаре».

Все верно: Кетлер действительно был потомком Готарда Кетлера, в 1561 году ставшего первым герцогом курляндским. Тем не менее, знатное происхождение не помогло казнокраду: проворовавшись, он получил отставку и вынужден был перейти на иждивение дочери, дававшей уроки музыки. Печальная участь!

ЛЮДВИГ УЛАНД

Уланд, Людвиг (1787-1862) – немецкий поэт-романтик, историк литературы, один из основоположников германистики. Баллады в народном духе («Проклятие певца», 1814), исторические драмы, лирика песенного склада, положенная на музыку Р. Шуманом, Ф. Мендельсоном, и другие. Цикл «Патриотические стихотворения» (1817).

Иоганн Людвиг Уланд говорит о гитаре в возвышенно-романтическом тоне: «Свет звезды, как бальзам, / Лился на сердце мне / И сверкал и играл / На гитарной струне. / По горящим моим щекам / Слезы катились / Небесной росой, / Песней печали / Изливалась моя душа. / И священные звезды / Внимали ей, сострадавая».

Любопытно, что это стихотворение сочинено 18-летним поэтом в 1805 году, когда чудесный испанский инструмент был еще малоизвестен в Германии.

**КОНСТАНТИН
НИКОЛАЕВИЧ БАТЮШКОВ**

Батюшков, Константин Николаевич (1787-1855) – русский поэт. Глава анакреонтического направления

в русской лирике («Веселый час», «Мои пенаты», «Вакханка»). Позже пережил духовный кризис («Надежда», «К другу»). В жанре элегии – мотивы неразделенной любви («Разлука», «Мой гений»), высокий трагизм

(«Умирающий Тасс», «Изречение Мельхиседека»).

Константин Батюшков в стихотворении «Послание графу Виельгорскому» обращается к его сиятельству по-дружески: «О ты, владеющий гитарой трубадура, / Эраты голосом и прелестью Амура, / Воспомни, милый граф, счастливы времена, / Когда нас юношей

увидела Двина!» Здесь имеется в виду старший из братьев, Михаил Юрьевич, композитор, автор одной из первых русских симфоний и многочисленных романсов. Батюшков продолжает: «Тогда я с сильфами взлечу на небеса / И тихо, как призрак, как луч от неба ясный, / Спущусь на берега пологие Двины / С твоей гитарой сладкогласной: / Коснусь волшебных струны...»

Играющий на «гитаре трубадура» Виельгорский навсегда запечатлелся в памяти Батюшкова.

ДЖОРДЖ БАЙРОН

**Байрон, Джордж
Гордон
(1788-1824)**

– английский поэт-романтик, член палаты лордов. В 1816 покинул Великобританию, жил в Италии. В поэме «Паломничество

Чайльд-Гар

ольда» (1812-1818), восточных

поэмах

(«Гяур»,

«Лара»,

«Корсар»), философско-символических драматических

поэмах «мистериях» «Манфред» (1817) и «Кайн» (1821), цикле любовно-медитативных стихов на библейские мотивы «Еврейские мелодии» (1813-1815) – острое ощущение катастрофичности исторического и личного бытия, утраты идеалов в современном обществе, всеобщность разочарования в действительности (мотивы мировой скорби – «космического пессимизма»). Протест против зла мира, отстаивание прав личности приобретают иронически-сатирическую (поэма «Бронзовый век», 1823), нравоописательную (роман в стихах «Дон Жуан», 1819-1824, не закончен), а иногда политическую окраску (лирика).

В первой песне «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрон представил читателям сравнительный портрет женщин Испании и Англии и не выказал себя патриотом туманного Альбиона. Симпатии мятежного лорда всецело на стороне

воинственной испанки! Вольный перевод данного фрагмента, принадлежащий Льву Мею, звучит следующим образом: «Когда в Испании война, / Испанка трепета не знает, / А друг ее убит – она / Врагам за смерть копьем отмщает. / Когда же вечером порхнет / Она в кружок веселый танца, / Или с гитарой запоет / Про битву мавра и испанца... – / Во всяком сердце задрожит...»

Какое проникновение в суровую и тревожную жизнь Испании, полную трагизма и страстей! Как видим, гитара способна рождать не только сладкозвучные серенады под балконом красавиц, но и боевую песнь, вдохновляющую воинов на подвиг.

В поэме Байрона «Дон Жуан» некий турок-пират, горячо любящий дочь Гайдэ, как-то после удачного абордажа начал прикупать на базаре подарки для нее. «Он рассмотрел и неживой товар, / Назначенный для ярмарки Леванта, / И отобрал поднос и пять гитар, / Духи, шелка, гребенки, шпильки, банты, / Тарелки, чайник, туфель восемь пар / И пару каштаньет из Аликанте, – / Как любящий отец, он был не прочь / Порадовать единственную дочь».

Конечно, пять гитар – это многовато, если только Гайдэ не собиралась организовать музыкальный ансамбль. Впрочем, шутки в сторону. Свидетельство английского поэта, действительно побывавшего в Константинополе, правда, чуть позже описанное в поэме событий, довольно ценное: значит, и в мусульманских странах Средиземноморья гитара была по-

пулярна!

ФАДДЕЙ БЕНЕДИКТОВИЧ БУЛГАРИН

Булгарин, Фаддей Венедиктович (1789-1859) – русский журналист, писатель. Издавал газету «Северная пчела» (1825-1859, с 1831 – совместно с Н.И. Гречем), журнал «Сын отечества» (1825-1839, совместно с Н.И. Гречем). Автор нравоописательного, с элементами авантюриности, романа «Иван Выжигин» (1829).

Фаддей Булгарин оставил богатое литературное наследие, в котором несомненный интерес представляют его «Воспоминания».

Он, как известно, был родом из Минского воеводства бывшего Великого княжества Литовского, и первые его детские впечатления относятся к временам восстания Костюшко. Особенно запомнился ему капитан Палицын из Фангорийского гренадерского полка – любимого суворовского полка. Вопреки утверждениям польских публицистов, рисующих воинов Александра Васильевича кровожадными мародерами, этот офицер был не лишен галантности. «Он подошел к моей матушке, успокоил ее, изъявил сожаление, что она, из опасения его земляков, подверглась такой опасности; уверил, что никому, даже последнему мужику, солдаты его не сделают ни малейшей обиды; потом, обратясь к сестрам, сказал с улыбкой, что он сберег их ноты, фортепиано и гитары, и оставил их комнаты незанятыми, и, наконец, увидев меня уже на коленях у матушки, взял на руки, поцеловал и спросил, хочу ли я с ним подружиться».

Читаем книгу дальше, вновь находим упоминание о гитаре:

«Поляки, подобно богемцам, народ музыкальный – и богемцы потому только превосходят в музыке все славянские племена, что имеют в Праге консерваторию, распространяющую вкус и образующую учителей. В Польше также в каждом шляхетском доме занимаются музыкой. Почти каждая бедная шляхтяночка играла в то время на польской гитаре (с семью железными струнами), и во всех помещичьих домах все дамы играли на фортепиано, на арфе и даже на гусях, которые тогда были в большом употреблении. Все польки учились пению в женских монастырях. Младшая сестра моя, Антонина, была одарена необыкновенным талантом в музыке, имела прелестный голос, пела с удивительным чувством и выражением, и играла отлично на фортепиано, на арфе, на гитаре и на гусях. Старшая сестра, Елисавета, воспитанная... в монастыре сестер бенедиктинок в Минске... избрала для себя кларнет и играла на нем очень хорошо, участвуя прежде в монастырском музыкальном хоре».

Весьма ценное свидетельство! Оказывается, гитара конструкции Андрея Сихры уже тогда имела металлические струны.

Да и с самим семейством Сихры, по-видимому, Булгарин был коротко знаком, что явствует из следующего отрывка: «В доме Кукевича проживало целое семейство филолога, занимавшегося воспитанием детей в домах. Он назывался

Цыхра. Старик был человек ученый и превосходный музыкант, нрава кроткого, характера веселого. Сын его Людовик, немного старше меня, был впоследствии знаменитым виртуозом на гитаре. Старший сын преподавал уроки истории, географии и арифметики. Старик Цыхра, человек чрезвычайно добрый и ласковый, полюбил меня как родное дитя, и умел возбудить во мне, мало сказать охоту, нет, страсть к учению».

Неудивительно, что вскоре и сам Фаддей Венедиктович стал играть на гитаре. «Лев Александрович Нарышкин, для шутки, убедил мою матушку одеть меня по-польски, в кунтуш и жупан, и я, не будучи застенчивым, смело расхаживал, препоясавшись моей саблей (подаренной мне графом Ферзенном), по аристократическим гостиным, и забавлял всех моим детским простодушием и шутками. Иногда меня заставляли играть на гитаре и петь польские песенки... Я входил смело к дамам во время их туалета, пересказывал им, чему меня научили старшие, смешил их, и все меня ласкали, дарили игрушками, конфетами. Это было мое счастливое время в Петербурге!..»

Вскоре Булгарин поступил в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. И здесь гитара находится неподалеку от него. «В квартире мадам Боньот были мое фортепьяно, гитара, сундук с нотами, книгами и игрушками, и я имел право в каждое время (исключая классного) приходиться туда, как домой».

И позже он не расстается с гитарой. «Фортепиано взял знакомец матушкин, а гитару (в ящике и под ключом) я удержал и хранил под кроватью, но играл весьма редко. Когда я познакомился с Лантингом, он велел перенести гитару к себе, сожалел, что я бросил фортепиано, и советовал мне упражняться в музыке, говоря, что для военного человека познание музыки чрезвычайно полезно. «Может случиться, что ты будешь стоять на квартирах, в каком-нибудь уединенном месте, где не будет никакого общества, никакого рассеяния. Нельзя же все читать и писать, и вместо того, чтоб для рассеяния играть в карты или болтать вздор, ты найдешь приятное препровождение времени в музыке, доставляя удовольствие и себе и другим. Это может отвлечь тебя от дурного общества, в котором приобретаются дурные привычки и склонности. Я знал несколько отличных молодых людей, подававших о себе прекрасные надежды, которые спились с круга, ища рассеяния в веселых обществах. Да избавит тебя Бог от этого! Учись музыке и рисованию: эти два искусства доставят тебе много радостей в жизни!» Я послушался Лантинга, принялся снова за ноты и гитару, и забавлял его и товарищей моими песенками».

«Воспоминания» Булгарина – очень ценный источник информации по истории польской, а затем русской гитары.

ФЕНИМОР КУПЕР

Купер, Джеймс Фенимор (1789-1851) – американский писатель. Сочетал элементы просветительства

и романтизма. Исторические и приключенческие романы о войне за независимость в Северной Америке, эпохе фронта, морских путешествиях («Шпион», 1821, «Пенталогия о Кожаном Чулке» – «Последний из могикан», 1826, «Зверобой», 1841, «Лоцман», 1823). Социально-политическая сатира (роман «Моникины», 1835) и публицистика (памфлетный трактат «Американский демократ», 1838).

Фенимор Купер, как и всякий иностранец, побывавший в Италии, не может не поделиться своими впечатлениями. Он красочно описывает вечер на площади Святого Марка в Венеции: «Паяцы и шуты вновь показывали свое искусство, выкрики торговцев фруктами и прочими лакомствами смешались со звуками флейты, гитары и арфы, а в укромных местах, как и прежде, встречались бездельники и дельцы, бездумные и расчетливые, заговорщики и агенты полиции».

Как его соотечественник Эдгар По или же англичанин Чарльз Диккенс, Купер восхищен экзотикой страны и отмечает страстную приверженность итальянцев к гитаре.

ПАВЕЛ ЛУКЪЯНОВИЧ ЯКОВЛЕВ

Яковлев, Павел Лукьянович (1789-1835) – плодови-

тый фельетонист и очеркист, автор множества пародий и карикатур, брат Михаила Яковлева, товарища А.С. Пушкина по Царскосельскому лицейю. Почти все книги Яковлева вышли анонимно.

Павел Яковлев в книге очерков «Чувствительное путешествие по Невскому проспекту», изданной в 1828 году, приводит важное свидетельство. Два знакомых беседуют в книжной лавке: «Я нашел чудо!» – сказал смуглый. – «Какое?» – спросил собиратель. – «Видишь ли этого мужичка? Знаешь ли, кто он?» – «Нет». – «Это, мой миленький, музыкант-самоучка. Вообрази, он в совершенстве играет на всех инструментах; знает генерал-бас; но тебе известно, как одобряются у нас русские таланты! Про него никто даже не знает!.. Надобно его сделать известным, и я сегодня же напишу его историю и напечатаю!..» – «Да где ты его нашел?» – «В табачной лавке, миленький! Иду мимо и слышу звуки гитары, подхожу и вижу этого мужичка, который разыгрывает вариации Цихры. Это поразило меня. Я начал с ним говорить, узнаю, что он нигде не учился; не более десяти лет в Петербурге; все жил на Волге. Каковы наши русские!..»

По всей вероятности, талантливый мужик-самородок пользовался сборником «Русские песни с вариациями для гитары» выдающегося русского гитариста и педагога Андрея Осиповича Сихры. Это ли не свидетельство тому, как велика была народная тяга к гитаре в пушкинские времена?

ПЁТР АНДРЕЕВИЧ ВЯЗЕМСКИЙ

Вяземский, Пётр Андреевич (1792-1878) – князь, русский поэт, литературный критик, академик Петербургской академии наук (1841). В ранней лирике – сочетание гражданских традиций XVIII века и «легкой поэзии». С 40-х годов – поэзия воспоминаний, трагические мотивы. Придерживался консервативных общественных взглядов. Мемуары («Старая записная книжка»).

В стихотворении «Петербургская ночь» Пётр Вяземский рисует картину северной Венеции: «Блещут свежестью сапфирной / Небо, воздух и Нева. / И, купаясь в влаге мирной, / Зеленеют острова. / Весел мерные удары / Раздаются на реке / И созвучьями гитары / Замирают вдалеке».

Гитара внесла яркий штрих в тонкое живописное полотно, и в результате появился на свет почти импрессионистический пейзаж, созданный русским поэтом, другом Пушкина, еще в 1840 году!

ЖАК-ФРАНСУА АНСЕЛО

Ансело, Жак-Франсуа (1794-1854) – французский поэт и драматург. В 1826 году был секретарем французского посла в России маршала Мормона. Как литератор он прославился трагедией «Людовик IX». Пьеса имела огромный успех в роялистских кругах. Людовик XVIII принял посвящение трагедии, назначил автору пенсию в 2000 франков из своих личных средств и пожаловал дворянский титул, а либеральная пресса сделала поэта предметом постоянных насмешек. После представления трагедий «Дворецкий» (1823) и «Заговор Фиеско» (1824, переложение трагедии Шиллера «Заговор Фиеско в Генуе») Ансело получил орден Почетного легиона и был назначен

библиотекарем графа д'Артуа (через несколько месяцев взошедшего на престол под именем Карла X). В 1825 году Ансело опубликовал поэму «Мария Брабантская», в которой объединил эпический и драматический жанры. В 1828-1829 годах ставились его трагедии «Елизавета Английская» и «Ольга, или Московская сирота» (о княжне Таракановой). В 1831 году, после изменения цензурных условий, поэт смог воплотить сюжет из жизни Екатерины в комедии «Фаворит, или Двор Екатерины II». В 1827 году в театре «Одеон» была поставлена его комедия «Важная персона», в 1830 году в «Комеди Франсез» – драма «Один год, или Брак по любви». В 1828 году вышел роман в четы-

рех частях «Светский человек», в 1843 году – сборник стихотворных посланий.

Франсуа Ансело в книге «Шесть месяцев в России», построенной как цикл писем к другу, описал обе российские столицы, попытался рассказать о государственных установлениях загадочной и грозной «полу варварской» державы, о нравах ее сословий и отношениях между ними. Он, в частности, очень подробно поведал о том магическом воздействии, которое оказывали цыгане на дворянскую молодежь.

«Цыгане принадлежат к бродячим племенам, потомкам коптов и нубийцев, историю которых ты прослеживаешь в одном из прелестных рассказов... Употребляемое здесь название «цыгане» напоминает слово «чингены», как их зовут в Турции, и означает, вероятно, «бродяги». Признаюсь, мне не доводилось слышать ничего более гармоничного, чем эти песни, исполняемые на несколько голосов, мужских и женских, с удивительной верностью. Их неистовые пляски, вносящие в душу невыразимое смятение, объясняют силу воздействия этих чужестранок на молодых русских аристократов. Цыган и цыганка встают в середину круга, образованного остальными, чьи песни и выкрики, нарастая, возбуждают танцующих.

Та, что играет на гитаре, сидит, а звуки, извлекаемые ею из инструмента, действуют на нее саму так, что она словно забывает все вокруг. Я не мог отвести взгляда от ее желтоватого лица и горящих черных глаз. Наклоняясь вперед, от-

стукивая такт ногой, она следовала за движениями танцующих, чьи сладострастные жесты отвечали ее напеву. Красная сетка, покрывавшая ее голову, упала, длинные черные косы разметались по плечам, но ничто не отвлекало ее. Пот катился по ее лицу, она выпустила гитару, изнемогая от усталости, и замерла в оцепенении. Мне казалось, что передо мной древняя сивилла, и я вспомнил стихи из шестой книги «Энеиды»... Женщины эти, мой дорогой Ксавье, как я уже сказал, оказывают магическое влияние на молодых русских дворян: нет такой жертвы, такого безумия, на какое они не пошли бы ради них. Когда, окончив танец, они обходят зал, взывая к щедрости зрителей, те, под действием пережитого возбуждения, высыпают им в руки содержимое своих кошельков и за малейший знак благосклонности готовы отдать все, чем располагают в данный момент. Для меня было совершенно непостижимо, каким образом эти цыганки с медными лицами и бесцветными губами могут внушать такие страстные чувства, но г. Исленьев назвал мне нескольких русских, что разорились ради них, а указав на самую юную, добавил: «Взгляните на нее. Один офицер, к несчастью располагавший состоянием, за два года проел с нею две тысячи крестьян!» Признаться, расточительность офицера удивила меня не меньше, чем те слова, в которых мне передали его историю. Вероятно в стране, где крестьянин представляет собой товар стоимостью от трехсот до четырехсот франков, такой способ выражения, справедливо нас возмущающий, счи-

тается обычным и не свидетельствует о злонравии того, кто к нему прибегает».

По всей вероятности, слухи о том, что отдельные представительницы цыганского племени с успехом прибегают к гипнотическому воздействию, не лишены основания. И гитара в этом играла не последнюю роль!

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Гейне, Генрих (1797-1856) – немецкий поэт и публицист. С 1831 года – в эмиграции в Париже. Романтическая ирония страдающего от несовершенства и прозы

жизни героя, сарказм и лиризм, дерзкий вызов самодовольной пошлости в «Книге песен» (1827), проникнутой народно-мелодической стихией. Сборник «Ромасеро» (1851), в котором скептицизм и ноты отчаяния не подавляют мужества противостояния судьбе (с 1848 года Гейне прикован к постели). Язвительные политические стихи (поэмы «Атта Троль», 1843, «Германия. Зимняя сказка», 1844), обличающие современную феодально-монархическую и филистерскую Германию.

Новелла «Луккские воды» Генриха Гейне рисует картины времяпровождения знати на итальянском курорте. Благодушный климат и чудесные пейзажи не слишком интересуют аристократов, которые предпочитают вести рассеянный образ жизни.

«Синьора Летиция, пятидесятилетняя юная роза, лежала в постели, напевала и болтала со своими двумя поклонниками, из которых один сидел перед ней на низенькой скамейке, а другой, развалившись в большом кресле, играл на гитаре. В соседней комнате тоже по временам как бы вспархивали обрывки нежной песни или еще более нежного смеха».

В центре внимания – гитарист, задающий тон и направленность беседе. «Он откинулся в кресле, взял несколько аккордов на гитаре и запел из «Аксур»: «О Брама могучий! / Прими ты без гнева / Невинность напева, / Напева, напева...»

Как задорно-нежное соловьиное эхо, порхали и в соседней комнате звуки такой же мелодии. Синьора Летиция напевала меж тем тончайшим дискантом:

—

Для тебя пылают щеки, / Кровь играет в этих жилах, /
Сердце бьется в муках страсти / Для тебя лишь одного!
И добавила самым жирным и прозаическим голосом:

—

Бартоло, дай плевательницу».

Гейне мастерски передает содержание беседы, полной ложного глубокомыслия, иронии, пикировки, скрытого сарказма, и гитара постоянно дополняет разговор.

«— Синьор Ганс, — поправился профессор, — танцует, таким образом, лишь аллегорически, так сказать, метафорически.

И вдруг, вместо того, чтобы продолжать свою речь, он опять ударил по струнам гитары и запел, как сумасшедший, под сумасшедшее бренчание струн:

—

«Это имя дорогое / Наполняет нас блаженством. / Если волны бурно стонут, / Если небо в черных тучах, —/ Все к Тарару лишь взывает, / Словно мир готов склониться / Перед именем его!»

Далее происходит следующее:

«Считая по пальцам расходы, маркиз напевал про себя: «Ditantipalpiti», синьора раздражалась громкими трелями, а

профессор колотил по струнам гитары и пел при этом такие пламенные слова, что со лба у него катились капли пота, а из глаз слезы, которые соединялись в один поток, сбегавший по его красному лицу».

Наконец в комнате появляется новый персонаж, синьора Франческа, непревзойденная танцовщица. Обстановка приобретает откровенно фривольный оттенок.

«Я, со своей стороны, тоже испросил соизволения синьоры поцеловать ее левую ножку, и в тот момент, когда я удостоился этой чести, она, как будто пробудившись от дремоты, с улыбкой наклонилась ко мне, посмотрела на меня большими удивленными глазами, весело выскочила на середину комнаты и опять бесчисленное множество раз повернулась на одной ноге. Изумительная вещь – я почувствовал, что и сердце мое вертится вместе с нею, почти до обморока. А профессор весело ударил по струнам гитары и запел:

«– Примадонна меня полюбила / И в мужья себе определила, / И вступили мы в брак с нею вскоре. / Горе мне, бедному, горе! / Но пришли мне на помощь пираты. / И я продал ее за дукаты, / Без дальнейшего с ней разговора. / Bravo! Bravo, синьора».

Можно представить себе, какой шум и гам царили в салоне несравненной Летиции!

«Профессор зааплодировал на гитаре, шутовски дергая струны, синьора стала выводить трели, собачка залаяла, маркиз и я стали бешено хлопать в ладоши, а синьора Франчес-

ка встала и раскланялась с признательностью.

– Это, право, недурная комедия...»

Новелла «Луккские воды» наглядно показывает нам, какую роль играла гитара в светском и полу светском обществе Италии в XIX веке.

Генрих Гейне прославился целым рядом колоритных романтических произведений, мастерски передающих реалии и дух самых разных эпох.

Возьмем, к примеру, балладу «Мавританский царь». Испанцы постепенно вытесняют арабов с Пиренейского полуострова, и тем приходится с болью в сердце покидать обжитые места. «От испанцев в Альпухару / Мавританский царь уходит. / Юный вождь, он, грустный, бледный, / Возглавляет отступление... / Ни цимбал, ни барабанов, / Ни хвалебных песнопений, / Лишь бубенчики на мулах / В тишине надрывно плачут».

Мать упрекает повелителя-сына за то, что тот смирился с поражением. За него вступается первая любимая наложница: «О, не только триумфатор, / Вождь, увенчанный победой, / Баловень слепой богини, / Но и кровный сын злосчастья, / Смелый воин, побежденный / Лишь судьбой несправедливой, / Будет в памяти потомков / Как герой вовеки славен».

Завершается стихотворение пророчески: «А слова его подруги / Время вскоре подтвердило: / Юный царь прославлен в песне, / И не смолкнет песня славы / До тех пор, покуда

струны / Не порвутся до последней / На последней из гитар, /
Что звенят в Андалусии».

Гитара умеет передавать любое из чувств, в том числе и героику. В этом ее обаяние и универсальность.

Генрих Гейне немало произведений посвятил Испании, стране, которую любил всем сердцем. Его «Испанские Атриды» – яркая стихотворная новелла, где некий дон Диего Альбукерке, словоохотливый идалго, рассказывает о короле доне Педро, которого прозвали Жестоким. Этот монарх умертвил брата, что породило множество толков. «Я спросил, за что дон Педро / Обезглавил дон Фредрего, / Своего родного брата. / И вздохнул мой собеседник. / «Ах, сеньор, не верьте вракам / Завсегдатаев трактирных, / Бредням праздных гитаристов, / Песням уличных певцов. / И не верьте бабьим сказкам / О любви меж дон Фредрего / И прекрасной королевой / Доньей Бланкой де Бурбон. / Только мстительная зависть, / Но не ревность венценосца / Погубила дон Фредрего, / Командора Калатравы».

Поэт в данном фрагменте отмечает одну из особенностей испанского фольклора: те или иные драматические события порождают волну слухов, которые со временем преобразуются в народные песни и предания, и гитаристы с удовольствием использовали их во время своих выступлений.

Иегуда Бен Галеви, герой одноименного стихотворного произведения Генриха Гейне, – еврейский юноша родом из средневекового Толедо в Кастилии, ставший знаменитым.

«Да, он дивным был поэтом, / Был звездой своей эпохи, / Солнцем своего народа – / И огромным, чудотворным, / Огромным столпом искусства».

Повествуя о многих мытарствах Иегуды, Гейне рассказывает о том, как тот оказался в татарском плену. «Вдруг, охвачен страшной скорбью, / Песню он запел; и пел он / Так прекрасно, так печально, / Что случайно шедший мимо / Хан татарский был растроган / И вернул рабу свободу, / Много дал ему подарков: / Лисью шубу и большую / Сарацинскую гитару, / Выдал денег на дорогу».

Это еще одно доказательство старой истины: искусство смягчает дикие нравы, облагораживает души, гитара в руках хорошего музыканта может творить чудеса!

Сатира Генриха Гейне «Король Длинноухий I» рассказывает об осле, ставшем королем. В числе множества несуразностей, которые позволяет себе новый монарх, – его меломания. Вот как его ослиное величество говорит о себе: «Я сам немного занят музыкой, / Как некогда прусский Фридрих Великий. / Играл он на флейте, я на гитаре, / И много прекрасных, когда я в ударе / И с чувством струны свои шевелю, / Тянутся к своему королю». И чуть ниже: «Я не исчезну без следа, / Я буду в анналах Клио всегда, / И скажет богиня эта благая, / Что львиное сердце носил всегда я / В груди своей, что управлял / Я мудро и на гитаре играл».

Трудно себе представить, какую музыку можно извлечь с помощью копыт. Похоже, что этот венценосный гита-

рист был бы неплохим кандидатом в крыловский ансамбль. Помните: «Проказница Мартышка, / Осел, / Козел / Да ко-солапый Мишка / Затеяли сыграть Квартет»?

Вызывают интерес сцены из жизни Саламанки, изображенные Генрихом Гейне. «Вот сосед мой дон Энрикец, / Саламанкских дам губитель. / Только стенка отделяет / От меня его обитель. / Днем гуляет он, красоток / Обжигая гордым взглядом. / Вьется ус, бряцают шпоры, / И бегут собаки рядом. / Но в прохладный час вечерний / Он сидит, мечтая, дома, / И в руках его гитара, / И в груди его истома. / И как хватит он по струнам, / Как задаст им, бедным, жару! / Чтоб тебе холеру в брюхо / За твой голос и гитару!» (Из цикла «Опять на родину»)

Хлестко, иронично высказался великий немец, да и переводчик, Вильгельм Левик, не оплошал: его текст, с точки зрения эмоций, безукоризненно передает своеобразную лексику оригинала.

Увы, проклятия адресованы не только дону Энрикецу и заодно ни в чем не повинной гитаре! Уж она-то, наша любимица, никак не грешна в том, что попала в руки неумелого исполнителя.

**АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН**

Пушкин, Александр Сергеевич (1799-1837) – великий русский поэт. В юношеских стихах – поэт лицейского братства, «поклонник дружеской свободы, веселья, граций и ума», в ранних поэмах – певец ярких и вольных страстей («Руслан и Людмила», 1820, романтические «южные» поэмы «Кавказский пленник», 1820-1821, «Бахчисарайский фонтан», 1821-1823, и другие). Эстетическое освоение контекстов русской жизни (интеллектуального, социальноисторического, бытового) соединялось у Пушкина с живым восприятием разнородных европейских влияний, даром проникновения в другие культуры и эпохи. Многообразие разработанных жанров и стилей («неукрашенная» проза «Повестей Белкина», 1830, повесть «Пиковая дама», 1833, и другие произведения, предвосхитившие развитие реалистического письма), легкость, изящество и точность стиха, рельефность и сила характеров (в крупных формах), «просвещенный гуманизм», универсальность поэтического мышления и самой личности Пушкина предопределили его первостепенное значение в отечественной словесности. Пушкин поднял ее на уровень мировой. Роман в стихах «Евгений Онегин» (1823-1831) воссоздает образ жизни и духовный состав «типического», преодолевающего байронизм героя и эволюцию близкого ему автора, уклад

столичного и провинциального дворянства. В романе и во многих других сочинениях Пушкин обращается к проблемам индивидуализма, границ свободы, поставленным еще в «Цыганах» (1824). Им были впервые определены многие ведущие проблемы русской литературы XIX века, нередко в их трагическом противостоянии и неразрешимости – народ и власть, государство и личность, роль личности и народа в истории (трагедия «Борис Годунов», 1824-1825, опубликована в 1831, поэмы «Полтава», 1828, «Медный всадник», 1833, опубликована в 1837, роман «Капитанская дочка», 1836). В философской лирике 30-х годов, «маленьких трагедиях», созданных в 1830 году («Моцарт и Сальери», «Каменный гость», опубликованы в 1839, «Скупой рыцарь», опубликован в 1836), постоянные для пушкинской поэзии темы «дружества», любви, поэзии жизни, творческого призвания и воспоминаний дополняются обостренной постановкой коренных вопросов–смысла и оправдания бытия, смерти и бессмертия, душевного спасения, нравственного очищения и «милости».

Знаменитое стихотворение Александра Пушкина «Арион» излагает сюжет, заимствованный у Геродота. Арион некоторое время был кифаредом у тирана Коринфа Перяндра, где разбогател. Отбывая на родину в Италию, он нанял корабль, чтобы перевезти свои сокровища. Однако ко-

манда задумала недоброе – умертвить певца. «В таком отчаянном положении Арион все же упросил корабельщиков (раз уж таково их решение) по крайней мере, позволить ему спеть в полном наряде певца, став на скамью гребцов. Он обещал, что, пропев свою песнь, сам лишит себя жизни. Тогда корабельщики перешли с кормы на середину корабля, радуясь, что им предстоит услышать лучшего певца на свете. Арион же, облачась в полный свой наряд, взял кифару и, стоя на корме, исполнил торжественную песнь. Окончив песнь, он ринулся в море. Между тем корабельщики отплыли в Коринф, Ариона же, как рассказывают, подхватил на спину дельфин и вынес к Тенару».

Многозначительная параллель: русский поэт сравнивает свою судьбу с участью древнегреческого поэта и певца, аккомпанировавшего себе на кифаре!

Слово «гитара» в сочинениях Пушкина встречается одиннадцать раз, тогда как, скажем, «пистолет», «пистоль», «пистолетный» – более шестидесяти, «любовь» же со всеми ее производными формами – едва ли не полторы тысячи раз. Эта статистика математически точно характеризует сферы интересов поэта, сызмала тяготевшего к огнестрельному оружию, равнодушного к музыкальным инструментам и обладавшего пылким африканским темпераментом. Зная о трагедии на Черной речке, невольно сожалеешь, что русский гений регулярно тренировался в стрельбе, а не играл на гитаре. Пожалуй, язвительный куплет в адрес Дантеса под

нехитрый гитарный аккомпанемент был бы более эффективен, чем последняя пуля, выпущенная им на дуэли.

Пушкин в «Пирующих студентах» соединил в одном из четверостиший Аполлона, певца и гитару: «Приблизься, милый наш певец, / Любимый Аполлоном, / Воспой властителя сердец / Гитары тихим звоном».

Поэт оказывает гитаре высшие почести, ставя ее в один ряд с греческим богом!

В «Египетских ночах» Пушкина во многом поучителен следующий эпизод. Некий предприимчивый итальянец хочет дать в России ряд платных концертов на шестиструнной гитаре, причем намерен музыку и тексты романсов создавать прямо во время выступления, по темам, предложенным публикой. Он обращается за содействием к известному петербургскому поэту. «Импровизатор взял со стола гитару – и стал перед Чарским, перебирая струны костлявыми пальцами и ожидая его заказа.

– Вот вам тема, – сказал ему Чарский: – поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением».

Русский поэт трижды прав: народ не смеет диктовать гению свою волю. Талантливый художник, равно как и гитара, не любят диктата, им по праву принадлежит свобода самовыражения.

В чудесном послании лицеистам-однокашникам «19 октября», в том самом, которое начинается бессмертной стро-

кой «Роняет лес багряный свой убор», Пушкин вспоминает безвременно почившего Н.А. Корсакова: «Он не пришел, кудрявый наш певец, / С огнем в очах, с гитарой сладкогласной: / Под миртами Италии прекрасной / Он тихо спит...»

Нет сомнения, что великий русский поэт по своему любил гитару – верную подругу веселых товарищеских вечеринок, полных шуток, смелых надежд и юного задора, вдохновенную певицу романтической, пылкой любви, чьи звуки рассеивали грусть утомленной души и мрак подступающего безвременья.

Романтическую душу гитары прекрасно понимал Пушкин, хотя и был всего лишь обыкновенным ценителем музыки. Возьмем стихотворение «Пока супруг тебя, красавицу младую...»: «Вот взошла луна золотая, / Тише... чу... гитары звон... / Вот испанка молодая / Оперлася на балкон». Так писал он ничуть не ошибаясь: на берегах Гвадалквивира, в Севилье и Кордове, этот инструмент действительно стал символом таинственной ночи, серенады и возвышенной пылкой любви.

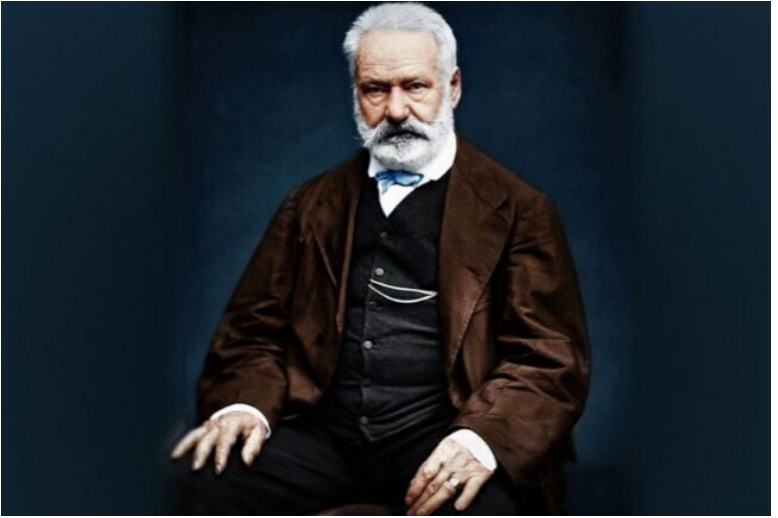
Гитара у Пушкина чаще всего ассоциировалась с романтической любовью, она была непременным атрибутом одеяния влюбленного идадьго. В стихотворении «Я здесь, Инезилья...» поэт дает емкий портрет испанского воздыхателя: «Исполнен отвагой, / Окутан плащом, / С гитарой и шпагой / Я здесь под окном».

Гитара, благодаря своей легкости, невысокой цене и ши-

рокому диапазону исполнительских возможностей, была в начале XIX века довольно популярна в России.

В «Евгении Онегине» Пушкин не без юмора рисует быт провинциальной помещичьей усадьбы среднего достатка, где нет клавесина или рояля: «Зовут соседа к самовару, / А Дуня разливает чай, / Ей шепчут: «Дуня, примечай!» / Потом приносят и гитару: / И запищит она (бог мой!): / Приди в чертог ко мне златой!..»

ВИКТОР ГЮГО

Гюго, Виктор

Мари

(1802-1885) – французский писатель-романтик.

Предисловие к

драме

«Кромвель»

(1827) –

манифест французских романтиков. Пьесы «

Эрнани» (1829), «Марион Делорм» (1831), «Рюи Блаз» (1838) – воплощение бунтарских идей. В историческом романе

«Собор

Парижской богородицы» (1831) сильны антиклерикальные тенденции. После государственного переворота Луи Наполеона Бонапарта (1851) эмигрировал, выпустил политический памфлет «Наполеон

Малый» (1852) и сборник сатирических стихов «Возмездия» (1853). Романы «Отверженные» (1862), «Труженики моря» (1866), «Человек, который смеется» (1869), изображающие жизнь разных слоев французского общества, проникнуты демократическими, гуманистическими идеалами. Сборники стихов «Восточные мотивы» (1829), «Легенда веков» (т.1-3, 1859-1883). Роман о Французской революции «93-й год» (1874).

В романе «Отверженные» Виктора Гюго роялист старой закваски, 92-летний Жильнорман распекает своего внука Мариуса за вольнодумство: «Зачем ты покинул мой дом? Чтобы стать республиканцем! Выдумал! Народ не хочет твоей республики. Она ему совсем не нужна. У него мозги на месте. Он прекрасно знает, что короли всегда были и будут, он прекрасно знает, что в конце концов народ это только

народ, его, понимаешь ли, смешит твоя республика, глупая твоя голова! Что может быть омерзительнее этой придури? Втюриться в Отца Дюшена, строить глазки гильотине, распевать серенады и тренькать на гитаре под балконом девяносто третьего года! Да такая молодежь и плевка не стоит, до того она тупа!»

Для язвительного старика, живущего воспоминаниями, все новые теории, от идей Просвещения до романтизма – это крамола. Именно поэтому и гитара, столь часто фигурировавшая в произведениях поэтов-романтиков, становится в его представлении аксессуаром бунтовщиков и подстрекателей.

АЛЕКСАНДР ДЮМА

© ColoRostariu

Дюма, Александр (1802-1870) – французский писатель (Дюма-отец). Романтические драмы (1829-1836). Многочисленные историко-авантюрные романы («Три мушкетера», 1844,

«Двадцать лет спустя», 1845, «Виконт де Бражелон», т.1-3, 1848-1850, «Королева Марго», 1845). Приключенческий роман «Граф Монте-Кристо» (1845-1846). Герои Дюма привлекают рыцарственным благородством, отвагой, верностью в дружбе и любви. Книга «Мои мемуары» (т.1-22, 1852-1854).

Роман «Граф Монте-Кристо» Александр Дюма создавал, опираясь на художественные и тематические разработки своих старших современников, в частности Байрона. Это утверждение можно подкрепить цитатой: «Морсер кивнул на дверь, из-за которой раздавались звуки, напоминающие звуки гитары.

–

Я вижу, дорогой виконт, вы сегодня обречены слушать музыку; не успели вы избавиться от рояля мадемуазель Данглар, как попадаете на лютню Гайде.

–

Гайде! Чудесное имя! Неужели не только в поэмах лорда Байрона есть женщины, которых зовут Гайде?»

Разумеется, в данном отрывке обыгрывается эпизод из

«Дон Жуана», где герой влюблен в дочь турецкого пирата с тем же именем, которой заботливый отец как-то купил на восточном базаре пять гитар! Правда, изобретательный французский романист не стал повторяться в деталях и дал в руки прекрасной албанке лютню, но суть дела от этого не меняется. Прелестная затворница грустит, и струнный инструмент позволяет ей скрасить часы одиночества.

Роман «Графиня де Шарни» рисует живописные картины времен Великой французской революции, и вымышленные персонажи соседствуют на его страницах с реальными историческими героями. Описывая энтузиазм парижан, решивших в кратчайший срок обустроить Марсово поле для приема делегатов из различных уголков Франции, Дюма замечает: «Каждый пришел со своим инструментом: лопатой, мотыгой, заступом или тачкой. Другие прикатили бочки с вином, принесли скрипки, гитары, барабаны и флейты. Все возрасты, полы, сословия смешались; граждане, аббаты, солдаты, монахи, прекрасные дамы, рыночные торговки, сестры милосердия, актрисы...»

То, что в советские времена окрестили бы скучным термином «коммунистический субботник», было в ту далекую пору настоящим праздником труда, и звуки гитары в минуты передышки помогали людям восстановить силы, проникнуться духом Свободы, Равенства, Братства.

Действие романа «Учитель фехтования» разворачивается в России накануне восстания декабристов. Книга эта,

несмотря на цензурный запрет, пользовалась широчайшей популярностью, ее читали даже в императорской семье, вопреки неудовольствию Николая. Разумеется, писатель, изображая «национальный колорит», использовал свои личные впечатления от путешествия по империи. Как же можно было не ввести в сюжет пресловутую «цыганщину», которая так тянула к себе русских аристократов? Возьмем описание одного из выступлений, где гитара играет роль главного аккомпанирующего инструмента и полноправно участвует в чарующем действе: «Звуки гитары становились все более призывными. Пляшущие цыганки издавали по временам какие-то крики, били в ладоши, как в цимбалы, и, наконец, словно обессилев, две женщины и цыган упали на пол. Прекрасная цыганка одним прыжком оказалась у меня на коленях и, обхватив мою шею руками, впилась в мой рот своими губами, надушенными неведомыми восточными травами. Так, видно, она просила оплатить свою волшебную пляску.

Я вывернул свои карманы и дал ей что-то около 300 рублей. Если бы в эту минуту у меня были тысячи, я бы не пожалел их для нее.

Я понял, почему русские так увлекаются цыганами!»

Многие события романа «Двадцать лет спустя» происходят в Англии. Присмотримся к картине из жизни Сент-Джемского двора, в которой описывается водная прогулка: «В лодке сидели четыре музыканта, игравших на лютне и на

гитаре, два певца и несколько придворных в одеждах, расши-
тых золотом и драгоценными камнями. Придворные прият-
но улыбались, чтобы угодить прелестной леди Стюарт, вну-
чке Генриха IV, дочери Карла I, сестре Карла II, которая си-
дела в этой лодке на почетном месте под балдахинном».

Совершенно правильно отмечено: в штате obsługi любой
коронованной европейской особы той поры значились музы-
канты, и гитаристам было отведено особое место.

Нечто подобное происходит примерно в то же самое вре-
мя в одном из залов Фонтенбло, при дворе Людовика XIV:
«В другом углу устроился гитарист и наигрывал испанские
сегидильи, от которых принцесса была без ума с тех пор, как
молодая королева стала их петь – с каким-то особенно груст-
ным оттенком; разница была только в том, что фразы, кото-
рые испанка произносила с дрожащими на ресницах слеза-
ми, англичанка напевала с улыбкою, позволявшей видеть ее
перламутровые зубки».

Таким образом, гитара покорила едва ли не всю Европу
уже в конце XVII века.

Александр Дюма был не только автором романов и пьес,
его перу принадлежат также исторические труды, написан-
ные легко и занимательно. Такова «Жизнь Людовика XIV».
В главе, посвященной литературе, науке и изящным искус-
ствам мы встречаем следующее утверждение: «До Люлли
Франция знала только песни, а почти все арии, которые пе-
лись под аккомпанемент теорбы или гитары, были заимство-

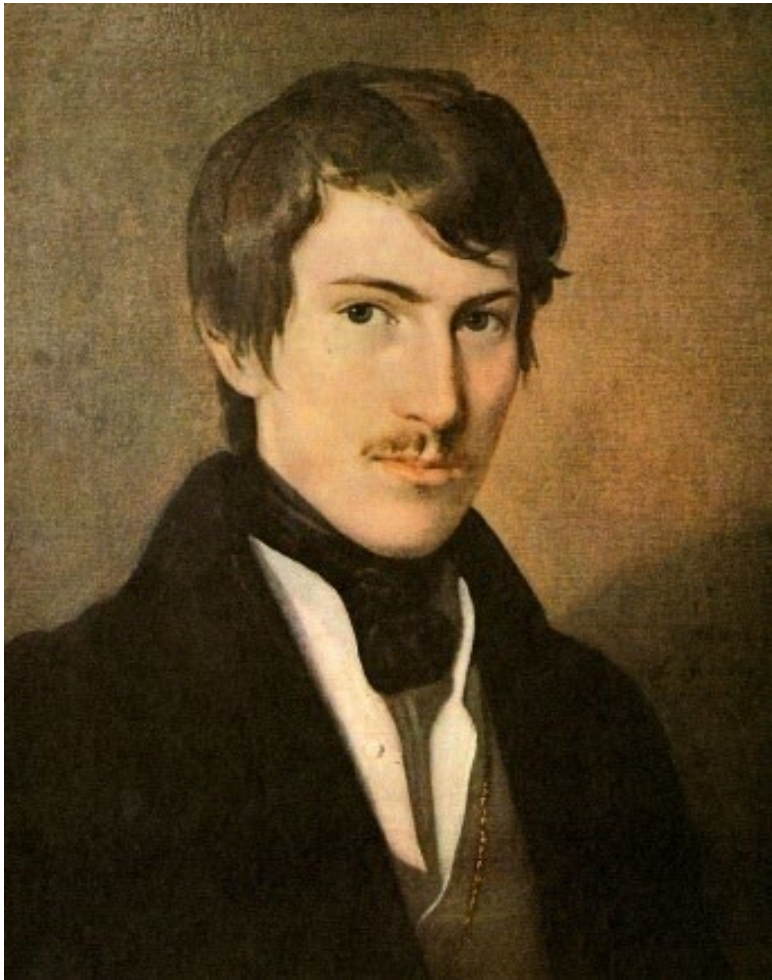
ваны у испанцев или итальянцев. 24 королевских скрипача представляли собой единственный во Франции благоустроенный оркестр».

Итак, Людовик XIV был первым французским государем, который обратил на музыку свой благосклонный и заинтересованный взгляд. Король-солнце, в молодости слывший неплохим гитаристом, поддержал инициативу Люлли, возглавившего в 1672 году «Королевскую академию музыки», более известную как «Гранд-Опера».

В малоизвестном романе Александра Дюма «Жорж», действие которого разворачивается на Мадагаскаре в начале XIX века, мы находим любопытное свидетельство: «Что касается музыки, то Сара сама была как соловей, она бегло играла, почти не учившись, на рояле и на гитаре, хотя любимым ее инструментом была мальгашская арфа, из которой она извлекала звуки, восхищавшие самых знаменитых на острове мадагаскарских виртуозов».

Сара, племянница важного колониального чиновника, музицирует на гитаре не гденибудь в Париже или Марселе, а на большом острове в Индийском океане!

НИКОЛАУС ЛЕНАУ

Ленау, Николаус

(1802-1850)

—

немецкий

поэт. Стихотворные циклы «Песни в камышах» (1832), «Польские песни» (1833), драматическая поэма «Фауст» (1836).

Думается, что стихотворения о гитаре следует давать полностью. Одно из них – «Моей гитаре» Николауса Ленау:

Гитара, где твой голос дивный?

Лишь ветер, залетев в окно,

Порой рождает стон отзывный В струне, разорванной давно.

И ты умолк, – ты с верой юной Не можешь петь, и в сердце мгла С тех пор, как радостные струны Судьба и в нем разорвала.

Меня покинул друг, – могила Взяла его в расцвете дней.
И та, кто пламень мой делила, Ушла, ушла в страну теней.

Так пусть найду в тебе участие, Ты, лира, ты, любовь моя!
Верни мне ты былое счастье,
Былые годы и края, –

Тот мир, где юный век мой прожит,
Дубы, чью сень я так любил, Где песни мертвые, быть мо-
жет, Смогу я вызвать из могил.

И лишь польются песнопенья
И зазвучат, как в старину,
О, сколько из реки забвенья Я милых призраков верну!

Звени! – И робкой вереницей
Взлетают звуки из-под рук, Дрожат, подобно слабой пти-
це, В степи отставшей от подруг.

Но вот – я царь моей стихии!
Гремит, как буря, песнь моя. Я вижу тени дорогие,
Скорее к ним! Плыви, ладья!

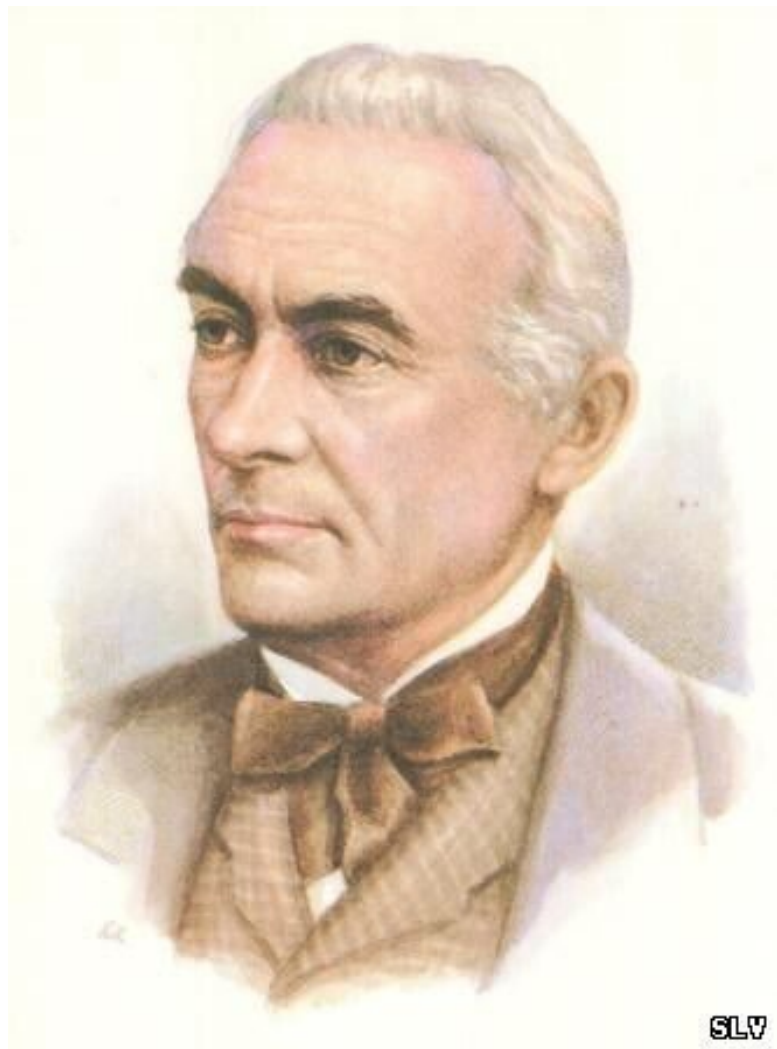
Не ты ли, друг мой? Ближе! Ближе!
Не ты ль зовешь из темноты?
Моя любовь, о подойди же!
Моя ли ты? Со мной ли ты?

Увы! Ни друга, ни любимой!
Их голоса... то был обман! Лишь ветер свищет нелюди-
мый, И не подаст руки туман.

Назвав гитару своей лирой, поэт вложил в это высказы-

вание новый смысл: да, действительно, гитара стала лирой нового времени. Ведь она способна выражать самые тонкие движения души и едва уловимый трепет сердца.

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

SLV

Мериме, Проспер (1803-1870) – французский писатель, мастер новеллы. В остросюжетной, стилистически отточенной романтической прозе – сильные и цельные характеры, интерес к народной жизни (новеллы «Матео Фальконе», «Таманго», «Коломба», «Кармен»). Сборник пьес на испанские темы «Театр Клары Гасуль» (1825) и сборник баллад на сюжеты балканского фольклора «Гузла» (1827) – литературная мистификация.

Странно, что в знаменитой новелле Проспера Мериме «Кармен» гитара упоминается всего один раз и при следующих обстоятельствах: «Я стоял на часах у дверей полковника. Это был богатый молодой человек, славный малый, любитель повеселиться. У него собрались все молодые офицеры и много штатских, были и женщины, говорили – актрисы. Мне же казалось, словно весь город съезжается к его дверям, чтобы на меня посмотреть. Вот подкатывает коляска полковника, с его камердинером на козлах. И что же я вижу, кто оттуда ходит?... Моя цыганочка. На этот раз она была разукрашена, как икона, разряжена в пух и прах, вся в золоте и лентах. Платье с блестками, голубые туфельки тоже с блестками, всюду цветы и шитье. В руке она держала бубен. С нею были еще две цыганки, молодая и старая. Их всегда сопровождает какая-нибудь старуха; а также старик с гитарой, тоже цыган, чтобы играть им для танцев. Вам известно, что цыганок ча-

сто приглашают в дома, и они там пляшут «ромалис» – это их танец – и нередко многое другое. Кармен меня узнала и мы обменялись взглядами».

Что поделаешь – Мериме влюбленно описывал необычный типаж, его интересовал взрывчатый, пламенный характер этой роковой женщины, а вовсе не гитара!

ЖОРЖ САНД

Санд, Жорж (Аврора Дюпен, 1804-1876) – французская писательница. В многочисленных романах и повестях идеи освобождения личности, эмансипации женщин, демократизм и реализм сочетаются с социально-утопическими взглядами («Индиана», 1832, «Орас», 1841-1842). Бунтарский романтизм, пафос национально-освободительной борьбы – в лучшем романе «Консуэло» (1842-1843). Мемуары «История моей жизни» (1854-1855).

Героиня романа Жорж Санд «Консуэло» – дочь цыганки, и в начале действия проживает в Венеции. Надо ли сомневаться в том, что гитара непременно будет упомянута на страницах этой книги?

Так и есть. Вот описание комнаты, где живет Консуэло: «Большая деревянная кровать с матрацем из морской травы, ситцевое стеганое одеяло, безупречно чистое, но все в разноцветных заплатках, соломенный стул, небольшой столик, очень старинная гитара да филигранное распятие составляли все богатство, оставленное Консуэло матерью».

Гитара играет весьма важную сюжетную роль в повествовании: мать Консуэло с ее помощью зарабатывает на хлеб себе и ребенку, постепенно приучая девочку к музыке и пению. В конце концов, выясняется еще одна немаловажная подробность, случайно оставшаяся в памяти героини: «Смутно при-

поминаю, что в чешских лесах нас радушно приняли в каком-то замке, где красивый юноша по имени Альберт, сын владельца замка, был со мной очень ласков и подарил моей матери гитару. Этот замок был замком Исполинов, и настал день, когда я отказалась сделаться его хозяйкой, а этим юношей был граф Альберт Рудольштадт, чьей супругой мне суждено было стать».

Таким образом, гитара оказалась важным обстоятельством формирования личности

Консуэло – нежной, романтической, музыкальной натуры, какой она обрисована пером Жорж Санд – да еще и предопределила судьбу героини, ставшей, в конце концов, графиней Рудольштадт.

**АЛЕКСАНДР
ИВАНОВИЧ ПОЛЕЖАЕВ**

Полежаев, Александр Иванович (1804-1838) – русский поэт. В 1826 году за юношескую поэму «Сашка» (1825), содержащую дерзкие намеки в адрес самодержавия, был отдан в солдаты. Лирика связана с традициями декабристской поэзии.

Ни в одном из стихотворений Александра Полежаева не упоминается гитара, исключая поэму «Сашка», язвительную пародию на «Евгения Онегина». Гитара возникает там в самый разгар вечеринки студентов с распутными девками, после нецензурных сцен, отмеченных в тексте книги многоточиями: «Но вот под гибкими перстами / Поет гитара контроданс, / И по-козлиному меж нами / Прекрасный сочинился танц! / Возись! Пунш блещет, брызжет пиво, / Полштофы с рюмками летят, / А колокольчик несонливый / Уж бьет заутренний набат...»

Несчастный инструмент, участь которого – забавлять столичную «золотую молодежь», «расслабляющуюся» после учебы в публичных домах!

Холостяцкие пирушки тоже немислимы без звона струн: «И ты, мой друг в тогдашних годы, / Теперь – подлец и негодяй, / Настрой-ка, Пузин, брат, аккорды, / Возьми гитару и зыграй / *Donnez nous Jean un peu* Гишарда! Каврайский! Вот сивуха – пей!»

Точно такую же роль играла гитара и у Сергея Есенина спустя столетие. Даже участь гуляк-поэтов одинаково тра-

гична: Полежаев скончался в 34 года, Есенин повесился в 30 лет!

ЭДГАР ПО

По, Эдгар Аллан (1809-1849) – американский писатель-романтик, критик.

Классик новеллы, преимущественно трагической, «страшной», «двойнической», фантастической или юмористической (сборник «Гротески и арабески»,

1840). Родоначальник детективной литературы («Убийство на улице Морг», 1841, «Золотой жук», 1843). Для зрелой лирики характерна тема трагических поисков красоты и ее смысла («Ворон и другие стих

отворения», 1845). Предтеча символизма.

В жутковатом рассказе Эдгара По «Свидание», который сейчас окрестили бы модным словечком «триллер», описывается малоправдоподобная история: богатая и знатная мать, стоя в окне над одним из венецианских каналов, случайно отпускает из рук грудное дитя, и младенец скрывается в водной пучине. Далее происходит невероятное: поднимается суматоха, но родители ребенка ведут себя неадекватно. Маркиза в неглиже, издав дикий вопль, более не кричит, а лишь тупо смотрит на «Пломбы», знаменитую тюрьму, где неко-

гда пребывал в заточении Казанова. Престарелый отец тоже совершает такие действия, будто находится на сцене театра абсурда. «Под аркою шлюза стоял, разряженный, и сам Ментони, похожий на сатира. Время от времени он брэнчал на гитаре, как бы томимый смертельной скукой, а в перерывах давал указания о спасении своего ребенка». Наконец, когда отчаяние овладевает свидетелями происшествия, появляется таинственный незнакомец в плаще, бросается в воду и после нескольких томительных минут преподносит матери живого (!) и не потерявшего сознание (!) отпрыска. «Ни слова не вымолвил спаситель. Но маркиза! Сейчас она возьмет свое дитя, прижмет к сердцу, вцепится в маленькое тельце, осыплет его ласками. Увы! Другие руки взяли дитя у незнакомца – другие руки взяли дитя и незаметно унесли во дворец!» А мать, потрясенная, назначает спасителю тайное любовное свидание.

Словом, картинка такая, будто взята из пьесы Эжена Ионеску или Сэмюэля Беккета!

Исследователям пришлось немало потрудиться, чтобы разгадать замысел автора. Оказалось, это не что иное, как шутовская пародия на Байрона, графиню Терезу Гвиччиоли и ее старого мужа, а в роли потрясенного и глуповатого рассказчика выступает друг Байрона, английский поэт Томас Мур, посетивший опального лорда в Венеции. Нагромождая одну нелепость на другую, используя весь аксессуар романтизма вроде Моста Вздохов, Большого канала, гондол, пла-

щей и непрременной гитары, один американский поэт высмеивает двух английских. Как видим, за шестиструнным инструментом надолго и прочно утвердилась несколько сомнительная «романтическая» репутация.

**НИКОЛАЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ**

Гоголь, Николай Васильевич (1809-1852) – рус-

ский писатель. Литературную известность Гоголю принес сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки» (1831-1832), насыщенный украинским этнографическим материалом, романтическими настроениями, лиризмом и юмором. Повести из сборников «Миргород» и «Арабески» (оба – 1835) открывают реалистический период творчества Гоголя. Тема униженности «маленького человека» наиболее полно воплотилась в повести «Шинель» (1842), с которой связано становление натуральной школы. Гротескное начало «петербургских повестей» («Нос», «Портрет») получило развитие в комедии «Ревизор» (постановка 1836) как фантазмагория чиновничье-бюрократического мира. В поэме «Мертвые души» (1 том – 1842) сатирическое осмеяние помещицкой России соединилось с пафосом духовного преображения человека.

Гоголь в «Невском проспекте», изображая петербургского художника, пишет: «Он рисует перспективу своей комнаты, в которой является всякий художественный вздор: гипсовые руки и ноги, сделавшиеся кофейными от времени и пыли, изломанные живописные станки, опрокинутая палитра, приятель, играющий на гитаре, стены, запачканные красками, с растворенным окном, сквозь которое мелькает бледная Нева и бедные рыбаки в красных рубашках».

Похоже, что в начале XIX века без гитары нельзя было представить существование столичной богемы.

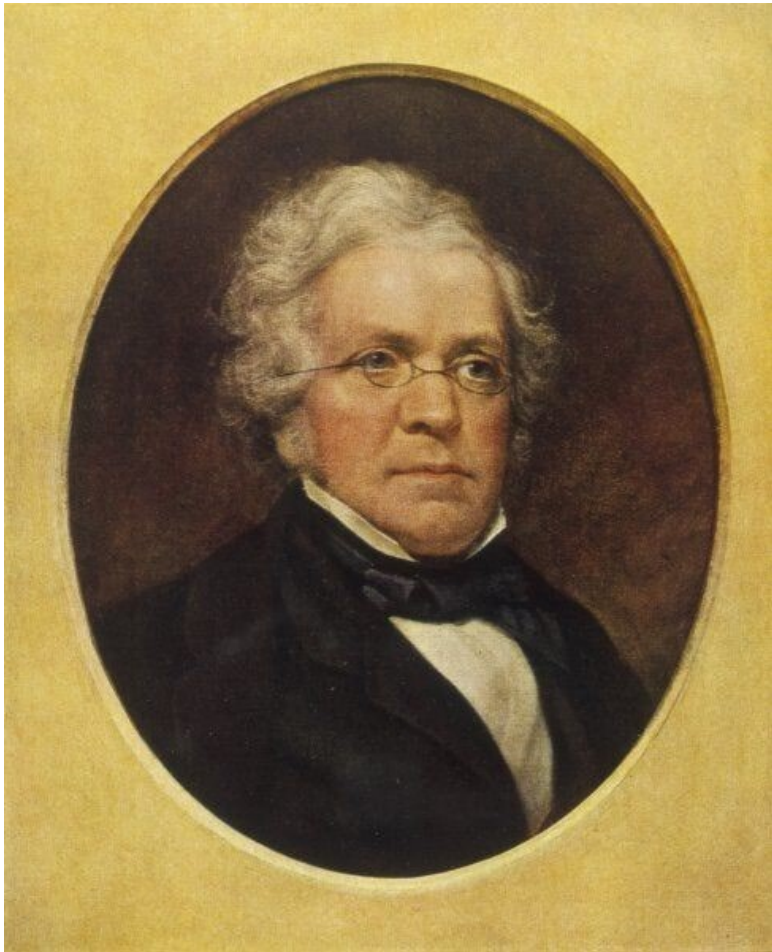
В «Мертвых душах» писатель, посмеиваясь над романтизмом, изображает «замечтавшегося двадцатилетнего юношу, когда, возвращаясь из театра, несет он в голове испанскую улицу, ночь, чудный женский образ с гитарой и кудрями».

И каково отчаяние восторженного юнца, когда, услышав пьяную брань, он вдруг оказывается где-нибудь на Сенной площади близ кабака! Да, в начале XIX века гитара непременно ассоциировалась с иноземной экзотикой, ее победное шествие по русской земле еще только началось.

Через 50 лет она перестанет кого-либо удивлять, о чем можно судить по рассказу «Сторож» Максима Горького, в котором изображается провинциальная вечеринка:

«— Дьякон – плясу! Тихон – делай! Живем! – Начали! – отзывается дьякон, взмахивая гитарой и хитрейшим перебором струн, с ловкостью фокусника начинает играть трепака, а Степахин – пляшет».

УИЛЪЯМ ТЕККЕРЕЙ

Теккерей, Уильям Мейкпис (1811-1863) – англій-

ский писатель. В романе «Ярмарка тщеславия» (1848) социально-типические пороки современного общества рассматриваются как зло, свойственное всему человеческому роду. Ноты социального пессимизма усиливаются

В

романе

«

Пенденнис» (1850). Ослабление обличительного пафоса заметно в семейной хронике «

Ньюкомы» (1855). Исторические романы «История Генри Эсмонда» (1852), «Виргинцы» (1857). Сборник сатирических эссе

«Книга снобов» (1847), книга очерков «Английские юмористы XVIII века» (1853). Цикл пародий «Романы прославленных сочинителей» (1847). Иллюстратор собственных сочинений.

В романе Уильяма Теккерея «Записки Барри Линдона, эсквайра, писанные им самим» можно отыскать портрет джентльмена-щеголя, типичного представителя «золотой молодежи» Англии XIX века. Вот как этот денди говорит о самом себе: «У меня была по меньшей мере дюжина смен парадного платья: из них три богато расшитые золотом, а две отделанные серебром, и к ним богатая шуба гранатового цвета, подбитая соболями, и другая, из французского дымчатого плюша с серебряным шитьем, на шиншилле. До-

ма я щеголял в штофных халатах. Я учился играть на гитаре и мастерски вторил исполнителям французских песен».

Из этой цитаты нетрудно сделать вывод: гитара являлась неременной принадлежностью богатого дома.

Роман «Ревекка и Ровена» представляет собой блестящую пародию на Вальтера Скотта. В нем действуют самые разномастные герои, от Айвенго и Робин Гуда до легендарного Ричарда Львиное Сердце. Знаменитый сатирик с издевкой рисует портрет короля: «После танцев Его Величество приказывал подать себе гитару и начинал петь. Говорили, что эти песни он сочиняет сам – и слова и музыку, – но всякий, кто читал «Жизнеописания лорд-канцлеров», сочинение лорда Кампобелло, знает, что был некто Блондель, который писал для короля музыку; а что касается слов, то, когда их сочиняет король, охотников восхищаться наверняка найдется много. Его Величество исполнял балладу – всецело заимствованную – на мотив, заигранный всеми шарманщиками христианского мира, и, обернувшись к придворным, спрашивал: «Ну, как вы находите? Это я сложил нынче утром». Или: «Блондель, что скажешь об этой теме в B-moll?»»

В данном карикатурном портрете монарха с гитарой в руках можно признать и прусского короля Фридриха Великого, который баловался игрой на флейте, привлекая в качестве аккомпаниатора сына гениального Иоганна Себастьяна Баха. Впрочем, лучше бы прославленный немецкий полко-

водец никогда не выпускал из рук музыкальный инструмент, вместо того, чтобы взять шпагу или подзорную трубу. Возможно, тогда европейская история стала бы менее кровавой.

ТЕОФИЛЬ ГОТЪЕ

Готье, Теофиль (1811-1872) – французский писатель и критик, один из вдохновителей «Парнаса». Обосновал теорию «искусства для искусства» (предисловие к книге «Мадемуазель де Мопен», 1835-1836, книга «Новое искусство», 1852). Романтические, со следами байронического демонизма поэтические сборники («Комедия смерти», 1838). Приключенческий роман «Капитан Фракасс» (1863), сборник лирических миниатюр «Эмали и камней» (1852), рассказы, путевые очерки.

Действие романа «Капитан Фракасс» Теофиля Готье происходит во Франции времен Людовика XIII. В нем есть комическая сценка: «Матамор, желая быть галантным кавалером, велел слуге принести гитару, поставил ногу на тумбу и начал щекотать брюшко инструмента, чтобы вызвать у него мелодический смех. А сам принялся по-испански мурлыкать куплеты сегедильи с такими взвизгиваниями, с такими гнусавыми мяукающими нотами, словно это кот Раминагробис пел серенаду сидящей на крыше белой кошечке».

В начале XVII века испанский инструмент уверенно начал завоевывать Европу, малопомалу вытесняя лютню.

У Теофиля Готье есть стихотворение «Вариации на тему «Венецианского карнавала». Какие только инструменты не участвуют в разгульном веселье: скрипки, шарманки, кларнеты, флейты... Да, наша любимица гитара тоже творит «неотвязчивый напев»: «И гитаристки вновь и вновь /

Его твердят в кафешантанах, / Печально вскидывая бровь /
На выкрики и хохот пьяных». Грустно. К лицу ли ей, шестиструнной прелестнице, эта уличная грязь? И лишь одно утешает, что напев-то, в отличие от публики, прекрасный и дивный: «Как будто ухватив крючком / Его в какой-то вечер синий / Своим божественным смычком / Поймал кудесник Паганини»».

Пошлость и красота в реальной жизни могут соседствовать, но это никак не роднит данные понятия. Слишком велика нравственная дистанция между мерзостью жизни и чудом искусства!

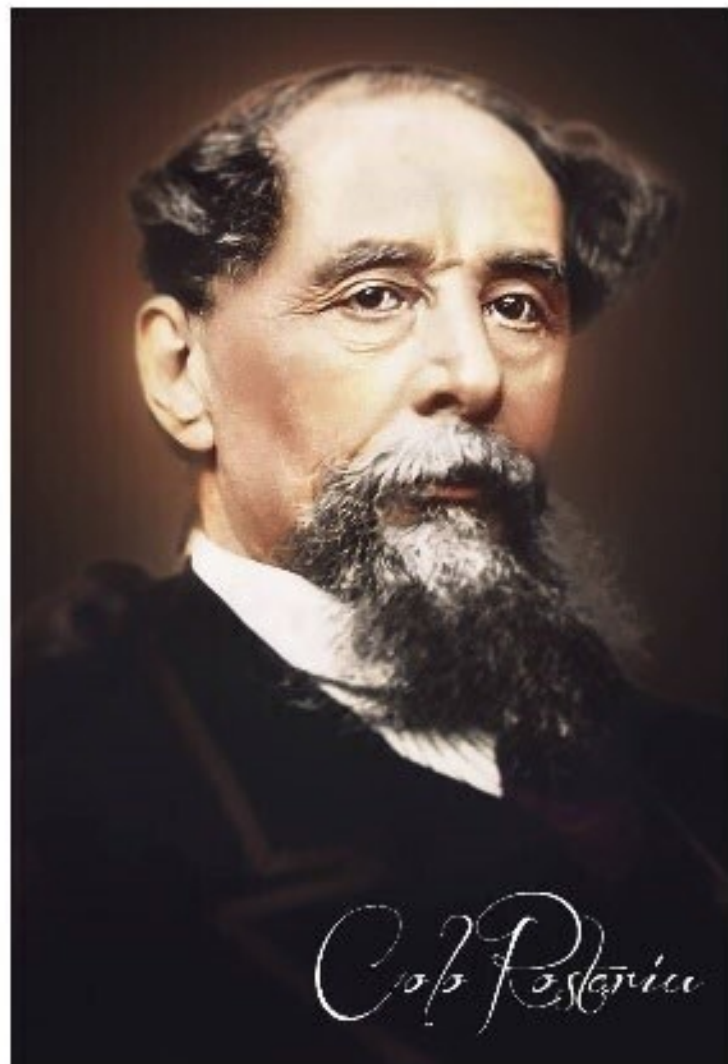
Ни один влюбленный не питал такой страстной любви к даме сердца и такой яростной ненависти к соперникам, как герой стихотворения «Rondalla» («Фантазия») Теофиля Готье. Он решителен и настойчив в своих намерениях: «Моя голубка и орлица, / Моя царица и дитя. / Я снова здесь – ты можешь не злиться! – / Я взял гитару не шутя. / На тумбу став ногой упрямой, / Хотя б всю ночь я проторчу, / Чтоб увидеть за темной рамой / Твой профиль и твою свечу. / Здесь не играть другим гитарам, / Здесь я играю, я пою, / И переулочек – мой! Недаром / Я славлю здесь любовь мою».

Затем он извергает поток гнева и ненависти к тому, кто посмеет приблизиться к нему. Грозится отрезать ему уши и нос. Готов расправиться даже с Вельзевулом, то есть с самим дьяволом.

Гитара не раз была свидетельницей кровавых поединков

соперников, претендующих на руку и сердце красавицы.

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

Cos Postema

Диккенс, Чарльз (1812-1870) – английский писатель. Юмористические нравоописательные «Очерки Боза» (1836) посвящены обитателям различных слоев лондонского общества. В сентиментальном романе «Посмертные записки Пиквикского клуба» (1837) свойственные Диккенсу ирония и сатира побеждаются своеобразным диккенсовским комизмом, обусловленным верой в доброе начало человека. Пафосом сострадания к униженным (особенно к переживаниям детской души), неприятием всех форм социальной несправедливости проникнуты авантюрно-приключенческие романы «Приключения Оливера Твиста» (1838), «Николас Никльби» (1839), «Мартин Чезлвит» (1844). Социальный оптимизм Диккенса (романы «Лавка древностей», 1841, «Рождественские повести», 1843-1846) вступал в противоречие с гротескнореалистическим изображением губительной психологии собственничества и прагматизма (романы «Домби и сын», 1848, «Дэвид Копперфильд», 1850, «Холодный дом», 1853). Детективный роман «Тайна Эдвина Друдра» (1870). Рисуя драматическую картину английской жизни, Диккенс вносил в нее смягчающие сказочносентиментальные оттенки (романы «Тяжелые времена», 1854, «Крошка Доррит», 1857). Основные нравственные коллизии романов

Диккенса – столкновение бескорыстного, великодушного или беззащитного героя с миром эгоистических страстей и расчета, олицетворяемым низким «злодеем» или холодным рационалистом (иногда способным к нравственному преображению).

В «Очерках Боза» Чарльз Диккенс едко высмеивает одно семейство, мистера и миссис Бригс с тремя дочерьми, которых маменька пытается как можно быстрее выдать замуж. Чтобы обзавестись новым кругом знакомых, они отправляются в путешествие. Поскольку рядом постоянно возникали конкурентки, стремящиеся отбить потенциальных женихов, нужно было любой ценой оттеснить их на задний план. «Если девицы Бригс появлялись в умопомрачительных шляпках, то девицы Тоунтон обзаводились еще более умопомрачительными. Если миссис Тоунтон надевала чепец, отливающий всеми цветами радуги, то миссис Бригс немедленно нацепляла ток, пестротой не уступающий калейдоскопу. Если мисс Софи Тоунтон пела новый романс, две из сестер Бригс исполняли новый дуэт. Однажды Тоунтоны одержали недолговечную победу, пустив в ход арфу, но Бригсы ввели в бой три гитары и разгромили неприятеля. Конца этому соперничеству не предвиделось».

Тем не менее, три гитары оказались весьма действенным оружием, с которым девицы Бригс расставаться не собирались. «Пробило девять часов, и гости повалили косяками. Мистер Сэмюэл Бригс и миссис Бригс с дочерьми прибыли

отдельно в кокетливом ялике. Три гитары в темно-зеленых футлярах и две увесистые папки с нотами, рассчитанные, видимо, на целую неделю непрерывных занятий музыкой, были бережно убраны в трюм».

Наконец, в кают-компании парохода настал час триумфа для изобретательного семейства. «Три девицы Бригс смиренно посмотрели на свою маменьку, маменька горделиво посмотрела на дочерей, а миссис Тоунтон с презрением посмотрела на всех четверых. По просьбе девиц несколько джентльменов кинулись за гитарами и так усердствовали, что зеленые футляры серьезно пострадали. Засим появилось три умиительно маленьких ключика к вышеозначенным футлярам, и – о ужас! оказалось, что одна струна лопнула; тут началось завинчивание, натягивание, закручивание и настраивание, а в это время миссис Бригс разъясняла всем и каждому, как страшно трудно играть на гитаре, и тонко намекала на блестящие успехи, достигнутые ее дочерьми в этом волшебном искусстве. Миссис Тоунтон шепнула соседке, что «просто слушать тошно!» – а девицы Тоунтон своим видом показывали, будто сами отлично умеют играть на гитаре, но считают это ниже своего достоинства. Наконец, девицы Бригс приступили к делу. Они исполнили новый испанский опус для трех голосов и трех гитар. Публика слушала точно наэлектризованная. Все взоры устремились на капитана, ибо он, как стало известно, побывал однажды со своим полком в Испании и, следовательно, обязан был хорошо

знать музыку этой страны. Капитан пришел в неопишувемый восторг. Это послужило сигналом: по требованию публики трио бисировали; сестрам Бригс устроили овацию, и Тоунтоны были окончательно посрамлены».

Несмотря на ернический тон, Диккенс все же дает понять читателю: умение играть на гитаре – редкостный дар, который грех зарывать в землю.

Герой романа «Торговый дом Домби и сын» щедро делится своим житейским опытом с окружающими. В частности, и таким, который относится к музыке. «Мистер Фидер говорит также, что он порекомендовал бы мистеру Тутсу – если тому угодно прислушаться к его совету – выучиться играть на гитаре или хотя бы на флейте, ибо женщины, когда вы за ними ухаживаете, любят музыку, и он сам в этом убедился».

Комичная рекомендация мистера Фидера, тем не менее, не так уж наивна. Общаться с музыкально просвещенным человеком куда интереснее, чем с неотесанным мужланом. Игра на гитаре, если это серьезное увлечение, способствует духовному развитию личности.

Одна из героинь романа «Холодный дом», миссис Беджер, мастерски умела «подать себя». К примеру, ожидая гостей, она обычно «сидела в гостиной, окруженная разнообразными предметами, по которым можно было догадаться, что она немножко пишет красками, немножко играет на рояле, немножко – на гитаре, немножко – на арфе, немножко поет, немножко вышивает, немножко читает, немножко пишет

стихи и немножко занимается ботаникой. Это была женщина лет пятидесяти, с прекрасным цветом лица, одетая не по возрасту молодо. Если к небольшому списку ее занятий я добавлю, что она немножко румянилась, то вовсе не для того, чтобы ее осудить».

Нетрудно понять, что умение музицировать на гитаре считалось в викторианской Англии пристойным занятием для дамы из благородного круга.

В книге «Картины Италии» Диккенс делится своими впечатлениями о рынке в Неаполе: «Кукольники с Пульчинеллой, исполнители веселых куплетов под гитару, декламаторы, рассказчики, ряды дешевых балаганов с клоунами и фокусниками, барабаны, трубы, размалеванные холсты, изображающие чудеса внутри заведения, и восхищенные толпы зевак снаружи усугубляют толчею и сумятицу».

Забавно, что это единственное упоминание о гитаре в солидной по объему книге, написанной в 1846 году! Английский писатель, похоже, не был меломаном, его больше интересовали пейзажи и жанровые сценки.

Творчеству Чарльза Диккенса свойствен мягкий, незлобивый юмор. Его очерки привлекают внимание читателя меткостью характеристик. Так, в «Нашем французском курорте» встречается одно интересное наблюдение: «На пристани обычно есть гитара, которая отважно пытается своим треньканьем перекрыть свирепый гул моря, и всегда есть какойнибудь мальчик или женщина без голоса, которые поют

песенки без мелодии; песня, которую нам приходилось чаще всего слышать, представляла собой призыв к «охотнику» не губить лучшую дичь – ласточку».

Все правильно: в праздной толпе отдыхающих гитара дает шанс заработать на жизнь тем, кто нуждается.

**АЛЕКСАНДР
ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН**

*Александр Иванович
Герцен*

Герцен, Александр Иванович (1812-1870) – российский революционер, писатель, философ. Внебрачный сын богатого помещика И.А. Яковлева. Окончил Московский университет (1833), где вместе с Н.П. Огаревым возглавлял революционный кружок. В 1834 году арестован, шесть лет провел в ссылке, позднее эмигрировал. Печатался с 1836 года под псевдонимом Искандер. Создал мемуарную книгу «Былое и думы».

Герцен, отбыв ссылку в Вятке, должен был продолжать службу в Петербурге, в канцелярии министерства внутренних дел. Российское чиновничество и внешняя добропорядочность коллег тяготили его, о чем в «Былом и думам» он высказался следующим образом: «Я не видал здесь пьяных чиновников, не видал, как берут двугривенники за справку, а что-то мне казалось, что под этими плотно пригнанными фраками и тщательно вычесанными волосами живет такая дрянная, черная, мелкая, завистливая и трусливая душонка, что мой столоначальник в Вятке казался мне больше человеком, чем они. Я вспоминал, глядя на новых товарищей, как он раз, на пирушке у губернского землемера, выпивши, играл на гитаре плясовую и, наконец, не вытерпел, вскочил с гитарой и пустился вприсядку; ну, эти ничем не увлекутся, в них не кипит кровь, вино не вскружит им голову».

В гитаре знаменитый вольнодумец видел инструмент, который способен пробудить в человеке нечто доброе, хоть и

бесшабашное. Герцен верил в то, что искусство облагораживает людей!

Герцен, человек наблюдательный, остроумный и частенько желчный, рассказал в «Былом и думах», как на одном из социалистических сборищ родилась идея «отслужить» «Марсельезу». К превеликой досаде автора этой идеи выяснилось, что никто из присутствующих, за исключением Ворцеля, толком не знает слов боевой песни. Чтобы как-то спасти положение, пригласили некую американку, и та на гитаре исполнила памятную всем мелодию.

Так что и в революционной среде испанский инструмент был известен и любим!

ЭДУАРД ЛИР

Лир, Эдуард (1812-1888) – английский писатель, художник, путешественник. Один из создателей поэзии нонсенса (бессмыслицы) – жанра лимериков.

Английский поэт XIX века Эдуард Лир прославился как автор множества веселых детских стихотворений. В истории

«Кот и Сова» комический эффект достигается нагромождением несуразностей: «Кот и Сова, / Молодая вдова, / Отправились по морю в шлюпке, / Взяв меду в дорогу / И денег немного / (Чтоб за морем делать покупки). / Сова, поглядев на луну, / На волну, / Запела под звон гитары: / "Ах, милый мой Кот, ты хорош / И пригож. / Давай обручимся – нигде не найдешь / Такой восхитительной пары, / Такой, такой, / Такой, такой, / Такой восхитительной пары"».

Серенада, спетая вдовой под аккомпанемент гитары для своего кавалера, – это нечто неслыханное для чопорной викторианской эпохи, так что смех читателей был гарантирован.

ЮЗЕФ КРАШЕВСКИЙ

Юзеф Крашевский

Крашевский, Юзеф Игнацы (1812-1887) – польский писатель. Автор «крестьянских» романов «Улья-

на» (1843), «Остап Бондарчук» (1847) и цикла романов из истории Польши («Графиня Козель», 1874, «Старое предание», 1876, и других).

Юзеф Игнацы Крашевский в романе «Король холопов» обращается к царствованию польского короля Казимира III, правившего с 1333 года по 1370 год. Один из героев повествования, Кохан, фаворит короля, обожал роскошь и неплохо музицировал. Его покои поражали воображение. «Главная комната и спальня были наполнены красивыми вещами... Одна стена была вся украшена красивым оружием, луками, колчанами, унижанными жемчугом, металлическими щитами, мечами, подвешенными на тяжелых широких поясах, которые часто стоили дороже, чем сами мечи. Стол, стоявший посреди комнаты, покрытый ковровой скатертью, был уставлен дорогими золотыми изделиями. Одним словом, на всем лежала печать богатства и роскоши, а цитра, приютившаяся в углу, заставляла предполагать, что Кохан когда-то занимался музыкой. В действительности, любимый гитарист венгерской королевы Елизаветы, большой любительницы музыки и возившей с собой повсюду музыкантов и певцов, научил Кохана аккомпанировать ему во время пения».

Ценные сведения сообщает Крашевский. Значит, уже в XIV веке гитара, наряду с цитрой, родственным ей инструментом, была известна в Восточной Европе, где пользовалась покровительством августейших особ!

**ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ
АННЕНКОВ**

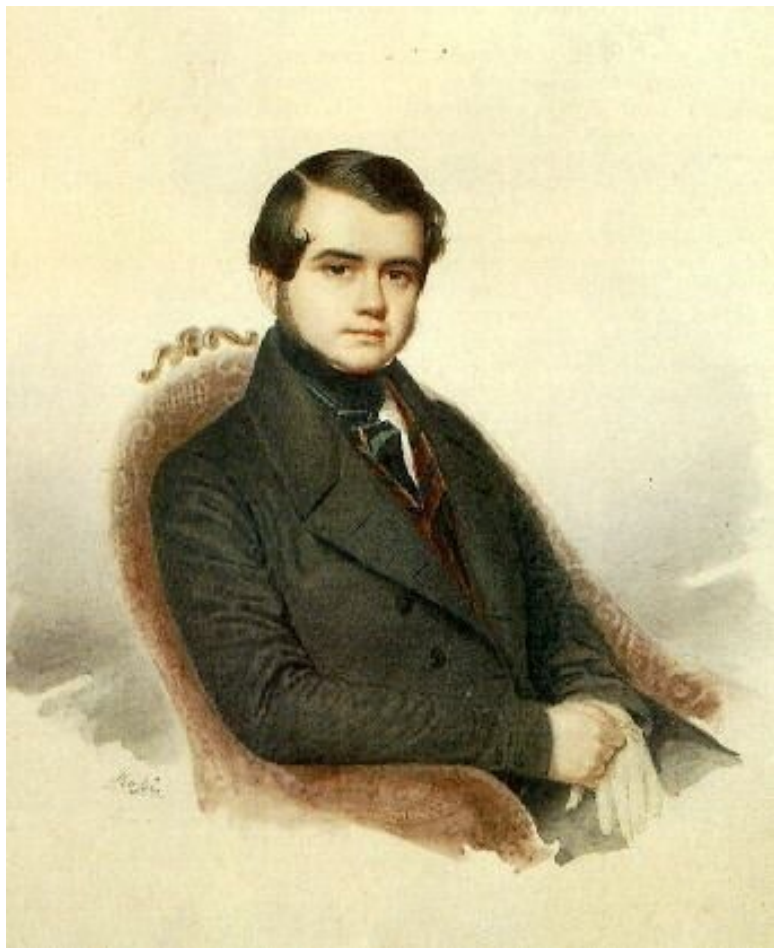
Анненков
Павел Васи́льевич

Анненков, Павел Васильевич (1813-1887) – российский литературный критик, мемуарист. Представитель эстетической критики.

Анненков оставил мемуарные записи о своих встречах с Гоголем в Риме в 1841 году. Описывая обычаи и нравы жителей Вечного города, он отмечает, что молодежь очень любила ночные прогулки: «Бряцание гитары и музыкальный строй голосов особенно хороши бывали при ярком блеске луны: чудная песня как будто скользила тогда тонкой серебряной струей по воздуху, далеко расходясь в пространстве».

Надо полагать, Гоголь тоже слушал эти импровизированные уличные концерты, и он умилялся ими.

**ВЛАДИМИР
АЛЕКСАНДРОВИЧ СОЛЛОГУБ**

Соллогуб, Владимир Александрович (1813-1882) –

граф, русский писатель. Повесть «Тарантас» (1845) с меткими зарисовками провинциального быта, повести из светской жизни, водевили, комедии. Мемуары.

Владимир Соллогуб прославился повестью «Тарантас», в которой двое путешественников решают посетить цыганскую стоянку, расположившуюся неподалеку от уездного города. Вот что они там наблюдают: «Весь табор зашевелился. Старухи бегали между телегами и сзывали молодых. Молодые поспешно наряжались за холстами, ребяташки прыгали, мужчины низко кланялись и настраивали гитары. «Живее, живее, бабы, господа дожидаются!» – кричал атаман».

Надо ли удивляться, что гитара – это главный инструмент, который ценит и любит настоящий цыган, а пение под гитару поднимает настроение каждому, кто слышит его.

**МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ**

**Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814-1841) – великий
русский поэт.
Окончил
Санкт-**

Петербургскую школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (1834). В 1837 году за стихотворение «Смерть поэта» (о гибели А.С. Пушкина) был сослан в армию на Кавказ. Убит на дуэли в Пятигорске.

Разочарование

В

действительности, характерное

для

после

декабрьских

умонастроений, скептицизм, стремление к идеалу свободной и мятежной личности питали его ранние романтические стихи, а в зрелой лирике – и мечта о душевном покое («Дума», «И скучно и грустно», «Молитва», «Пророк», «Выхожу один я на дорогу»).

Поэма «Мцыри» (1839). Драма «Маскарад» (1835). Роман «Герой нашего времени» (1840), насыщенный глубокой социальной рефлексией и психологическим содержанием, – вершина реализма Лермонтова.

Михаил Лермонтов, горячий поклонник гитариста Михаила Тимофеевича Высотского, посвятил ему стихотворение «Звуки» (1830): «Что за звуки! Неподвижен внемлю / Сладким звукам я; / Забываю вечность, небо, землю, / Самого себя...»

Русский поэт, прекрасно игравший на скрипке, по достоинству оценил вдохновенные импровизации выдающегося артиста.

**АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
ТОЛСТОЙ**

Толстой, Алексей Константинович (1817-1875) – граф, русский писатель, член-корреспондент Петербургской академии наук (1873). Баллады, сатирические стихи, исторический роман «Князь Серебряный» (опубликован в 1863), драматическая трилогия «Смерть Иоанна Грозного» (1866), «Царь Федор Иванович» (1868) и «Царь Борис» (1870). Проникновенная лирика, с

ярко

выраженным

музыкальным

началом, психологические новеллы в стихах

(«Средь шумного бала, сл

учайно...»), «То было раннею весной»). Совместно с

братьями Жемчужниковыми создал пародийный об-

раз Козьмы Пруткова.

Высшим достижением «испанской» романтической темы,

начатой с благословения Пушкина, следует признать поэму

Алексея Константиновича Толстого «Дон Жуан». «Гаснут

дальней Альпухары / Золотистые края, / На призывный звон

гитары / Выйди, милая моя! /... От Севильи до Гренады / В

тихом сумраке ночей / Раздаются серенады, / Раздается звон

мечей...».

«Серенада Дон Жуана» Чайковского, написанная на эти стихи, до сей поры не теряет своей красоты.

МАЙН РИД

**Рид, Томас
Майн
(1818-1883)
– английский
писатель.
Авантюрно-**

приключенческие романы связаны с темой борьбы и страданий угнетенных народов Америки («Белый вождь», 1885, «Квартеронка», 1856, «Оцеола, вождь семинолов», 1858). Реалистические зарисовки быта и нравов Техаса содержит роман «Всадник без головы» (1866). Сочинениям Рида свойственны гуманизм, драматическая напряженность сюжета.

В романе Майн Рида «Квартеронка», действие которого разворачивается в Луизиане, рабовладельческом штате США, есть свидетельство того, какое место занимала гитара в быте американцев XIX века. Герой расспрашивает старого негра-слугу про смуглокожую рабыню Аврору, в которую влюбился, и тот простодушно выкладывает ему все, что знает: «Рора – ученая девушка, очень ученая! Она знает очень много вещей, совсем как белые люди. Играет на пьянине, играет на гитаре. Гитара – она похожа на банджо, и старый Зип тоже умеет на ней играть. Да, он тоже. Ух-х!»

Как видим, в те времена шестиструнный испанский инструмент считался изысканным, благородным, свидетельствовал о высоком общественном положении его владельца.

Роман «Американские партизаны», посвященный одной из бесконечных гражданских войн в Мексике в XIX веке, содержит множество бытовых зарисовок. Из них, в частности, можно понять, насколько популярна была гитара в Латинской Америке. Характерно описание усадьбы небогатого помещика: «Средства дона Игнацио не позволяли ему держать

многочисленной прислуги. Ничто, впрочем, не указывало на его бедность. Гостиная была невелика, но хорошо меблирована, книги, арфа, гитара и ноты изобличали утонченные вкусы хозяев. Луиза Вальверде искусно играла на обоих инструментах, весьма распространенных в ее стране».

Похоже, что умение играть на гитаре, наряду с начитанностью, считалось в Мексике признаком хорошего тона.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ МЕЛЬНИКОВ-ПЕЧЕРСКИЙ

**Мельников, Павел
Иванович**

(псевдоним – Андрей Печерский, 1818-1883) – русский писатель. Эпопеи из жизни заволжского старообрядческого купечества «В лесах» (1871-1874) и «На горах» (1875-1881), насыщенные богатым истори-

ческим, этнографическим, фольклорным материалом.

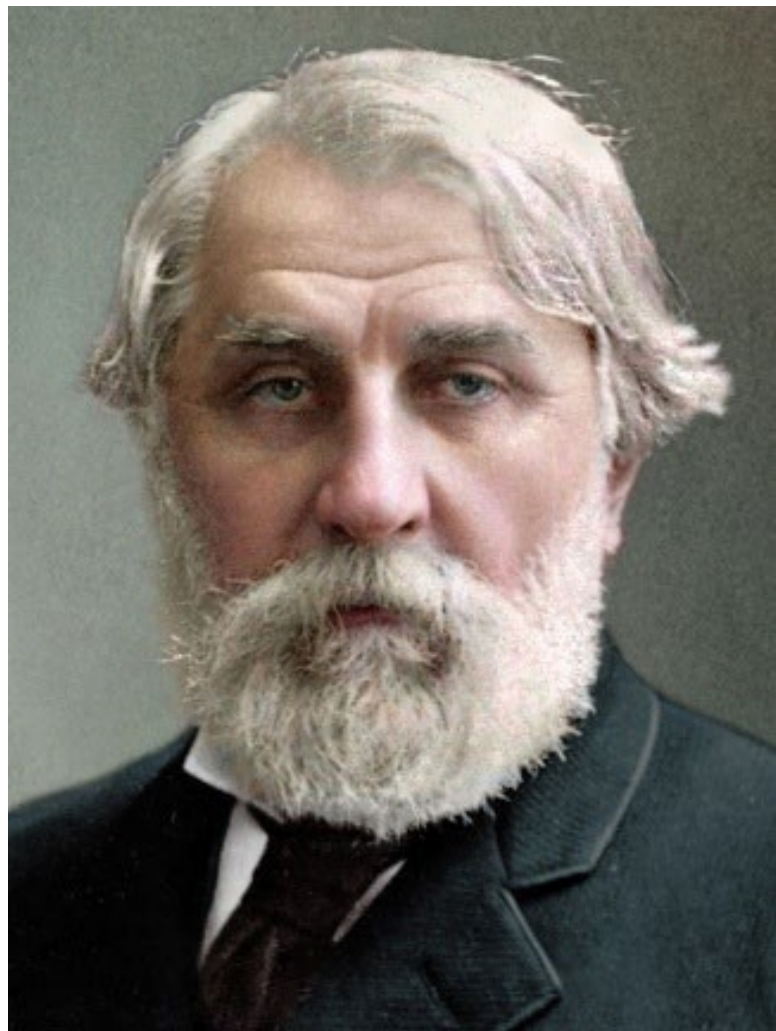
Роман Мельникова-Печерского «В лесах» весьма интересен как картина русской жизни. Особенно ярко описаны суровые нравы старообрядческих общин и разгул волжского купечества. Приведем эпизод, где во время свадьбы судьба сталкивает аскета и забулдыгу:

«А как встали из-за стола и справили уставные поклоны перед иконами, Самоквасов тотчас схватил припасенную на всякий случай Феклистом гитару, ударил в струны и запел удалую. К нему пристали саратовец и Феклист с хозяйкой: «Как по погребу бочоночек катается. / А Василий – от князь над женой надругается...»

Бросив гитару саратовцу, сильной рукой ухватил Самоквасов Василья Борисыча и пошел с ним плясать, заливаясь ухарской песней: «Ой вы, ветры-ветерочки, / Вы не дуйте на песочки...»

Звуки чудесного инструмента снимают напряжение, заставляют героя забыть о горестях и обидах.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

Тургенев, Иван Сергеевич (1818-1883) – русский писатель, член-корреспондент Петербургской академии наук (1860). В цикле рассказов «Записки охотника» (1847-1852) показал высокие духовные качества и одаренность русского крестьянина, поэзию природы. В социально-психологических романах «Рудин» (1856), «Дворянское гнездо» (1859), «Накануне» (1860), «Отцы и дети» (1862), повестях «Ася» (1858), «Вешние воды» (1872) созданы образы уходящей дворянской культуры и новых героев эпохи – разночинцев и демократов, образы самоотверженных русских женщин. В романах «Дым» (1867) и «Новь» (1877) изобразил жизнь русских за границей, народническое движение в России. На склоне

жизни создал лирико-философские «Стихотворения в прозе» (1882). Мастер языка и психологического анализа, Тургенев оказал существенное влияние на развитие русской и мировой литературы.

В одном фрагменте романа «Отцы и дети» Иван Тургенев весьма убедительно описывает муки начинающего гитариста: «Петр даже в третьем часу ночи все еще пытался сыграть на гитаре вальс-казак. Струны жалобно и приятно звучали в неподвижном воздухе, но, за исключением небольшой первоначальной фиоритуры, ничего не выходило у образованного камердинера: природа отказала ему в музыкальной

способности, как и во всех других».

Совершенно справедливое замечание: труд, не освященный талантом, не способен открыть врата в храм Искусства.

В рассказе «Чертопханов и Недопюскин», входящем в сборник «Записки охотника», колоритно изображен быт русского небогатого помещика, любителя общедоступной музыки. «Маша выпорхнула в другую комнату, принесла гитару, сбросила шаль с плеч долой, проворно села, подняла голову и запела цыганскую песню. Ее голос звенел и дрожал, как надтреснутый стеклянный колокольчик, вспыхивал и замирал... Любо и жутко становилось на сердце. «Ай жги, говори!..» Чертопханов пустился в пляс. Недопюскин затопал и засеменял ногами. Машу всю поводило, как бересту на огне, тонкие пальцы резво бегали по гитаре, смуглое горло медленно приподнималось под двойным янтарным ожерельем».

Великому писателю не откажешь в красоте и образности литературного языка! Гитара дала ему вдохновение.

То, что в России широкое распространение гитары в XIX веке начиналось с дворянства, несомненно. Умение играть на инструменте сильно поднимало авторитет офицеров, чиновников, провинциальных помещиков. А поскольку бары обычно содержали многочисленную дворню, то и лакеи мало-помалу перенимали «благородные» манеры, в том числе умение петь «стр-р-растные» цыганские романсы. В рассказе «Контора» читаем: «Около господской усадьбы, стоявшей к улице задом, происходило, что обыкновенно происходит

около господских усадеб: девки в полинялых ситцевых платьях шныряли взад и вперед; дворовые люди брели по грязи, останавливались и задумчиво чесали свои спины... На крылечке темного и гнилого строения, вероятно бани, сидел дюжий парень с гитарой и не без удали напевал известный романс: «Э – я фа пасатыню удаляюсь / Ата прекарасаных седешенеха мест...» и проч.»

В данном случае «дюжий парень», по должности «казачок» или камердинер, копировал повадки своего господина!

Быт небогатого русского дворянства неплохо описан в рассказе «Однодворец Овсянников». Типичен эпизод, когда племянник барина возвращается из города: «– Где ты эти дни пропадал? – заговорил опять старик.

–

В городе был.

–

Небось все на биллиарде играл да чайничал, на гитаре бренчал, по присутственным местам шмыгал, в задних комнатах просьбы сочинял, с купецкими сынками щеголял? Так ведь?.. Сказывай!

–

Оно, пожалуй, что так, – с улыбкой сказал Митя...»

Ясно, что духовный кругозор такого барчука неширок, и только гитара позволяет ему время от времени окунуться в мир сладостных звуков.

В знаменитом рассказе «Певцы» есть живописная сценка

в деревенском кабаке: «Я увидел невеселую, хотя пеструю и живую картину: все было пьяно – все, начиная с Якова. С обнаженной грудью сидел он на лавке и, напевая осиплым голосом какую-то плясовую, уличную песню, лениво перебирал и щипал струны гитары. Мокрые волосы клочьями висели над его страшно побледневшим лицом. Посередине кабака Обалдуй, совершенно «развинченный» и без кафтана, выплясывал вперепрыжку перед мужиком в сероватом армяке...»

Увы, радость, что гитара начинает покорять бескрайние российские просторы, была отравлена прискорбным обстоятельством: опять чудесный инструмент звучит не там, где ему подобает – в трактирном угаре, под нестройный гомон хмельных голосов!

В черновиках Тургенева к повести «Степной король Лир» один из персонажей, некий Житков, характеризуется следующим образом: «Он был великий охотник до женских прелестей, но по тупоумию успевал мало, хотя и собирался обзавестись гитарой и подучиться, так как он на этом инструменте играть не умел».

Недалекий ловелас мыслит плоско. Однако музыка облагораживает даже примитивного человека, навеивает возвышенные думы.

Веретьев, герой повести «Затишье», не расставался с гитарой, даже непогода не смущала его во время импровизированных концертов.

«— Ах вы, сени, мои сени, сени новые мои... — запел он громким голосом, проворно забив всей рукой по струнам гитары. «Сени новые, кленовые», — подхватил хор, как бы невольно увлеченный. Дождик почти в то же мгновение хлынул ручьями; но Веретьев допел «Мои сени» до конца».

Этот одаренный человек готов на самые невероятные подвиги во имя любви. Вот как он обращается к предмету своего обожания:

«— Полноте, полноте, подождите! — воскликнул он. — Ну, что вы хотите? Приказывайте! Хотите вы, чтобы я поступил на службу, сделался агрономом? Хотите, чтобы я издал романсы с аккомпанементом гитары, напечатал бы собрание стихотворений, рисунков, занялся бы живописью, ваяньем, плясаньем на канате? Все, все я сделаю, все, что прикажете, лишь бы вы были мною довольны! Ну, право же, Маша, поверьте мне».

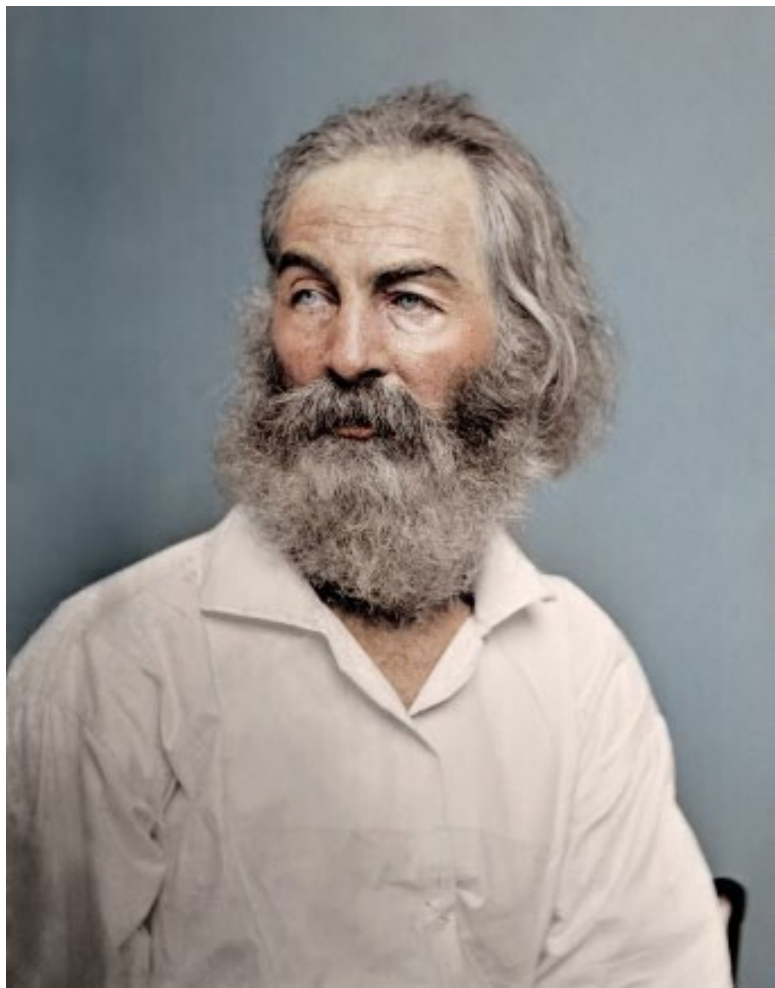
Увы, у большинства талантливых русских людей мечты не воплощаются в жизнь из-за недостаточной силы воли. Не стал исключением и Веретьев...

Иван Тургенев был блестящим прозаиком и одновременно незаурядным поэтом. Особенно ему удавались юмористические стихи. Приведем одну из его пародий: «На твой балкон взобраться снизу / Я не могу, краса моя! / Вотще к нему вздымаю руки, / Его достигнуть мне нельзя! / Балкон высок — нет мне опоры, / Но ты на помощь мне приди... / Хоть бы струну с твоей гитары, / Хоть ленту сверху мне спусти. / Иль

из волос вынь гребень частый / И волю тем дай ты кудрям, /
Что льются шелковым потоком / С плечей твоих к твоим ногам. /
За эту лестницу живую / Я тотчас смело ухвачусь / И
до тебя по ней, мой ангел, / Я доберусь, я доберусь!»

Взбираться на балкон к любимой по гитарной струне – это что-то новенькое! Вероятно, автор «Отцов и детей» ревновал к славе Козьмы Пруткова, коль скоро решил подражать ему.

УОЛТ УИТМЕН

Уитмен, Уолт (1819-1892) – американский поэт, публицист. Реформатор американской поэзии. В сборнике стихов «Листья травы» (1855-1891) идеи об очищающей человека близости к природе приняли космический характер. Любой человек и любая вещь восприняты священными на фоне бесконечной во времени и пространстве эволюции Вселенной. Чувство родства со всеми людьми и всеми явлениями мира выражено посредством преобразования лирического

героя

в

других

людей

и неодушевленные

предметы.

Уитмен

–

певец

«мировой дем

ократии», всемирного братства людей труда, позитивных наук, любви и товарищества, не знающих социальных границ.

Новатор свободного стиха.

«Что слышишь ты, Уолт Уитмен?» – вопрошает сам себя поэт и отвечает: «Я слышу, как поет рабочий, как поет жена фермера, / Я слышу вдали голоса детей и крики животных

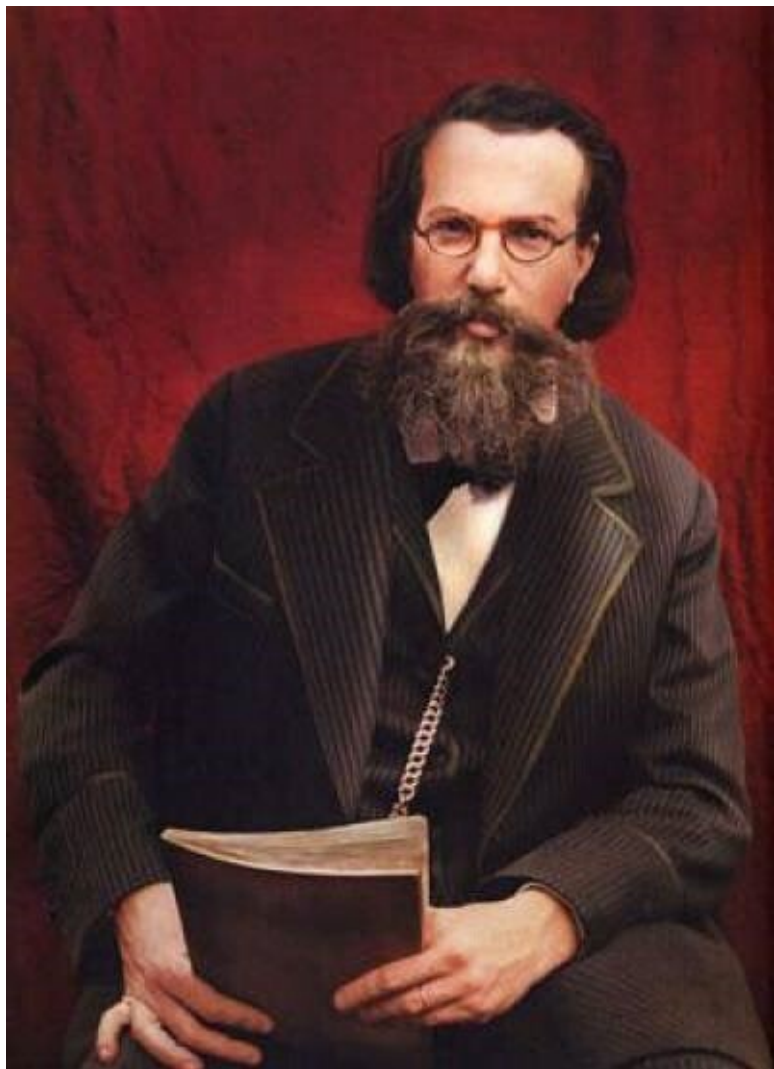
рано утром, / Я слышу, как пляшут испанцы в тени каштанов под звуки кастаньет, трехструнной скрипки, гитары, / Я слышу непрерывный гул с Темзы, / Я слышу буйные французские песни свободы, / Я слышу певучий речитатив итальянского гондольера, / Я слышу шелестящий шум саранчи, она, словно град из тучи, бьет по хлебам и травам Сирии...»

Далее перечисляются голоса многих народов земли – и у каждого свой характер: кто молится, кто распевает псалмы, кто рассказывает древние мифы и легенды, кто издает воинственный клич, кто трудится в поте лица, кто гремит тяжелыми цепями... А вот испанцы танцуют под звуки гитары и кастаньет!

Так что же, они самый счастливый народ нашей планеты? Конечно, нет! Но испанцы и гитара нераздельны, это единое целое. Именно так воспринимает их в середине XIX века человек, живущий в самой интернациональной стране мира – США.

В стихотворении «Гордая музыка бури» Уолт Уитмен пишет: «Звучит танцевальная музыка всех народов, / Вальс (этот изящный ритм, затопляющий, захлестывающий меня блаженством), / Болеро под звон гитар и шелканье кастаньет». И вновь поэт видит испанца с гитарой в руках!

**АПОЛЛОН
НИКОЛАЕВИЧ МАЙКОВ**

Майков, Аполлон Николаевич (1821-1897) – русский поэт, член-корреспондент Петербургской академии наук

(1853). Антологическая поэзия, лирика, посвященная темам европейской и русской истории, искусству, стихи о природе. Поэмы («Две судьбы», 1845, «Машенька», 1846, «Клермонтский собор», 1853).

Порой гитара и тихая песня становятся отвлекающим маневром любовников, чтобы усыпить бдительность ревнивого мужа. Такой несколько комичный мотив мы встречаем у Аполлона Майкова: «О, как много б при свиданье / Я хотел тебе сказать; / Слышать вновь твое признание / И ревнивца поругать... / Чу! твой голос! песни звуки... / И гитары тихий звон... / Усыпляй его, баюкай... / Тише... что?.. заснул уж он? / Ты в мантилье, в маске черной / Промелькнула перед окном; / Слышу, с лестницы проворно / Застучала башмачком...»

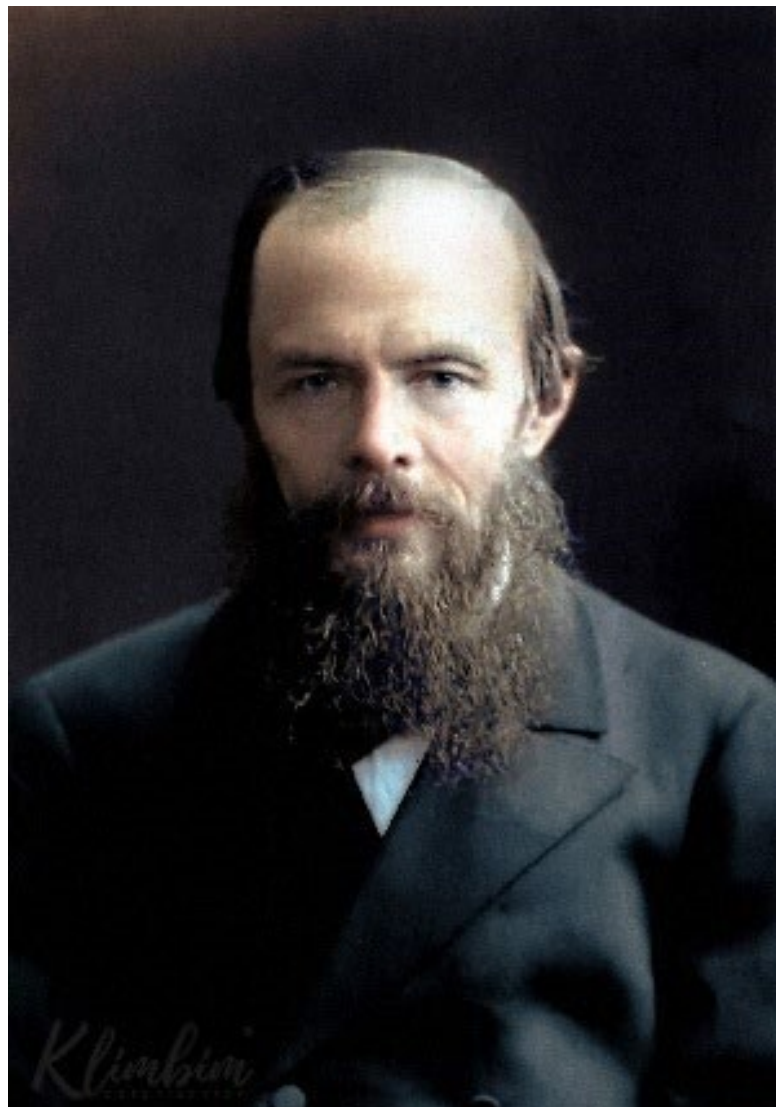
Эта потешная бытовая сценка дана поэтом в стихотворении «Amogoso», что означает «любовник» в переводе с итальянского.

В «Исповеди королевы» точно и красочно отображена повседневная жизнь испанцев XIX века. «Искони твердят испанки: / «В кастаньеты ловко брякать, / Под ножом вести ин-

тригу / Да на исповеди плакать – / Три блаженства только
в жизни!» / Но в одной Севилье старой / Так искусно каста-
ньеты / Ладят с звонкою гитарой; / Но в одной Севилье ста-
рой / Так под звездной ризой ночи / Жены нежны, смел лю-
бовник / И ревнивца зорки очи; / Но в одной Севилье ста-
рой / Так на утро полны храмы / И так пламенно стремятся /
Исповедоваться дамы...»

Гитара, любовная страсть и глубокая религиозность – вот
чем определяется ментальность испанского народа по сего-
дняшний день.

**ФЁДОР МИХАЙЛОВИЧ
ДОСТОЕВСКИЙ**

Klimbin

Достоевский, Фёдор Михайлович (1821-1881) – русский писатель, член-корреспондент Петербургской академии наук (1877). В повестях «Бедные люди» (1846), «Белые ночи» (1848),

«Неточка Незванова» (1849, не окончена) описал страдания

«маленького» человека как трагедию социальную. В повести «Двойник» (1846) дал психологический анализ расколотого сознания. Участник кружка М.В.Петрашевского, Достоевский в 1849 году был арестован и приговорен к смертной казни, замененной каторгой (1850-1854) с последующей службой рядовым. В 1859 году возвратился в Санкт-Петербург. «Записки из Мертвого дома» (1861-1862) – о трагических судьбах и достоинстве человека

на каторге. В романах «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Бесы» (1871-1872), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1879-1880) – философское осмысление социального и духовного кризиса России, диалогическое столкновение самобытных личностей, страстные поиски общественной и человеческой гармонии, глубокий психологизм и трагизм.

Федор Достоевский, рисуя в «Записках из мертвого дома» быт каторжан, рассказывает о праздничных рождественских

дней: «Многие расхаживали с собственными балалайками, тулупы внакидку, и с молодецким видом перебирали струны. В особом отделении образовался даже хор, человек из восьми. Они славно пели под аккомпанемент балалаек и гитар».

И несколько дальше описывает уже сам концерт: «Этот оркестр стоит упоминания. Сбоку, по нарам, разместилось человек восемь музыкантов: две скрипки (одна была в остроге, другую у кого-то заняли в крепости, а артист нашелся и дома), три балалайки – все самодельщина, две гитары и бубен вместо контрабаса. Скрипки только визжали и пилили, гитары были дрянные, зато балалайки были неслыханные. Проворство переборки струн пальцами решительно равнялось самому ловкому фокусу. Игрались все плясовые мотивы. В самых плясовых местах балалаечники ударяли костями пальцев о деку балалайки; тон, вкус, исполнение, обращение с инструментами, характер передачи мотива – все было свое, оригинальное, арестантское. Один из гитаристов тоже великолепно знал свой инструмент. Это был тот самый из дворян, который убил своего отца».

В середине XIX века в России гитара перестала быть диковинкой и уверенно зазвучала даже за Уралом, «во глубине сибирских руд».

У Достоевского гитара выступает преимущественно как атрибут угарного хмельного веселья, пресловутой «цыганщины». Скажем, Родион Раскольников в «Преступлении и наказании» проходит мимо кабака. Оттуда слышно было,

как «среди хохота и взвизгов, под тоненькую фистулу разудалого напева и под гитару, кто-то отчаянно отплясывал, выбивая такт каблуками».

В романе «Братья Карамазовы» гитаре отведено неподобающе малое внимание. Читаем, как Смердяков ухаживает за дамой в саду: «Один мужской голос вдруг запел сладенькою фистулой куплет, аккомпанируя себе на гитаре:

Непобедимой силой

Привержен я к милой Господи пом-и-илуй Ее и меня!

Ее и меня!

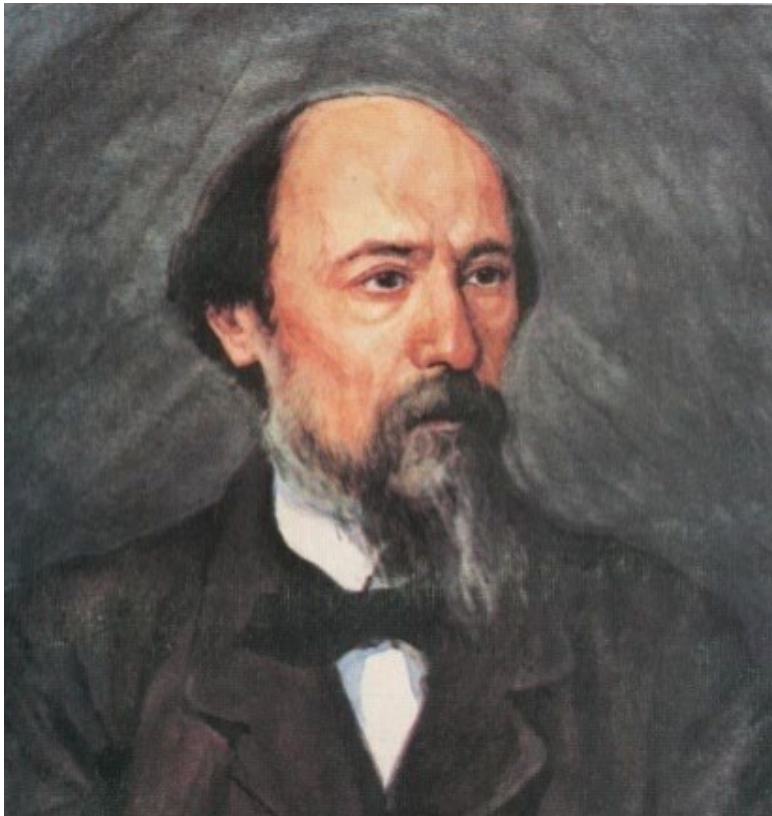
Ее и меня!

Голос остановился. Лакейский тенор и выверт песни лакейский».

В другом месте романа заходит речь о поклоннике цыганки Груши, некоем полячишке со шляхетскими амбициями. Героиня взволнованно рассказывает: «Я, дура, к нему тоже забежала, всего только на минутку, когда к Мите шла, потому разболелся тоже и он, пан-то мой прежний, – начала опять Грушенька, суетливо и торопясь, – смеюсь я это и рассказываю Мите-то: представь, говорю, поляк-то мой на гитаре прежние песни мне вздумал петь, думает, что я расчувствуюсь и за него пойду. А Митя-то как вскочит с ругательствами... Так вот...»

Как правило, автор дает в руки гитару отрицательным персонажам, что явно принижает благородный испанский инструмент, уравнивает его с подлецами.

**НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕКРАСОВ**

Некрасов, Николай Алексеевич (1821-1877/78) – русский поэт. В 1847-1866 годах – редактор-издатель журнала «Современник». С 1868 года – редактор (совместно с М.Е. Салтыковым) журнала «Отечественные записки». В изображении повседневного быта город-

ских низов, крестьянских будней, женской доли, мира детства «муза мести и печали» поэта особенно чутка к несправедливости, к человеческой боли.

Стихотворение «Свадьба» Николая Некрасова написано в 1855 году. Это образец, так сказать, «жанровой» поэзии, которую с восторгом принял бы художник Павел Федотов, если бы, увы, не умер тремя годами раньше. Не правда ли, перед нами описание события, достойного его реалистической кисти: «Вот у налоя стоят молодые: / Парень-ремесленник фертом глядит, / Красен с лица и с затылка подбрит – / Видно: разгульного сорта детина! / Рядом невеста: такая кручина / В бледном лице, что глядеть тяжело... / Бедная женщина! Что вас свело? / Вижу я, стан твой немного полнее, / Чем бы... Я понял! Стыдливо краснея / И нагибаясь, свой длинный платок / Ты на него потянула... Увлек, / Видно, гуляка подарком да лаской, / Песней, гитарой, да честною маской? / Ты ему сердце свое отдала...»

Что и говорить! Гитара в руках обольстителя обладает воистину колдовской силой.

ГЮСТАВ ФЛОБЕР

Флобер, Гюстав (1821-1880) – французский писатель. Реалистическая картина нравов общества нарисована в романах «Госпожа Бовари» (1857) – страдания женской души, засасываемой рутинной провинциальной жизни, и «Воспитание чувств» (1869) – история неудач и разочарований молодого человека. Блестящий стилист, Флобер оказал влияние на развитие реализма в мировой литературе.

Леон, герой романа Гюстава Флобера «Госпожа Бовари», тяготится скучной жизнью в провинции, где нет шансов сделать карьеру. Париж – вот где можно развернуться! «Он стал мысленно готовиться к отъезду. Он заблаговременно обдумал план занятий».

Решил, как именно обставить комнату. Он будет вести артистический образ жизни! Будет учиться играть на гитаре! Заведет халат, баскский берет, голубые бархатные туфли! Он представлял себе, как он повесит над камином две скрещенные рапиры, а над рапирами – гитару и череп».

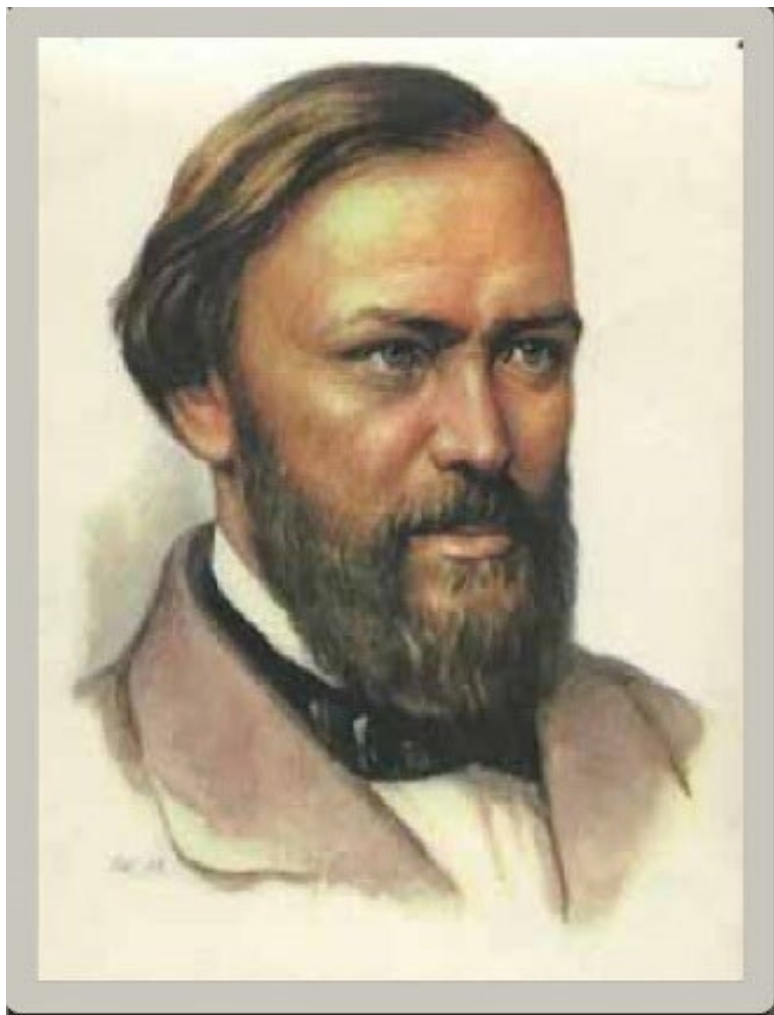
Молодой человек, вероятно, представлял себе столичную жизнь, начитавшись модных романов. Она казалась ему пленительно сладкой и легкой, словно изящная гитарная импровизация.

Эмма Бовари, лежа в супружеской постели, тоже отдается грезам. Ей чудится, «как четверка лошадей мчит ее в неведомую страну, откуда ни она, ни Родольф никогда не вер-

нутся. Они едут, едут, молча, обнявшись. С высоты их взору внезапно открывается чудный город с куполами, мостами, кораблями, лимонными рощами и беломраморными соборами, увенчанными островерхими колокольнями, где аисты вьют себе гнезда. Они едут шагом по неровной мостовой, и женщины в красных корсажах предлагают им цветы. Гудят колокола, кричат мулы, звенят гитары, лепечут фонтаны, и водяная пыль, разлетаясь от них во все стороны, освежает груды плодов, сложенных пирамидами у пьедесталов белых статуй...»

Заметим, что у обоих героев знаменитого романа гитара соединяется в их воображении с чем-то приятным и романтическим. Она далека от житейской прозы и принадлежит миру поэзии!

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕЙ

Мей, Лев Александрович (1822-1862) – русский поэт и драматург. Исторические драмы «Царская невеста» (1849), «Псковитянка» (1849-1859), на основе которых созданы одноименные оперы Н.А. Римско-Корсакова. Лирические стихи, переводы.

«Вот гитара, не тоскуй, / Спой, сыграй и поцелуй!...» – так обращается влюбленный синьор к таинственной синьоре в «Баркароле» Льва Александровича Мея. Романтический мотив страсти и ревности подан на фоне карнавала, и понятно, что в стихотворении имеются все основные элементы итальянской экзотики: гондолы, черные маски, гитара и стилет старого мужа, зловеще припрятанный под полый плаща.

Несмотря на перемену географических координат места события (Венеция вместо Мадрида), это все тот же «испанский» романс, родоначальником которого у нас в России был Пушкин.

АПОЛЛОН АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ

**Григорьев, Аполлон
Александрович (1822-1864)**

—

**русский
литературный**

и театральный критик, поэт. Воспоминания. По мировоззрению почвенник. В центре лирики Григорьева–раздумья и страдания романтической личности.

Цикл

«Борьба» (полностью издан в 1857, в том числе стихиромансы «О, говори хоть ты со мной...» и «Цыганская венгерка»), цикл «Импровизации странствующего романтика» (1860). Поэма исповедь «Вверх

по

Во

лге» (1862).

Автобиографическая проза.

На рубеже 60-х годов XIX века Аполлон Григорьев побывал в Италии и, разумеется, посетил Венецию. Его описание карнавала в поэме «Venezia la bella» красочно, изобилует деталями. Есть, конечно же, Риальто, каналы, Мост вздохов – едва ли не вся топонимика знаменитого города. И музыка. «Мой гондольер все ближе путь держал / К палаццо, из которого летели / Канцоны звуки. Голос наполнял / Весь воздух; тихо вслед ему звенели / Гитарные аккорды. Ночь была / Такая, что хотелось плакать...»

Отчего же гитара навеяла Григорьеву печальные думы среди праздника? Дело в том, что он многие годы был

влюблен в Леониду Яковлевну Визард, красивую москвичку французского происхождения, не отвечавшую ему взаимностью, и это неразделенное чувство отравляло горечью сердце поэта. Чуть ниже он напрямую обращается к предмету своих воздыханий: «Твоим мольбам, мечтам, восторгам, мукам / Отвечу я, сказавшись чутко им / Фиалки скромной запахом ночным, / Гитары тихим, та́инственным звуком».

В отличие от многих русских литераторов, Григорьев понимал душу этого дивного инструмента!

Конечно же, говорить о семиструнной гитаре, не процитировав хоть несколько строк из знаменитой «Цыганской венгерки» Аполлона Григорьева, просто невыносимо. В этом стихотворении, помимо метких характеристик знатока гитарной музыки, есть и разъяснение того, почему русский человек в хмельном угаре жаждет песен и перебора струн.

Две гитары, зазвенев,
Жалобно заныли... С детства памятный напев, Старый
друг мой – ты ли?

Как тебя мне не узнать?
На тебе лежит печать Буйного похмелья, Горького веселья!

Это ты, загул лихой,
Ты – слиянье грусти злой С сладострастьем баядерки –

Ты, мотив венгерки!

Квинты резко дребезжат,
Сыплот дробью звуки...
Звуки ноют и визжат,
Словно стоны муки...

Вот проходка по баскам
С удалью небрежной, А за нею – звон и гам Буйный и мятежный.

Перебор... и квинта вновь
Ноет-завывает;
Приливает к сердцу кровь,
Голова пылает...

Как от муки завизжи,
Как дитя от боли, Всею скорбью дребезжи
Распроклятой доли!

Пусть больнее и больней
Занывают звуки,
Чтобы сердце поскорей Лопнуло от муки!

Как не узнать в лирическом герое этого стихотворения мятежную натуру знаменитых литературных персонажей –

Дмитрия Карамазова из романа Достоевского или Феде Протасова из драмы «Живой труп» Льва Толстого! Та же надрывная тоска, натужное веселье, душевный надлом и наивная попытка решить острейшие жизненные проблемы извечным русским способом: «Ты завей его, завей, / Веревошкой горе...»

И гитара с цыганской песней помогала хоть на миг забыть-ся, почувствовать сиюминутное облегчение!

Из русских поэтов, пожалуй, лишь Аполлон Григорьев по-настоящему понимал душу гитары. «О, говори хоть ты со мной, / Подруга семиструнная! / Душа полна такой тоской, / А ночь такая лунная!.. / И до зари готов с тобой / Вести беседу эту я... / Договори лишь мне, допой / Ты песню недопетую!» (Стихотворение «О, говори хоть ты со мной...»)

Да, этот певец «чистой красоты» отличался редкостным художественным чутьем, умением вникать в тайный смысл гитарной мелодии и наслаждаться ею всем сердцем.

Описывая свои детские годы в «Воспоминаниях», Аполлон Григорьев с нежностью говорит об отце, оказавшем на него сильнейшее влияние. В числе гостей «...люди все были подходящие – и уступчивостью и добрыми правилами отличались. Многие даже приятными талантами блистали – и гитара переходила из рук в руки, и молодые здоровые голоса, с особенною грацией и с своего рода меланхолией...»

Так что гитара не могла остаться в стороне от увлечений пытливого мальчугана, что впоследствии предопредели-

ло его жизнь.

Аполлон Григорьев вспоминал, как в молодые годы он пытался изучать философию Гегеля, причем начал с самой трудной его книги – «Феноменологии духа». «И сижу я это, бывало, тогда по целым вечерам зимним над «психологическими очерками» немецкого хера профессора и мучу я свой бедный мозг... А за стеной вдруг, как на смех: «Две гитары, зазвенев, / Жалобно заныли», – и мятежная дрожь венгерки бежит по их струнам, или шелест девственно-легких шагов раздаётся над потолком, и образы встают вслед за звуками и шелестом, и жадно начинает душа просить жизни, жизни и все жизни... Так просидел я несколько вечеров, да и возвратил другу книгу с наивнейшим сознанием, что никак не могу я заставить себя ею заинтересоваться». («Воспоминания»)

Забавно: автор слов той самой «Цыганской венгерки», которая звучала по соседству, бросил схоластические упражнения, осознав, что его истинное призвание – гитара и поэзия.

Аполлон Григорьев, как известно, неплохо играл на семиструнной гитаре, но его увлечение порой вызывало насмешки. Особенно отличался в этом Е.Н. Эдельсон, товарищ поэта по кружку «молодой редакции» «Москвитянина». Тем не менее, однажды Эдельсон признал свою неправоту. В рассказе «Великий трагик» Григорьев так воспроизводит данный эпизод: «Один из злых приятелей, из лютейших и безжалостнейших врагов моей гитары, – в минуту спекулятив-

ного настроения, когда всякое безобразие объясняется высшими принципами, понял это. «Господа, – сказал он, обращаясь к другим приятелям, – они в это время играли все в карты, а я, уставши играть, и, взявшись за лежавшую на диване гитару, старался выщипать унылые и вместе уносящие тоны «Венгерки»... – Господа, – сказал мой приятель, – я понимаю, что он слышит в этих тонах не то, что мы слышим, а совсем другое».

Возможно, Григорьев в тот момент пытался сочинить новую песню, и Эдельсон стал свидетелем того, как рождается поэтическое вдохновение.

В рассказе «Великий трагик» бросается в глаза замечательный фрагмент о гитаре, который стоит процитировать. Речь идет об Иване Ивановиче, литературном двойнике поэта: «Да... он отлично играет на гитаре, хоть никогда этим, как, может быть, и ничем вообще серьезно, – не занимался – и от него-то с предпоследней полосы нашей общей с ним жизни происходит моя несчастная страсть к этому инструменту, очень нелегко дающемуся, несмотря на все мои труды и усилия... Есть безнадежные страсти, и они с годами безнадежно же укореняются. Выщипывать иногда тоны из непослушного инструмента стало для меня такой же необходимостью, как выпить утром стакан чаю... Во всяком случае, в моей гитарной страсти виноват Иван Иванович, виноваты эти полные, могучие и вместе с тем мягкие, унылые, как-то интимные звуки, которые слышал я только от него и от Со-

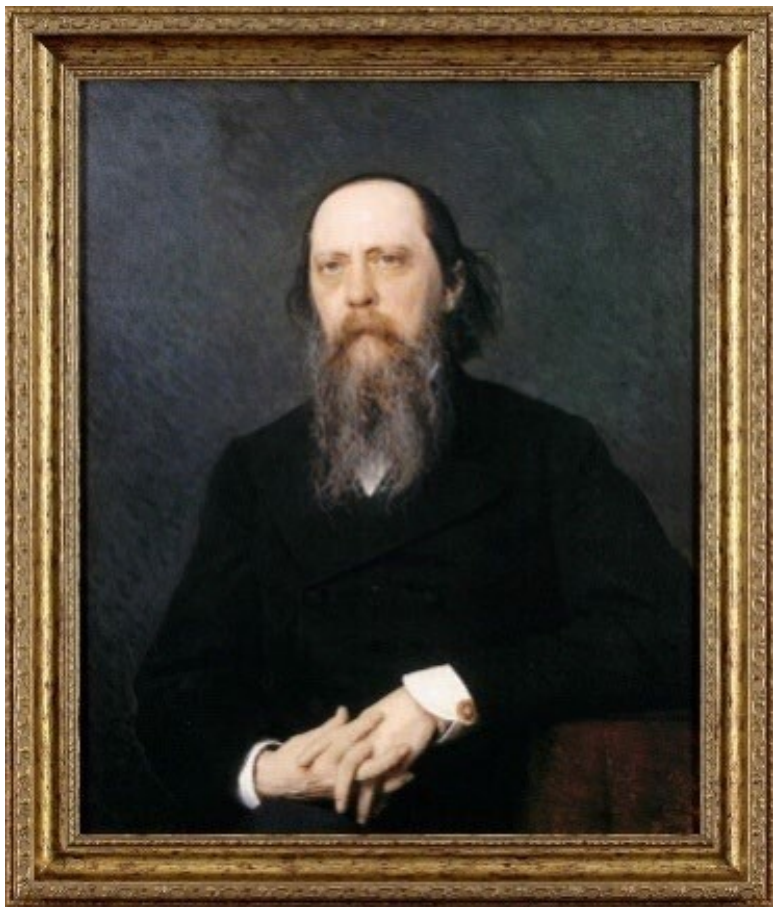
коловского и которые, как идеал, звучат в моих ушах, когда я выламываю свои пальцы».

Аполлон Григорьев по отношению к гитаре – предшественник Федерико Гарсиа Лорки. Он понимал душу этого инструмента и всем сердцем любил его.

Московские цыгане и гениальный гитарист-импровизатор Михаил Высотский неразрывны в сознании почитателей русской старины. Влияние их было обоюдным. По словам Аполлона Григорьева, «все до дерзости смелые ходы голосов, все безумные порывы лиризма, все беснование дикого хора, все оскорбляющие фешенебельный слух резкости покойный Высотский перенес в свои композиции». («Воспоминания»)

Сам Аполлон Григорьев, поэт, гитарист, весельчак и неординарный человек, походил на Высотского, оба были московскими «достопримечательностями».

**МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН**

**Салтыков-Щедрин, Михаил
Евграфович (Михаил**

Салтыков, 1826-1889) – русский писатель-сатирик, публицист. «Помпадурсы и помпадурши» (1863-1874), «Пошехонская старина» (1887-1889), «Сказки» (1882-1886). В романе «Господа Головлевы» (1875-1880) изобразил духовную и физическую деградацию дворянства.

Аннинька, племянница Иудушки Головлева из романа Михаила Салтыкова-Щедрина, была артистической натурой: играла в любительских спектаклях, много читала, пела романсы. Как-то до нее дошли слухи, будто ее сестра Любинька, с которой та была в ссоре, «окончательно сожгла свои корабли, и об ней ходили самые неприятные для сестрина самолюбия слухи. Говорили, что каждый вечер у ней собирается кутежная ватага, которая ужинает с полуночи до утра. Что Любинька председатель в этой компании и, представляя из себя «цыганку», полураздетая... и с гитарой в руках, поет: «Ах, как было мне приятно / С этим милым усачом!» Аннинька слушала эти рассказы и волновалась. И что всего более изумляло ее – это то, что Любинька поет романс об усаче на цыганский манер: точь-в-точь, как московская Матреша!»

Немного поразмыслив, Аннинька не поверила слухам.

«Чтобы Любинька могла петь по-цыгански, на манер Матрешы – это извините-с! это – ложь-с! Вот она, Аннинька, может так петь – это несомненно. Это ее жанр, это ее ампула... И Аннинька брала в руки гитару, перекидывала через плечо полосатую перевязь, садилась на стул, клала ногу на ногу

и начинала: и-эх! и-эх! И действительно: выходило именно, точка в точку, так, как у цыганки Матрешки».

Постепенно музицирование на гитаре вошло у Анниньки в привычку. Вскоре она уже сама устраивала вечеринки.

«С одиннадцати часов начинался разгул... Евпраксеюшка ставила на стол разное деревенское соленье и графин с водкой. Припоминались бессмысленные и бесстыжие песни, раздавались звуки гитары...»

Писатель-сатирик в «Господах Головлевых» изобразил картину деградации русского дворянства, утратившего идеалы и нравственные ориентиры.

К сожалению, и гитара, чудесный музыкальный инструмент, не спасла его героиню от морального разложения.

В «Пошехонской старине» примечателен второстепенный персонаж, чиновник военного ведомства Федор Платонович Стриженный, который как-то попадает в дом, где есть девица на выданье. К нему начинают присматриваться: уж не жених ли? Мать невесты спрашивает вдовца, почему тот не любит балов:

«— Дома оставаться предпочитаете?»

—

Да, дома. Надену халат и сажу. Трубку покурю, на гитаре поиграю. А скучно делается, в трактир пойду. Встречу приятелей, поговорим, закусим, машину послушаем... И не увидим, как вечер пройдет.

—

Вот женитесь; молодая жена в трактир-то не пустит.

—

Неизвестно-с. Покойница моя тоже спервоначалу говорила: «Не пущу!», а потом только и слов бывало: «Что все дома торчишь! шел бы в трактир!»

Матушка морщится; не нравится ей признание жениха. В халате ходит, на гитаре играет, по трактирам шляется... И так-таки прямо все и выкладывает, как будто иначе и быть не должно».

По мнению строгой пожилой дамы, умение играть на гитаре – предосудительное качество, изъян в облике Стриженого, что не позволяет тому претендовать на руку ее дочери!

ЖЮЛЬ ВЕРН

Верн, Жюль (1828-1905) – французский писатель,

один из создателей жанра научной фантастики. Автор многочисленных (около 70-ти)

научно-фантастических,

приключенческогеографических и социально-утопических произведений. Романы «С Земли на Луну» (1865), «Дети капитана Гранта» (1867-1868), «20000 лье под водой» (1869-1870), «Таинственный остров» (1875). Некоторые научные

идеи

Верна

оказались

впоследствии воплощенными

в

действительность.

Пис

атель-гуманист во многих произведениях выступал против использования науки в преступных целях (роман «Властелин мира», 1904, и другие).

Трудно представить себе Испанию без гитары. Это мнение настолько прочно укоренилось в умах людей, что возник ходульный стереотип мышления: всякий русский – это мужик в лаптях с балалайкой и самоваром, каждый испанец – смуглая личность с гитарой и навахой. Читаем, к примеру, роман Жюль Верна «Гектор Сервадак»: «Все прислушались. Из рощи доносились звуки песни, звон гитары и ритмичное шелканье кастаньет.

–
Испанцы! – воскликнул капитан Сервадак.

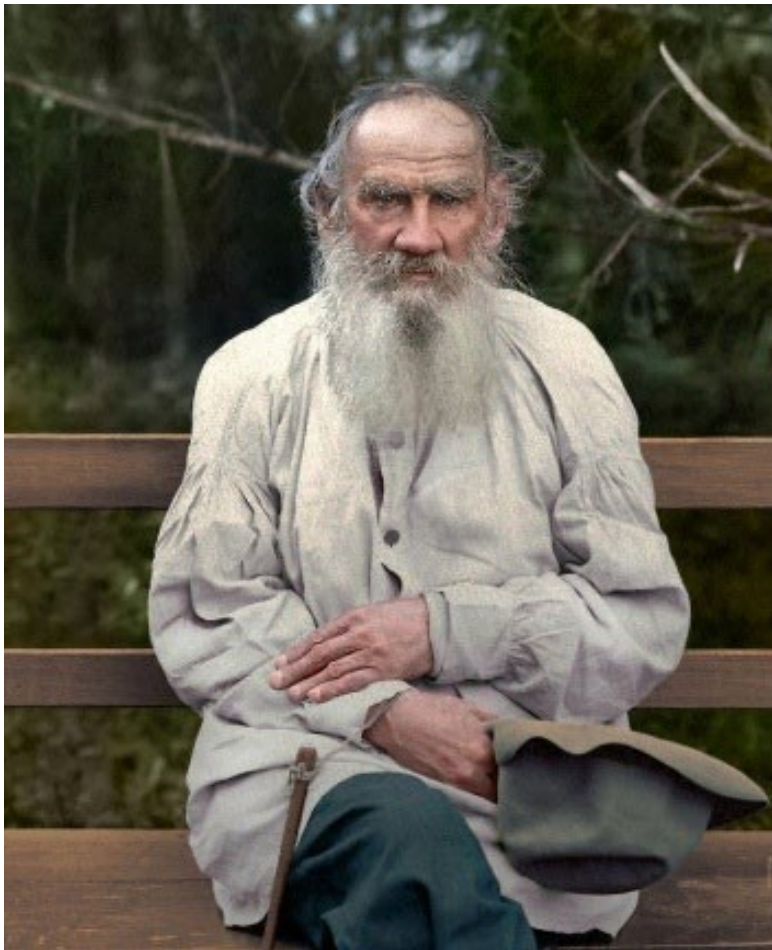
–
А кто же еще? – ответил Бен-Зуф. – В них хоть из пушек пали, они все равно будут трещать своими погремушками!»

Так и есть! Подойдя ближе, путники убеждаются, что на лужайке расположились крестьяне, «андалусские «махо», беспечные по природе, бездельники по призванию, так же искусно владевшие навахой, как и гитарой...»

Описывая быт и нравы этнически пестрого населения Кашгара, Жюль Верн в романе «Клодиус Бомбарнак» замечает: «Слово «дервиш» равнозначно слову «нищий», а нищий в этой стране – законченное проявление тунеядства. Но какие смешные жесты, какие странные позы во время игры на длиннострунной гитаре, какие акробатические приемы в танцах, которыми они сопровождают исполнение своих песен и сказаний, как нельзя более светского содержания!»

Надо полагать, дервиши играли все-таки не на европейских гитарах, а на каких-то иных инструментах, имеющих некоторое сходство с ними.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ

Толстой, Лев Николаевич (1828-1910) – русский пи-

сатель.

Начиная с автобиографической трилогии («Детство», 1852, «Отрочество», 1852-1854, «Юность», 1855-1857), исследование внутреннего мира, моральных основ личности стало главной темой произведений Толстого. Эпопея «Война и мир» (1863-1869) воссоздает жизнь различных слоев русского общества в Отечественную войну 1812 года, патриотический порыв народа, объединивший все сословия в войне с Наполеоном. Исторические события и личные интересы, пути духовного самоопределения личности и стихия русской народной жизни с ее «ровным» сознанием показаны как равноценные слагаемые

природно-исторического бытия. В романе «Анна Каренина» (1873-1877) – о трагедии женщины во власти разрушительной «преступной» страсти – Толстой обнажает основы светского общества, показывает распад патриархального уклада, разрушение семейных устоев. Восприятию мира индивидуалистическим и рационалистичным сознанием он противопоставляет самоценность жизни как таковой. Роман «Воскресение» (1889-1899), повесть «Крейцерова соната» (1887-1889), драмы «Живой труп» (1900, опубликована в 1911) и «Власть тьмы» (1887). Одновременно возрастает внимание к темам смерти, гре-

ха, покаяния и нравственного возрождения (повести «Смерть Ивана Ильича», 1884-1886, «Отец Сергий», 1890-1898, опубликованы в 1912, «Хаджи-Мурат», 1896-1904, опубликована в 1912).

Лев Толстой в молодости был любителем весело покутить, о чем осталось свидетельство в его повести «Два гусара». Вспомним описание офицерской вечеринки, столь обычной в те времена. «Вообще с приездом графа кутеж оживился. Цыганки, разбредшиеся было по комнате, опять сели кружком. Граф посадил Стешку, запевалу, себе на колени и велел еще подать шампанского. Илюшка с гитарой стал перед запевалой, и началась пляска, то есть цыганские песни: «Хожу ль я по улице», «Эй вы, гусары...», «Слышишь, разумеешь...» и т.д., в известном порядке. Стешка славно пела».

Русская гитара была мила душе великого русского писателя, и это нашло отражение в его творчестве.

Герой рассказа «Севастополь в августе 1855 года» поручик Козельцов «был офицер недюжинный. Он был не из тех, которые живут так-то и делают то-то, а не делают того-то потому, что так живут и делают другие: он делал все, что ему хотелось, а другие уже делали то же самое и были уверены, что это хорошо. Его натура была довольно богата; он был неглуп и вместе с тем талантлив, хорошо пел, играл на гитаре, говорил очень бойко и писал весьма легко, особенно казенные бумаги, на которые набил руку в свою бытность полковым адъютантом...»

Поскольку «Севастопольские рассказы» написаны Толстым на основе личных впечатлений от Крымской войны, нет сомнения, что прототипом Козельцова являлся реальный человек. В глазах боевых товарищей одним из качеств, делавших того или иного офицера «недюжинной» личностью, было умение играть на гитаре.

Сюжет рассказа «Люцерн» автобиографичен и в сжатом, протокольном изложении таков: «Седьмого июля 1857 года в Люцерне, перед отелем Швейцергофом, в котором останавливаются самые богатые люди, странствующий нищий певец в продолжение получаса пел песни и играл на гитаре. Около ста человек слушали его. Певец три раза просил всех дать ему что-нибудь. Ни один человек не дал ему ничего, и многие смеялись над ним». Этот фрагмент текста автор дал отдельным абзацем и выделил курсивом.

Не будь Толстой великим художником, он ограничился бы простой констатацией факта в лаконичной манере газетного репортера. Молодой писатель пошел дальше и подробно рассказал об этом происшествии.

Еще во время завтрака его поразил контраст между холодным светским этикетом английских туристов и первозданной, живительной красотой швейцарского пейзажа.

Это чувство усилилось, когда он прослушал песню уличного певца с гитарой. Бесхитростная музыка настроила душу в тон невыразимой гармонии. «Все спутанные, невольные впечатления жизни вдруг получили для меня значение

и прелесть. В душе моей как будто распустился свежий, благоухающий цветок. Вместо усталости, рассеяния, равнодушия ко всему на свете, которое я испытывал за минуту перед этим, я вдруг почувствовал потребность любви, полноту надежды и беспричинную радость жизни. Чего хотеть, чего желать? – сказалось мне невольно, – вот она, со всех сторон обступает тебя красота и поэзия. Вдыхай ее в себя широко-ими, полными глотками, насколько у тебя есть силы, наслаждайся, чего тебе еще надо! Все твое, все благо...»

Музыкант кончил выступление под окнами богатой гостиницы, где на балконе стояла толпа разряженных слушателей, и протянул шляпу за подаянием. Никто ничего не дал.

Толстой, пораженный каменным бесчувствием праздной толпы, бросился вслед за музыкантом и пригласил нищего в ресторан, чтобы распить вместе с ним бутылку вина. Дерзкий поступок русского барина вызвал скандал в отеле, но того-то ему и хотелось – уязвить самолюбие чопорных богачей. А осадок горечи от несправедливости остался и продолжал беречь душу.

Этические проблемы, поднятые Толстым, заслуживают отдельного разговора. Мы же отметим его врожденное чувство прекрасного, умение слушать и понимать гитарную музыку.

Давайте прочтем ту страницу «Войны и мира», где Толстой запечатлел одно из своих художественных откровений. В гостях у дядюшки Наташе Ростовской понравилась игра на

балалайке крепостного Митьки. И вот она, раздумываясь, повела плечами, подперла руками бока и начала плясать.

«Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, – эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, – этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de châte* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка. Как только она стала, улыбнулась торжественно, гордо и хитро-весело, первый страх, который охватил было Николая и всех присутствующих, страх, что она не то сделает, прошел, и они уже любовались ею».

Заметим: сопровождал ее сам дядюшка, но не на балалайке, не на мандолине. Он играл на гитаре, как заправский музыкант, знающий толк в народных песнях и танцах, хотя и прибеднялся перед племянницей: «– Посмотри-ка, Ани-сюшка, что струны-то целы, что ль на гитаре-то? Давно уж в руки не брал, чистое дело марш! забросил».

Наташа, оцепенев в немом восторге, ждала.

«Дядюшка сыграл еще песню и вальс; потом, помолчав, прокашлялся и запел свою любимую охотницкую песню:

Как со вечера пороша

Выпадала хороша...

Дядюшка пел так, как поет народ, с тем полным и наивным убеждением, что в песне все значение заключается только в словах, что напев сам собой приходит и что отдельного

напева не бывает, а что напев – так только, для складу. От этого-то этот бессознательный напев, как бывает напев птицы, и у дядюшки был необыкновенно хорош. Наташа была в восторге от пения дядюшки. Она решила, что не будет больше учиться на арфе, а будет играть только на гитаре. Она попросила у дядюшки гитару и тотчас же подобрала аккорды к песне». Девушка проявила завидную настойчивость, овладевая новым, полюбившимся ей инструментом. «Как будто обойдя свое царство, испытав свою власть и убедившись, что все покорны, но все-таки скучно, Наташа пошла в залу, взяла гитару, села в темный угол за шкафчик и стала в басу перебирать струны, выделявая фразу, которую она запомнила из одной оперы, слышанной в Петербурге вместе с князем Андреем. Для посторонних слушателей у нее на гитаре выходило что-то, не имевшее никакого смысла, но в ее воображении из-за этих звуков воскресал целый ряд воспоминаний».

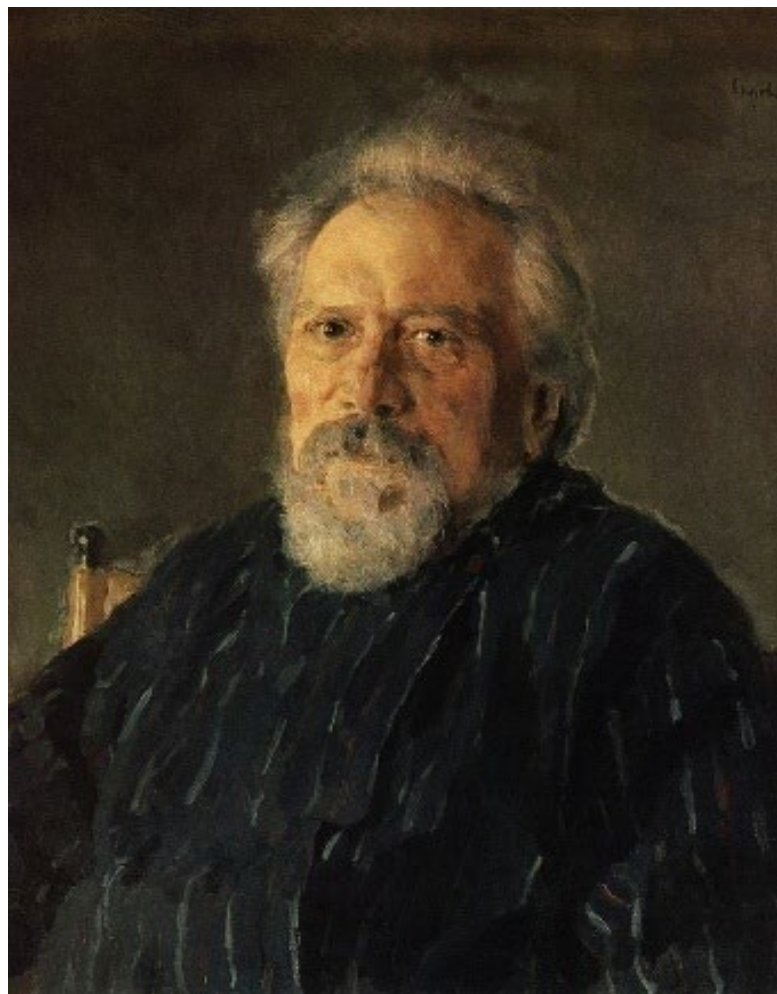
Безусловно, чудесному струнному инструменту можно поверять свои думы и надежды, это прекрасно осознавал гениальный русский писатель!

Послушав игру гитариста Валерия Русанова, Лев Николаевич Толстой с грустью заметил: «Да, да, теперь редко встретишь хорошего игрока на гитаре. И это очень жаль! Такой симпатичный и милый инструмент и забыт... Потому что музыка пошла другая...» И помолчав, добавил: «Много шуму... Много выдуманности...»

Толстой явно на стороне народной музыки с ее простотой

и непосредственностью чувств. И гитара в его понимании – инструмент народный.

НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ ЛЕСКОВ

Лесков, Николай Семёнович (1831-1895) – русский писатель. Антинигилистические романы («Некуда», 1864, «На ножах», 1870-1871), романы-хроники о русской провинции (о духовенстве – «Соборяне», 1872, о дворянстве – «Захудалый род», 1874). Повести и рассказы о праведниках («Очарованный странник», 1873, «Однодум», 1879), о талантливых умельцах («Левша», 1881). Христианские легенды, сатирические произведения («Заячий ремиз», 1891-1894), мемуары и публицистика. Критикуя современные социальные отношения, живописуя традиционный бытовой уклад и оправдывая укорененность христианской веры в России, воссоздает реальность в парадоксальном преломлении (трагическом, идиллическом или анекдотическом) ее разнородных начал. Жанровость и образность (документальность, автобиографичность, миф и гротеск) воплощаются в разнообразные формы сказа с красочным обилием диалектов.

В повести Николая Лескова «Очарованный странник» встречается «цыганская» сцена, где молодая певица Груша поет романс «Челнок». «Вот цыганы покашляли, и молодой ее брат взял в руки гитару, а она запела... Начала она так как будто грубовато, мужественно, эдак: «Мо-оре во-оо-оет, мо-ре сто-нет». Точно в действительности слышно, как и море стонет и в нем челночок поглощенный бьется. А потом вдруг в голосе совсем другая перемена, обращение к звезд-

де: «Золотая, дорогая, предвещательница дня, при тебе беда земная недоступна до меня». У них все с этими обращениями: то плачет, томит, просто душу из тела вынимает, а потом вдруг как хватит совсем в другом роде, и точно сразу опять сердце вставит...»

Надо заметить, что слова этого романа принадлежат перу знаменитого гусарапартизана 1812 года Дениса Давыдова, великого поклонника и знатока гитары. Цыганский гитарный репертуар, за редкими исключениями, имел под собой прочную русскую поэтическую основу.

Героине рассказа «Административная граница» снится фантастический сон: «Вдруг тут зазвенело, вдруг застучало, вдруг заиграло: стон, я тебе говорю, стоит. Боже мой, думаю, что ж это такое? Лягушки, карпии, лещи, раки, кто на скрипке, кто на гитаре, кто в барабаны бьют; тот пляшет, тот скачет, того вверх вскидывает!»

Типичное разудалое веселье в истинно русском духе. Увы, гитаре автор не дает ни малейшего шанса проявить свое художественное совершенство, ее удел – на равных с барабаном принимать участие в странном речном шабаше.

В романе «Соборяне» ярко выписан комический персонаж, дьякон Ахилла, который «был вдов и бездетен и не радел ни о стяжаниях, ни о домостроительстве». Малороссийская хата священнослужителя обставлена была аскетично. «Пред... казачьим ложем стоял белый липовый стол, а на стене висели бесструнная гитара, пеньковый укрючный ар-

кан, нагайка и две вязанные пуколькоками уздечки... Рядом же, в небольшой приспешной, жила у него отставная старая горничная помещичьего дома, Надежда Степановна, называемая Эсперансою».

По всей вероятности, Ахилла воображал себя неким кастильским грандом, коль скоро держал над диваном гитару, а служанку окрестил на испанский манер.

Роман «На ножах» так называемая «передовая» критика долгое время третировала и сравнивала в «бульварности» с «Петербургскими трущобами» Всеволода Крестовского. Не отрицая наличия натуралистических сцен в обоих произведениях, следует все же не забывать о высоких нравственных ценностях, которые проповедают авторы.

Вот лесковский персонаж Горданов излагает генералу свои мысли: «Разве не упало, не измельчало значение любви, преданности женщинам? Разве любовь не заменяется холодным сватовством, не становится куплею... Согласитесь, что женитьба стала бременем, что распространяется ухаживанье за чужими женами, волокитничество, интрига без всяких обязательств со стороны мужчины. Даже обязанности волокитства кажутся уж тяжки, – женщина не стоит труда, и начинаются rendez-vous нового сорта; не мелодраматические rendez-vous с замирающим сердцем на балконе «с гитарою и шпагой», а спокойное свидание у себя пред камином, в архалуке и туфлях, с заученною лекцией сомнительных достоинств о принципе свободы...»

Неужели эти слова не дышат романтикой и благородством? Да и гитара в этом отрывке присутствует, хоть в несколько шаржированном виде, но символизирует собой рыцарство, стремление к красоте, она выражает пылкие и пламенные чувства героя!

Или еще один персонаж Лескова, студент, только что окончивший курс и ждущий назначения на должность. Дважды ему предлагали вакансию, но всякий раз находился коллега, который, по его мнению, нуждался больше. И что же? «В Спиридонове пробуждался Испанский Дворянин, и он оба свои назначения уступал другим, а сам кутил да гулял и догулялся до того, что остались у него рыжий плащ, гитара да трубка с чубуком».

Этому благодушному чудаку все ценности мира заменяет гитара!

Николая Лескова, вероятно, очень занимала приверженность бедных людей к гитаре. Эта тема неоднократно поднимается им в рассказах и повестях. Он приводит такое свидетельство из поэмы «Атта Троль»: «Гейне видел в Пиренеях над бездною нищего испанца, который был покрыт лохмотьями, и «у него гляделась бедность в каждую прореху; из очей глядела бедность», но «исхудалыми перстами он щипал свою гитару». Итак, человек может быть гол, как сокол, но он дорожит гитарой, она последняя, что дает усладу в жизни. Но далее Лесков продолжает: «Описание этой бедности разрывало душу людей чувствительных и добрых, а испанец

все-таки был «в лохмотьях» в теплом климате, и у него была еще «своя гитара»...»

Словом, знаменитый писатель не может удержаться от ехидного сравнения романтического испанца с русским мужиком, которого согнали со двора, и тот скитается по белу свету: у него нет не то что музыкального инструмента, хоть бы той же балалайки, – вообще ничего. Зипун весь в латках, насквозь продувается, да и лаптишки худы, куда ими ступать по снегу!

Николай Лесков относится к тем писателям «гоголевской» школы, которые, исповедуя благородные чувства, не могут отказаться от описания комичных сцен. Возьмем пример из его очерка «Рапсодия»: «Кромсай послушал игру Павла, на гармонии и сказал, что эта игра пристала кучерам либо наемщикам, а что у него есть «струмент» – гитара, – так вот это уж можно сказать, что струмент благородный, – и притом он отдаст его Павлу в долг и задешево.

Пустопляс сейчас же этим соблазнился – пошел к Кромсаю и взял гитару, на которой еще уцелели четыре струны».

Видимо, это простонародное убеждение, что гитара – «барский» музыкальный инструмент, и было побудительным мотивом учиться игре на ней для самых широких слоев населения, от дьячков до телеграфистов.

ИВАН ФЁДОРОВИЧ ГОРБУНОВ

И. Ф. Горбунов.
Худ. В. А. Бобров. 1873.

Горбунов, Иван Федорович (1831-1896) – русский актер и писатель, знаменитый рассказчик.

В литературных салонах и кружках Москвы гитару весьма почитали. Как свидетельствует в «Вос-

поминаниях» Горбунов, «гостеприимные двери Ап. Григорьева радушно отворялись каждое воскресенье. Молодая редакция «Москвитянина» была налицо.

А.Н. Островский, Т.И. Филиппов, Е.Н. Эдельсон, Б.Н. Алмазов... Шли разговоры и споры о предметах важных, прочитывались авторами новые их произведения. Так, Б.Н. в описываемое мною время прочел свое стихотворение «Крестоносцы», А.А. Потехин, только вступивший в литературное поприще, – свою драму «Суд людской – не Божий»,

А.Ф. Писемский, ехавший из Костромы в Петербург, устно изложил план задуманного романа «Тысяча душ». За душу хватала русская песня в неподражаемом исполнении Т.И. Филиппова, ходуном ходила гитара в руках М.А. Стаховича, сплошной смех раздавался от рассказов Садовского; Римом веяло от итальянских песенок Рамазанова.

Бывали на этих собраниях Алексей Степанович Хомяков, Никита Иванович Крылов,

Карл Францевич Рулье. Из музыкально-аристократического мира – А.И. Дюбюк,

И.К. Фришман, певец Бантышев и другие. Не пренебрегался этот кружок диким сыном степей, кровным цыганом Антоном Сергеевичем, необыкновенным гитаристом, и купцом «из русских» Михаилом Ефремовичем Сосолевым, голос которого не уступал Марио...» Писатели и поэты в дружной компании не обходились без гитары, как в ночное время – без свечей.

ХОСЕ ЭРНАНДЕС

Эрнандес, Хосе (1834-1886) – аргентинский поэт. Реалистичный роман-поэма о пастухе «Мартин Фьерро» (1872). Там, где в латиноамериканской поэзии напоминает о себе Испания, обязательно звучит гитара. Хосе Эрнандес в поэме «Мартин Фьерро» повествует о судьбе гаучо, свободного скотовода, потомка конквистадоров. В прологе звучит традиционный зачин народного певца-сказителя: «Начинаю петь я песню, / а гитара в лад звенит. / Мне, кто горьким горем сыт, / мне, кто пьян тоской жестокой, / словно птице одинокой, / песня душу облегчит».

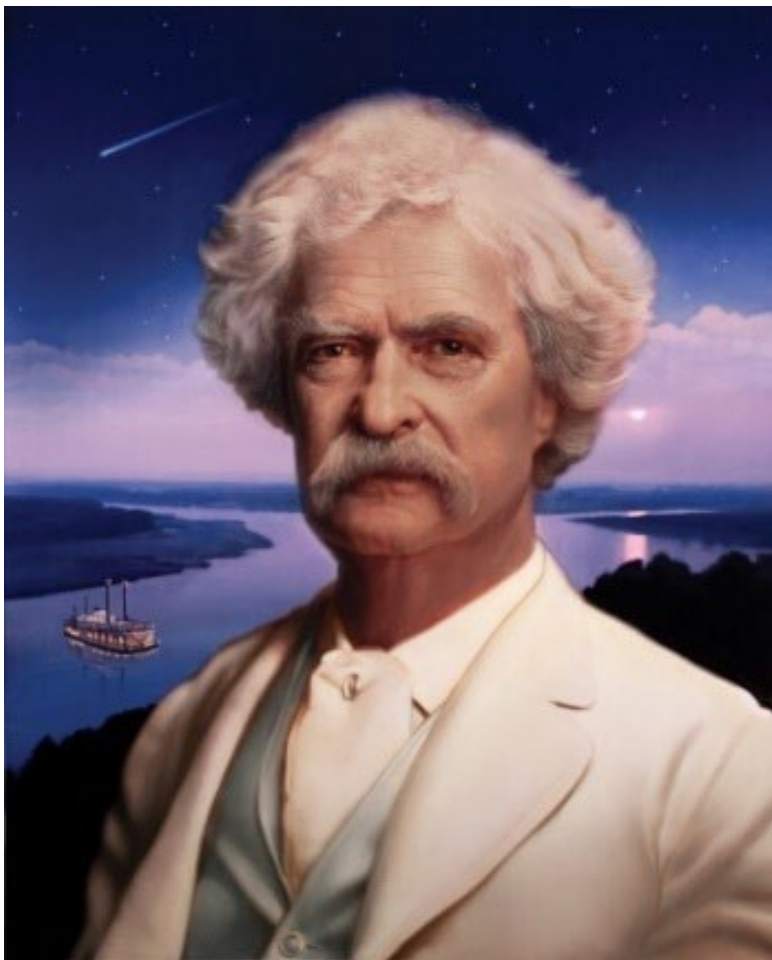
Социально-этническое сословие гаучо, существовавшее в Аргентине вплоть до начала XX века, чем-то напоминает наших вольнолюбивых казаков со своим, давно сложившимся укладом жизни и приверженностью к родной национальной культуре.

МАРК ТВЕН

Твен, Марк (Сэмюэл Ленгхорн Клеменс, 1835-1910)

– американский писатель. Рассказы 1860-1870-х годов

– комическое, подчас гротескное описание провинциальной

Америки. Лирико-биографическая книга «Жизнь

на Миссисипи» (1883), повесть «Приключения Гекльберри Финна» (1884). Его творчеству свойствен зрелый социальный критицизм, открытие той Америки, в которой поэтическое соседствует с бесчеловечной утилитарностью и жестокостью.

Рассказывая о трудовых буднях репортеров, Марк Твен, который тоже начинал свой творческий путь с газеты, в романе «Налегке» пишет: «Часа в три утра, когда мы уже сдали материал в набор и по своему обыкновению устроили небольшой концерт для отдыха (кое у кого из наборщиков был неплохой голос, другие хорошо играли на гитаре и на чудовищном инструменте, именуемом

аккордеоном), к нам вошел владелец «Юнион» и спросил, не знает ли кто, куда делся Богз...»

Нетрудно заметить, что автор «Принца и нищего» с симпатией относился к гитаре, а модный тогда аккордеон именуется «чудовищным»!

**ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ
КРЕСТОВСКИЙ**

Крестовский, Всеволод Владимирович (1839-1895) – русский писатель. В романе «Петербургские трущобы»

бы» (1864-1867) – авантюрный сюжет, картины городского «дна». Антинигилистические романы «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874).

Роман Всеволода Крестовского «Петербургские трущобы», как известно, дает читателю широчайший срез русской жизни начала 1860-х годов, причем в поле зрения автора попадают самые разные сословия империи, так что это произведение безо всяких натяжек можно рассматривать как беллетризованное социологическое исследование.

Ярко описана картина сватовства, где персонажи, городские мещане, изъясняются на своем языке: «– Тетенька-с!.. Аграфена Степановна! Сладкой водочки не прикажете ли-с али tenerифцу? Выкушайте рюмочку, это ведь легонькое, самое дамское!» А затем, после угощения, жених с «масляно-бегающими глазками», вскакивает с места «и, схватив со стула гитару, запеваёт разбито-сладостным тенорком, со своими ужимками:

И вы, ды-рузья, моей красотки

Не встречали ль где порой?»

Можно представить себе, как омерзителен этот лакейский тенорок и сколь несносно неумелое бряцание по струнам благородного инструмента! Гитаре, при всей ее демократичности, не следует быть в хамских неуважительных руках.

Во второй раз гитара в романе Крестовского появляется в столь же неподобающем месте – в Полторацком трактире, который, «по естественному своему предназначению,

изобиловал водкой, вмещал приятное общество и даже иногда оглашался звуками частного гитариста».

В третий раз на страницах «Петербургских трущоб» гитара появляется тоже в непрезентабельной обстановке. «Пол захаркан, засыпан табачной золою и давно уже не мыт; вместо веселого, звонкого щебетанья канареек раздается сиплый романс под аккомпанемент гитары...» Правда, на сей раз музицирует уже «благородная персона» – «обыватель, который, с гитарою в руках, лежит на диване – офицерская шинель в рукава поверх рубашки, длинные, белобрысые усы, красное и одутловатое рыло, а в голове, очевидно, изрядное количество винных паров, о чем свидетельствует стоящий рядом на столе полуштоф и кислая капуста в тарелке».

Гитара вновь возникает на страницах романа в руках уже известного нам персонажа, отставного армейского капитана Закурдайло. «Офицерская шинель поверх грязной и рваной сорочки да шестиструнная гитара оставались и теперь, как в оны дни, неизменными спутниками жизни капитана-кинника...»

Эту цитату, вообще-то, можно было бы и не приводить, если бы не существенная подробность: инструмент был не русской конструкции Андрея Сихры, а классической, испанской! И еще одна деталь: вечно пьяный человек, ухитрившийся за несколько лет промотать нежданное наследство, из последних сил держится за одну-единственную ценность – гитару! Чем-то она дорога ему и помогает кое-как оставать-

ся на плаву.

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ САЛИАС

Салиас, Евгений Андреевич (1840-1908) – граф, русский писатель, автор многочисленных исторических произведений. Сын писательницы Евгении Тур. «Путевые очерки Испании» (1864), «Пугачевцы» (1874), «На Москве», «Петербургское действие», «Свадебный бунт», «Владимирские Мономахи».

Повесть «Крутоярская царевна» русского писателя Евгения

Салиаса рисует быт помещичьей усадьбы времен царствования Екатерины Великой. Один из персонажей, отставной гвардейский прапорщик, предстает перед нами как незау-

рядная художественная натура. «Жданов был, сам того не зная, поэт и музыкант в душе. Он страстно любил слушать и петь народные песни и брэнчать на балалайке и немножко на гитаре. Тайком от всех Жданов сочинял сам песни и певал их на привалах во время охоты своим соратникам, то есть своей шайке прихлебателей-охотников».

Из скромности этот герой всячески скрывал свое авторство. «Иным совершенно искренно казалось, что они эту песню уже слышали где-то, когда-то, готовы были поклясться, что они песню знали, да забыли».

Надо полагать, у дворянина Жданова был реальный прототип. Вероятно, граф Салиас в жизни знал кого-то из энтузиастов музыки, благодаря чьим усилиям песенно-русский гитарный репертуар постоянно обновлялся.

Роман «Ширь и мах» примечателен эпизодом, где перед очами его сиятельства Светлейшего князя Потемкина предстал необыкновенно талантливый подросток. Провинциальный помещик, чьим крепостным был этот мальчишка, характеризует его следующим образом: «Это у меня калмычонок... Отчаянная голова. Это все он мастерит в доме с детьми. Первый затейник на всякую штуку. Такая голова, что даже, верите, подчас удивительно мне. Все у него таланы. И пляшет, и поет, и рисует, и на гитаре брэнчит. А ведь вот татарва, и еще не крещеный...»

Забавная сценка, не правда ли? Можно воскликнуть, перифразируя слова Пушкина:

язык гитары, как поэзия самого Александра Сергеевича, понимает и «гордый внук славян, и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык»!

Честь и хвала тому инструменту, который покори́л мир!

**АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
АПУХТИН**

Апухтин, Алексей Николаевич (1840-1893) – русский поэт. Основные мотивы лирики – грусть, разочарование, недовольство жизнью. На слова стихотворения «Ночи безумные», «Забывать так скоро», «День ли царит» и прочие написал романсы П.И. Чайковский.

В стихотворении «О цыганах» Алексей Апухтин дает меткую характеристику пению цыган: «Искусства также там, хоть тресни, / Ты не найдешь – напрасный труд: / Там искажут мотивы песни / И стих поэта переврут...» Но, отмечая темпераментность исполнения, он восклицает: «В них есть какой-то, хоть и детский, / Но обольщающий обман... / Вот почему на раут светский / Не променяем мы цыган».

Цыганские романсы под аккомпанемент гитары – ничем не объяснимая слабость маломальски чувствительного русского человека.

В стихотворении «Венеция» читаем: «Я бросился в гондолу и велел / Куда-нибудь подальше плыть. Смеркалось... / Канал в лучах заката чуть блеснул, / Дул ветерок, и туча надвигалась. / Навстречу к нам гондола приближалась, / Под звук гитары звучный тенор пел, / И громко раздавались над волнами / Заветные слова: *dimmi che m'ami*».

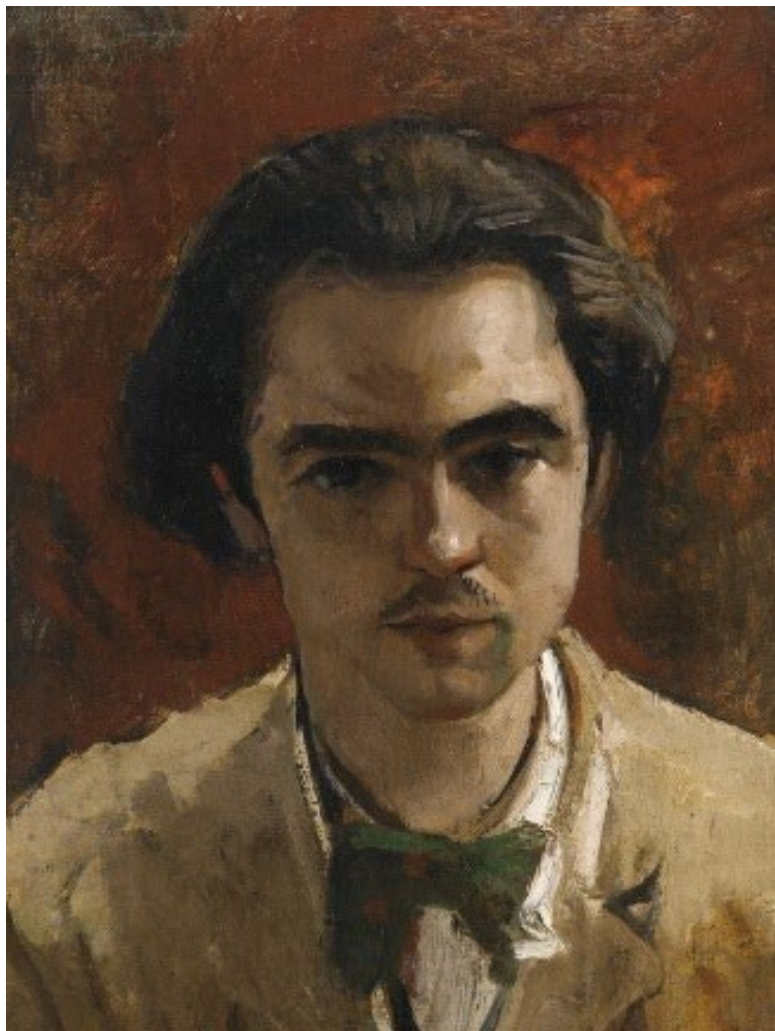
Ничего удивительного – какая же это Венеция, если в ней нет гондол, гитар и грустной баркаролы!

В рассказе «Между жизнью и смертью» Алексей Апухтин рассуждает об относительности всех наших чувств: «Нищий,

протягивающий руку за грошом и получающий от неизвестного благодетеля рубль, испытывает, быть может, большее удовольствие, нежели банкир, выигрывающий неожиданно двести тысяч... Весьма вероятно, что деревенские мужики, усевшиеся в теплый весенний вечер на траве вокруг доморощенного балалаечника или гитариста, наслаждаются не менее профессоров консерватории, слушающих в душной зале фуги Баха».

Мысль любопытная! Действительно, наша способность воспринимать то или иное произведение искусства определяется в первую очередь душевным настроем. Именно поэтому гитара с ее богатыми выразительными возможностями пользуется такой любовью самой разнообразной аудитории.

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

Верлен, Поль (1844-1896) – французский поэт-символист. Ввел в лирическую поэзию сложный мир чувств и переживаний, придал стиху тонкую музыкальность (сборники «Галантные празднества», 1869, «Романсы без слов», 1874, «Мудрость», 1881). Книга литературно-критических статей «Проклятые поэты» (1884). Автобиографическая «Исповедь» (1895).

У Поля Верлена в стихотворении «Grotesques» найдем описание бродячих музыкантов, с которыми поэт, разумеется, отождествляет и себя: «Конечно, жизнь их ядовита, / Они презренны и смешны, / Они напоминают чьи-то / Во тьме ночной дурные сны. / Гнутят! Над резкою гитарой / Блуждает вольная рука. / В их странных песнях ропот ярый, / По горней родине тоска...»

Вместо привычной для классической поэзии лиры или какой-нибудь цевницы французский символист дает в руки своим героям современный инструмент – живой, осязаемый, – создавая тем самым реальный, зримый образ Поэта – человека, не понятого толпой, поскольку он неизмеримо выше черни.

Поль Верлен, издеваясь над поэтами-классицистами, отверженными к устоявшимся штампам поэтической речи, иногда создает парадоксальные и насмешливые картинки вроде этой: «Атис, бренча струной гитарной, / Вонзает в Хлою взор коварный, / А ей – хоть что, неблагодарной».

(Стихотворение «Лодке»)

Разумеется, в Древней Греции знать не знали гитары, а в пасторальной идиллии куда уместнее обычная свирель. Но Верлен не хочет следовать проторенным путем, он создает новое, самобытное искусство, и ему не откажешь в оригинальности.

В стихотворении «Мерзавец» поэт рисует жутковатую картину, достойную кисти Иеронима Босха: «И синим пальцем висельника шут / Над веткою гитарой машет / И над грядущим, зазиявшим тут, / Как бы подбит резиной, пляшет».

Гитара в руках трупа, под «мертвенной луною» – зрелище не для слабонервных!

ГЕНРИК СЕНКЕВИЧ

Сенкевич, Генрик (1846-1916) – польский писатель, членкорреспондент (1896), почетный академик (1914) Петербургской Академии Наук. Исторические романы «Огнем и мечом» (1883-1884), «Потоп» (1884-1886), «Пан Володыевский» (1887-1888), «Камо грядеши» (1894-1896), «Крестоносцы» (1897-1900) отмечены национально-патриотическими настроениями, стилизацией в духе изображаемой эпохи, искусством пластической лепки образов. Психологические романы («Без догмата», 1889-1890), новеллы и повести. Нобелевская премия (1905).

Генрик Сенкевич в историческом романе «Камо грядеши» набрасывает довольно точный портрет прославленного тирана древности Нерона и вкладывает в его уста вполне правдоподобные слова: «Ах, никто не поверит, да и ты, дорогой мой, не согласишься, что в минуты, когда музыка баюкает мою душу, я чувствую себя таким добрым, как дитя в колыбели. Клянусь тебе этими звездами, что сияют над нами,

я говорю чистую правду: люди не подозревают, как много доброго заключено в этом сердце и какие я сам вижу в нем сокровища, когда музыка открывает доступ к ним». Сентиментальный садист и убийца мнил себя великим артистом и завидовал профессионалам. Обращаясь к другу Петронию, Нерон с тревогой вопрошает:

«— Тигеллин мне говорил, что в сенате шепчутся, будто Диодор и Терпнос лучше меня играют на кифаре. Даже в этом мне отказывают! Но ты, который всегда говорит правду, скажи мне искренне: играют ли они лучше меня или так же хорошо, как я?»

И лукавый царедворец, зная злобную мстительность императора, спешит успокоить того грубой лестью:

«— Куда им! У тебя удар по струнам гораздо нежнее, и в то же время в нем больше силы. В тебе чувствуется артист, а они – умелые ремесленники».

Кифара, как некоторые утверждают, древняя прародительница гитары, была дорога сердцу Нерона, и как жаль, что по воле судьбы ему не пришлось стать кифаредом. Вполне вероятно, что в нем погиб талант выдающегося музыканта!

КОЗЬМА ПРУТКОВ

Козьма Прутков – коллективный псевдоним, под которым в журналах «Современник», «Искра» и других выступали в 1850-1860 годах поэты А.К. Толстой и братья Жемчужниковы (Алексей, Владимир и Александр Михайловичи). Сатирические стихи, афоризмы Козьмы Пруткова и самый его образ высмеивали умственный застой, политическую «благонамеренность», пародировали литературное эпигонство.

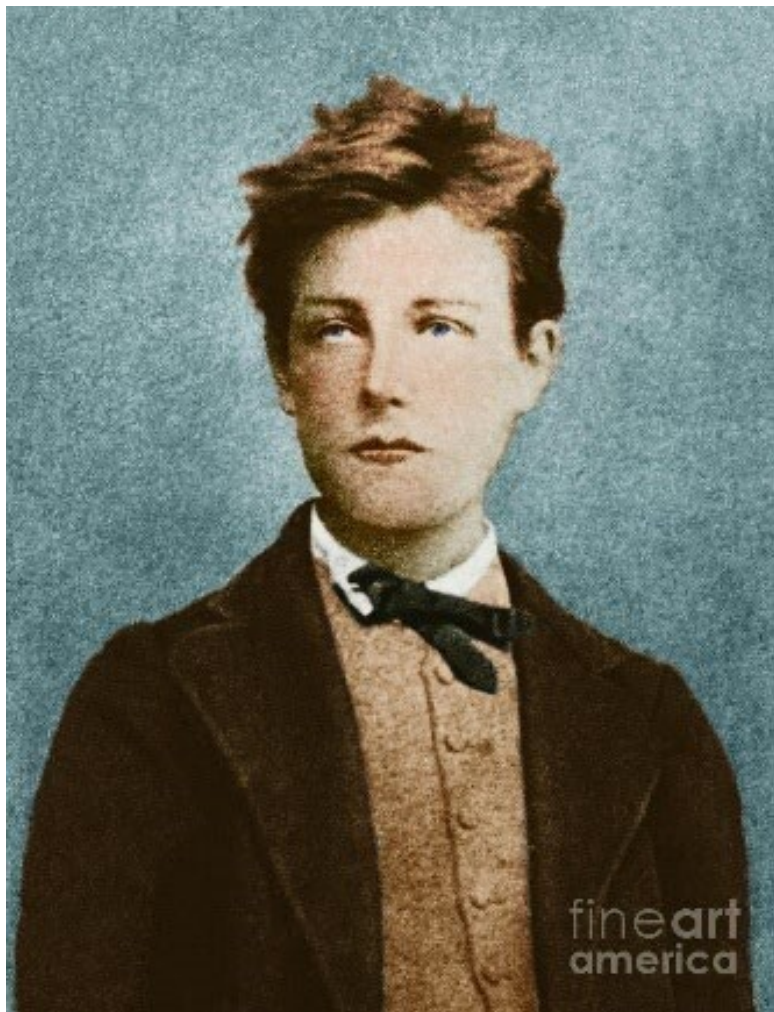
Подражания русских поэтов, воспевающих красоты солнечной Испании и жаждущих перенять чуждую нам экзотику, можно охарактеризовать емким словом «испанщина». Известно, что зачинателем этого направления стал Пушкин, который никогда не был в Европе, но сумел воссоздать испанский дух в своих бессмертных стихах. С его легкой руки сотни стихотворцев ринулись разрабатывать благодатную тему. Даже Лермонтов, тоже не бывавший в Европе, отдал дань моде, написав слабенькую романтическую драму «Испанцы» (1830)! Что уж говорить о литераторах средней руки: Вяземском, Мее, А.Н. Толстом...

Словно подводя итог, Козьма Прутков внес и свою лепту блистательным стихотворением «Желание быть испанцем»: «Тихо над Альгамброй. / Дремлет вся натура. / Дремлет замок Памбра. / Спит Эстремадура. / Дайте мне мантилью; / Дайте мне гитару; / Дайте Инезилью, / Кастаньетов пару. / Дайте руку верную, / Два вершка булату, / Ревность

непомерную, / Чашку шоколату...»

После столь язвительной пародии количество подражаний испанским сегидильям резко упало, гитар в стихах поубавилось, романтический бум мало-помалу сошел на нет.

АРТЮР РЕМБО

Рембо, Артю́р (1854-1891) – французский поэт. Один из ранних представителей символизма (баллада «Пьяный корабль», 1871). Посвятил Парижской Коммуне полные эмоционального одушевления стихи «Париж заселяется вновь», «Руки Жанны Мари» (оба –1871). В книгах стихов и прозы «Сквозь ад» (1873), «Озарения» (издана в 1886) – «разорванность» мысли, нарочитая алогичность и антисимволическая, заостренно-прозаическая конкретность образов

в

сочетании

с

демонстративной

антибуржуазностью и пророческим пафосом. Вскоре отошел от литературы, стал торговым агентом в Эфиопии.

Гитара в стихах Артюра Рембо составляет часть изысканнотонкого пейзажа: «И в памяти всплывает Генриетта, / Прелестный полустанок в сердце гор, / Где синие танцуют дьяволята, / Сбежавшие на воздух, на простор. / Зеленая скамья, где под гитару / О рае грозовом поет ирландка. / Потом в столовой гомон спозаранку, / Возня детей и щебет клетки старой».

Картина вполне мирная, акварельно-чистая, написанная рукой мастера.

В стихотворении «Руки Жанны Марии» поэт сам себе за-

дает вопрос: «Иль бабочек они ловили, / Сосуших на заре нектар? / Иль яд по капелькам цедили / Под неумолчный стон гитар?»»

Сказано хоть и непонятно, однако красиво.

Впрочем, «гитары» – это, скорее всего, вольность переводчика В.Дмитриева, поскольку этот же фрагмент в интерпретации В.Парнаха звучит иначе: «Под заревой голубизною / Ловили золотых цикад, / Спеша к нектариям весною? / Цедили драгоценный яд?» Берем перевод Павла Антокольского – и здесь нет гитары: «Или подобно шелкопрядам / Сучили синий блеск они, / Иль к склянке с потаенным ядом / Склонялись в мертвенной тени?»»

Как бы там ни было, но гитара в первом переводе не разрушает хрупкую гармонию стиха.

СЕЗАРИУ ВЕРДЕ

Верде, Сезариу (1855-1886) – португальский поэт.

В проникновенной португальской лирике до обидного редко упоминается гитара. В стихах Сезариу Верде встречаются лира, флейта, кларнет, труба, есть даже «горних сфер звучанье». Обращаясь к продажной критике, отвергающей его стихи, поэт вскользь и с отрицательным оттенком упоминает гитару: «И рукописи мне приходится доныне / Охапками сжигать с отчаянья в камине. / Как, пресса, ты жалка! / Ты эпиграмм моих – и тех не стоишь, шлюха... / Бьет полночь. От дождя лоснится тротуар, / Но веселится чернь. Плеск луж и звон гитар – / До-коль! – мне ранят ухо». Полночный мрак, слякоть, улица, на которой веселится хмельная толпа, равнодушие издателей, бедность и забвение – все это заставляет его сравнивать свою судьбу с судьбой чахоточной девушки, вынужденной день-деньской зарабатывать на хлеб насущный глаженьем белья.

Уместное сопоставление, ибо и сам Сезариу Верде прожил всего 31 год!

Неудивительно, что игра гитары не по душе больному отчаявшемуся человеку.

**ИННОКЕНТИЙ
ФЁДОРОВИЧ АННЕНСКИЙ**

Анненский, Иннокентий Федорович (1855-1909) – русский поэт. В лирических стихах (сборники «Кипарисовый ларец», 1910, «Посмертные стихи», 1923) – трагедийная напряженность, тонкий психологизм. Критические статьи («Книга отражений», т.1-2, 1906-1909). Переводы, в том числе трагедий Еврипида.

Иннокентий Анненский в 1906 году написал стихотворную пьесу «Фамира-кифаред», жанр которой он определил как «вакхическая драма». Сюжет ее опирается на трагедию Софокла, не дошедшую до наших времен. Сын фракийского царя Филаммона и нимфы Аргиопы, юный Фамира, вырос талантливым, но высокомерным. Его страстью была кифара, струнный музыкальный инструмент, сделанный из рогового панциря черепахи (кстати сказать, слово «гитара», известное всем, филологи, в частности Макс Фасмер, этимологически выводят именно из древнегреческой «кифары»). Охота, ратные подвиги, богатство и даже красота женщин не привлекали гордеца.

Когда в хижине Фамиры появляется Нимфа, его родная мать, он, не узнав ее, про себя восклицает: «Га... женщина. Из моего шатра! / Уж завелись поклонницы талантов, / Блудливые менады – точно моль / В плаще, который позабыли выбить». И, обращаясь к гостье: «Я – нищий кифаред... / Женам / Я не играю, я играю звездам».

Фамира бросает вызов музам, и одна из них, Евтерпа, покровительница лирической поэзии, соглашается принять

участие в состязании. Юноша преисполнен уверенности в своей победе: «Я буду как титан, / Похитивший с небес огонь, но людям / Я дам огонь и чище, и нежней...»

Самонадеянность погубила героя драмы. Слушая музу, он понял, что проиграл: «Да, до сих пор себе / Не объясню я, что со мною было: / Глядел ли я иль слушал? Облака ль / Там надо мной звучали, или струны / Рождали в небе формы, а закат / Был только нежной гаммой?..» Расплата оказалась жестокой – Фамира ослеп.

Бог Гермес, который появляется в финале, предрекает гордецу нищету, скитания, голодную старость, но утешает: «Я на груди / Твоей, слепец, велю повесить доску / С тремя словами: «Вот соперник муз».

Содержание пьесы неоднозначно и предполагает несколько трактовок.

Осип Мандельштам в 1913 году писал в своем отзыве на книгу Анненского: «Пока Фамира был причастен музыке, он метался между женщинами и звездами. Но когда кифара отказалась ему служить и музыка лучей померкла в выжженных углем глазах, он, жутко безучастный к своей судьбе, сразу становится чужд трагедии, как птица, что сидит на его простертой ладони». Зная трагическую судьбу Мандельштама, безвинно сгинувшего в сталинских лагерях, трудно удивляться его пессимизму.

Мы же видим более оптимистическую картину. Цельная натура художника не терпит дилетантизма. Фамира-кифаред

одержим музыкой, он верит в свои силы и не боится бросить вызов богам. И думается, неудача не обескуражит героя, несмотря на мрачные пророчества.

Вся эта символика как нельзя лучше подходит к современным гитаристам-новаторам, которые дерзнули поставить свой инструмент наравне со скрипкой и фортепиано.

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ГИЛЯРОВСКИЙ

Гиляровский, Владимир Алексеевич (1855-1935) – русский писатель, журналист, бытописатель Москвы. «Трущобные люди» (1887), «Москва и москвичи» (1926), «Мои скитания» (1928), «Люди театра» (опубликованы в 1941 году), «Москва газетная» (опубликована в 1960 году).

В книге Владимира Гиляровского «Трущобные люди» детально и не без юмора описывается жизнь юнкеров в армейских полках: «У юнкеров была одна заветная вещь, никогда не пропивавшаяся: это гитара Казакова, великого виртуоза по этой части. Под звуки ее юнкера пели хором песни и плясали в минуту разгула. Гитара сделала Казакова первым бильярдным игроком.

Переход от первого инструмента ко второму совершился случайно. Казаков прославился игрой на гитаре по всему городу, а любители, купцы и чиновники, таскали его на вечеринки и угощали в трактирах. Казаков стал бывать в бильярдных, шутя сыграл партию с кем-то из приятелей, а через год уже обыгрывал всех маркеров в городе».

После короткого периода удач Казакова постигла обычная участь русских талантливых людей – пьянство. Изгнанный из армии в небольшом офицерском чине, он скитался по всей России, зарабатывая на жизнь бильярдной игрой. Про игру на гитаре отставной капитан уже и не думал.

Описывая знаменитые «среды» в доме известного мецената в книге «Москва и москвичи», Гиляровский рассказывает: «Приветствуя, В.Е. Шмаровин иногда становится перед вошедшим: водной руке серебряная стопочка допетровских времен, а в другой – екатерининский штоф, «квинтель», как называли его на «средах»... Отворяется дверь в зал с колоннами, весь увешанный картинами... Посредине стол, ярко освещенный керосиновыми лампами с абажурами, а за сто-

лом уже сидит десяток художников – кто над отдельным рисунком, кто протокол заполняет... Кругом стола ходили гости, смотрели на работу... Вдруг кто-нибудь садился за рояль. Этот «кто-нибудь» обязательно известность музыкального мира: или Лентовская, или Аспергер берется за виолончель – и еще веселее работает под музыку. Входящие не здороваются, не мешают работать, а проходят дальше, или в гостиную через зал, или направо в кабинет, украшенный картинами и безделушками. Здесь, расположившись на мягкой мебели, беседуют гости... Лежат бубен, гитары, балалайки... Через коридор идут в столовую, где кипит самовар, хозяйка угощает чаем с печеньем и вареньем. А дальше комната, откуда слышатся звуки арфы, – это дочь хозяина играет для собравшихся подруг... Позднее она будет играть в квартете, вместе со знаменитостями...»

Творческие вечера в доме хлебосольного хозяина не обходились без гитары. Этот инструмент постоянно был на виду, несмотря на присутствие именитых музыкантов. Надо полагать, не было ничего зазорного в умении хорошо играть на ней.

Приведем еще один фрагмент из этой замечательной книги, где Гиляровский описывает Английский клуб в Москве. «Эстрада в столовой – это единственное место, куда пропускаются женщины, и то только в хоре. В самый же клуб, согласно с основания клуба установленным правилам, ни одна женщина не допускалась никогда. Даже полы мыли мужчи-

ны. Уселись. Старейший цыган Федор Соколов повел седым усом, сверкнул глазами, притопнул ногой, звякнул струной гитары – и грянул цыганский хор. А налево, около столов, уставленных дымящимися кастрюлями, замерли как статуи, в белых одеждах и накрахмаленных белых колпаках, с серебряными черпаками в руках, служители “храма праздности”».

**МИХАИЛ
АЛЕКСАНДРОВИЧ ВРУБЕЛЬ**

Врубель, Михаил Александрович (1856-1910) – русский живописец. Произведения («Демон», 1890, «Сирень», 1900) отмечены драматической напряженностью

колорита,

«кристаллической» четкостью, конструктивностью рисунка, тяготением к

символикофилософской обобщенности

образов,

нередко

принимающих траги

ческую окраску. Иллюстрации (к «Демону» М.Ю. Лермонтова, 1890-1991), росписи (Кирилловской церкви в Киеве, 1884-1889), произведения декоративно-прикладного искусства (эскизы для майоликовой скульптуры и другие), близкие к стилю модерн.

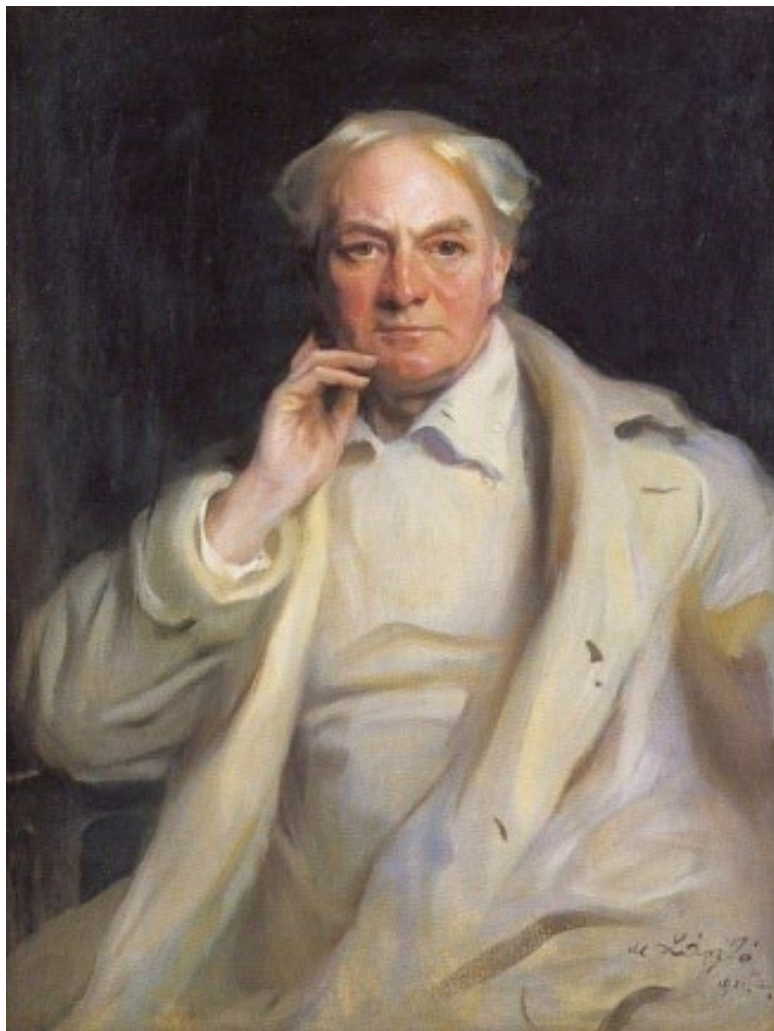
С 1902 года и до конца жизни Михаил Врубель лечился в психиатрических больницах. В январе 1906 года он пишет своей жене

Валентине Ивановне Забеле-Врубель: «И за последнее время было несколько концертов: особенно интересен был концерт Неаполитанцев в зале нашего отделения, прекрасные голоса и бравые люди. 2 solo: оба высокие баритоны, но один с гитарой, а другой без инструмента: и еще 3 голоса с двумя мандолинами и еще одной гитарой. Был чай и ужин с

вином. Они приехали петь из любезности, потому что Федор Арсеньевич давно уже лечит их семьи даром».

Надо полагать, музыка под гитару благотворно влияла на психику больных.

ДЖЕРОМ КЛАПКА ДЖЕРОМ

Джером, Клапка Джером (1859-1927) – английский писатель. Повесть «Трое в лодке (не считая собаки)» (1889), «Трое на велосипеде» (1900), рассказы и пьесы («Жилец с четвертого этажа», 1907) с добродушным юмором, нередко с налетом сентиментальности, повествуют о невзгодах незадачливых обывателей.

У Джерома Клапки Джерома есть сатирическая повесть «Как мы писали роман». В одном из эпизодов молодая супружеская чета решает приобрести понтонный дом. Будущее рисуется в самых розовых красках: «Я могу работать все утро на палубе под защитой тента, а Этельберта будет ухаживать за розами и готовить печенье к чаю; вечером мы расположимся на маленькой палубе и Этельберта поиграет на гитаре (она немедленно начнет брать уроки) или же мы будем сидеть молча и внимать соловьям».

Что и говорить – полная идиллия! Розы, игра на гитаре, пение птиц и семейное чаепитие – это ли не райская жизнь?!

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

Чехов, Антон

Павлович

(1860-1904) – русский писатель. Начиная как автор фельетонов и коротких юмористических рассказов. Основные темы

творчес

тва –

идейные

искания интеллигенции,

недовольство

обывательским существованием одних, душев-
ная «смирненность» перед

пошлостью

жизни

других

(«Скучная история», 1889, «Дуэль», 1891, «Дом с
мезонином», 1896, «

Ионыч», 1898, «Дама с собачкой», 1899). В расска-
зах «Бабье царство» (1894), «Мужики» (1897), «В овра-
ге» (1900) показал дикость и жестокость деревен-
ской жизни. Большой силы социального и художе-
ственного обобщения Чехов достиг в рассказах «Па-
лата № 6» (1892), «Человек в футляре» (1898). В пье-
сах «Чайка» (1896), «Дядя Ваня» (1897), «Три сест-
ры» (1901), «Вишневый сад» (1904), поставленных на
сцене Московского Художественного Театра, создал
особую, тревожную эмоциональную атмосферу пред-
чувствия грядущего. Главный герой Чехова – рядовой
человек со своими каждодневными делами и забота-
ми. Тонкий психолог, мастер подтекста, своеобразно
сочетавший юмор и лиризм.

Драматургия Чехова отводит гитаре немалую роль – она символизирует собой устоявшийся привычно-размеренный ритм жизни. Скажем, в «Трех сестрах» на ней постоянно наигрывают два второстепенных персонажа, армейские подпоручики, что явствует из многих ремарок вроде такой: «Федотик и Родэ показываются в зале; они садятся и напевают тихо, наигрывая на гитаре». По всей вероятности, это их любимое занятие в тех редких промежутках, когда они свободны от ежедневной муштры.

Третье действие пьесы представляет собой кульминацию сценических событий, когда в городе возникает пожар.

«Входит Федотик.

Федотик (танцует). Погорел, погорел! Весь дочиста!

Смех.

Ирина. Что ж за шутки. Все сгорело?

Федотик (смеется). Все дочиста. Ничего не осталось. И гитара сгорела, и фотография сгорела, и все мои письма... И хотел подарить вам записную книжечку – тоже сгорела».

Стихийное бедствие губит весь небогатый скарб офицера, в том числе и его обожаемую гитару, а он смеется и приплясывает.

Вы скажете – неадекватная реакция, истерический припадок. Нет. Это переломный момент его жизни, когда надо рвать с прошлым и думать о будущем. Вспомните лейтмотив «Трех сестер»: «В Москву, В Москву, В Москву!» Нельзя продолжать прежнее растительное существование в глухой

и убогой провинции, надо любой ценой вырваться из вязкой трясины мещанства, чтобы «увидеть небо в алмазах». Впрочем, это перефразированная цитата из другой чеховской пьесы, из «Дяди Вани»:

«Телегин тихо играет на гитаре.

Соня. Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...»

Надо полагать, в новой счастливой жизни гитаре уже не будет места, поскольку с ней связано столько грустных воспоминаний о прошлом. Ее должен заменить собой какой-то другой, более солнечный музыкальный инструмент. Эта версия подкрепляется сценкой из «Вишневого сада», когда конторщик и горничная обмениваются такими репликами:

Епиходов (играет на гитаре и поет). «Что мне до шумного света, что мне друзья и враги...» Как приятно играть на мандолине!

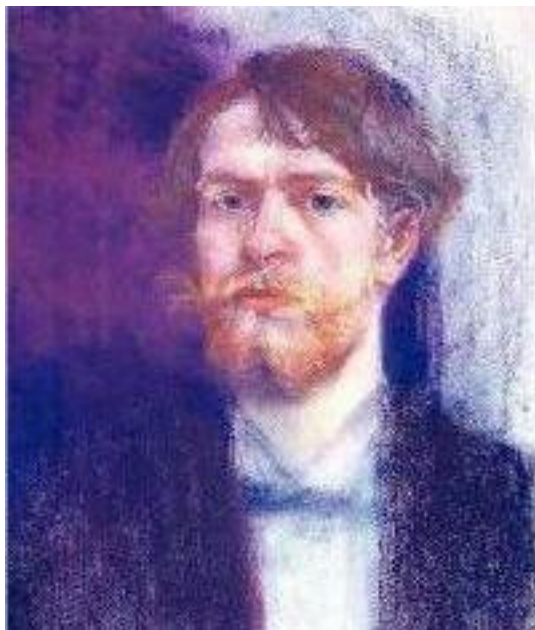
Дуняша. Это гитара, а не мандолина. (Глядится в зеркальце и пудрится.)

Епиходов. Для безумца, который влюблен, это мандолина... (Напевает.) «Было бы сердце согрето жаром взаимной любви...»

Конечно, мандолина – всегда солнечна, всегда радостна, тогда как гитара – инструмент более богатый и разнохарак-

терный.

АРТУР ШНИЦЛЕР

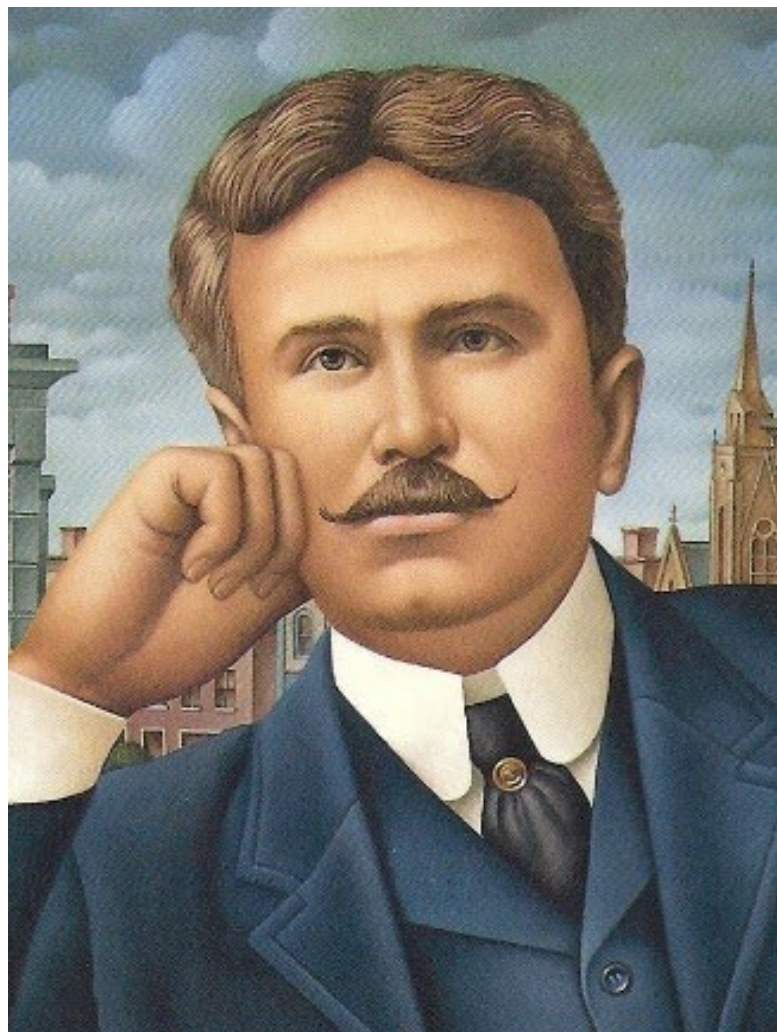
Шницлер, Артур (1862-1931) – австрийский драматург и прозаик. Пьесы («Анатоль», 1893), повести («Фрау Беата и ее сын», 1913) импрессионистического характера. Социальнокритические мотивы в повести

«Лейтенант Густль» (1901), пьесе «Профессор Бернгарди» (1912).

Артур Шницлер был очень популярен в Европе в начале XX века, поскольку его сюжеты отличались живостью, парадоксальностью и знанием житейских реалий. Новелла «Слепой Джеронимо и его брат» повествует о двух итальянских бедняках, которые, задумавшись о будущем, стали бродячими музыкантами. «Тогда-то Карло и пришла в голову мысль учить Джеронимо, у которого был приятный голос, музыке. Школьный учитель из Толы, иногда приходивший к ним в деревню по воскресеньям, научил его играть на гитаре. Слепой, конечно, еще не подозревал, что это искусство со временем станет его единственным средством к существованию».

Не самая горькая участь – зарабатывать на жизнь музыкой, и гитара помогла братьям в их нелегких скитаниях.

О. ГЕНРИ

О. Генри (Уильям Сидни Портер, 1862-1910) – американский писатель. Тщательно выписанные юмористические новеллы, проникнутые любовью к «маленькому американцу», отличаются занимательным сюжетом, парадоксальной развязкой. Сатирическая притча «Короли и капуста» (1904).

Рассказ О. Генри «Дикки» описывает быт и нравы народа некоей латиноамериканской страны, названной писателем Анчурией. Бедность и безысходная скука царят в этом государстве. Даже молодые люди здесь какие-то простоватые и робкие. «По вечерам Паса сидела у окна, в комнатке рядом с распивочной, и сонно перебирала струны гитары. И вскоре в эту комнатку по двое, по трое входили молодые кабаллеро и садились у стены на стулья. Их целью была осада сердца молодой «Santita». Их система (не единственная и, вероятно, не лучшая в мире) заключалась в том, что они выпячивали грудь, принимая воинственные позы, и выкуривали бездну папирос. Даже святые с золотисто-апельсинным отливом предпочитают, чтобы за ними ухаживали как-нибудь иначе. Донья Паса заполняла периоды отравленного никотином молчания звуками своей гитары и с удивлением думала: неужели все романы, которые она читала о галантных и более... более осязательных кавалерах, – ложь?»

В отличие от темпераментных испанцев, которые сами играют на гитаре и поют серенады красивым девушкам, анчу-

рийцы ни на что не годны. Неудивительно, что героиня рассказа влюбляется в приезжего американца, Дикки Малони, который «предпочитал атаку на близкой дистанции. Взять крепость одним концентрированным, пылким, красноречивым, неотразимым штурмом – такова была его боевая задача».

Герой рассказа «Последний трубадур» – некий Сэм Голлоуэй, странствующий музыкант, не расставался с гитарой. Вот как Сэм собирается в дорогу: «Он крепко и с неумолимым видом подтянул и застегнул свою подпругу, свернул кольцом веревку, повесил ее на луку седла, подвязал сзади свою куртку и одеяла и повесил хлыст на кисть правой руки... При полном молчании, которое нарушалось только собакой, усердно с помощью задней ноги ловившей блоху, Сэм нежно и заботливо привязал поперек седла, поверх своей верхней одежды, гитару. Гитара была в зеленом парусиновом мешке».

Чем же занимался герой рассказа, чем зарабатывал на жизнь? Он «был последним трубадуром. Вы, разумеется, слышали про трубадуров. В энциклопедии определенно указывается, что особого размаха трубадуры достигли между одиннадцатым и тринадцатым столетиями. Чем они, собственно, размахивали – неясно, но, во всяком случае, вы можете быть уверены, что не мечом! Возможно, что смычком, или вилкой с макаронами, или дамским шарфом. Но, так или иначе, Сэм Голлоуэй был одним из трубадуров».

Переезжая с одного ранчо на другое в Техасе, Сэм развлекал хозяев музыкальным искусством. Будучи в гостях, он проводил время «в тени деревьев на прохладной, крытой парусиной койке. Тут он свертывал свои сигареты из коричневой бумаги, читал ту скучную литературу, что имелась на ранчо, и расширял свой репертуар импровизациями, которые с таким великим мастерством передавал на своей гитаре».

Общение «трубадура» с очередным владельцем ранчо было мягким и душевным. «Когда старик на закате возвратился в свое ранчо, он застал Сэма Голлоуэя лежащим на койке и перебирающим струны на гитаре.

—

Здорово, дядя Бен, – весело крикнул трубадур. – Вы сегодня рано вкатились. Я пробовал новую вариацию к испанскому фанданго. Я только что нашел ее. Вот послушайте, как она звучит!

—

Хорошо, чудесно, – говорил Эллисон, сидя на кухонной ступеньке и потирая свои седые, как у скот-терьера, бакенбарды. – Я считаю, что вы побили всех музыкантов на Востоке и Западе, повсюду, Сэм, где только проложены дороги.

—

Не знаю, – отвечал Сэм в раздумье, – но я, конечно, достиг кой-чего в вариациях. Я вижу, что могу не хуже других обработать любую вещь в пяти бемолях... Но вы как будто

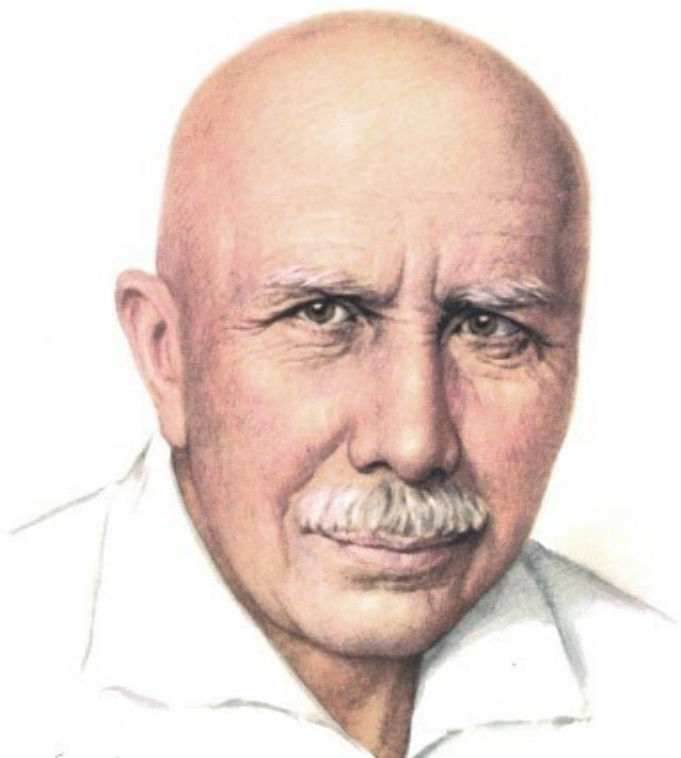
утомлены, дядя Бен, или чувствуете себя неважно сегодня вечером?

—

Я немного устал, Сэм, больше ничего. Если вы еще можете играть, сыграйте мне мексиканскую вещь, начинающуюся словами: «Huile, huile, palomita» («Лети, лети, голубок»). Мне кажется, что эта песня всегда успокаивает и подбодряет меня после далекой поездки или же когда что-нибудь меня тревожит».

Выведенный американским писателем типаж действительно напоминает менестреля, которого средневековый барон сажал по левую руку от себя в пиршественном зале! Никто не вправе попрекнуть музыканта куском хлеба, поскольку он честно отработывает его, играя на лютне или гитаре.

**АЛЕКСАНДР СЕРАФИМОВИЧ
СЕРАФИМОВИЧ**

Серафимович, Александр Серафимович (Александр Попов, 1863-1949) – русский писатель и публицист. «Очерки и рассказы» (1901), повесть «Пески» (1908), романы «Город в степи» (1912), «Железный поток» (1924).

Рассказ «Две смерти» Александра Серафимовича повествует о судьбе девушки из интеллигентной семьи в годы Гражданской войны. Интересны ее ранние воспоминания: «В детстве, бывало, заберется к отцу, когда он уйдет, снимет с ковра над кроватью гитару, усядется с ногами и начинает потинькивать струною, и все подтягивает колышек, – и все тоньше, все выше струнная жалоба, все невыносимей. Тонкой, в сердце впивающейся судорогой – ти-ти-ти-и... Ай, лопнет, не выдержит... И мурашки бегут по спине, а на маленьком лбу бисеринки... И это доставляло потрясающее, ни с чем несравнимое наслаждение».

Мирная жизнь связана в воображении героини с гитарой, инструментом, на котором она еще не умеет играть, но манящим, прекрасным, желанным.

«Железный поток» – рассказ о выходе из окружения красноармейской части под командованием Кожуха в годы Гражданской войны. Перед нами картина одного из привалов, когда в степи загорелись костры: «Эти огни особенные. И говор особенный, и смех, и женские игривые взвизги, и гу-

стая матерная брань, и звон бутылок. То вдруг разом ударят несколько мандолин, гитар, балалаек, – целый оркестр зазвучит струнно-упруго, совсем не похоже на тьму, на цепочку огней во тьме».

Несмотря на трудности похода, бойцы не бросают обоз с небогатым солдатским скарбом. Гитара, звучащая по вечерам, согревает их души, заставляет верить в счастливое будущее.

ФЁДОР КУЗЬМИЧ СОЛОГУБ

Сологуб, Федор Кузьмич (Федор Тетерников, 1863-1927) – русский писатель. Сборник стихов «Пламенный круг» (1908) отмечен мотивами отчаяния, индивидуализма. В романе «Мелкий бес» (1905)

–

гротескное изображение русской провинциальной жизни. Переводы.

В 1901 году Федор Сологуб вполне традиционно рисует портрет Дон Жуана: «Он песни пел, пленял он дев, / Владел и шпагой и гитарой. / Пройдет – и затихает гнев / У ведьмы даже самой ярой. / И жен лукавая хвала, / И дев мерцающие взоры! / Но бойтесь – у богини зла / Неотвратимы приговоры». (Стихотворение «Он песни пел, пленял он дев...»)

Поэт-символист добросовестно следует пушкинской традиции: идалго у него непременно «с гитарой и шпагой»!

Федор Сологуб написал свои «Парижские песни» 23 мая 1914 года, накануне мировой войны: «Вот летит за парой пара, / В жестах отменяя стыд, / И румынская гитара / Утомительно бренчит. / Скалят зубы пакостные франты, / Тешит их поганая мечта, – / Но придут иные музыканты, / И пойдет уж музыка не та...»

Порой удивляешься провидческому дару художников! Казалось бы, ничто не предвещает грозы, но сердце сжимается от страха. Через два месяца по всей Европе прокатился грохот орудий, а когда говорят пушки – музы молчат.

ЭТЕЛЬ ВОЙНИЧ

Войнич, Этель Лилиан (1864-1960) – английская писательница. Дочь Дж. Буля. В 1887-1889 годах жила в России, была связана с польским и русским революционным движением. С 1920 года

–
в США. В романах «Овод» (1897), «Овод в изгнании» (другой перевод – «Прерванная дружба», 1910) создан героический образ итальянского революционера.

Овод, герой знаменитого романа Этель Лилиан Войнич, был любителем гитары и героических песен. Вот он просит влюбленную в него девушку Зиту взять в руки инструмент:

«– Что тебе спеть?

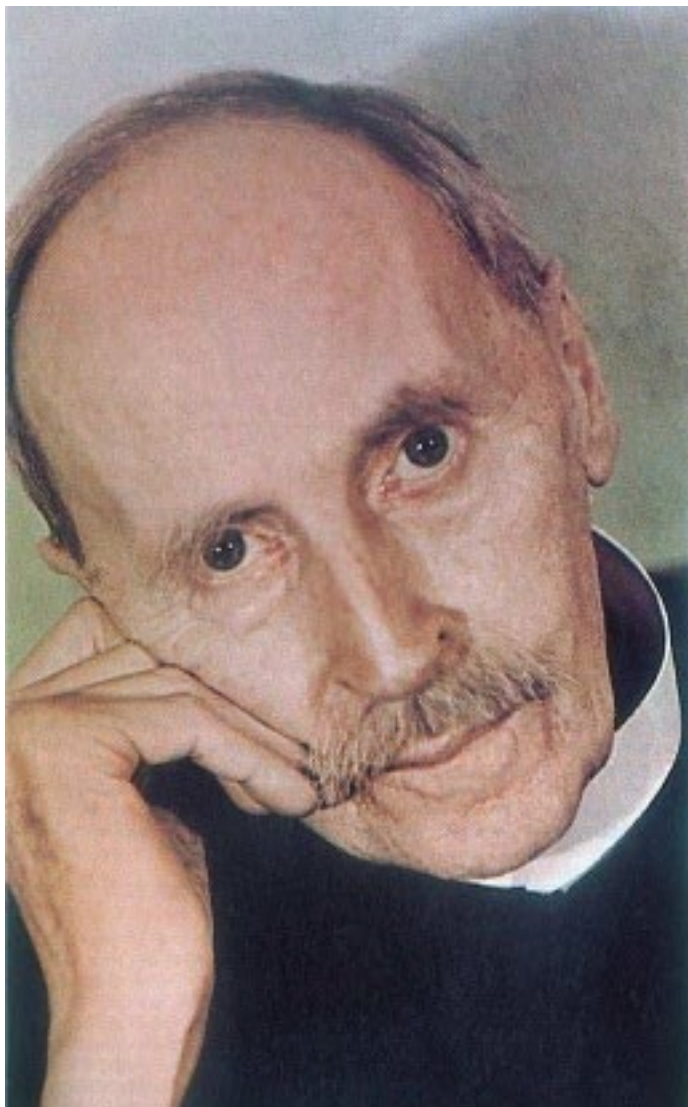
– «Балладу о коне». Это твой коронный номер.

Зита запела старинную венгерскую песню о человеке, который лишился сначала своего коня, потом крыши над головой, потом возлюбленной и утешал себя тем, что «больше горя принесла нам битва на Мохачском поле». Это была любимая песня Овода. Ее суровая мелодия и горькое мужество припева трогали его так, как не трогала сентиментальная музыка.

Зита была в голосе. Звуки лились из ее уст – чистые, полные силы и горячей жажды жизни. Итальянские и славянские песни не удавались ей, немецкие и по давню, а венгерские она пела мастерски».

Революционер Артур Бертон по кличке Овод, в полном соответствии со своими политическими воззрениями, отдавал должное только бодрой, оптимистической песне под гитарный аккомпанемент, презирая меланхолию и расслабленность.

РОМЕН РОЛАН

Роллан, Ромен (1866-1944) – французский писатель. В романеэпопее «Жан Кристоф» (1904-1912) – духовные искания и метания гениального музыканта на фоне картины упадка культуры Европы накануне Первой мировой войны. Художественно-мемуарные книги о Б. Микеланджело (1907), Л.Н. Толстом (1911), М. Ганди (1923). Цикл музыковедческих трудов о Л. Бетховене (1928-1944). Трагедия «Робеспьер» (1939). Нобелевская премия (1915).

Жан Кристоф, герой одноименной эпопеи Романа Роллана, был гениальным композитором, однако очень не любил гитару. Как и все выдающиеся таланты, он страдал от безденежья, и когда богатая соседка поинтересовалась, не дает ли он уроков, Кристоф вздохнул с облегчением.

Румяная, дородная красавица «недоверчиво спросила Кристофа, хорошо ли по крайней мере он знает музыку. Услышав, что Кристоф не только знает, но и сам сочиняет, она успокоилась и стала любезнее: самолюбие супруги мясника было польщено; она уже решила, что разнесет по всем соседям важную новость: ее дочь берет уроки у композитора.

Когда Кристоф сел на другой день за рояль – ужасный, купленный по случаю, дребезжавший, как гитара, – рядом с дочкой мясника, бестолково тыкавшей короткими, толстыми пальцами в клавиши, неспособной отличить один тон от

другого, ерзавшей от скуки на стуле и сразу начавшей громко зевать, когда Кристоф очутился под надзором матери и принужден был выслушивать ее мнения о музыке и музыкальном воспитании, – он почувствовал себя таким жалким, таким униженным, что у него даже не хватило силы возмутиться».

Согласитесь, назвать звук гитары «дребезжащим» может только тот, кто не принимает этот инструмент! Нелюбовь к гитаре слышится во фразе, какой герой романа характеризует старую жилистую курятину: «Все тонкие связки и сухожилия, какими только обладает домашняя птица, у этих двух экземпляров уподобились гитарным струнам».

Тем не менее, стесненное материальное положение заставляет Кристофа постоянно идти на компромиссы.

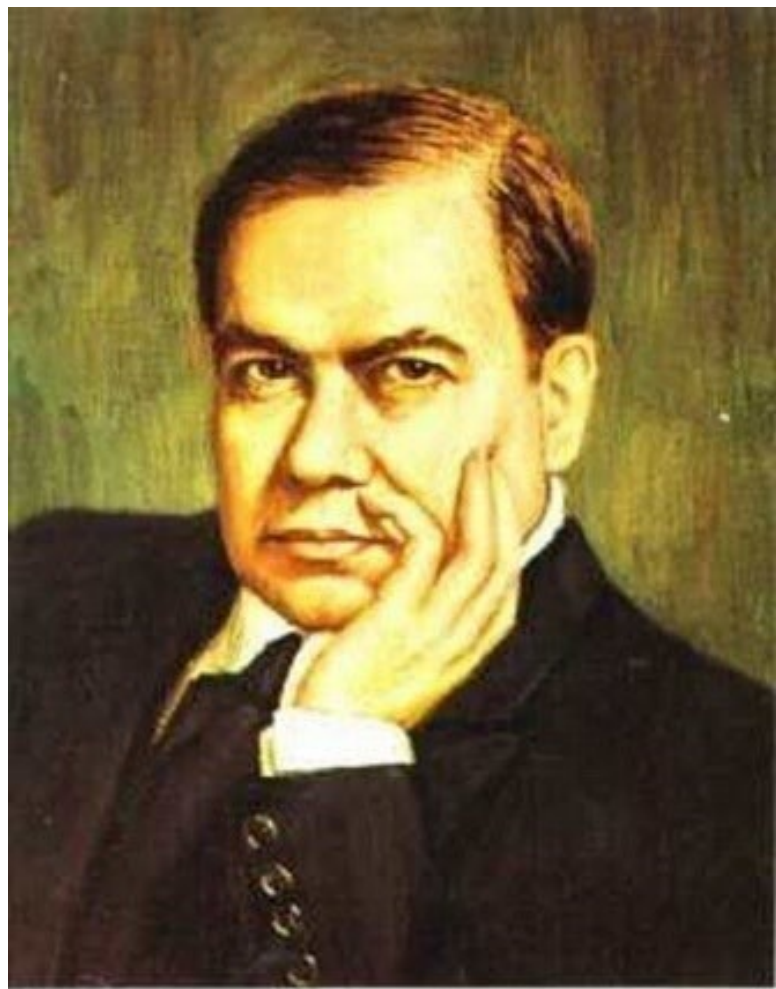
Так, некий господин Гехт «постарался навязать ему, по крайней мере на первый раз, работу, которую Кристоф в прежнее свое посещение с негодованием отверг. Он поручил ему к завтрашнему дню переложить для гитары и мандолины пятьдесят страниц нот. После этого, довольный, что заставил Кристофа смириться, он стал находить более приятные для него занятия, но делал это с таким отсутствием душевной теплоты, что невозможно было чувствовать к нему признательность; только крайняя нужда заставляла Кристофа обращаться к нему с новыми просьбами».

Довершает мучения героя «желтая» пресса, разозленная тем, что композитор наотрез отказывается от интервью.

«Сведения по мере распространения приукрашивались. В иностранных газетах они сдабривались всякими нелепостями. После того как французы в своих статьях сообщили, что Кристоф ради куска хлеба аранжировал музыкальные произведения для гитары, он прочел в английской газете, что ему случалось ходить по дворам с гитарой».

Странно, что Ромен Роллан, непревзойденный знаток музыки, не сумел понять нежную душу гитары!

РУБЕН ДАРИО

Дарио, Рубен
(1867-1916) –
никараг

уанский поэт. Основоположник испано-американского модернизма. Сборник «Лазурь» (1888), «Языческие псалмы» (1896), «Песни жизни и надежды» (1905). Реформатор поэтического языка, Дарио оказал значительное влияние на испаноязычную поэзию.

Среди стихов Рубена Дарио найдем «Похвальное слово сегидилье». С какой поэтической восторженностью он обращается к народному испанскому танцу! Его слова чаруют: «Ты ночью пьянишь и звучишь спозаранок, / восторга и грусти волшебный замес / на чувственно-красных губах у цыганок, / на бледных устах и надменных принцесс».

Сегидилья сопровождается игрой на гитаре, бандурриях и кастаньетах. Дарио не забывает сказать и о семиструнной гитаре: «Ты служишь оправой чеканного звука / жемчужине замысла, чтоб наяву / без промаха греза разила из лука, / семь струн натянув, как одну тетиву».

В стихотворении «Цыганочка» героиня танцует фанданго под аккомпанемент опятьтаки гитары: «Взлетало фанданго, и пахла гвоздика, / о празднике жизни бесстрашной и дикой / гитарные струны вели разговор».

Заметьте: гитара не поет, не звенит, а ведет разговор как это было в «Дон Кихоте» Сервантеса!

Рубен Дарио, великий латиноамериканский поэт, обращаясь к своей музе в стихотворении «Портик», не может представить ее вне Испании. «Музе по нраву цветы и беседы, / гордых испанцев печальные чары, / дорог ей рокот подруги Руэды – / ласковый звон шестиструнной гитары». И несколько далее читаем: «Муза, согретая влагой янтарной, / пляшет, веселая, в юбках широких, / в патьо прохладном, под рокот гитарный, / для андалусок, как ночь, чернооких».

Яркая, впечатляющая картина праздника в Севилье!

Вспоминая в стихотворении «Момотомбо» юные годы, проведенные в родном Никарагуа, Рубен Дарио не забывает и гитару: «Пленялся я уже Овьедо и Гомарой, / и бредила душа романсом, и гитарой, / и небылицами, питая страсть к завоеваниям и рыцарским победам, / к индейцам и жрецам, к рабов и пленным бедам / в краю, где ждут нас золото и власть».

Молодой человек переполнен фантазиями, он не лишен благородства, поскольку готов внимать музыке и звукам гитары.

В «Карнавальной песне» Дарио среди веселья и смеха звучат три инструмента, три сестры, о которых говорит поэт: «Вот золотая мандолина – / гимн красоте сыграй на ней / и черный призрак, призрак сплина, / гони взашей! / Гречанкой стань, исполнись неги, / под цитру пой любви огонь, / иль, по примеру гаучо Веги, / гитару тронь».

Ни один праздник в Латинской Америке не обходится без

испанской певуньи!

Как трогателен несостоявшийся дуэт гитары и скрипки в стихотворении «Симфония серых тонов»! «Полдень тропический. Волку морскому / дремлется. Дали туман затопил. / Кажется, что горизонт растушеван / серою тушью до самых границ. / Полдень тропический. Где-то цикада / старческой хриплой гитарой бренчит, / ну а кузнечик на маленькой скрипке / все не настроит трескучей струны».

Будто наяву ощущаешь, как мир погружается в дремотную негу жаркого дня.

ИБАНЬЕС БЛАСКО

Бласко, Ибаньес Висенте (1867-1928) – испанский писатель. Социальные романы «Хутор» (1898),

«Непрощеный гость» (1904), «Орда» (1905), фило-софско-психологические романы «Нагая маха» (1906), «Кровь и песок» (1908). Роман «В поисках Великого Хана» (1928) о Христофоре Колумбе.

Роман Висенте Бласко Ибаньеса «Мертвые повелевают» (1909) – это масштабное и реалистическое описание жизни на Майорке, знаменитом островном европейском курорте в XIX веке. В числе действующих лиц – Аврора Дюпен, более известная под литературным псевдонимом Жорж Санд. Она «носила несколько фантастические платья и серебряный кинжал в волосах – романтическое украшение, возмущавшее набожных майоркинских сеньор». Сопровождая в 1839 году больного Шопена, эта колоритная жизнерадостная женщина поселяется вместе с ним в заброшенном монастыре, где пишет новый роман.

Как-то «в одну из карнавальных ночей монастырь подвергся вторжению мавров. Это была молодежь из Пальмы. Переодевшись берберами и обегав весь город, они вспомнили о француженке, устыдясь, должно быть, того, что местные жители обрекли ее на одиночество. Они явились в полночь и нарушили песнями и звоном гитар таинственный покой монастыря, вспугнув этим шумом птиц, приютившихся в развалинах. В одной из комнат они исполнили испанские танцы, и музыкант внимательно следил за ними своим лихорадочным взором, а романистка переходила от группы к группе, испытывая простую радость женщины, польщенной

вниманием». Под музыкантом в этом отрывке подразумевается Шопен.

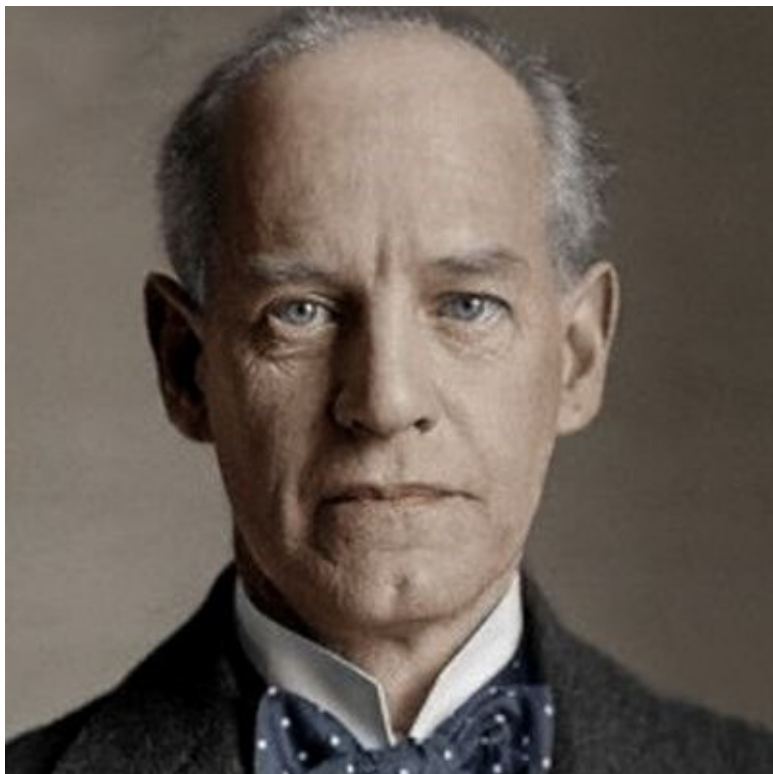
Вполне вероятно, что воспоминания о любимом испанской народном инструментегодились писательнице, когда спустя три года она начала работать над «Консуэло», где главная героиня не расстается с гитарой.

Появляется гитара и в других сценах романа, где фигурируют люди из простонародья – служанки, ремесленники, лавочники. Так, к прекрасной Маргалиде по вечерам навещали поклонники, озабоченные тем, чтобы та не отдала свою любовь кому-то другому. Один из них, по кличке Кузнец, личность мрачноватая и с темным прошлым, как-то «пришел с гитарой, собираясь занять музыкой большую часть времени, принадлежавшего другим. Когда очередь дошла до него, он уселся рядом с Маргалидой, настроил инструмент и стал петь ей песни, популярные на материке, которым он научился во время пребывания в «Ницце». Но предварительно он вытащил из-за пояса двуствольный пистолет и, взведя курки, положил его себе на бедро, чтобы сразу же схватить и выстрелить в первого, кто его прервет». Понятно, что ревнивые соперники смолчали, но позже подстерегли нахала в темном углу и крепко поколотили. Впредь незадачливый ухажер перестал демонстрировать оружие и, «стараясь превзойти всех соперников, брэнчал на гитаре».

Что же, все правильно. Шестиструнный инструмент – куда более весомый довод в сердечных делах, чем орудие убий-

CTBa.

ДЖОН ГОЛСУОРСИ

Голсуорси, Джон (1867-1933) – английский писатель. Социально-бытовые романы «Остров фарисеев» (1904), «Петриций» (1911), «Фриленды» (1915) и другие. В трилогиях о судьбах одной семьи «Сага о Форсайтах» (1906-1921) и «Современная комедия» (1924-1928) дал эпическую картину нравов буржуазной Англии конца XIX и первой трети XX веков. В трилогии «Конец главы» (1931-1933) проявились консервативные тенденции.

Драмы.

В литературной публицистике отстаивал

принципы реализма. Нобелевская премия (1932).

Очень поэтично Джон Голсуорси рассказывает о гитаре в «Саге о Форсайтах». Речь идет об английском школьнике и его первой любви. «Джону ни разу еще не было так хорошо, с самого приезда в Новый Свет, три с половиной года назад. По утрам он возился на солнышке с собаками или пытался писать стихи, так как молодые хозяева были заняты. После обеда он ездил верхом с ними обоими или с одной Энн. Вечерами учился у нее играть на гавайской гитаре...

Дни бежали, солнце грело, по ночам пахло дымом лесных пожаров; и каникулы Джона подходили к концу. Он уже умел играть на гавайской гитаре, и под ее аккомпанемент они ис-

полняли негритянские песни, арии из опереток и прочие бессмертные произведения искусства».

Совместное музицирование сблизило молодых людей. Произошло то, что и должно было случиться – вспыхнуло юное, незамутненное чувство.

«Энн запела. Она пела протяжную песню – зов испанской горянки. Джон щипал струны, а мелодия щипала его за сердце. Она допела до конца, спела еще раз, и ее взгляд передвинулся. Что? Она смотрит на него наконец! Не надо показывать вида, что он заметил. Уж очень хорошо – этот долгий, темный взгляд поверх гитары. Между ними была ее гитара и его. Он отшвырнул эту гадость. И вдруг, подвинувшись на полу, обнял девушку. Она молча уронила голову ему на плечо, как тогда, у индейского кургана. Он наклонился щекой к ее волосам. От них пахло, как и тогда, сеном. И как тогда, в лунном свете, Энн закинула голову, так и теперь она повернулась к нему. Но теперь Джон поцеловал ее в губы».

В этих трех отрывках гитара предстает перед нами во всем своем романтическом великолепии. Она участвует в житейских событиях, и роль ее благородна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. XX ВЕК. ЗРЕЛОСТЬ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Е. Фасова

Горький, Максим (Алексей Максимович Пешков, 1868-1936) – русский писатель, публицист. Большой резонанс имел сборник «Очерки и рассказы» (т.1-3, 1898-1899), в котором носителями новой, «свободной» морали были изображены (не без влияния ницшеанства) босяки. В романе «Мать» (1906-1907) сочувственно показал нарастание революционного движения в России. Выявив разные типы жизненного поведения обитателей ночлежки (пьеса «На дне», 1902), поставил вопрос о свободе и назначении человека.

В «окуровском» цикле (роман «Жизнь Матвея Кожемякина», 1910-1911) – пассивность, косность уездной русской жизни, проникновение в нее революционных настроений.

Автобиографическая трилогия («Детство», 1913-1914, «В людях», 1915-1916, «Мои университеты», 1922). Литературные портреты, воспоминания. Многообразие человеческих характеров в пьесах («Егор Булычов и другие», 1932), в незавершенном романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина» (т.1-4, 1925-1936).

В автобиографических рассказах Горького масса персонажей, деталей быта, кратких и точных зарисовок. Поражаешься наблюдательности этого удивительного писателя. Отдельные сцены, имеющие отношение к гитаре, стоит процитировать. Итак, начинается вечеринка.

«Приходит кривой дьякон Ворошилов, пьяница, грязный, засаленный человечешко, превосходный гитарист и гармонист, рябое скуластое лицо его в серых волосах, толстых, как иглы ежа; у дьякона маленькие холеные руки женщины и красивый – ярко-синий – глаз: дьякона так и зовут «Краденый глаз».

Приходят бойкие девицы из села и казачки из станицы, иногда с ними – Леска. В небольшой комнате, тесно заставленной диванами, садятся за тяжелый круглый стол...

Наелись. Степахин рыгает, как башкир; крестится дьякон, – нежно улыбаясь, настраивает гитару; переходят в большую комнату, где нет мебели, кроме полдюжины стульев, и начинают петь.

Поют – дивно. Петровский – тенором, Степахин – густейшим мягким басом, у дьякона – хороший баритон, Маслов умело вторит хозяину, женщины тоже обладают хорошими голосами, – особенно выдается чистотою звука контральто казачки Кубасовой; голос Лески криклив, – дьякон часто грозит ей пальцем. Поют благоговейно, как пели бы во храме, и все строго смотрят друг на друга, – только Степахин, широко расставив ноги, опустил глаза, и лицо у него удивленное, точно он не верит, что это из его горла бесконечно льется бархатная струя звука. Песни мучительно грустные, иногда торжественно поется что-либо церковное, чаще всего «Покаяния двери отверзи».

Этих никчемных, суетных, крепко пьющих людей объеди-

няет неодолимая тяга к прекрасному, к чистой и возвышенной музыке. Правда, когда пустеет выставленная на стол четверть водки (а это по современным меркам – трехлитровая бутылка!), начинаются кабацкие забавы.

«Белки рачьих глаз Петровского налиты кровью, он вытягивается всем телом, как солдат в строю, и орет:

–
Дьякон – плясу! Тихон – делай! Живем!

–
Начали! – отзывается дьякон, взмахивая гитарой и хитрейшим перебором струн, с ловкостью фокусника начинает играть трепака, а Степахин – пляшет».

Кроме колоритного священнослужителя, галерея горьковских персонажей, играющих на гитаре, представлена в рассказах еще двумя выразительными портретами.

Перед нами – рабочий. «Чахоточный Яков, гитарист, знаток Библии поразил его яростным отрицанием Бога. Расплевывая во все стороны кровавые шматки изгнивших легких, Яков крепко и страстно доказывал:

–
Первое: создан я вовсе не «по образу и подобию Божию», я ничего не знаю, ничего не могу и, притом, не добрый человек, нет не добрый».

А вот представитель русской интеллигенции. «Толстенький доцент, пьяный до слез, сидел, в нижнем белье и с гитарой в руках, на полу среди хаоса сдвинутой мебели, пивных

бутылок, сброшенной верхней одежды, сидел раскачиваясь и рычал:

—
Милосер-рдия двер-ри отвер-рзи нам...
Клопский резко и сердито кричал:

—
Нет милосердия! Мы сгинем от любви или будем раздавлены в борьбе за любовь, — все едино: нам суждена гибель...»

Что ни говори, произведения Горького — это художественная документалистика или, если хотите, беллетристическая социология!

Эпопея «Жизнь Клима Самгина» задумывалась Максимом Горьким как летопись жизни русской интеллигенции в конце XIX—начале XX веков. Это масштабное произведение осталось незаконченным, однако первые четыре полновесных тома увидели свет. Нет ничего удивительного, что гитаре, неразлучной спутнице едва ли не каждого образованного человека, пролетарский писатель посвятил множество страниц. Попробуем вкратце отметить, где и при каких обстоятельствах упомянут Горьким этот инструмент.

Детские годы Клима Самгина. Девочка Лида, его подруга, с наивной серьезностью говорит ему:

«— До того, как хворать, мама была цыганкой, и даже есть картина с нее в красном платье, с гитарой. Я немножко поучусь в гимназии и тоже стану петь с гитарой, только в черном платье».

Еще одно детское воспоминание. «Глафира Исаевна брала гитару или другой инструмент, похожий на утку с длинной, уродливо прямо вытянутой шеей; отчаянно звенели струны, Клим находил эту музыку злой, как все, что делала Глафира Варавка».

Настали студенческие годы. «Молодцеватый Маракуев и другой студент, отличный гитарист Поярков, рябой, длинный и чем-то похожий на дьячка, единодушно ухаживали за Варварой, она трагически выкатывала на них зеленые глаза и, встряхивая рыжеватыми волосами, старалась говорить низкими нотами, под Ермолову, но иногда, забываясь, говорила в нос, под Савину».

Вечерами устраиваются импровизированные концерты. «Поярков виртуозно играл на гитаре, затем хором пели ока-янные русские песни, от которых замирает сердце и все в жизни кажется рыдающим».

Сцена одной из попок, в которой принял участие Самгин. «Среди комнаты стоял Владимир Лютов в длинной, пощиколотки, ночной рубашке, стоял, держа гитару за конец грифа, и, опираясь на нее, как на дождевой зонт, покачивался. Присматриваясь к вошедшим, он тяжело дышал...»

«Дьякон углубленно настраивал гитару. Настроив, он встал и понес ее в угол, Клим увидел пред собой великана, с широкой, плоской грудью, обезьяньими лапами и костлявым лицом Христа ради юродивого, из темных ям на этом лице отвлеченно смотрели огромные, водянистые глаза. Налив

четыре больших рюмки золотистой водки, Лютов объявил:

—
Польская старка! Бьет без промаха».

Наутро дьякон, обучавший Макарова игре на гитаре, вновь попадает на глаза Климу. «Дьякон, еще более поху-девший за ночь, был похож на привидение. Глаза его уже не показались Климу такими огромными, как вчера, нет, это довольно обыкновенные, жидкие и мутные глаза пожилого пьяницы... Человек для анекдота. Он и говорит языком рассказов Горбунова.

—
Гитара требует характера мечтательного.

—
Костя, перестань терзать гитару, – скорее приказал, чем попросил Лютов».

Вообще дьякон – очень колоритный персонаж, из породы мечтателей. «Вот он, перестав обучать Макарова игре на гитаре, спрашивает Клима:

—
А вы к музыке не причастны? И, не дожидаясь ответа, мечтает, барабаня пальцами по колену:

—
Расстригут меня – пойду работать на завод стекла, займусь изобретением стеклянного инструмента. Семь лет недоумеваю: почему стекло не употребляется в музыке? Прислушивались вы зимой, в метельные ночи, когда не спит-

ся, как стекла в окнах поют? Я, может быть, тысячу ночей слушал это пение и дошел до мысли, что именно стекло, а не медь, не дерево должно дать нам совершенную музыку. Все музыкальные инструменты надобно из стекла делать, тогда и получим рай звуков. Обязательно займись этим».

Шли годы. Упоминавшийся ранее Поярков сильно изменился со дня ходынской катастрофы. «Этот омрачился, опустил голову, утратил свою книжность, уже не говорил рублеными фразами и вообще как-то скрипел, точно надломленный. Он отращивал бороду из серых, прямых, как иголки, волос, и это состарило его лет на десять. Появлялся он у Варвары изредка, ненадолго, уже не играл на гитаре, не пел дуэты с Маракуевым.

—

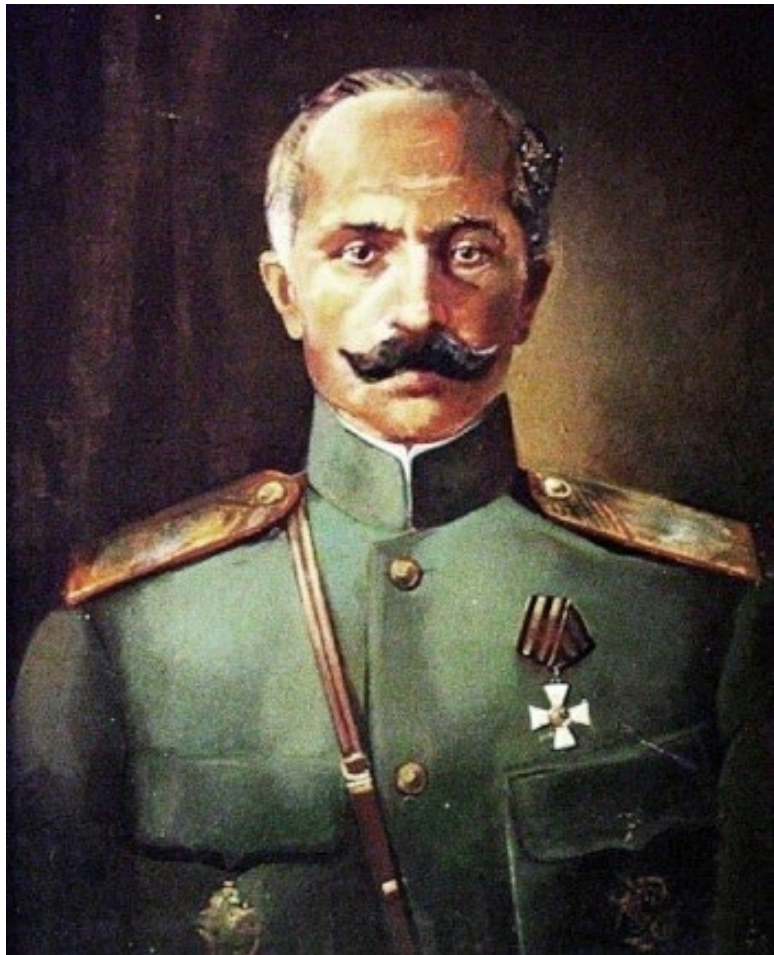
Предпочитаю изучать немецкий язык, — ответил он Самгину на вопрос о гитаре, — ответил почему-то сердитым тоном».

В завершение краткого обзора приведем описание одной из барских усадеб, в которой гостил Клим Самгин. «Вышли в зал, сыроватый и сумрачный, хотя его освещали два огромных окна и дверь, открытая на террасу. Большой овальный стол был нагружен посудой, бутылками, цветами, окружен стульями в серых чехлах; в углу стоял рояль, на нем — чучело филина и футляр гитары; в другом углу — два широких дивана и над ними черные картины в золотых рамах».

Словом, гитару на Руси, читая Горького, можно повстре-

чать всюду. И как можно забыть мечтания его героя, пропойцы-дьякона о стеклянной гитаре, которая создаст для человечества «рай звуков»!

ПЁТР НИКОЛАЕВИЧ КРАСНОВ

Краснов, Петр Николаевич (1869-1947) – гене-

рал-лейтенант (1917). В августе-сентябре 1917 года – командир 3-го конного корпуса. В октябре 1917 года вместе с А.Ф. Керенским возглавил антисоветские вооруженные выступления. В 1918-1919 годах – атаман Войска Донского и командующий белоказачьей армией. С 1920 года – в эмиграции. Во время Великой Отечественной войны сотрудничал с гитлеровцами. По приговору советского суда повешен.

Петр Николаевич Краснов, тот самый знаменитый белый генерал, в романе «От двуглавого орла к красному знамени» мастерски рисует офицерскую жизнь. Блестяще выписана сцена дружеской пирушки с женщинами. «Гриценко, молодой ротмистр, с черными как смоль чуть вьющимися волосами, смуглым лицом... в маленьких лакированных сапогах, забрался с ногами на ковровую софу и, небрежно развалясь, брэнчит на гитаре. Китти в бальном голубом шелковом платье с рукавами с большими буфами у плеча и Владя в таком же розовом платье полулежат рядом». Колоритная и зримая картина!

Обратимся к другому эпизоду. Походный бивак. Солдаты, под управлением взводных, разбивают лагерь. Офицеры тем временем отдыхают: кто-то играет в теннис, кто-то лежит в палатке, кто-то озабоченно чистит ногти. «Два мира, живущих вместе, но недоступных один другому. Саблин, наблюдая из своей палатки за биваком, чувствовал это. Он признавал ненормальность этого, ему казалось, что и ему надо пой-

ти к солдатам что-то делать, о чем-то говорить с ними. Рядом в палатке брэнчал на гитаре Гриценко. Саблин подошел к нему. «Павел Иванович. Не надо ли мне пойти в эскадрон? Может быть, надо что-либо сделать?» – спросил он. Гриценко перестал играть, поднял на Саблина свои большие черные глаза, посмотрел на него с недоумением и сказал: «Зачем? Только мешать будешь. Там вахмистр и взводные без тебя лучше управятся».

Гитара повсюду с такими людьми, как Гриценко: на отдыхе, на марше. Без нее офицер чувствует себя тоскливо, неудобно. Звуки струн скрашивают вынужденное безделье, когда он свободен от службы. Гитара – символ расслабленности и неги, мирного наслаждения прелестью жизни.

**АЛЕКСАНДР
ИВАНОВИЧ КУПРИН**

Куприн, Александр Иванович (1870-1938) – русский писатель. Социальным критицизмом отмечены повесть «Молох» (1896), в которой индустриализация предстает в образе завода-монстра, порабащившего человека физически и нравственно, повесть «Поодинок» (1905) – о гибели душевно чистого героя в мертвящей атмосфере армейского быта,

повесть «Яма» (1909-1915) – о проституции. Многообразие тонко очерченных типов, лирических ситуаций в повестях и рассказах «Олеся» (1898), «Гамбринус» (1907),

«Гранатовый браслет» (1911). Циклы очерков («Листригоны», 1907-1911). В 1919-1937 годах – в эмиграции, в 1937 году вернулся на родину. Автобиографический роман «Юнкера» (1928-1932).

Герой рассказа Александра Куприна «Телеграфист» Саша Врублевский, мягкий и добрый человек, обращается к автору со словами укоризны, пеняя за верхоглядство и плохое знание реальной жизни: «Несправедливые вы люди, господа писатели. Как только у вас в романе или повести появится телеграфист, – так непременно какой-то олух царя небесного, стационарный хлыщ, что-то вроде интендантского писаря. Поет под гитару лакейские романсы, крутит усы и стреляет глазами в дам из первого класса. Ей-богу же, милочка, такой тип перевелся пятьдесят лет тому назад».

Верное замечание! Даже столь непревзойденные мастера, как Антон Павлович Чехов, частенько злословили в адрес мещанской «интеллигенции», причем, походя, доставалось и гитаре. Скажем, в рассказе «Слова, слова, слова» Чехова все о том же несчастном телеграфисте, финал таков: «Наверху, где-то далеко за потолком, забренчали на плохой гитаре. Пошлая музыка!»

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

by Klimbin

Бунин, Иван Алексеевич (1870-1953) – русский писатель, почетный академик Петербургской академии наук (1909). В 1920 году эмигрировал. В лирике продолжал классические традиции (сборник «Листопад», 1901). В рассказах и повестях показал (подчас с ностальгическим настроением) оскудение дворянских усадеб («Антоновские яблоки», 1900), жестокий лик деревни («Деревня», 1910, «Суходол», 1911), гибельное забвение нравственных основ жизни («Господин из Сан-Франциско», 1915). Резкое неприятие Октябрьской революции в дневниковой книге «Окаянные дни»

(1918, опубликована в 1925). В автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева» (1930) – воссоздание прошлого России, детства и юности

писателя. Трагичность человеческого существования в новеллах о любви («Митина любовь», 1925, книга «Темные аллеи», 1943). Мемуары. Перевел «Песнь о Гайавате» Г. Лонгфелло (1896). Нобелевская премия (1933).

Иван Бунин в рассказе «Чистый понедельник» рисует яркую картинку русского разгула. Герой, влюбленный в богатую светскую даму, исполняет любые ее капризы. «В ресторанах за городом, к концу ужина, когда все шумней становилось кругом в табачном дыму, она, тоже куря и хмелея, ве-

ла меня иногда в отдельный кабинет, просила позвать цыган, и они входили нарочито шумно, развязно: впереди хора, с гитарой на голубой ленте через плечо, старый цыган в казакине с галунами, с сизой мордой утопленника, с голой, как чугунный шар, головой, за ним цыганка-запевало с низким лбом под дегтярной челкой... Она слушала песни с томной, странной усмешкой...»

Хмельной барский угар и широкая душа требуют музыки, и нет ничего желаннее звонкой гитары!

Иван Бунин хорошо описывает быт русского барства конца XIX– начала XX веков. Особенный интерес в этом плане представляет его автобиографический роман «Жизнь Арсеньева». Конечно же, и гитара встречается в оскудевших к тому времени «дворянских гнездах».

Отец Арсеньева, человек сильный, бодрый, беспечный, проводил дни в праздности. Он нравился сыну «своей отважной наружностью, прямою переменчивого характера, больше же всего, кажется, тем, что был он когда-то на войне в каком-то Севастополе, а теперь охотник, удивительный стрелок, – он попадал в двугривенный, подброшенный в воздух, – и так хорошо, задушевно, а когда нужно, так ловко, подмывающе играет на гитаре песни, какие-то старинные, счастливых дедовских времен...»

Не обходится в поместье без торжественных приемов. Герой повествования, повзрослев, влюбляется в барышню-соседку. «Именинный обед на прогнившем балконе длился до

вечера, вечер незаметно слился с ночью, с лампами, вином, песнями и гитарами. Я сидел рядом с ней и уже без всякого стыда держал ее руку в своей, и она не отнимала ее. Поздно ночью мы, точно сговорившись, встали из-за стола и сошли с балкона в темноту сада... Она, глядя на солнечно разгорающийся небосклон и уже не замечая меня, пела «Утро» Чайковского».

И вновь герой, уже в зрелом возрасте, делится с отцом думами и горестями. Тот, умудренный годами, улыбнулся, «отложил папиросу, снял со стены старую гитару и стал играть что-то свое любимое, народное, и взгляд его стал тверд и весел, что-то тая в себе в то же время, – в лад нежному веселью гитары, с грустной усмешкой бормотавшей о чем-то дорогом и утраченном и о том еще, что все в жизни все равно проходит и не стоит слез...»

Что ни говори, при всей мнимой праздности представителей помещичьего сословия, дворянству была свойственна высокая духовная культура, образованность, любовь к искусству. В деревенской глуши эти люди тянулись к музыке. Вот и звучали по вечерам романсы Чайковского, и слышались нежные звуки гитары.

В «Воспоминаниях» (глава о Льве Толстом) Бунин рассказывает о своем первом визите к знаменитому писателю, когда тот жил в Москве. «Я вижу лакея в плохеньком фраке и светлую прихожую, теплую, уютную, со множеством шуб на вешалках, среди которых резко выделяется старый полушубок».

бок. Прямо передо мной крутая лестница, крытая красным сукном. Правее, под нею, запертая дверь, за которой слышны гитары и веселые молодые голоса, удивительно беззаботные к тому, что они раздаются в таком совершенно необыкновенном доме».

Далее Бунин обращается к воспоминаниям близко знавшей семейство Толстых Катерины Михайловны Лопатиной, которая свидетельствует, что его члены почитали гитару. «Большой толстовский сад в Хамовниках весной звенел смехом, гитарами, цыганскими песнями. Толстые были все очень музыкальны». Сам же Толстой записал однажды в дневнике: «Слушал политические рассуждения, споры и вышел в другую комнату, где с гитарой играли и пели, и явно почувствовал святость веселья».

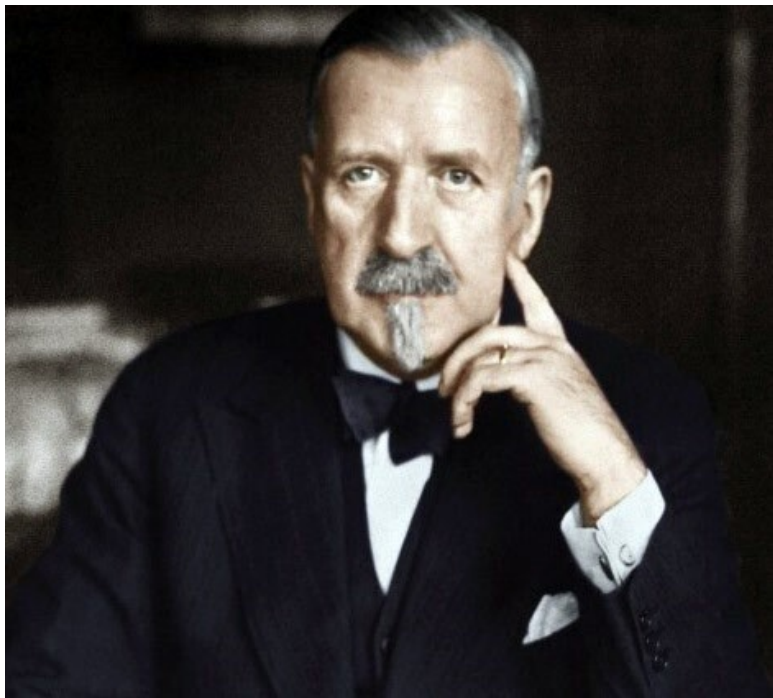
Похоже, что Льву Николаевичу ничуть не мешала игра на гитаре, более того – помогала в творчестве!

Иван Бунин написал прелестное стихотворение «На хуторе», из которого может получиться пленительная мелодия: «Свечи нагорели, долог зимний вечер... / Сел ты на лежанку, поднял тихий взгляд – / И звучит гитара удалью печальной / Песне беззаботной, старой песне в лад. / «Где ты закатилось, счастье золотое? / Кто тебя развеял по чистым полям? / Не взойти над степью солнышку с заката, / Нет пути-дороги к невозвратным дням!» / Свечи нагорели, долог зимний вечер... / Брови ты приподнял, грустен тихий взгляд... / Не судья тебе я за грехи былого! / Не воротишь жизни прожи-

той назад!»

Неужели никто из гитаристов не пробовал написать музыку на эти проникновенные, печальные слова?

ГЕНРИХ МАНН

**Манн, Генрих (1871-1950) – немецкий писатель.
Брат Т. Манна. С 1933 года – в эмиграции, с 1940 го-**

да – в США. Социально-нравственные романы о Германии «бюргерской» эпохи, обличающие кайзеровский милитаризм и буржуазный стиль жизни. Культ ницшеански-свободной личности в трилогии «Богини» (1903). Образ искомого героя, носителя разума и идеи прогресса, «гуманиста с мечтой в руке» – в дилогии «Юность и зрелость короля Генриха IV» (1935-1938).

Любовь – вот основная идея трилогии «Богини» («Диана», «Минерва», «Венера») Генриха Манна.

Блистательные, колоритные исторические сцены конца XIX века, тайные дворцовые интриги – именно на таком фоне разворачивается полная страсти и приключений жизнь главной героини романов, герцогини Виоланты Асси. Гитара часто появляется на страницах повествования.

Ночной город.

«Сады сменились каменными ящиками вышиной с башню, почерневшими от угля и покрытыми плесенью... В кабаках хрипло кричали пьяницы, и визжали девушки. В шуме прокатился, точно маленькая, влажная жемчужина, звук гитары. Из одного окна высунулась, глядя на звезды, женщина с обнаженной грудью».

Торжественная процессия.

«Теперь приблизились другие, мелкими, торопливыми шагами, с шелестом, шумом, жестами, с лавровыми венками на коротких волосах, уверенные в своей грации и силе. Их

пальцы, сильные и тонкие, играли рукоятью меча, точно перебирали струны гитары, и лепили в воздухе вырывавшиеся слова, точно воск. Насмешливыми и дикими губами, окруженными рыжими шрамами, они произносили стихи».

Рассказ Виоланты.

«– Нино, – сказала герцогиня, – знаешь, кто был со мной вместо тебя? Сикельгайта, прекрасная дама с амвона в соборе. На ней была широкая, покрытая драгоценными камнями корона; на пальце она держала попугая; он все время клевал ее зеленое кольцо. Лицо у нее было все как будто из крупных зерен, как мраморное, а голос низкий и все-таки детский. Она играла на гитаре и пела мне песни, которые в ее время пел под ее окном четырнадцатилетний

мавр... Так прошли часы, – закончила она и вздохнула, улыбаясь...»

Восторги поклонников и проклятия толпы в адрес Виоланты.

«Случалось, что опьяненные молодые люди выпрягали лошадей из ее экипажа и, как рабы, с проклятиями, везли герцогиню. В толпе она слышала теперь мстительные крики вместе с грязными словами. Восторги и угрозы брызгами разлетались вокруг колес ее экипажа, точно одна и та же грязь. Однажды ночью народ разгромил газетные киоски и сжег кипы иллюстрированного листка с ее портретом – между тем как море было полно пылких гитар, звавших ее».

Сцена смерти герцогини Асси.

«Что-то неопределенное благотворно подействовало на нее – точно запретное благоухание из прежних времен, уже порядочно выдохшееся, проникло в ее комнату. Это была любовь, как бы мало ни было ее. Этот слабый искренне влюбился в нее. Теперь, наконец, когда она умирала, он почувствовал себя достаточно близким к ней; он, жизнь которого была долгим умиранием.

Она не слышала грохота экипажа под своим окном: на ее вопрос ей сообщили, что народ сам приносит туда солому. Вечером до ее слуха донеслось мягкое брнчанье гитары. Она улыбнулась.

– Теперь вы любите меня. Когда я умру, вы будете плакать. «Бедняжка», – скажут они, потому что так называют они мертвых. Как они должны быть рады, что могут хоть раз пожалеть меня – этот единственный, неизбежный раз».

Нетрудно заметить: гитара появляется на страницах трилогии Генриха Манна всякий раз, когда накал чувств героини достигает предела.

ГУСТАВ ДАНИЛОВСКИЙ

Даниловский, Густав (1871-1927) – польский поэт и писатель, автор множества популярных в свое время произведений. Романтическая поэма «На острове» (1901), повесть «Из минувших дней» (1902), роман «Ласточка» (1907). Сюжетом одного из последних своих романов писатель избрал библейскую легенду о Марии Магдалине. Изданный в двадцатые годы на русском языке, роман «Мария Магдалина» (1912) имел шумный читательский успех, но изза немислимой тогда откровенности в любовных сценах снискал довольно сомнительную репутацию.

Густав Даниловский прославился романом «Мария Магдалина», в котором грешница, знакомясь со Спасителем, становится христианкой.

Текст изобилует красочными сценами, дающими нам представление о жизни и быте тех времен. Читаем, к примеру, описание праздника. «Звонкая тишина пустыни наполнялась тогда звуками инструментов. Нежно звучали арфы, переливались кифары, пели флейты, раздавались веселые звуки тамбуринов, барабанов, им вторили тимпанионы, и перед гротом в венках из роз, с вплетенными в кудри листьями проносились веселые, пляшущие вакханки, ударяя в тирсы и бубны, высоко вскидывая ноги и восклицая: “Эвоэ, Вакх!”»

Автор добросовестно перечисляет музыкальные инстру-

менты той поры, и кифара среди них занимает почетное место. Как хочется заменить античную кифару испанской гитарой!

**СЕРГЕЙ НИКИФОРОВИЧ
ВАСИЛЕНКО**

Василенко, Сергей Никифорович (1872-1956) – российский композитор, Народный артист России (1940). Основатель, руководитель и дирижер цикла общедоступных концертов из истории симфонической музыки в Москве (1907-1917). Две оперы, балеты «Иосиф Прекрасный» (1925), «Лола» (1943), «Мирандолина» (1949), симфоническая сюита «Балетная» (1946). Профессор Московской консерватории (с 1907). Государственная премия СССР (1947).

Удивительно, что в конце XIX века гитара пользовалась определенной популярностью на африканском континенте. Этот факт зафиксирован в «Воспоминаниях» Сергея Василенко.

Итак, два студента путешествуют по Европе. Они встречаются в парижском кафе «Риш» с патриархом французской музыки Камилем Сен-Сансом. «Старичок невысокого роста, он производил впечатление необычайно бодрого, энергичного человека, точно налитого ртутью... «Вы удивляетесь, – сказал он, между прочим, – что я такой бодрый и жизнерадостный? Но, друзья мои, вы рано умираете, потому что не знаете, где надо жить! В Африке! Да, только в Африке!! Вот почему я такой!! Вечное солнце и голубое небо! А ночи! Разве вы можете вообразить себе то очарование, когда луна заливает серебром окрестность, сотни собак воют на луну, а на соседних крышах пляшут женщины под аккомпанемент

гитар!?!»

Перед нами яркая, экзотическая картина, где гитаре отведена не последняя роль!

В Италии автор «Воспоминаний» останавливается в Сиракузе – и здесь, на Сицилии, вновь звучит гитара. «Вечером накануне отъезда мы вышли с Готье на балкон. Вид – чарующий! Лазурное небо под нежной луной, черный силуэт далекой Этны со зловещим столбом багрового дыма, «звон гитар, серенады»... Что такое? Внизу, против отеля, – кафешантан».

На пути Василенко еще один город. «В Венецию приехали поздно вечером. Ласково покачивающиеся гондолы с разноцветными фонариками на носу, отражения огней в черных каналах и музыка: мандолины, гитары, голоса – привели Татьяну Алексеевну в полный восторг».

Надо признать, что эти изысканно-тонкие импрессионистические пейзажи очень близки по колориту столь же одухотворенной и прозрачной музыке композитора Сергея Василенко!

В письме другу С.К. Шамбинаго от 23 июня 1912 года Василенко выражает восторг: «Какие изумительно-прекрасные старинные французские песни «Моя красотка, если твоя душа...» 1455 года и другие им подобные, большей частью неизвестного автора. Поразительно нежный аромат печали в «IntavolaturadeLauto» – этой настоящей музыке певцов любви. Как это инструментовать – я ломаю себе голову и не

могу придумать. Нужно особенное соединение фортепиано, арфы, фисгармонии, гитар, мандолин, чуть-чуть струнных, чтобы передать это тонкое печальное кружево и создать слушателям настроение той эпохи...»

Сергей Василенко делал оркестровки произведений старинной музыки для своих «Исторических концертов». И очень важно, что он, необыкновенно тонкий мастер симфонического письма, вполне ясно осознавал роль и значение гитары для европейского музыкального искусства начала XX столетия.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ШАЛЯПИН

Шаляпин, Фёдор Иванович (1873-1938) – российский-

**ский певец (бас),
Народн
ый артист
Республики
(1918). Большинство
партий
впервые
исполнил
на**

**сцене Московской частной русской оперы
(1896-1899), пел в Большом и Мариинском театрах.
Представитель русского реалистического
исполнительского
искусства.**

**Создал галерею разноха
рактерных образов, раскрывая сложный внутрен-
ний мир героя. Среди лучших партий – Борис («Борис
Годунов»
М.П.
Мусоргского),
Мефистофель
(«Фауст» Ш. Гуно и «Мефистофель» А. Бойто),
Мельник
(«Русалка» А.С. Даргомыжского), Иван
Грозный
(«Псковитянка» Н.А. Римского-Корсакова), Суса-**

нин («Иван Сусанин» М.И. Глинки). С 1922 года – за рубежом. Воспоминания.

Фёдор Шаляпин, вспоминая на «Страницах из моей жизни» о молодости, прошедшей в глубокой провинции, дает нам представление о том, насколько популярной была гитара в России конца XIX века. В Уфе, скитаясь без денег, будущий певец сначала жил на квартире вместе с мелким чиновником, гитаристом-любителем, а после комичной сцены ревности, когда пьяный ухажер хозяйки с оглоблей в руках устроил настоящий погром, съехал, сняв комнату у какого-то столоначальника. Тот, понятное дело, тоже не отставал от всеобщей городской моды и на досуге зверски терзал гитарные струны.

«Мне кажется, – с юмором замечает Фёдор Иванович, – что в ту пору все обыватели Уфы играли на гитарах».

«Летопись жизни и творчества Ф.И. Шаляпина» сообщает об одном примечательном событии: 26 декабря 1912 года на музыкальном вечере художника К.А.Коровина присутствовали Ф.И. Шаляпин, Л.О. Пастернак, А.М. Васнецов, С.А. Виноградов,

С.А. Щербатов и гитарист П.А. Тучков. По этому случаю Пастернак написал картину «Старинные песни. У К.А. Коровина».

Звукам гитары внимали выдающиеся представители русского искусства, в том числе гениальный певец Фёдор Ша-

ляпин!

АСОРИН

Асорин (Хосе Мартинес Руис, 1873-1967) – испанский писатель. Антибуржуазный роман «Воля» (1902), «Антонио Асорин» (1903), сюрреалистический роман

«Белое в синем» (1929). Литературная критика.

Те, кто ставил перед собой задачу открыть истинную Испанию, не сразу приняли гитару. Хосе Асорин, принадлежавший к когорте писателей поколения 1898 года, свидетельствует на страницах книги «Мадрид»: «В свое время мы, правду сказать, не слишком восторгались искусством «фламенко». Верно и то, что тогда это искусство еще не было столь значительным. Пепа Ла Бандерильера, о которой Проспер Мериме упоминает в письмах Эстебаньесу Кальдерону, – еще не была известна всей стране. Время шумной славы для многих тореро, гитаристов, певцов и танцовщиц пришло позже. А в конце концов это искусство стали считать выразителем испанского духа».

Все понятно: наступили другие времена, и народ начал по-новому мыслить и чувствовать.

COMERCET MOEM

color tğumarov

Моэм, Уильям Сомерсет (1874-1965) – английский писатель. Романы «Время страстей человеческих» (1915), «Театр» (1937), пьесы дают реалистическую панораму жизни

английского общества первой половины XX века.

Роман «Луна и грош» (1919) – о судьбе художника а. Мастер новеллы. В книгах «Подводя итоги» (1938), «Точка зрения» (1959) и других – размышления о собственном житейском и литературном опыте, пронизательные самооценки и наблюдения над творческим процессом.

Действие романа «Каталина» Сомерсета Моэма разворачивается в Испании, во время царствования мрачного и фанатичного короля Филиппа IV. Инквизиция ревностно истребляла ересь, но простодушный люд жил и веселился по-прежнему. В одном из домов городка Кагель Родригес семья коротает вечер. Дядя Доминго читает только что написанную пьесу. «Каталина слушала вполуха, но Доминго, захваченный мелодией своей поэзии, ничего не замечал. Неожиданно она вскочила из-за стола.

–

Это он, – воскликнула Каталина. С улицы донеслись звуки гитары.

–

Кто он? – сурово спросил Доминго, ибо авторы не любят, когда их прерывают на полуслове во время чтения собственного произведения.

–

Диего. Мама, можно мне пойти к решетке?

–

Я думала, в тебе есть хоть капля гордости, – ответила Мария.

Решетка, о которой шла речь, закрывала окно, выходящее на улицу, не столько от воров, сколько от пылких влюбленных. Будучи хорошо воспитанной девушкой, Каталина знала, что мужчины похотливы, а девственность – главная добродетель незамужней женщины. Поэтому она даже не думала о том, чтобы пустить возлюбленного в дом, но, по обычаю, девушка могла по вечерам подходить к зарешеченному окну и говорить с ним о тех загадочных пустяках, что занимают умы и сердца влюбленных».

Из приведенного отрывка ясно, что свидания в старину происходили по строго установленным правилам, причем гитара в этом ритуале играла весьма важную роль!

ГИЛБЕРТ ЧЕСТЕРТОН

Честертон, Гилберт Кит (1874-1936) – британский писатель. Один из крупнейших представителей детективной литературы.

Написал около 80 книг, несколько сот стихотворений, 200 рассказов

(«Неведение отца Брауна», 1911, «Недоверчивость отца Брауна»,

1926, и другие), 4000 эссе, пьесы, романы («Наполеон из Ноттингхилла», 1904, «Человек, который был Четвергом», 1908). Их отличают сюжетная занимательность, эксцентричность, парадоксальность мышления. В основе его социально-этической программы – философия томизма (цикл эссе «Ортодоксия», 1908, и другие книги религиозного содержания). Сборник стихов, литературоведческие сочинения (в том числе о Ч. Диккенсе, 1906).

Гитару относительно редко можно увидеть на старинных картинах. Исключение составляет, пожалуй, жанровая живопись такого мастера, как французский художник Антуан Ватто (1684-1721). В одном из рассказов Честертона находим следующее свидетельство: «Его (то есть героя новеллы) раздражал даже вид потемневшего полотна, на котором неясно вырисовывался неизменный пастушок Ватто со своей гитарой, или голубой кафель с обязательным купидончиком верхом на дельфине».

Вероятно, игра на гитаре считалась легкомысленным занятием, и нечего удивляться, что знатные особы чаще всего позировали портретистам в парадном облачении и при всех орденах.

В романе «Возвращение Дон Кихота» Честертон описывает, как некоего библиотекаря уговаривали принять участие в любительском спектакле:

«— Сыграйте маленькую роль, — попросила дама. — Даже стыдно вам такую предлагать, но все отказываются, а нам жалко бросать пьесу.

—

Что это за пьеса? — спросил он.

—

Так, чепуха, — сказала она непринужденно. — Называется «Трубадур Блондель», про Ричарда Львиное Сердце. Серенады, принцессы, замки... ну, сами знаете. Нам нужен второй трубадур, который ходит за Блонделем и разговаривает. То есть, он слушает, говорит Блондель. Вы это быстро выучите.

—

Он еще бренчит на такой гитаре, — подбодрил его Мэррел. — Вроде средневекового банджо.

—

Нам нужен, — серьезно сказал Арчер, — богатый романтический фон. Для этого и написан второй трубадур. Как в «Лесных любовниках» — мечты о прошлом, о странствующем

щих рыцарях, об отшельниках...»

Библиотекарь отказывается. Какова же его аргументация?

«— Вы не понимаете, — тихо сказал он. — Эпоха, которую человек изучает, — это его жизнь. Надо жить в средневековой росписи и резьбе, чтобы пройти по комнате как средневековый человек. В своей эпохе я все это знаю. Мне говорят, что жрецы и боги на хеттских барельефах кажутся деревянными. А я могу по деревянным позам угадать, какие у них были пляски. Иногда мне кажется, что я слышу их музыку... Если бы я попытался изобразить эпоху, в которую не вложил душу, меня бы тут же поймали. Я бы все путал. Я бы неправильно играл на гитаре, о которой вы говорили. Всякий увидел бы, что я двигаюсь не так, как двигались в конце двенадцатого века. Всякий сразу сказал бы: «Это хеттский жест».

При всей комичности данного эпизода, в нем есть здравый смысл. В самом деле, досужий вымысел без научного подхода будет лишь байкой, не претендующей на историческую достоверность. Например, во времена Ричарда Львиное Сердце (1157-1199) еще не было никакой гитары, во всяком случае, такой, какой мы ее знаем сейчас. Трубадуры играли, как правильно заметил Мэррел, на чем-то вроде «средневекового банджо», имеющем весьма отдаленное сходство с современной гитарой.

РАФАЭЛЬ САБАТИНИ

Сабатини, Рафаэль (1875-1950) – английский писа-

тель итальянского происхождения, автор многих приключенческих романов. Трилогия «Одиссея капитана Блада», «Хроники капитана Блада», «Удачи капитана Блада».

Исторический роман Рафаэля Сабатини «Колумб» в увлекательной форме рассказывает о величайшем географическом открытии, и гитара то и дело упоминается автором на его страницах. Достаточно привести два эпизода. Вот как говорят об одной из героинь, девушке из Андалусии Беатрис: «Танцует сарабанду, заморский сарацинский танец, сопровождая себя какими-то трещотками, называемыми кастаньетами. Тоже, наверное, завезенные от мавров. Еще она поет под гитару, как соловей или одна из сирен, что завлекали Улисса».

Да и во время путешествия гитара усаждает слух отважного Колумба. «Матросы наслаждались передышкой. Играли в карты и кости, купались в теплой воде, мерились силой, пели под гитару».

Конечно, данное художественное произведение не претендует на абсолютную историческую достоверность, но все же приятно осознавать: гитара, доставшаяся испанцам от мавров и ставшая для них родной, была первым европейским музыкальным инструментом, покорившим Новый Свет!

ТОМАС МАНН

Манн, Томас (1875-1955) – немецкий писатель.

Брат Г. Манна. С 1933 года – в эмиграции (с 1938 года – в США, с 1952 года – в Швейцарии). В «семейной хронике» буржуазной семьи – романе «Будденброки» (1901), философском романе «Волшебная

гора» (1924), «Доктор Фаустус» (1947), тетралогии на библейский сюжет «Иосиф и его братья» (1933-1934) и многочисленных новеллах показал кризисное состояние мира и человека XX века, нравственные, духовные и интеллектуальные искания европейского интеллигента, усложнившееся индивидуалистическое сознание (с комплексом ницшеанских проблем).

В 1913 году Томас Манн написал новеллу «Смерть в Венеции». Само место действия указывает на то, что гитара непременно возникнет на страницах книги. Так и есть! «Неподалеку появилась лодка с бродячими музыкантами, мужчинами и женщинами, которые пели под аккомпанемент гитар и мандолин; назойливо догоняя гондолу, они едва не касались ее борта и оглашали тишину над водой корыстными звуками итальянских песен для иностранцев. Ашенбах бросил монету в протянутую с лодки шляпу».

Действительно, Италия той поры была едва ли не самой нищей страной Европы, и не воспользоваться щедростью туристов было бы просто неразумно. Гитара помогала зарабатывать на жизнь, и в этом нет ничего зазорного.

АНТОНИО МАЧАДО

Мачадо-и-Руис, Антонио (1875-1939) – испанский

поэт. Сборники «Томления» (1903), «Поля Кастилии» (1912), в том числе поэма в манере народного романа «Земля Альваргонсалеса». Антифашистские стихи. Поэзии Мачадо свойственны гуманизм, гражданственность.

Антонио Мачадо связывает гитару с одиноким, тоскующим стихотворцем: «...И в толчее ночного карнавала, / среди свечей, личин, фантазмагорий / бредет, как зачарованный, а сердце / сжимается от музыки и горя, – / так я блуждаю, гитарист-лунатик, / хмельной поэт, тоскующий глубоко, / и бедный человек, который в тучах / отыскивает Бога». (Стихотворение «Но это бредни, боль, ты мне понятна...»)

Сцена горечи и отчаяния невольно бросает отблеск трагизма на гитару.

Трудно представить себе праздник в Испании без гитары и множества других музыкальных инструментов. В стихотворении «Земля Альваргонсалеса» Антонио Мачадо дает типичную зарисовку: «...А после в своей деревне / устроил он праздник людям: / волынки, бубны и флейта, / гитары разных фасонов, / фейерверк на манер валенсийский / и танцы, как в Арагоне».

Это на самом деле так: где мы видим веселящуюся толпу людей, там и громкоголосое семейство гитар.

Хотя игра в придорожной харчевне – далеко не самое высокое предназначение для гитары, все же Антонио Мачадо не отказывает ей в умении исцелять людские сердца: «Сего-

дня – хотой, завтра – петенерой / звучишь в корчме, гитара: / кто ни придет, играет / на пыльных струнах старых. / Гитара придорожного трактира, / поэтом никогда ты не бываешь. / Но, как душа, напев свой одинокий / ты душам проходящим поверяешь... / И путник, слушая тебя, мечтает / услышать музыку родного края». (Стихотворение «Сегодня – хотой, завтра – петенерой...»)

Для Мачадо гитара – сугубо земной инструмент, умеющий донести до людей голос родины, и не более того. Надо ли говорить об ограниченности такого понимания гитары?

В стихотворении «К приморским землям» Мачадо, сетуя, что Испания в прозаическом XX столетии отреклась от романтики и рыцарства, спрашивает стоящую на балконе красавицу, кого она ждет: «Между решеткой и розами ты / грезишь любовью устало? / Галантный разбойник / весь в черном и алом, / страсть, озаренная блеском кинжала, / твои занимает мечты. / Не встанет с гитарой подле окна / тот, кого ждешь ты. Ибо во тьме / сгилла Испания Мериме».

Пора ночных серенад канула в прошлое. Поэт жалеет об этом, хотя в лице Федерико Гарсиа Лорки, современника Мачадо, появилась надежда на возрождение былого. На то, что звезда гитары вновь взойдет над Испанией.

Для Антонио Мачадо вовсе не гитара была символом Испании, а другой инструмент: «Испания, от моря и до моря / просторная, как лира...» (Стихотворение «Испания, от моря и до моря»)

Насколько это не похоже на вдохновенный гимн гитаре, спетый Гарсией Лоркой! Перед нами два поэта, две Испании и два взгляда на нее: иберийский (сдержанный, суровый) и мавританский (порывистый, страстный)!

МИХАИЛ АЛЕКСЕЕВИЧ КУЗМИН

Кузмин, Михаил Алексеевич (1875-1936) – русский

писатель, композитор, музыкальный критик. Примыкал к символизму, затем

к

акмеизму.

Сборник

стихов «Александрийские песни» (1921), «Форель разбивает лед» (1929). Вокальные произведения (многие на собственные тексты), музыка для драматического театра.

В 1913 году Михаила Кузмина пленила картина театрального художника Сергея Судейкина «Балет», на которую он откликнулся стихами: «О царство милое балета, / Тебя любил старик Ватто! / С приветом призрачного лета / Ты нас пленяешь, как ничто. / Болонский доктор, арлекины / И пудры чувственный угар! / Вдали лепечут мандолины / И ропщут рокоты гитар».

Поэт особенно внимателен к гитаре: она у него полна внутреннего напряжения, она протестует, а не безвольно «лепечет», как мандолина!

В 1926 году Кузмин побывал на концерте американского джаза, который тогда еще не считался «упадническим», идеологически вредным направлением в музыке. Свои впечатления он выразил в стихотворении «Лазарь»: «Припадочно заколотился джаз, / И Мицци дико завизжала: «Лазарь!» / К стене прилипли декольте и фраки, / И на гитары

негры засмотрелись, / Как будто видели их в первый раз...»

Поэт интуитивно чувствует: гитаре противопоказано корчиться в истерике, ее удел – высокое, а не площадное искусство! К сожалению, современная эстрада всю эксплуатирует этот чудесный музыкальный инструмент, заставляя его биться в падучей на потеху праздной толпе.

**АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
ЛУНАЧАРСКИЙ**

**Луначарский, Анатолий
Васильевич
(1875-1933)**

**– российский политический деятель, писатель,
академик А**

**кадемии наук СССР (1930). Участник Октябрьской
революции. С 1917 года – нарком просвещения. Труды
по истории общественной мысли, проблемам культу-
ры, литературно-критические работы. Пьесы.**

Нарком просвещения СССР А.В.Луначарский накануне гастролей Андреса Сеговии в 1926 году писал: «Когда говорят о концерте на гитаре, то сейчас же представляется, что дело идет о какихнибудь фокусах чисто внешнего характера. Гитара – инструмент очаровательный, но, по общему признанию, бедный ресурсами и скорее всего аккомпаниаторский. Однако было бы заблуждением применять эти критерии к Сеговии... Трудно представить себе такое полное преодоление границ инструмента – и, притом, не путем искусственного форсирования его, а путем необычайного умения извлечь из него все таящиеся в нем до сих пор неизвестные возможности – в соединении с замечательным артистическим вкусом и высокой музыкальностью».

Луначарский, слывший в большевистских кругах интеллектуалом, в своей оценке не ошибался. Вероятно, не случайно, что гонения на гитару в Советском Союзе начались

лишь после его смерти, когда некому было отстаивать этот «мещанский» инструмент.

ДЖЕК ЛОНДОН

Лондон, Джек (Джон Гриффит, 1876-1916) – американский писатель. Неоромантические повести («Зов предков», 1903), рассказы о Севере (сборники «Сын

волка», 1900, «Дети мороза», 1902, «Любовь к жизни», 1906) и о жизни на море (роман «Морской волк», 1904) сочетают поэзию суровой природы, бескорыстного мужества с изображением тяжелых физических и моральных испытаний, принимаемых ради обогащения. В романе-утопии «Железная пята» (1908) отразилось увлечение идеями социализма. Автобиографический роман «Мартин Иден» (1909) – о судьбе писателя из народа, пришедшего к трагическому разочарованию в современной цивилизации.

О том, как способна воздействовать музыка на впечатлительную женскую душу, хорошо написал Джек Лондон в романе «Лунная долина». «Она держала в руках небольшой музыкальный инструмент из на диво отполированного драгоценного дерева, напоминавший четырехструнную гитару. Мерседес стала ритмически перебирать струны и запела тонким, но приятным голосом какую-то мелодию, какую-то странную песнь на чужом языке, состоявшую только из чередования гласных, звучавших с особой тягучей и страстной мягкостью. И в голосе и в звуках аккомпанемента слышалась трепетная дрожь; они то нарастали в каком-то чувственном порыве, то гасли, переходя в ласкающий шепот, и словно замирали в сладостном изнеможении, затем вновь поднимались до воплей бешеного, всепокоряющего желания, и опять нежные жалобы сплетались с безумным лепетом, обещавшим любовь. Это пение настолько захватило

Саксон, что она скоро почувствовала себя самое каким-то напряженно и страстно звучащим инструментом. Ей казалось, что все это сон; и когда Мерседес кончила, голова у нее кружилась».

В данном случае в романе речь шла об укулеле, разновидности гавайской гитары.

**АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
ИГНАТЬЕВ**

Игнатъев, Алексей Алексеевич (1877-1954) – российский дипломат, генерал-лейтенант (1943), писатель. Сын графа А.П. Игнатъева. В 1908-1917 годах – военный атташе в скандинавских странах, Франции. После Октябрьской революции был на стороне советской власти. Помог сохранить в банках Франции 225 млн. рублей золотом, принадлежащих России.

С 1927 года – в советском торгпредстве в Париже. С 1937 года – в

Советской Армии. Воспоминания «Пятьдесят лет в строю» (3 изд., т.1-2, 1959).

Широко известна книга воспоминаний графа Алексея Игнатъева «Пятьдесят лет в строю», в которой немало говорится о гитаре.

Вот как с полной осведомленностью описывается им быт московских цыган и их музыкальных пристрастий:

«Московские цыгане пользовались гораздо большим успехом, чем петербургские, но и их репертуар был запачкочен пошлыми романсами, которые приходились по вкусу подвыпившим московским купцам. Мы не позволяли петь подобную гадость, и старым цыганкам приходилось иногда при нас обучать молодых исполнению уже забывавшихся старинных цыганских песен. «Что может быть прелестнее, когда, любовь тая, / Друзей встречает песнями цыганская семья...» И это действительно была семья, в которой можно было укрыться и от набившего оскомину петербургского све-

та с его скучными салонами, и от ресторанов с румынскими оркестрами... Цыганки в скромных и большей частью черных платьях с большими цветными платками на плечах постепенно наполняли зал и, кивнув в сторону гостей, с важностью рассаживались на стульях перед столом. За стеной уже слышались первые звуки гитар, настраиваемых «чавалами»... Пропев несколько песен, хор обыкновенно просил пойти закусить, что означало требование дать денег «чавалам» якобы для выпивки и закуски; в действительности же цыгане пили обычно чай и все деньги вносили в общую кассу, делившуюся по паям, в зависимости от старшинства и значения в хоре. Надо было заслужить своим уважением к хору особое доверие, чтобы уговорить «царицу» хора, вроде, например, Вари Паниной, остаться в зале, закусить и выпить стакан шампанского. У каждого из нас были свои любимые песни. У брата любимой была «Ах, да не вечерняя», у меня – «Конавела».

Да и сам Игнатъев превосходно играл на гитаре, о чем можно судить по нескольким репликам в тексте. «Однажды за воскресным обедом у него (главнокомандующего Куропаткина – Ред.) в палатке (после мукденского поражения он стал проще и приглашал нас, генштабистов, к своему столу) он обратился ко мне:

– Игнатъев! Познакомили бы вы меня с песнями, что распевали вчера под гитару!.. Вы не смущайтесь, я рад, когда молодежь веселится».

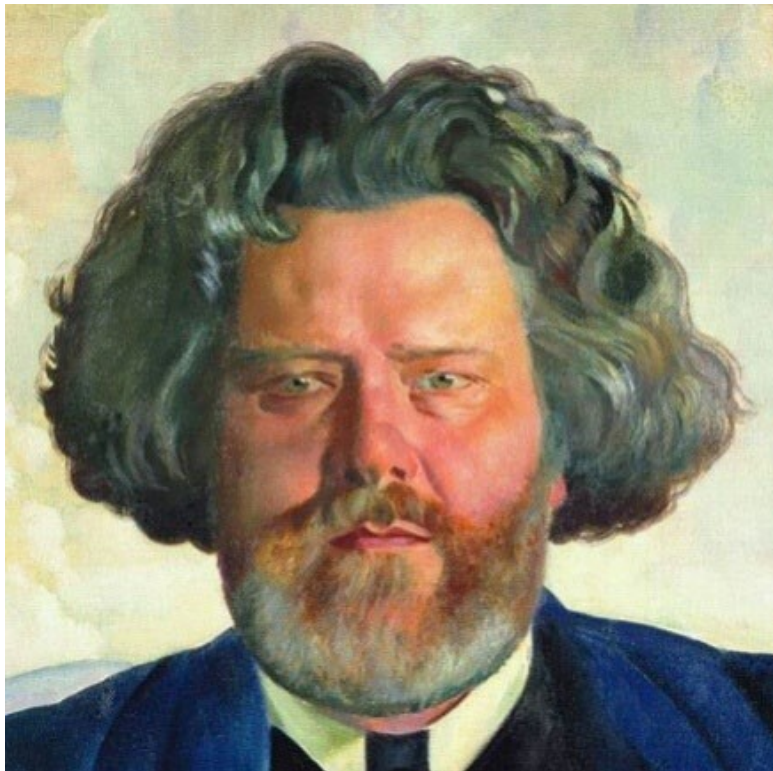
Там же, в Манчжурии, стихийно образовался кружок генштабистов, члены которого именовались «зонтами». «В этой компании составителями куплетов были «зонт» Пит (Петр Александрович Половцев) и «зонт» Кока (Николай Лаврентьевич Голеевский), музыкальным исполнителем – «зонт» Леша (Алексей Алексеевич Игнатьев), гитаристом – «зонт» Володя (Владимир Владимирович Марушевский)... Я тем временем настраивал гитару, чтобы открыть торжественное собрание пением и хором гимна «зонтов»: Эх, калинушка-малинушка моя,

Песня русская поется так всегда...»

Умение играть на гитаре порою способствовало карьерному росту. «Первые дни Жоффру приходилось обращаться ко мне по всем вопросам. Сопровождавшая его русская свита с каким-то ничем себя не проявившим генералом во главе совершенно не соответствовала своему высокому назначению, особенно хорош был выбор личного адъютанта, доверенного лица Николая Николаевича, – Сашки Коцебу, полного невежды в военном деле и обязанного во многом в своей служебной карьере исполнению цыганских романсов под гитару, они были в большой моде в России».

Мемуары Игнатьева авторитетно свидетельствуют: владение гитарой в офицерской среде считалось хорошим тоном, придавало «гвардейского шика» армейским поручикам и штабс-капитанам.

**МАКСИМИЛИАН
АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЛОШИН**

Волошин, Максимилиан

Александрович

(Максимилиан Кириенко-Волошин, 1877-1932) – русский поэт, художественный критик. В поэзии – сыновнее чувство природы как вселенского целого, трагическое переживание судеб России.

В 1901 году Максимилиан Волошин побывал на знаменитом испанском курорте Вальдемоса на Майорке. Свои впечатления он передал в стихотворении «Кастаньеты». Конечно же, не забыта им и гитара. «И танцоры идут в ряд, / Облитые красным светом, / И гитары говорят / В такт трескучим кастаньетам. / Словно щелканье цикад / В жгучий полдень жарким летом».

Прямо-таки живописная картина!

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ АРЦЫБАШЕВ

Арцыбашев, Михаил Петрович (1878-1927) – русский писатель. Ницшеанские настроения в романе

«Санин» (1907), получившем репутацию произведения, проповедующего примитивный гедонизм и аморальность. В 1923 году эмигрировал.

В повести Михаила Арцыбашева «Записки писателя» бросается в глаза болезненная сюрреалистическая сцена, создающая мучительно-тягостный колорит: «Когда я вошел в комнату, Башкин спал: под морфием, странным и страшным сном. Кто-то держал свечу, и желтый свет пятнами колебался на потолке и стенах со странным рисунком обоев... Я помню, что с жутким чувством посмотрел на эти обои; вокруг всей комнаты, в странных и грубых линиях шли какие-то гитары, и почему-то было неприятно и даже противно думать, что они никогда не играли... Свет ползал по стенам, безмолвно-розовым рядом вытягивали гитары свои тонкие нарисованные шеи, и на постели с хрипом и свистом подымалась грудь человека...» Что ж, гитара пришла в век кошмаров и видений.

АЛЕКСАНДР ГРИН

Грин, Александр

Степанович

(Александр

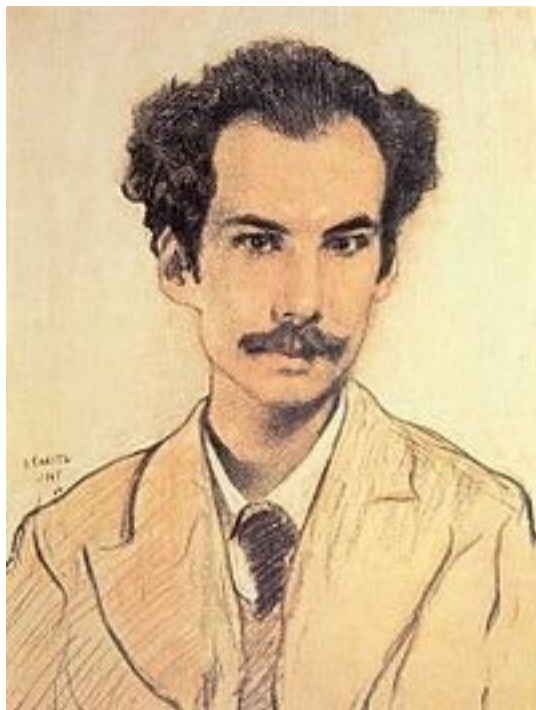
Гринеvский, 1880-1932) – русский писатель. В романтикофантастических повестях «Алые паруса» (1923), «Бегущая по волнам» (1928), романах «Блнстающий мир» (1924), «Дорога ннкуда» (1930) и рассказах выразил гуманистическую веру в высокие нравственные качества человека.

Морская романтика приключенческих произведений Александра Грина значительно потускнела бы без звонкой гитары. Роман «Бегущая по волнам» – не исключение. Прочтем описание праздника в порту Гель-Гью. «В это же время стала явственно слышна музыка; дневной гул толпы, доносившийся с набережной, иногда заглушал ее, оставляя лишь стук барабана, а потом отпускал снова, и она отчетливо раздавалась по воде, – то, что называется: «играет в ушах». Играл не один оркестр, а два, три... может быть, больше, так как иногда наступало, толкущееся на месте, смешение звуков, где только барабан знал, что ему делать. Рейд и гавань были усеяны шлюпками, полными пассажиров и фонарей. Снова началась яростная пальба. Со шлюпок звенели гитары; были слышны смех и крики». На берегу тоже царит веселье. «На скатерти, сползшей до камней мостовой, были цветы, тарелки, бутылки и бокалы, а также женские полумаски, – надо полагать – трофеи некоторых бесед. Гитары, банты, серпантин и маскарадные шпаги сталкивались на этом

столе с локтями восседающих вокруг него десятидвенадцати человек».

Пылкая фантазия автора, создавшего свой особенный художественный мир, наделяет персонажей вполне узнаваемыми чертами, а реалии окружающей их жизни словно бы срисованы с Неаполя, Кадиса, Рио-де-Жанейро. Гитара у Грина столь же возвышенна, как и его благородные герои.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Белый, Андрей (Борис Николаевич Бугаев, 1880-1934) – русский писатель. Один из ведущих дея-

телей символизма. Для ранней поэзии характерны мистические мотивы, гротескное восприятие действительности, формальное экспериментирование.

Стихотворение «Пир» Андрея Белого написано в Москве в 1905 году, в разгар вооруженного восстания. Разумеется, автор имел в виду «пир во время чумы». «Мы ехали. Юна, свежа, / Плеснула перьями красotka. / А пуля плакала, визжа, / Над одинокою пролеткой». Где-то на Красной Пресне громоздятся баррикады, идет перестрелка, праздные хозяева жизни веселятся в казино. «...Меж пальцев

задрожавших взяв / Благоуханную сигару, / Взволнованно к груди прижав / Вдруг зарыдавшую гитару. / Вокруг широкого стола, / Где бражничали в тесной куче, / Венгерка юная плыла, / Отдавшись огненной качуче».

Забавный психологический штрих: никому в зале нет дела до протеста народных масс, одна лишь гитара в руках гуляки зарыдала о том, что где-то неподалеку проливается кровь!

**АЛЕКСАНДР
АЛЕКСАНДРОВИЧ БЛОК**

Блок, Александр Александрович (1880-1921) – русский поэт. Начинал в духе символизма («Стихи о Прекрасной Даме», 1904), ощущение кризиса которого провозгласил в драме «Балаганчик» (1906). Лирика Блока, по своей «стихийности» близкая

**музыке,
формировалась
под воздействием
романса.
Через
углубление
социальных тенденций
(цикл
«Город»,
1904-1908),**

осмысление «страшного мира» (одноименный цикл, 1908-1916), осознание трагедии современного человека (пьеса «Роза и крест», 1912-1913) пришел к идее неизбежности «возмездия» (одноименный цикл, 1907-1913, цикл «Ямбы», 1907-1914, поэма «Возмездие», 1910-1921). Главные темы поэзии нашли разрешение в цикле «Родина» (1907-1916). Октябрьскую революцию пытался осмыслить в поэме «Двенадцать» (1918), публицистике. Переосмысление революционных событий и судьбы России сопровождалось глубоким творческим кризисом и депрессией.

Александр Блок частенько вспоминает гитару в своих стихах, и это строки человека, нежно любящего музыку. «Как прощались, страстно клялись / В верности любви... / Вместе

таин приобщались, / Пели соловьи... / Взял гитару на прощанье / И у струн исторг / Все признанья, обещанья, / Всей души восторг...» (Стихотворение «Как прощались, страстно клялись»)

Или такое: «Натянулись гитарные струны, / Сердце ждет. / Только тронь его голосом юным – / Запоет! / Бред безумья и страсти, / Бред любви... / Невозможное счастье! / На! Лови!» (Стихотворение «Натянулись гитарные струны...»)

Вчитаемся в другие, памятные и классически совершенные строки: «Ты – как отзвук забытого гимна / В моей черной и дикой судьбе. / О, Кармен, мне печально и дивно, / Что приснился мне сон о тебе. / Вешний трепет, и лепет, и шелест, / Непробудные, дикие сны, / И твоя одичалая прелесть – / Как гитара, как бубен весны!» (Стихотворение «Ты – как отзвук забытого гимна...»)

В отличие от Сергея Есенина, у которого гитара всегда связана с буйным хмельным весельем, Блок слышит в ее пенье нечто иное – любовь, нежность, красоту, обновление жизни.

Стихотворение «Седое утро» еще раз показывает гитару в поэтическом ракурсе. Герой провожает домой уставшую кафешантанную певицу. «И еле видная за мглой, / За дождевою, за докучной... / И взгляд, как уголь под золой, / И голос утренний и скучный... / Нет, жизнь и счастье до утра / Я находил не в этом взгляде! / Не этот голос пел вчера / С

гитарой вместе на эстраде!...»

Гитара для Блока не может быть «докучной», это не ее истинное призвание!

**АРКАДИЙ ТИМОФЕЕВИЧ
АВЕРЧЕНКО**

Аверченко, Аркадий Тимофеевич (1881-1925) – русский писатель. В рассказах, пьесах и фельетонах (сборники «Веселые устрицы», 1910, «О хороших в сущности людях», 1914, повести «Подходцев и двое других», 1917) – карикатурное изображение русского быта и нравов. После 1917 года – в эмиграции. Книга памфлетов «Дюжина ножей в спину революции» (1921) сатирически обличала новый строй в России и ее вождей. Юмористический роман «Шутка мецената» (1925).

Увлекательна «Автобиография» Аверченко, в которой он пишет про себя и соседского мальчика. «Этот Сережа был самым большим кошмаром моей юности. Чистенький, аккуратный немчик, наш сосед по дому, Сережа с самого раннего возраста ставился мне в пример как образец выдержанности, трудолюбия и аккуратности.

–

Посмотри на Сережу, – говорила печально мать. – Мальчик служит, заслуживает любовь начальства, умеет поговорить, в обществе держится свободно, на гитаре играет, поет... А ты?

Обескураженный этими упреками, я немедленно подходил к гитаре, висевшей на стене, дергал струну, начинал визжать пронзительным голосом какую-то неведомую песню, старался «держаться свободнее», шаркая ногами по стенам,

но все это было слабо, все было второго сорта. Сережа оставался недосягаем!»

Возможно, чтобы угождать начальству, требуется умение кое-как играть на гитаре, но Аверченко пошел другим путем и прославился на ином поприще. А кем стал аккуратный немчик Сережа? Явно не гитаристом-виртуозом!

В сатирической повести «Подходцев и двое других» читаем: «Все проснулись на своих узких постелях по очереди... Сначала толстый Клинков, на нос которого упал горячий луч солнца, раскрыл рот и чихнул так громко, что гитара на стене загудела в тон и гудела до тех пор, пока спавший под ней Подходцев не раскрыл заспанных глаз.

—

Кой черт играете по утрам на гитаре? – спросил он недовольно».

То обстоятельство, что Клинков чихнул в унисон с басовой струной гитары, придает эпизоду неожиданный комический эффект, и автор тут же усиливает его, заставляя своего героя недовольным тоном задать вопрос. Что ни говори, Аверченко – отменный юморист.

СТЕФАН ЦВЕЙГ

**Цвейг, Стефан (1881-1942) – австрийский писатель.
Мастер**

психологической

новеллы (сборники «Амок», 1922, «С

мятение чувств», 1927) и портрета (Стендаль, З.

Фрейд, Ф. Ницше, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Ф.

Магеллан, Ж. Фуше и многие другие), романизированной биографии («Мария Антуанетта», 1932, «Триумф и трагизм Эразма

Роттердамского», 1934, «Бальзак», опубликован в 1946). С 1934 года – в эмиграции. Покончил жизнь самоубийством.

В жизнеописании «Бальзак» Стефана Цвейга просматривается туманная ссылка на один из ранних романов Оноре де Бальзака «Гитарист». Вот она:

«В середине марта 1829 года появляется, наконец, «Последний шуан, или Бретань в 1800 году» Оноре Бальзака – следовательно, еще не де Бальзака – в четырех томах у книгоиздателя Канеля. Роман не имеет особого успеха. И это в известной мере справедливо. В общем замысле и композиции впервые чувствуется мастерская рука великого эпического писателя. Замечательно описание местности. Все военные сцены воссозданы с великолепной пластичностью... И только интрига предательски выдает свое происхождение от бульварного романа. М-ль де Верней, контрабандой переправленная сюда из анонимного «Гитариста», сфабрикованного Бальзаком несколько лет тому назад для своих сомнительных заказчиков, – эта м-ль де Верней неправдоподобна в каждой сцене».

Ни в одном из нескольких собраний сочинений Бальзака, изданных по-русски, загадочного «Гитариста» нет. А жаль!

Вполне вероятно, во французском оригинале содержатся замечательные характеристики этого инструмента.

ДЖЕЙМС ДЖОЙС

Джойс, Джеймс (1882-1941) – ирландский писатель, представитель модернистской и постмодернистской прозы. Сборник рассказов «Дублинцы» (1914), пье-

са «Изгнанники» (1918), роман «Портрет художника в юности» (1917). В романах «Улисс» (1922), «Поминки по Финнегану» (1939) выступил открывателем новой поэтики, способов письма, в которых художественная форма занимает место содержания, кодируя в себе идейные, психологические и другие измерения. «Улисс» полупародийно соотнесен с «Одиссеей»

Гомера, «Поминки по Финнегану» базируются на кельтской мифологии Финна.

«Улисс» Джеймса Джойса дает массу примеров так называемого «потока сознания», когда мысли героя сменяют друг друга, часто в беспорядочной, бессвязной последовательности. Возьмем такой фрагмент: «Форменный профессор питейных наук они в своих стихах всегда пишут о какой-нибудь женщине ну что ж я думаю таких как я он не много найдет услышь гитары вздох и улови поэзия там в самом воздухе голубое море и сияющая луна это так прекрасно...»

В данном случае цитируется песня «В старом Мадриде», полный куплет которой звучит так: «Услышь гитары вздох и улови, / Как веер скрыл блеснувший взгляд / Двух глаз прекрасных, как звезда любви, / Как юная звезда любви». Показательно, что гитара рождает у персонажа положительные ассоциации. Это свидетельствует о его душевной чистоте и мечтательности.

**АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ
ТОЛСТОЙ**

Толстой, Алексей Николаевич (1882/1883-1945) – русский писатель, граф, академик Академии наук СССР (1939). В 1918-1923 годах – в эмиграции. Повести и рассказы из жизни усадебного дворянства (цикл «Заволжье», 1909-1911). Сатирический роман «Похождение Невзорова, или Ибикус» (1924). В трилогии «Хождение по мукам» (1922-1941) стремится представить большевизм, имеющим национальную и народную почву, а революцию 1917 года – как высшую правду, постигаемую русской интеллигенцией. В историческом романе «Петр I» (кн.1-3, 1929-1945, не окончен) – апология сильной и жестокой реформаторской власти. Научно-фантастические романы «Аэлита» (1922-1923), «Гиперболоид инженера Гарина» (1925-1927), рассказы, пьесы. Государственная премия СССР (1941, 1943, 1946, посмертно).

Алексей Толстой в эпопее «Хождение по мукам» неоднократно вспоминает гитару. Ярко описана вечеринка в офицерском блиндаже на русско-германском фронте. «Когда рассыпалась смешком черноволосая Мушка, когда Марья Ивановна брала гитару, скомканным платочком вытирала лицо и запевала грудным басом: «Я в степях Молдавии родилась», – Жадов медленно улыбался углом прямого рта и подливал себе спирту».

Не менее колоритна сценка в кабинете красного командарма Сорокина. Он, разумеется, в роскошной черкеске с

газырями и немилосердно пьян. «Расширенными зрачками он уставился на Белякова. Сбоку у него на табуретке сидела Зинка, положив ногу на ногу, так что видны были подвязки и кружева, и перебирала струны гитары. Это была молоденькая женщина с яркой окраской синих глаз и влажных губ, с тоненьким и решительным носиком, со спутанными, высоко поднятыми русыми волосами, и только большие складочки у рта, правда, – едва приметные, придавали ее нежному лицу выражение зверька, умеющего кусаться». В конце концов ее гитару и шелковые кофточки украли в обозе, так что впредь пришлось довольствоваться балалайкой, чтобы усладить слух командира.

Разумеется, и у белых гитара в почете. Один из офицеров раздражается нелепым монологом: «Прав, прав генерал Кутепов, – он, говорят, отрезал главнокомандующему: «Москву можно взять при условии: дать населению земельную реформу и виселицу...» Чтобы ни одного телеграфного столба порожного не осталось... Вешать, как при Пугачеве, – целыми деревнями... А впрочем, все это скучная материя... Мне дали один адресок: две сестры, обязательнейшие девушки, играют на гитарах, поют романсы, – с ума сойти, елки-палки!

Знаете что, – давайте уж прямо сразу к ним...»

Одним словом, всегда, когда автор говорит о кутежах, он вспоминает гитару. Вероятно, прославленный советский писатель и не догадывается, что этот благородный инструмент предназначен для высокого искусства, а не для разврата.

Рассказ из эмигрантской жизни «Черная пятница» повествует о судьбах белого воинства в Европе. Полковник, боевой офицер, жалуется: «По ночам пою в цыганском хоре в «Забубенной головушке». Вчера смотрю – в зале сидит генерал Белов: в училище я его школил, заставлял приседать. Пьет с дамами шампанское. Заказал хор. Я с гитарой принужден ему петь: «Любим, любим, никогда мы не забудем». Обидно».

Конечно, старому вояке не пристало служить в трактире, но все-таки гвардейские навыки, в том числе и умение играть на гитаре, не дали человеку пропасть. Пример того, как неисповедимы людские судьбы.

Инженер Лось из «Аэлиты», изобретатель космического аппарата, сетует на то, что трудно найти желающих совершить полет на Марс. Кто бы ни откликнулся на его призыв – все не то. «Вчера – барышня приходила по объявлению: «Хорошо, говорит, я с вами лечу, мне 19 лет, пою, танцую, играю на гитаре, в Европе жить не хочу, – революции мне надоели. Визы на выезд не нужно?» Что у этой барышни было в голове – не пойму до сих пор. Кончился наш разговор, – села барышня и заплакала: – «Вы меня обманули, я рассчитывала, что лететь нужно гораздо ближе».

Автор воспринимает гитару в качестве атрибута мещанства. Впрочем, как и многие другие русские писатели.

**АЛЕКСАНДР
РОМАНОВИЧ БЕЛЯЕВ**

Беляев, Александр Романович (1884-1942) – русский писатель. Научно-фантастические произведения «Голова профессора Доуэля» (1925), «Человек-амфибия» (1928), «Звезда КЭЦ» (1936) и другие.

В романе Александра Беляева «Подводные земледельцы» описывается четырехструнный инструмент из Страны Восходящего Солнца, который автор именует гитарой. «Японка между тем, приветливо улыбаясь и приседая, подошла к стулу, уселась, положила на колени гитару с месяцеобразными прорезами в деке и начала играть при помощи тонкой треугольной костяной пластинки, – плектрона, как играют на мандолине. Взяв несколько аккордов, она запела. Звуки инструмента были очень нежные, а маленький голосок девушки еще нежнее. Она пела какую-то сладко-грустную песенку. Ванюшка не понимал слов, но он понял, что это была песня о неразделенной любви».

Современный японский гитарист-виртуоз Ямашита Кацухито, несомненно, знает этот инструмент, однако предпочитает играть на классической шестиструнной гитаре, покорившей весь мир.

**АЛЕКСАНДРА
ЛЬВОВНА ТОЛСТАЯ**

gettyimages®
Bernard Gottyd

Толстая, Александра Львовна (1884-1979) – младшая дочь Л.Н. Толстого, писательница, публицист, общественный деятель, создатель музея «Ясная Поляна». Одна из основателей международного «Комитета помощи всем русским людям, нуждающимся в ней», названном в честь памяти отца «Толстовским фондом».

Александра Толстая в книге «Жизнь с отцом» часто вспоминает гитару. Этот инструмент нередко звучал в Ясной Поляне.

Приведем одно из детских воспоминаний, касающееся брата Александры Львовны: «Миша был самым музыкальным в нашей семье. Какой бы мотив ни услышал, сядет, бывало, за фортепиано, возьмет гитару, балалайку и сейчас же подберет. Одно время он учился на скрипке и делал большие успехи, мама радовалась, гордилась им, но он скоро бросил».

Любила гитару и Татьяна. «В Таниной приемной около лестницы, иногда прямо на приступках, рассаживалась молодежь, появлялась гитара, пели цыганские песни».

Сама Александра тоже в грустном настроении не раз поверяла душу этому нехитрому инструменту. «В такие минуты мне всегда хотелось музыки. Уйдешь в свою комнату, затворишься и поешь песни под гитару, и кажется, что душа твоя оголилась, услышит кто-нибудь – станет стыдно».

Оказывается, и Лев Николаевич нередко заглядывал к де-

тям, чтобы послушать музыку. «Бывало, мы с Анночкой распоемся под гитары – откроется дверь. Если это была мама, Чертков или еще кто-нибудь из старших, мы смущались, замолкали. Но если входил отец, мы останавливались только для того, чтобы спросить, не надо ли ему чего.

– Нет, нет, я так зашел к вам. Ну-ка, Анночка, у тебя это хорошо выходит!

Как под яблонкой под той,

Под кудрявой зеленой,

Под кудрявой, под зеленой, Сидел молодец такой!

Отец улыбался, притопывал ногой».

Ценно и такое воспоминание Александры Львовны, относящееся к годам Первой мировой войны, когда дочь писателя была сестрой милосердия. «Некоторые уполномоченные жили в Минске, некоторые, как я, работали на фронте и приезжали в город по делам, а вечером собирались в квартире уполномоченных на Захарьевской улице. Многих из них я знала еще с ранней юности. У Анночки был чудный голос – низкое контральто, у меня довольно слабое, но верное меццо-сопрано. Мы пели цыганские песни, дуэты, я аккомпанировала на гитаре. Иногда танцевали. Веселились до рассвета, а рано утром, не ложась спать, ехали на работу».

Навсегда покидая большевистскую Россию под предлогом чтения лекций в Японии о своем отце, дочь Толстого вывезла и семейную реликвию, гитару, изготовленную в год рождения великого писателя. «В наркомпросе просмотрели кон-

спект моих лекций, все мои рукописи, книги, письма, записные и адресные книжки. Все это было запечатано, ничего сверх этого брать не разрешили. Не разрешили говорить о школах в советской России.

—

А гитара? Зачем она вам?

—

Я играю на гитаре и всегда вожу ее с собой.

—

Краснощекова, 1828 года, музейная редкость...

—

Так я привезу ее назад, когда вернусь...

И гитару взять разрешили».

Хоть и неприятно было, но пришлось Александре Львовне солгать, чтобы комиссары не прибрали к рукам такой раритет!

В книге Толстой гитара больше не упоминается, но можно предположить, что эта замечательная женщина до преклонных лет не расставалась с прекрасным инструментом, другом своей юности.

ЛИОН ФЕЙХТВАНГЕР

Фейхтвангер, Лион (1884-1958) – немецкий писатель. После 1933 года – в эмиграции. В исторических романах

(«Безобразная герцогиня», 1923, «Еврей Зюсс», 1925,

«Иудейская война», 1932, «Лисы в винограднике», 1947, «Гойя», 1952, «Мудрость чудака» – о Ж.-Ж. Руссо, 1952) разум, осознаваемый Фейхтвангером как двигатель прогресса и залог гуманного миропорядка, утверждает себя в борьбе с варварством и бездуховностью, воплощение которых в современном мире Фейхтвангер видит в фашизме (романы «Успех», 1930, «Семья Опперман» или «Семья

Оппенгейм», 1933, «Братья Лаутензак», 1943). Пьесы. Книга

«Москва 1937» (о посещении СССР, вскоре после издания запрещена) фактически явилась оправданием сталинизма (1937).

Действие романа Лиона Фейхтвангера «Лисы в винограднике» разворачивается во времена царствования Людовика XVI, и неудивительно, что автор то и дело упоминает гитару, которая пользовалась тогда во Франции необычайной популярностью. Один из героев, драматург Пьер де Бомарше, долгое время проживал в Испании, где «превратил свою мадридскую жизнь в сложный, увлекательный спектакль, полный страсти, остроумия, музыки, денег, большой политики,

стихов, театра и красивых, доступных женщин». По возвращении в Париж он стал любимцем великосветских салонов, поражая дам пением и игрой на гитаре. «Жюли попросила его спеть для Фелисьена несколько испанских песен, сегедий и сайнете, другие тоже стали осаждать его просьбами. Фелисьен оживился, для него было праздником послушать пение дяди. Принесли гитару».

Бомарше был истинным сыном своего времени и преуспел не только в амурных делах! Фейхтвангер подробно и живо рассказывает, как создавалась знаменитая пьеса «Женитьба Фигаро». Чтобы затушевать обличительный пафос сатиры, действие было перенесено автором в Испанию, и без гитары не обошлось! Вот как рождалась песня Керубино, роль которого поручили актрисе Дезире: «Исполненная горькой и иронической радости, она вместе со своим автором взялась за работу над новым образом пажа Керубино. И Керубино получился таким, каким представлялся ей. Была в нем наивная веселость, и было в нем первое смятение очень молодого чувства. И была в нем легкая, очаровательная фривольность. А потом Пьеру пришла на ум народная песенка, которую он все время искал и, которая имела смысл только в устах Керубино. Стихи нужны были очень простые, и они были очень простые. Романс должен понравиться всем, романс звучит как народная песня и свидетельствует, что Пьер, при всем своем светском лоске, сам вышел из народа. Дезире взяла гитару Пьера, забренчала и запела, и все вышло словно само

собой...»

Несмотря на очевидное вольнодумство пьесы, путем всевозможных интриг ее удалось поставить. И где! В Меню-Плезир, одном из королевских дворцов! Раздраженный король с неудовольствием рассматривал пригласительный билет. «На одной стороне... был изображен Фигаро, элегантный испанец, в ярком, чуть шутовском наряде. Он стоял, изогнувшись в поклоне, на перевязи у него болталась гитара, волосы были уложены в сетку, шея изящно и небрежно повязана шелковым красным платком, и под этим портретом весело и иронически звучала подпись из «Цирюльника»: «Eh, parbleu, j'y suis! – Ну, вот и я, черт побери!»» Но делать было нечего – Людовику пришлось присутствовать на премьере.

Так очаровательный мошенник и пройдоха Фигаро со своей неразлучной спутницей гитарой способствовал распространению свободолобивых идей в могущественной европейской монархии!

Лион Фейхтвангер в романе «Гойя, или Тяжкий путь познания» много и подробно говорит о творческих поисках великого испанского художника, однако частенько акцентирует свое внимание на несущественных бытовых подробностях. Давайте вчитаемся: «Зато Мануэль был натужно весел.

–

Я знаю, как вы должны написать Пепу, – придумал он, – с гитарой в руках.

Это показалось Франсиско неплохой идеей. Орел в небе,

свинья в навозе, тупая Пепа с гитарой в руках.

Гойя охотно принялся за работу. Пепа была благодарной моделью. Она сидела в ленивой позе, будившей вождедение, и смотрела ему прямо в лицо бесстыдным взглядом. Он страстно желал ее».

Раздражение от умственной неразвитости соблазнительной девушки не может стать стимулом для написания хорошего портрета. Тем не менее «Дама с гитарой» была закончена в три сеанса.

—

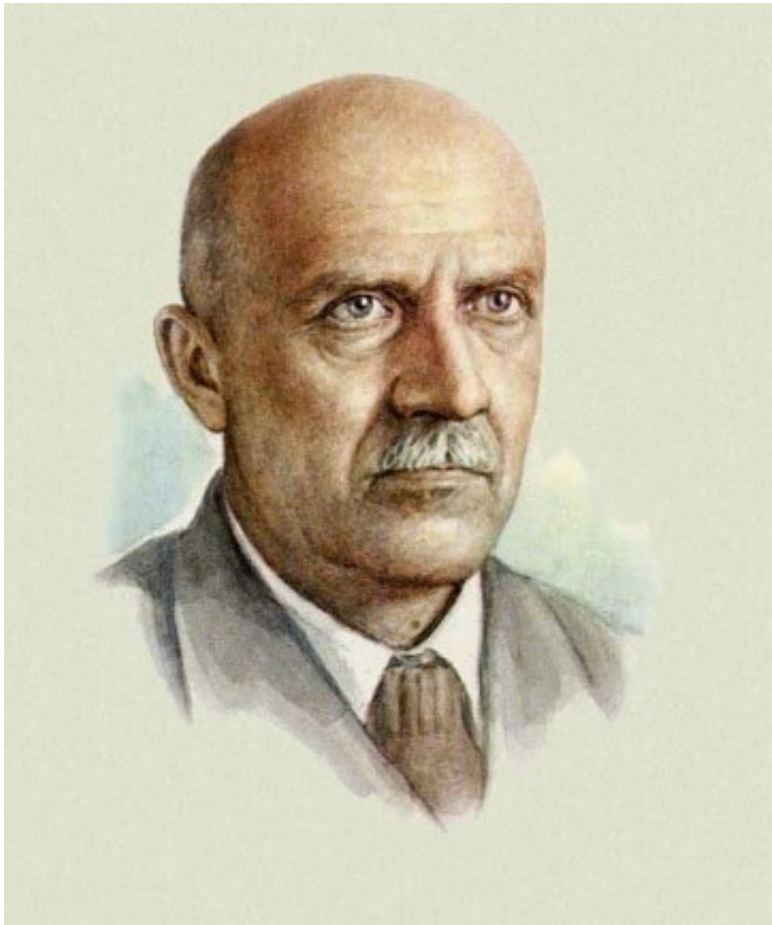
Это у тебя удачно получилось, Франчо, — с удовлетворением заметила Пепа».

Как бы то ни было, сокровищница мировой живописи пополнилась новым полотном, где одним из объектов внимания автора оказался чудесный музыкальный инструмент!

О том, что великий испанский живописец Франсиско Гойя хорошо знал и любил гитарную музыку, можно судить по следующему отрывку: «Пепа взяла гитару и запела. Она пела тихо, с чувством. Она была очень хороша, когда сидела и мурлыкала старые народные романсы, аккомпанируя себе на гитаре. Гойя догадывался, что в слова этих старых поэтических песен она вкладывает собственные переживания... А за свои двадцать три года Пепа успела многое пережить».

Не исключено, что Гойя сам играл на гитаре.

**БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ
АСАФЪЕВ**

Асафьев, Борис Владимирович (литературный псевдоним – Игорь Глебов, 1884-1949) – российский

музыковед, композитор, академик Академии наук СССР (1943), Народный артист СССР (1946). Один из основоположников отечественной музыкальной науки («Музыкальная форма как процесс», кн.12, 2-е изд., 1971, и другие). Балеты «Пламя Парижа» (1932), «Бахчисарайский фонтан» (1934). Профессор Ленинградской консерватории (с 1925). Государственная премия СССР (1943, 1948).

Примечательно высказывание Бориса Асафьева о значении гитары в пору его молодости: «Любил я и русскую «семиструнку», но скорее по знаменитым поэтическим и литературным «сказам», чем в окружающей меня реальности, где над гитарой господствовало «вдохновенное нутро» вместо артистизма и презрение к профессионально-дисциплинированной игре».

В то время, в начале XX века, серьезное отношение к гитаре, инструменту с огромными выразительными возможностями, еще только вызревало в недрах русского общества.

Будущий академик Борис Асафьев, в 1926 году побывавший на концертах Андреса Сеговии, в рецензии с восторгом отзывался о его исполнительской манере: «Сеговия – прежде всего серьезный и строгий музыкант. Его исполнение никак нельзя упрекнуть в дешевом щегольстве и виртуозничестве дурного тона. Слушать его – своеобразное наслаждение: благородство звука, ритм, интенсивнейшая сдержанность исполнения, исключительная четкость и чистота

интонаций (флажолеты просто изумляют!), безупречность вкуса, утонченное, не показное мастерство и, конечно, сказочное богатство динамических и колористических оттенков – вот что особенно и главным образом привлекает в феерической игре Сеговии, в игре столь необычной у нас, где искусство это так опошлось. Сеговия ни на один момент не упускает из виду пластики формы: он красиво и последовательно подчеркивает конструктивные детали, блестяще расцвечивает основную мелодическую линию пышными узорами или развивает ее хрупким, как утонченная резьба, орнаментом. А за всеми этими качествами виртуоза пламенится глубокое чувство, согревающее звук (золотистый, сочный и нежный...) и жизненно его ритмующее».

Это свидетельство очевидца верно передает ту атмосферу искреннего восхищения, которая постоянно воцарялась на концертах испанского артиста.

МАНФРЕД ШНАЙДЕР

Шнайдер, Манфред (1884-1935) – немецкий писатель, исследователь искусства, переводчик.

Книга Манфреда Шнайдера о гениальном испанском художнике Гойе опирается на документальные источники. Впрочем, в ней имеет место художественный вымысел, без чего невозможен ни один роман.

Нам неизвестны свидетельства современников о том, играл ли Гойя на каком-нибудь музыкальном инструменте, однако Шнайдер счел нужным сделать своего персонажа незаурядным гитаристом. Исследователь рассудил просто: как можно представить себе испанского национального героя без гитары в руках? Это так же невероятно, как празднество в

Севилье без корриды, вина и звонкого смеха!

Проследим, где и в каких ситуациях возникает гитара на страницах романизированной биографии художника.

Народное гулянье на окраине Мадрида.

«Там, где было посвободнее, танцоры отплясывали арагонскую хоту. Тон здесь задавали шумные молодые художники... Трое художников вели за собой вереницу молодых людей, двигавшуюся навстречу веренице девушек, а двое их товарищей, усевшись наземь потурецки, исполняли на гитарах мелодию, которая неизменно захватывала человека своими непрерывными повторениями. Десятка два зрителей отбивали ладонями такт».

Гойя состязается в танце со своим соперником.

«Хосе и Франсиско, не желая противиться общему решению, отложили оружие, плащи, шляпы и вошли в широкий, наглухо замкнувшийся за ними круг. Два приятеля Франсиско опять уселись наземь с гитарами, к ним присоединился какой-то старик с лютней...

Им бросили кастаньеты. Деревяшки резко отщелкивали ритм. Взгляды окружающих приковались к представлению...

Франсиско тоже двигался проворно, делая скачки то вправо, то влево. Весь во власти чар ритмичной музыки и танцуя в полную силу, он тем не менее отчетливо сознавал всю странность, даже неловкость своего положения... Здесь, безусловно, не обошлось без ревности; значит, танец, кото-

рый они исполняют, в конечном счете исполняется-таки ради женщины...

Хосе смахнул рукавом пот со лба. Явно приустав, он опустил руки и медленными щелчками кастаньет силился навязать музыкантам более размеренный темп. Франсиско же щелкал ими все быстрее и, не сгибая колен, то взлетал вверх, то опускался вниз, как легкий мячик, отталкиваемый землей. Наконец, Хосе задохнулся и резко оборвал танец, пытаясь принудить музыкантов к молчанию. Но, к всеобщему ликованию зрителей, эта троица продолжала играть. Тогда побежденный молча протискался через толпу и скрылся».

Испанский посол в Риме заказывает портрет молодому Гойе и приглашает художника к себе в гости.

«Во время одного из этих визитов Франсиско познакомился с очень красивой молодой римлянкой, дочьрью покойного маркиза Сальвиати. После того как он спел ей под гитару несколько испанских песенок. Анджелика поощрила его недвусмысленно выраженной симпатией, и он тут же, на празднестве, пламенно объяснился ей в любви».

Друг уговаривает Гойю не ссориться с церковниками и выполнить их заказ.

«В конце концов, у самого входа в ризницу, Франсиско обещал «подстричь себе когти», за что Мартин поклялся распить с ним вечером бутылочку доброй риохи и спеть под гитару несколько новых сегидилий».

Заслуживает внимания один эпизод из корриды.

«Бык снова отвлечен красным плащом. Матадор, теперь уже с развязанными ногами, подкрадывается к нему сзади и, резко оттолкнувшись, прыгает животному на спину, хватая его за рога, скачет верхом... Когда бык явно примиряется с этим, Рамон требует подать ему гитару и наигрывает танец. Бык медленно несет его по кругу. Сорок тысяч мадридцев беснуются от восторга».

Порыв любви 45-летнего Гойи к герцогине Альба.

«Когда он цветисто и возбужденно объявил, что хотел бы каждую ночь петь серенады под ее балконом и готов выломать ворота, если она даже тогда не впустит его, герцогиня шутливо, но тепло уверила, что такое может прийти в голову только слугам или, скажем, маркизу, ее мужу. Но если он хочет вечером поужинать с ней, у нее найдется гитара, превосходный, кстати, инструмент, и ей доставит удовольствие послушать его игру. Будет чудесно, если он также споет ей несколько сегидилий – только не из придворного репертуара, а простые, веселые народные песни.

Это маленькое пожелание было отменно выполнено».

На празднике во дворце герцогини Альба.

«Из дверей замка выбежали андалусские музыканты и, выстроившись по обе стороны террасы, заиграли танцевальные мелодии на гитарах и мандолинах.

На сцену выскользнули шесть танцовщиц, тоже одетых на андалусский манер... Они обходили одна другую, играли бедрами... Глаза сверкают, прекрасные лица горят стра-

стью... Музыка становится все более бурной и пламенной».

Всеобщее возбуждение нарастает, и чопорные придворные постепенно забывают об этикете.

«Уже не только самые молодые начинают вторить движениям танцовщиц... Каждый поглядывает на соседа, видит, что делает тот и, расхрабрившись, следует его примеру... Вот уже сам король увлеченно работает руками, вторя танцовщицам. Лицо его сияет от удовольствия...»

Старый глухой Гойя в толпе людей, веселящихся по случаю провозглашения конституции.

«Он не слышит гитар и мандолин, но видит пальцы, перебирающие струны, ноги, отстукивающие по земле, и улавливает ритм... Он начинает отбивать такт ладонями. Зрители один за другим присоединяются к нему, словно только и ждали этого знака. Хлопки звучат так громко, что слышны даже Франсиско».

Приведенных цитат достаточно, чтобы понять: гитара – непременная участница народных гуляний и тех празднеств, где принимает участие аристократия. Этот инструмент можно увидеть повсюду: на корриде, на дружеских гулянках, он звучит в руках влюбленного, поющего серенату.

Вероятно, Манфред Шнайдер прав. Гитара удачно дорисовывает образ Гойи – художника и патриота, человека, страдающего испанскому народу.

АНДРЕ МОРУА

Моруа, Андре
(Эмиль)

**Эрзог, 1885-1967) –
французский писатель.**

**Психологические
романы «Превратности судьбы» (1928), «Семей-
ный круг» (1932).**

**Мастер жанра романизированных биографий (кни-
ги о**

**Шелли, Байроне, Бальзаке, Тургеневе, Жорж Санд,
Дюма-отце и Дюма-сыне, Гюго). Книга «Мемуары»
(опубликована в 1970).**

В 1846 году Александр Дюма совершил краткую поездку по Испании, в которую пригласил своего сына, тогда еще начинающего литератора. Турне изобиловало впечатлениями, о которых прославленный романист оставил свидетельства. О его дорожном дневнике Андре Моруа высказался недвусмысленно: «Описания ночных схваток с хозяевами... трактиров... достойны пера Сервантеса. Испанские танцы нарисованы с изяществом, присущим лучшим страницам Готье. Отец и сын бредят балконами, гитарами, дуэньями и пылками красотками. Дюма-сын имел немало приключений и описал их в стихах, обращенных к Кончите или Анне-Марии. В них он, идя по стопам Мюссе, рифмовал Севилью с мантильей и Прадо с досадой».

Пиренейская экзотика не могла оставить равнодушными столь впечатлительных и романтических особ, и ночная певунья-гитара тоже покорила их сердца.

Роман Гюстава Флобера «Госпожа Бовари» был воспринят тогдашней критикой в штыки. В прессе разразилась буря гнева, которая привела к тому, что состоялось судебное разбирательство по обвинению автора в безнравственности и оскорблении общественной морали. Несмотря на оправдательный приговор, французский гений оставался в отчаянии. «Кроме всего, меня тревожит будущее, – жаловался он. – О чем же можно писать, если столь безобидное создание, если бедная моя госпожа Бовари была схвачена за волосы и, словно гулящая девка, доставлена в исправительную полицию?» Андре Моруа, рассказывая эту историю, добавляет: «Писатель отлично знал, что искусство и мораль – два совершенно различных явления; он поспешил вернуться в свой загородный дом и там, вдали от людей, принялся прилаживать новые струны «к своей бедной гитаре, которую забрасывали грязью».

Флобер, сравнив себя и свой творческий дар с гитарой, сделал великолепному музыкальному инструменту бесценный комплимент!

В юмористических рассказах Антона Павловича Чехова гитара появляется, как правило, в одной связке с телеграфистом, геранью и непременно полштофом на столе. Все это – лицо мещанского быта, который великий художник искренне не переносил. Казалось бы, писатель преисполнен желчного скепсиса к гитарной музыке.

Однако это не так. В пьесах Чехов выказывает себя тон-

ким ценителем гитары, давая режиссеру возможность с помощью данного инструмента изобретательно ставить спектакль. Андре Моруа в «Литературных портретах» отмечает: «Он подобен великим музыкантам, которые с помощью паузы вызывают или поддерживают волнение или дают необходимую передышку, чтобы перейти к другой теме и подчеркнуть ее, выделить. Впрочем, у Чехова нередко паузы заполнены музыкой. Кто-то из действующих лиц насвистывает, поет или наигрывает на гитаре, на балалайке хватающую за душу мелодию. Замирают вдали звуки военного оркестра. В «Чайке» без конца поют романсы. В «Вишневом саду» слышатся грустные песни, щебет птиц, гитара и «отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий, печальный». Этот звук предвещает несчастье, несчастье, которое заканчивается глухим стуком топора, вырубającego вишневый сад».

**НИКОЛАЙ
СТЕПАНОВИЧ ГУМИЛЕВ**

Stanger & Co.
L. DE HAHN & Co.

Гумилев, Николай Степанович (1886-1921) – русский поэт. В 1910-е годы – один из ведущих представителей акмеизма. Для стихов характерны апология «сильного человека» – война и поэта. Декоративность, изысканность поэтического языка (сборники «Романтические цветы», 1908, «Костер», 1918, «Огненный столп», 1921). Переводы. Расстрелян как участник контрреволюционного заговора. В 1991 году дело в отношении Гумилева прекращено за отсутствием состава преступления.

Гитара в русской литературе еще со времен Пушкина предстает в трех обликах: возвышенно-рыцарском, забубенно-цыганском, провинциально-обывательском. Понятно, что Николай Гумилев с его мальчишеским стремлением к колониальной экзотике и морским приключениям предпочитает видеть в гитаре спутницу конкистадоров и корсаров или, на худой конец, влюбленных идальго в плаще и со шпагой. «Меня не любишь ты, но ныне / Я буду у твоих дверей. / И там стоять я буду, струны / Щипля и в дерево стуча, / Пока внезапно лоб твой юный / Не озарит в окне свеча. Я запрещу другим гитарам / Поблизости меня звенеть, / Твой переулочек – мне: недаром / Я говорю другим «не смей»».

Сюжет стихотворения традиционен, да и сам «испанский костюм» истерт до дыр. Оправдывает автора, пожалуй, лишь то, что этот опус включен в цикл «Из Теофиля Готье», то

есть намеренно привязан автором к романтической французской поэзии.

Лирического героя стихотворения «Я и вы», восклицавшего: «Да, я знаю, я вам не пара, / Я пришел из иной страны, / И мне нравится не гитара, / А дикарский напев зурны», вряд ли можно отождествить его с автором, Николаем Гумилевым, человеком «белой кости».

Не умаляя достоинств восточного духового инструмента, следует все же признать, что у классической гитары выразительных возможностей намного больше.

**ВЛАДИСЛАВ
ФЕЛИЦИАНОВИЧ ХОДАСЕВИЧ**

Ходасевич, Владислав Фелицианович (1886-1939) –

русский поэт. С 1922 года – в эмиграции. В стихах (сборники «Путем зерна», 1920, «Тяжелая лира», 1922, цикл «Европейская ночь», 1927), сочетающих традицию русской классической поэзии с мироощущением человека XX века, – трагический конфликт свободной человеческой души и враждебного ей мира, стремление преодолеть разорванность сознания в гармонии творчества. Биография Державина (1931), сборник статей «О Пушкине» (1937), книга воспоминаний «Некрополь» (1939).

В стихотворении «Лида» Владислав Ходасевич рисует изумительно точный портрет страстной, однако душевно чистой девушки. «Когда поют ее подруги / У полуночного ко-
стра, / Она молчит, скрестивши руки, / Но хочет песен до
утра. / Гитарный голос ей понятен / Отзывом роковых стра-
стей, / И говорят, не мало пятен – / Разгулу отданных ночей
– / На женской совести у ней... / Но мило мне ее явленье, /
Когда на спящее селенье / Ложится утренняя мгла: / Она
проходит в отдаленьи, / Едва слышна, почти светла, / Как
будто Ангелу Паденья / Свободно руку отдала».

Русский поэт «серебряного века» прекрасно понимает ду-
шу гитары, извечной спутницы любви!

ТЕОДОР ВАЛЕНСИ

Валенси, Теодор (1886-1959) – французский писа-

тель, выпустивший в свет биографическую книгу «Берлиоз». Переведена на русский язык, издана в серии «Жизнь замечательных людей» в 1969 году.

Перу Теодора Валенси принадлежит замечательная книга «Берлиоз», в которой есть ценные свидетельства о том, что прославленный композитор в юности играл на флажолете и флейте, а вскоре «он начал обучаться игре на гитаре под руководством эльзасца по имени Доран, приехавшего в Кот-Сент-Андре вместо несчастного Эмбера, повергнутого в отчаяние самоубийством горячо любимого сына. В ту пору Гектор увлекался также игрой на барабане».

С гитарой Берлиоз не расставался до конца жизни и даже был преподавателем игры на этом инструменте. «Однажды Фердинанд Гиллер привел Гектора на улицу Арле, что в квартале Марэ, и представил его госпоже Добре как учителя игры на гитаре. Гектор, принятый в качестве преподавателя, постоянно встречал там бойкую, жизнерадостную Камиллу Мок, дававшую в том же пансионе уроки игры на фортепьяно».

Во время пребывания в Италии в 1830-1832 годах Берлиоз совершенствуется в игре на гитаре. «Ничто не мило мне так, как прогулки по лесам и жизнь в скалах, – писал он Гиллеру, – как встречи с добродушными крестьянами, дневной сон на берегу реки, а вечерами сальтарелло с мужчинами и женщинами – завсегдатаями нашего кабачка. Они счастливы, когда я беру в руки гитару, до меня они танцевали под

звуки бубна; они очарованы этим мелодичным инструментом» (8 сентября 1831 года).

Частенько случалось и такое: «Радужные женщины редкой красоты просили его: «Signore pigliate la chitarra francese» (сударь, сыграйте на французской гитаре).

Иной раз Берлиоз грустил. «Единственный проблеск в его дурном настроении наступал, когда товарищи, желая ему польстить и, разумеется, испытать миг изысканного наслаждения, уговаривали его импровизировать на гитаре. Тогда Гектор, довольный возможностью показать свой талант, охотно соглашался и как-то вечером пропел одну арию из «Ифигении в Тавриде» с такой виртуозностью и таким душевным волнением, что его слушатели рыдали».

В конце жизни Гектор Берлиоз пережил душевный кризис, во время которого, подобно Николаю Васильевичу Гоголю, уничтожил переписку, статьи, ноты и многочисленные наброски сочинений. «Он пощадил лишь гитару, унаследованную от Паганини, дирижерскую палочку Мендельсона, которую подарил Музею музыкальных инструментов и том своих «Мемуаров».

Безмерно жаль, что в пламени печи погибли рукописи гения. Как знать, не было ли там гитарных пьес, способных украсить репертуар любого концертирующего артиста?

**МАРК АЛЕКСАНДРОВИЧ
АЛДАНОВ**

Алданов, Марк Александрович (Марк Ландау, 1886-1957) – русский писатель. Эмигрировал в 1919 году. В исторической тетралогии «Мыслитель» (1921-1927), романах «Девятое термидора», «Чертов мост», «Заговор», «Святая Елена, маленький остров» осмысляются события русской и европейской истории конца XVIII – начала XIX веков. В романах «Истоки» (1950), «Ключ» (1928-1929) – предыстория революции в России. Проза тяготеет к традиции русской классической литературы, сочетает историческую достоверность с занимательностью сюжета.

Краткое царствование императора Петра Шобычно мимоходом освещается в русской исторической литературе. Этот пробел в значительной степени восполняет повесть Марка Алданова «Пуншевая водка». Вот какой штрих, касающийся народных нравов, можно в ней найти: «В последнее время в кабачке играли на гитарах, пели и плясали невиданные еще в Петербурге лаеши (цыгане), которым при покойной государыне Елизавете Петровне было строжайше запрещено показываться в Россию. Михайлову очень нравилось их пение и они сами, бездомные, как он, необыкновенные, ни на кого не похожие люди».

Таким образом, весьма распространенная молва о толерантности и музыкальности «дщери Петровой» ставится под сомнение. Во всяком случае, можно смело утверждать, что

императрица не жаловала гитару, равно как и цыганских гитаристов.

Эмигрант Марк Алданов, весьма добросовестный русский исторический романист, в «Чертовом мосте», повествующем об эпохе царствования императора Павла Петровича, приводит любопытные подробности о гитаре: «Цыгане, открытые еще не очень давно Алексеем Орловым, все больше входили в моду и из разных стран стекались в Москву и Петербург: в Европе их пение, по странному сродству волнующее русских людей, неизменно вызывало смех». Веками сложившаяся манера исполнения, а также аккомпанирующие инструменты бродячих музыкантов пришлись по душе барственной публике, так что гитара вошла в моду. Это подтверждает сцена в загородном «Красном кабачке»: «Рядом с цыганкой на низеньком табурете поместился молодой гитарист, который, собственно, не был цыганом и, видимо, очень об этом сожалел: по крайней мере, играл он с необыкновенной цыганской удалью, производя и пальцами, и плечами, и ногами, и глазами гораздо больше движений, чем было нужно».

Всякий раз, говоря о русской гитарной школе, следует иметь в виду, что истоки ее, несомненно, цыганские.

**ФЕЛИКС ФЕЛИКСОВИЧ
ЮСУПОВ**

Юсупов, Феликс Феликсович (1887-1957) – организатор и активный участник убийства Г.Е. Распутина. Был женат на племяннице императора Николая Ирины. С 1917 года – в эмиграции. Автор «Воспоминаний».

Игра на гитаре была последним приятным впечатлением «святого старца» Григория Распутина в ночь его убийства. Ожидая встречи с княгиней Ириной, он выпил мадеры, съел отравленные пирожные, задремал и вдруг встрепенулся. Приведем свидетельство князя Феликса Юсупова: «В глаза ему бросилась гитара, случайно забытая мною в столовой... «Сыграй, голубчик, что-нибудь веселенькое... люблю, когда ты поешь...»

Юсупов взял гитару... «Когда я кончил петь, он... посмотрел на меня грустным спокойным взглядом... «Спой еще, больно я люблю эту музыку... много души в тебе». Я снова запел...» (Книга «Конец Распутина»)

Удивительно: как мог такой пронизательный человек, каким был Распутин, расслабиться и не почувствовать опасности? Возможно, тихая печальная мелодия была тому виной. Когда слушаешь гитару, отрешаешься от мира, уносишься мечтами далеко от земной суеты.

ИГОРЬ-СЕВЕРЯНИН

Игорь-Северянин (Игорь Васильевич Лотарёв, 18871941) – русский поэт. Эстетизация салонно-городских мотивов, игра в романтический индивидуализм в сборниках «Громокипящий кубок» (1913), «Ананасы в шампанском» (1915). С 1918 года жил в Эстонии.

Игорь-Северянин сочинил несколько стихотворений под общим названием «Хабанера». Гитара встречается, например, в «Хабанере IV»: «Под бубны солнца, под гуд гитары, / Эксцессы оргий не будут стары, / Своим задором лишь будем стары, / Под гуд гитары, под бас гитары, / Под солнца бубны».

Где солнце и звон гитары, там пробуждается жизнь, там люди сгорают от жгучего пламени страсти.

Русский «король поэтов» иной раз пренебрежительно относился к гитаре. Такой вывод можно сделать, анализируя стихотворение «В лимузине» (1910) из сборника «Ананасы в шампанском»: «Она вошла в моторный лимузин, / Эскиз страсть в корректном кавалере, / И в хрупоте танцующих резин / Восстановила голос Кавальери. / Кто звал ее на лестнице: «Манон?» / И ножки ей в прохладном вестибюле, – / Хотя она и бросила: «Mais non!» («Но нет» по-французски – В. Р.) / Чьи руки властно мехово обули? / Да все же он, пустой, как шантеклер, / Проборчатый, офраченный картавец, / Желательный для многих кавалер, / Использованный многими красавец. / О, женщина! Зови его в турне, / Бери его, пожалуй, в будуары... / Но не води с собою на Массне: / «Письмо» Массне... Оно не для гитары!..»

Читателю, далекому от мира музыки и не знающему культурной жизни Санкт-Петербурга 1910-х годов, не понять смысла этой «поэзы», как одно время называл свои стихи Северянин. Вскользь упомянутая Лина Кавальери – прославленная итальянская певица, в 1901, 1907-1910 и в 1914 годах певшая в оперных театрах северной столицы. Она исполняла партии Манон в операх «Манон Леско» Джакомо Пуччини и «Манон» Жюль Массне.

Светская красавица ассоциируется у поэта именно с этой своенравной, страстной, легкомысленной героиней. С ней в автомобиле восседает надменно грассирующий фат, недалекий ловелас, умеющий брэнчать на гитаре, но совершенно не способный воспринимать серьезную музыку.

Мимоходом, в последней строке, Игорь-Северянин утверждает, что пьесу «Письмо» Массне нельзя аранжировать для шестиструнного инструмента. А вот это – вызов для гитаристов, перчатка, брошенная им в лицо. Неужели не найдется смельчак, который спустя столетие не опровергнет мнение знаменитого стихотворца?

В поэтическом сборнике «Менестрель», изданном в Берлине в 1921 году, Игорь Северянин поместил «Поэзу о старых размерах»: «О вы, размеры старые, / Захвачанные многими, / Банальные, дешевые, / Готовые клише! / Звучащие гитарою, / И с рифмами убогими – / Прекраснее, чем новые, / Простой моей душе!.. / Приветствую вас, верные, / Испытанные надежные, / Округло-музыкальные, / Любимые мои! / О

вы – друзья примерные, / Вы, милые, вы, нежные, / Веселые, печальные, / Размеры – соловьи!»

Поэт, в молодости отдавший дань стихотворному экспериментаторству, отрекается от новомодных футуристических ритмов, которые энергично культивировал Владимир Маяковский, и заявляет о своем возврате к наследию классиков–Державина, Пушкина, Некрасова, Никитина. Старые ямбы и амфибрахии, «звучащие гитарою», он хочет наполнить новым содержанием, и это ему удастся. В частности, данная «поэза» имитирует размер поэмы «Кому на Руси жить хорошо», но далеко не каждый читатель распознает, кому подражал Северянин. Это уже новая, не некрасовская поэзия!

МАРК ЗАХАРОВИЧ ШАГАЛ

Шагал, Марк Захарович (1887-1985) – русский живописец и график, живший во Франции. Родился в местечке Лиозно близ Витебска. Посещал художественную студию Ю. Пэна. В 1907 году приехал в Петербург, где занимался под руководством Л. Бакста. В 1910 году отправился в Париж. Проживал в колонии художников «Улей». На формирование Шагала большое влияние оказали А. Модильяни, П. Пикассо.

Марк Шагал в 1922 году (задолго до того, как прославился) написал документально-поэтическую автобиографию «Моя жизнь», где рассказал о своих первых шагах в искусстве. Представляет интерес описание «Улья», сотни крошечных мастерских в Париже. «Здесь жила разноплеменная художественная богема. В мастерских у русских рыдала обиженная натурщица, у итальянцев пели под гитару, у евреев жарко спорили, а я сидел один, перед керосиновой лампой. Кругом картины, холсты – собственно, и не холсты, а мои скатерти, простыни и ночные сорочки, разрезанные на куски и натянутые на подрамники».

Теперь понятно, почему живопись Шагала рождает у нас музыкальные ассоциации: его ранние работы создавались под звуки гитары!

ФЕРНАН ВАЛЬДЕС

Fernán Silva Valdés

Вальдес, Фернан Сильва (1887-1975) – уругвайский

поэт и драматург. Его перу принадлежат сборники «Вода времени» (1921), «Поэмы родным» (1925), «Южный романсеро» (1938).

Гитару понимает человек любой расы. Гаучо в стихотворении «Милонга для всех» Вальдеса говорит о «человеческой душе», невзирая на цвет кожи людей: «Чтобы пропеть эту песню, / я в руки беру гитару... / Пусть и креол и гринго / сядут со мною рядом – / ни одного не обижу / я ни намеком, ни взглядом; / я их ценю обоих / и одинаково рад им».

И это верно. Национальные предрассудки чужды тому, кто отдает свое сердце и симпатии дивному испанскому инструменту.

Чтобы гитара раскрыла душу свою, ее надо по-настоящему любить. Но так бывает редко! Чаще происходит насилие над ней, о чем говорит Вальдес в стихотворении «Гитара»: «Гитара, / у тебя нет возлюбленного; / кто тебе говорит о любви, – / без любви и при всех обладает тобой, / благодарные слушатели глазеют и хлопают / в этот час надругательства над твоей чистотой».

Сколько своекорыстных людей тянут к ней алчные руки, а сколько черствых слушателей делают вид, что тронуты ее чарующими звуками! Нет, гитара – инструмент возвышенных и благородных натур!

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК

Самуил Яковлевич Маршак

Маршак, Самуил Яковлевич (1887-1964) – русский

поэт, переводчик. Стихи, сказки, пьесы для детей. Переводы Р. Бернса, У. Шекспира, сказок. Философские стихи («Избранная лирика», 1962), лирические эпиграммы. Литературная критика (книга «Воспитание словом», 1961). Книга воспоминаний «В начале жизни» (1960). Государственная премия СССР (1942, 1946, 1949, 1951). Ленинская премия, 1963.

Маршак, подающий надежды гимназист, удостоился величайшей чести – стать другом патриарха русской культуры Владимира Васильевича Стасова. Тот свел юного провинциала со многими знаменитостями, в том числе со скульптором Антокольским и живописцем Репиным. В памяти Маршака остались незабываемые впечатления. «Рядом с мастерскими у художников обычно были свои маленькие приемные. После яркого света мастерской, ее суровой наготы и деловитости эти маленькие комнатки казались такими жилыми и уютными. Тут стояли на столе цветы, на полу был разостлан ковер, на кресле валялась гитара. Сюда приходили друзья художника, острили, спорили, рисовали карикатуры. Эта просторная, всегда приподнятая жизнь, где не было границ между истовым, страстным трудом и досугом, полным мысли, юмора, изобретательной выдумки, казалась мне необыкновенно счастливой». («В начале жизни»)

Ценное свидетельство современника! В свободные минуты гитара помогала художникам перевести дух, расслабиться, чтобы вновь взять в руки палитру и кисть.

У Самуила Маршака есть поэтическая миниатюра «Летняя ночь на Севере», в которой он описывает свои впечатления от встречи в дачной электричке. «Водил смычком по скрипке старой / Цыган поджарый и седой, / И вторила ему гитара / В руках цыганки молодой». Музыканты, возвращавшиеся с какой-то свадьбы, были полны радостных эмоций, и им хотелось поделиться весельем с уставшими пассажирами.

Скрипка и гитара в искусных руках совершили чудо, которое осталось в памяти поэта.

ДЖОН РИД

Рид, Джон (1887-1920) – американский писатель, журналист. Один из организаторов Коммунистической партии США (1919). В годы Первой мировой вой-

ны – военный корреспондент

в

Европе.

Участник Октябрьской революции, события которой отражены в книге «Десять дней, которые потрясли мир» (1919).

Джон Рид был свидетелем мексиканской революции. Приехав в страну в 1913 году, он долгое время провел в лагерях повстанцев. Армия народного героя Панчо Вильи одерживала одну победу за другой над войсками федералистов Каррансы. Книга американского репортера, написанная по горячим следам событий, изобилует точными и меткими наблюдениями. Бойцы Вильи взяли город Бермехильо и празднуют это событие. «К вечеру из Мапими по узколинейке прибыл паровозик, тащивший старые вагоны. Из них доносилось громкое треньканье десяти гитар, игравших «Воспоминание о Дуранго». Как часто я под эти звуки отплясывал с солдатами эскадрона! Крыши, двери и окна поезда были забиты солдатами, которые громко пели, отбивая такт каблукми, и стреляли в воздух, салютуя городу».

Возьмем еще одну сценку, на сей раз уже на привале: «Потом они долго сидели вокруг костра и под дружный звон нескольких гитар распевали во все горло «Кукарачу», грозную и насмешливую песню повстанцев: «У Кукарачи, / У Таракана, сразу вся исчезла прыть: / До крошки вышла / Ма-

рихуана – / И больше нечего курить!» («Джон Рид», Теодор Гладков)

Простой народ не забывал о своей любимице-гитаре даже в лихую годину, и она отвечала им взаимностью!

ХОСЕ ПОВЕДА

**Поведа, Хосе
Мануэль (1888-1926) –
кубинский**

**поэт, журналист, критик. Единственный сборник
– «Стихи-предвестники»
(1917).**

Наступает ночь, и городские окраины пустеют. Луна, «фея трущоб», прячется в облаках, жизнь словно замирает. «И, грязный от слез и пудры, один лишь Пьерро с гитарой / слоняется, шут печальный, в ночи пустынной и душной, / спеша для луны исторгнуть какой-то куплетик старый / и никому не нужный».

Такую мрачную картину находим в стихотворении «Трущобная луна» Хосе Поведы, который заставляет гитару петь серенады. Но кому? Не донне Анне и не донье Эльвире, а «воровской луне», «бывалой сводне, искусной в полночных шашнях». Что это – апофеоз пессимизма и отчаяния?

ФЕРНАНДО ПЕССОА

Пессоа, Фернандо (1888-1935) – крупнейший португальский поэт XX

века.

Цикл

СТИХОВ

«Послания» (1934).

Фернандо Пессоа упоминает гитару с чувством жгучей горечи: «Старая песня в соседней таверне: / Скольким похожим внимал на веку. / Слушаю, в сумрак уставясь вечерний, / И без причины впадаю в тоску. / Пусть я не знал этой песенки старой. / Это не важно, неважно ничуть. / До крови ранено сердце гитарой, / Кончились слезы – а то бы всплакнуть».

У Гарсиа Лорки гитара вызывает слезы, его современник Фернандо Пессоа даже не в силах плакать от горя, о котором рассказывает гитара.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ АСЕЕВ

Асеев, Николай Николаевич (1889-1963) – русский поэт. В поэмах «Буденный» (1923), «Двадцать шесть» (1924),

**«Семен
Проскаков» (1928)**

**– романтическая
героизация
революции.**

От формальной изощрен

**ности первых сборников («Зор», 1914) пришел к ли-
рико-философскому осмыслению действительности
(«Раздумья», 1955, «Лад», 1961). В поэме «Маяковский
начинается» (1940) создал образ поэта, борющегося
за
новое
искусство.**

**Книга размышлений о поэзии, воспом-
инания «Зачем и кому нужна поэзия» (1961). Госу-
дарственная премия СССР
(1941).**

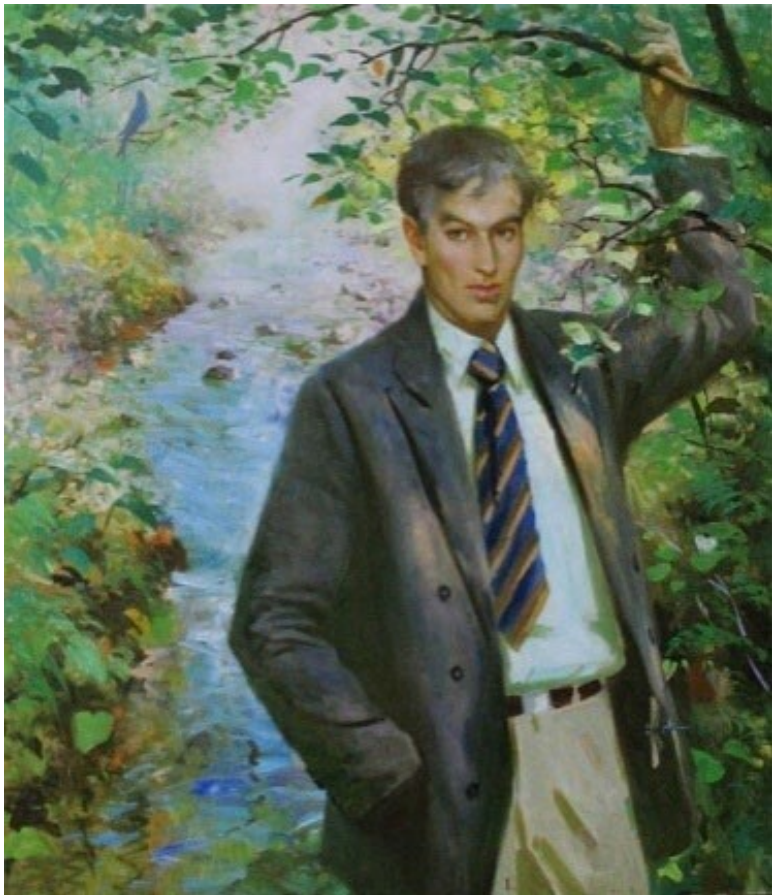
Какие гусары без гитар? У Николая Асеева находим тес-
ную связь между ними в стихотворении «Синие гусары»:
«Глухие гитары, высокая речь... / Кого им бояться и что им
беречь? / В них страсть закипает, как в пене стакан: / впер-
вые читаются строфы «Цыган»...»

Канули в Лету пушкинские времена, подзабылись мечты
декабристов, этих отчаянных смельчаков и бунтарей. Поэт
с печалью говорит о прошлом, и его гитары звучат скорбно:
«Что ж это, что ж это, что ж это за песнь?! / Голову на руки

белые свесь. / Тихие гитары, стыньте, дрожа: / синие гусары
под снегом лежат!»»

Асеев, друг и единомышленник Маяковского, говорит о гитаре возвышенным и трагическим слогом, чем и отличается от многих своих современников.

**БОРИС ЛЕОНИДОВИЧ
ПАСТЕРНАК**

Пастернак, Борис Леонидович (1890-1960) – русский писатель. Сын художника Л.О. Пастернака. В поэзии (сборники «Сестра моя – жизнь», 1922, «Второе рож-

дение», 1932, «На ранних поездах», 1943, цикл «Когда разгуляется», 1956-1959) – постижение мира человека и мира природы в их многосложном единстве, ассоциативность,

метафоричность,

соединение экспрессионистического стиля и классической поэтики. Поэмы (в том числе «Девятьсот пятый год», 1925-1926), повести. В судьбе русского интеллигента, героя романа «Доктор Живаго» (опубликован

за

рубежом

, 1957),

обнажены

трагические коллизии революции и Гражданской войны. Стихи героя

романа – лирический дневник, в котором человеческая история осмысливается в свете христианского идеала. Нобелевская премия (1958), от которой Пастернак под угрозой выдворения из СССР вынужден был отказаться. Диплом вручен сыну Пастернака в 1989 году.

В поэзии Бориса Пастернака часто вспоминается гитара. Обычно она – не что иное, как элемент сложнейшей метафорической мозаики, так что стихи и сами начинают звучать, как гитара: «Когда на дачах пьют вечерний чай, / Туман взду-

вает паруса комары, / И ночь, гитарой брякнув невзначай, / Молочной мглой стоит в иван-да-марье...» («Любка»)

В стихотворении «Нескучный сад» читаем: «Он тоже – сад. В нем тоже – скучен / Набор уставших цвествь пород. / Он тоже, как и сад, – нескучен / От набережной до ворот. / И, окуная парк за старой / Беседкою в заглохший пруд, / Похож и он на тень гитары, / С которой, тешась, струны рвут».

Или еще один пример: «Теперь бежим сощипывать, / Как стон со ста гитар, / Омытый мглою липовой / Садовый сентотард». («Дождь»)

Умом эти строки понять трудно, их надо слушать и чувствовать, ибо они воистину музыкальны, лиричны и преисполнены неизъяснимой таинственной прелести.

Проза Бориса Пастернака порой столь же метафорична, как и его поэзия. Посмотрите, какими красками он рисует мещанский быт: «Там утлую невзрачность прозябанья перебирали тихими гитарными щипками пьянства, и, сварясь за бутылкой вкрутую, раскрасневшиеся степенницы выходили с качающимися мужьями под ночной приборой извозчиков, точно из гогочущей горячки шаек в березовую прохладу предбанника. Там травились и горели, обливали разлучниц кислотой, выезжали в атласе к венцу и закладывали меха в ломбарде». («Охранная грамота») В данном случае гитара выступает в качестве части замкнутого, духовно бедного быта зажиточных горожан. Это не может не огорчить страстного поклонника музыки. Гитара куда выше и чище, ее звуки

устремлены к небесам!

В автобиографической повести «Охранная грамота» Пастернак вспоминает: «Ночью перед отъездом я проснулся в гостинице от гитарного арпеджио, оборвавшегося в момент пробуждения. Я поспешил к окну, под которым плескалась вода, и стал вглядываться вдаль ночного неба так внимательно, точно там мог быть след мгновенно смолкшего звука. Судя по моему взгляду, посторонний сказал бы, что я спроста исследую, не возшло ли над Венецией какое-нибудь новое созвездье, со смутно готовым представлением о нем как о Созвездьи Гитары».

В поэтическом сознании многих художников слились воедино венецианские каналы, гондолы, мосты, дворцы и звуки гитары, и в этом нет ничего удивительного.

КЭТРИН ПОРТЕР

Портер, Кэтрин Энн (1890-1980) – американская писательница. Автор рассказов и повестей, объединенных в сборниках «Цветущее Иудино дерево», «Бледный конь,

бледный

всадник», «Падающая башня». Философский роман «Корабль дураков» (1962).

Рассказ «Гасиенда» Кэтрин Энн Портер описывает жизнь русских эмигрантов в Мексике. Их мастерство часто восхищает коренных жителей, будь то игра на бильярде или же на гитаре. «Мы провели вечер в бильярдной. Приехал доктор Волк, просидел целый час у постели Успенского... Доктор Волк обещал его вылечить. А пока он играл на бильярде со Степановым и с доном Хенаро. Доктор он был замечательный, самозабвенный, безотказный... Он откровенно радовался тому, что может опять побыть с русскими, что ему достался не слишком тяжелый пациент и что он может еще и поиграть в бильярд, а он это очень любил. Когда подошла его очередь, он... стукнул по шару, промахнулся – и все это не переставая улыбаться. Потом бил Степанов.

– Уму непостижимо, – сказал доктор Волк, в восторге тряся головой. Он так сосредоточенно следил за Степановым, что у него даже слезы выступили на глазах. Андреев, сидя на низком табурете, брэнчал на гитаре и тихо напевал одну русскую песню за другой. Донья Хулия свернулась рядом с ним клубочком на диване в своей черной пижаме, китайский мопс обвил ее шею, как шарф».

Умение русских обращаться с гитарой удивляет мексиканцев, хотя они и сами прекрасно играют на этом инструменте, в отличие от бильярда.

«Корабль дураков» Кэтрин Энн Портер – одно из тех произведений, слухи и легенды о котором намного обогнали дату его публикации. Еще с середины 40-х годов в печати США начали появляться сообщения о работе известной писательницы над «большой книгой», которой суждено было стать ее первым и единственным романом.

Сюжет «Корабля дураков», если излагать вкратце, незамысловат. В самый разгар Большого кризиса начала 1930-х годов люди в панике снимаются с насиженных мест и едут кто куда, надеясь на лучшую долю. Посмотрим, при каких обстоятельствах появляется гитара на страницах этого произведения.

Капитан немецкого парохода Тиле, исповедующий нацистскую идеологию, с брезгливостью взирает на людей «низшей расы».

«Вдруг до него донеслись неожиданные, а потому неприятные звуки – на нижней палубе пели и плясали, вернее, влад притопывали ногами, капитан прошел на корму и заглянул вниз. Там пассажиры, которые еще сегодня утром казались полумертвыми, проявляли теперь совершенно излишнюю живость. Из своих жалких узлов и тюков они извлекли не одежду и не хозяйственную утварь – куда там, с нарастающим презрением думал капитан, – они подоставали обшарпанные гитары и потрепанные гармоники, и множество потертых кожаных футляров с игральными костями, и колоды замусоленных карт».

Публика постепенно оживляется.

«Резкие голоса тянули на одной ноте скорбные песни, напоминающие надгробное рыдание, а сладкозвучные гитары вторили им легкомысленно, с надрывающей душу насмешливостью; и порой пристукивали, притопывали, щелкали и цокали каблуки, словно тараторили кумушки в базарный день. Любимым композитором капитана был Шуман, а из всех танцев он снисходил лишь к настоящим венским вальсам – и происходящее принял как наглое оскорбление своим ушам и нервам; ибо, конечно же, в этих варварских ритмах, что будоражат кровь, как ни старайся сохранить самообладание, есть нечто странное и чуждое; да, он сразу признал истинный смысл всего этого: вот оно, извечное стихийное сопротивление, которое силы тьмы и хаоса оказывают истинному духу цивилизации – великой жизненной силе Германии...»

Постепенно люди успокаиваются.

«Все меньше и меньше слышалось криков, их сменяло негромкое пение, и, наконец, остались лишь жалобные звуки гитар, будто перекликались в дальнем лесу полусонные птицы».

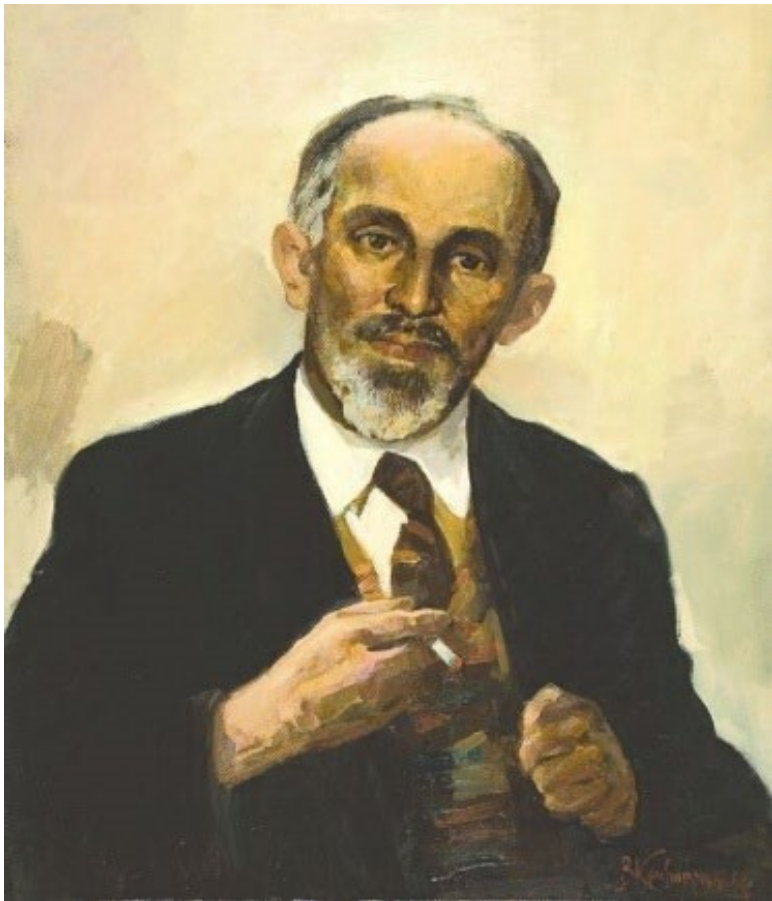
Наивные пассажиры, не замечающие скрытой ненависти капитана, решают оказать ему великую честь.

«Тут в кают-компанию ворвались испанцы во всеоружии своих национальных костюмов и профессионального искусства и торжественной процессией двинулись к капитану под

звуки известного марша тореадора: Тито и Маноло играли на гитарах, постукивали кастаньеты дам... Вся эта орава обошла вокруг стола, бренча на струнах, шелкая каблуками и кастаньетами, вертясь и раскланиваясь, истинно карнавальным шествием, на всех лицах застыла улыбка. Капитан Тиле, величественный, отчужденный, поднялся и ответил на приветствия убийственно холодным поклоном».

Американская писательница психологически точно передала эмоции эстетствующего сноба, с насмешкой вззирающего на народное искусство и гитару. Чувство арийского превосходства не дает ему осознать, как глубока и захватывающая фольклорная стихия.

**ОСИП ЭМИЛЬЕВИЧ
МАНДЕЛЬШТАМ**

Мандельштам, Осип Эмильевич (1891-1938) – русский поэт. Начиная как представитель акмеизма. Поэзия насыщена культурно-историческими образами

и мотивами, отмечена конкретно-вещественным восприятием мира, трагическим переживанием гибели культуры. Сборники «Камень» (1913), «Tristia» (1922), цикл «Воронежские тетради» (опубликован в 1966). Книга «Разговор о Данте» (опубликована в 1967), автобиографическая проза, статьи о поэзии. Репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Осип Мандельштам не жаловал гитару, зато слагал стихи о кифаре: «У моря ропот старческой кифары... / Еще жива несправедливость Рима, / И воют псы, и бедные татары / В глухих деревнях каменного Крыма...» (Стихотворение «У моря ропот старческой гитары...»)

Как он сподобился услышать античную старушку в 1915 году – загадка. Скорее всего, эта рифма возникла спонтанно. Не иначе, в памяти поэта еще были свежи впечатления от «вакхической драмы» «Фамира-кифаред» Иннокентия Анненского.

В стихах Мандельштама порой незримо присутствует гитара, хоть он ни слова не говорит о ней. В стихотворении «Кинематограф» есть строки: «А он скитается в пустыне – / Седого графа сын побочный, / Так начинается лубочный / Роман красавицы графини. / И в исступленьи, как гитана, / Она заламывает руки. / Разлука. Бешеные звуки / Затравленного фортепиано...»

Понятно, что цыганские страсти гитаны как-то неестественно смотрятся под аккомпанемент рояля, здесь уместнее

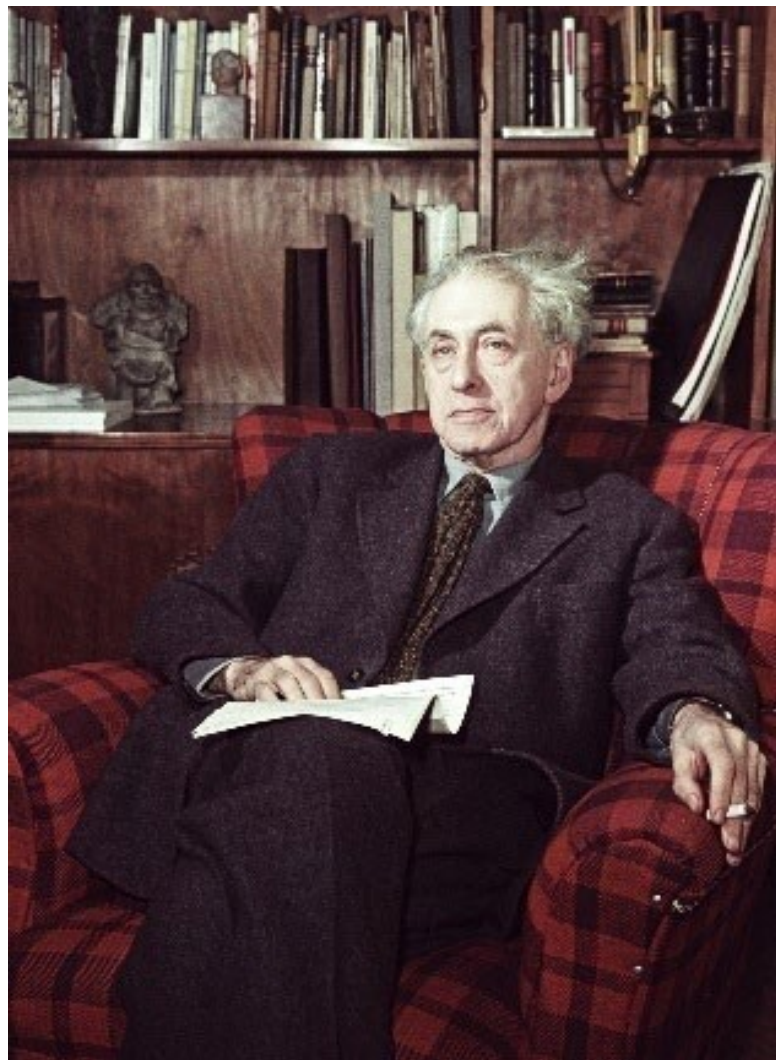
гитара с пышным бантом на грифе, с ее возгласами отчаяния и перебором струн.

Созвучие двух слов, «гитана» и «гитара», не случайно. Трудно представить себе гитану, то есть цыганку, без гитары. Сердечные муки одной отзываются печальными переборами струн другой. Когда читаешь строки Мандельштама: «Черты лица искажены / Какой-то старческой улыбкой, / Кто скажет, что гитане гибкой / Все муки ада суждены?», вновь невольно приходит на ум гитара.

Осип Мандельштам, будучи тонкой поэтической натурой, нередко впадал в отчаяние от беспросветной обыденной жизни, где каждая неприятная мелочь, всякий пустяк ранили его душу. И тогда он восклицал: «Нет, не мигрень, но холод пространства бесполого, / Свист разрываемой марли да рокот гитары карболовой!» (Стихотворение «Нет, не мигрень...»)

Гитара – удивительный инструмент, способный к соперничеству, и нет ничего странного в том, что она может усугубить чувство безысходности у слабого человека.

ИЛЬЯ ГРИГОРЬЕВИЧ ЭРЕНБУРГ

Эренбург, Илья Григорьевич (1891-1967) – поэт, писатель, мемуарист, переводчик с французского и испанского языков, общественный деятель. Романы «Буря», «Падение Парижа» (Сталинская премия, 1942), повесть «Оттепель» и другие.

Илья Эренбург писал в 1939 году в Испании: «Бои забудутся, и вечер щедрый / Земные обласкает борозды... / Шоферы отвернутся от руля, / И над губами высоко повиснет / Вина оледеневшая струя, / Певцы гитару от груди отнимут, / Замрет среди пустыни паровоз, / И молча женщина протянет сыну / Патронов соты и надежды воск». (Стихотворение «Бои забудутся, и вечер щедрый...»)

Кровопролитная гражданская война ожесточила людские сердца, фашисты ликуют, предвкушая близкую победу. Голос гитары, согревавший души республиканских бойцов, умолкает.

**МИХАИЛ АФАНАСЬЕВИЧ
БУЛГАКОВ**

Solar by Kitale

Булгаков, Михаил Афанасьевич (1891-1940) – русский писатель. В романе «Белая гвардия» (1925-1927), пьесах «Дни Турбиных» (постановка в 1926), «Бег» (1926-1928, постановка в 1957) показал трагические коллизии Гражданской войны и крах «белого движения». Многие произведения писателя при жизни не публиковались. Повесть и рассказы «Рокковые яйца», «Дьяволиада» (1925), «Собачье сердце» (1925, опубликована в 1987), «Театральный роман» (не закончен, 1936-1937, опубликован в 1965). В романе «Мастер и Маргарита» (1929-1940, опубликован в 1966-1967) – идея вечного противостояния нравственного

и

творческого подвижничества силам зла, воплощенная в двух временных планах,

в гротескно изображенной современности (с использованием мифологической образности) и евангельских сценах.

Весьма многозначителен зачин пьесы «Дни Турбиных» Михаила Булгакова. Авторская ремарка обозначена следующим образом: «Квартира Турбиных. Вечер. В камине огонь. При открытии занавеса часы бьют девять раз и нежно играют менуэт Боккерини. Алексей склонился над бумагами.

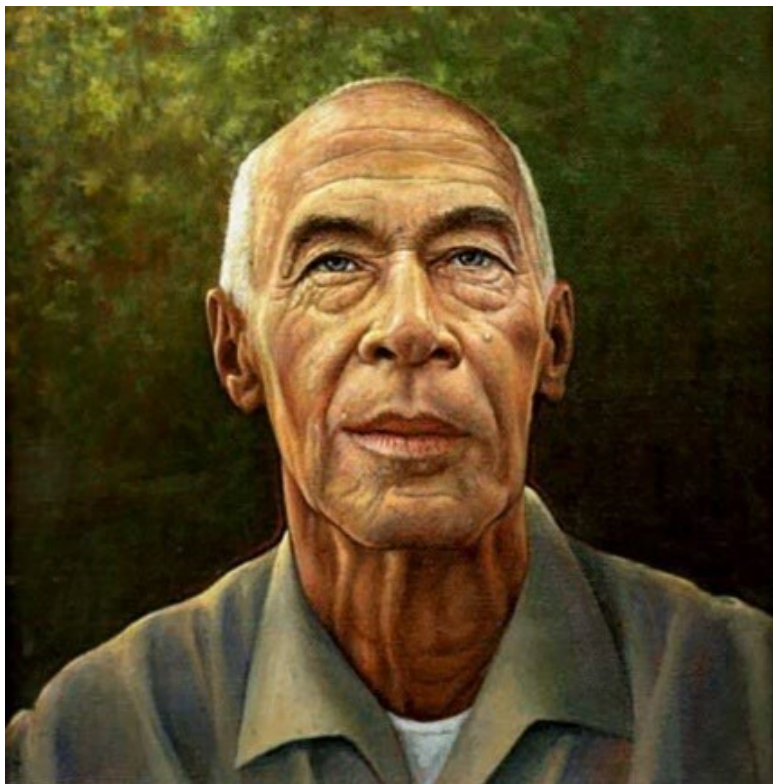
Николка (играет на гитаре и поет). Хуже слухи каждый

час. / Петлюра идет на нас! / Пулеметы мы зарядили, / По Петлюре мы палили, / Пулеметчики-чики-чики... / Голубчикичики... / Выручали вы нас, молодцы!

Алексей. Черт тебя знает, что ты поешь! Кухаркины песни. Пой что-нибудь порядочное».

Контраст между прелестной мелодией итальянского композитора и гитарой, аккомпанирующей частушечному речитативу, разителен. В сценке скупыми штрихами обозначена трагедия русской интеллигенции, ввергнутой в водоворот гражданской войны, и печальная участь инструмента, который не скоро еще вернется к классическому репертуару мирных времен.

ГЕНРИ МИЛЛЕР

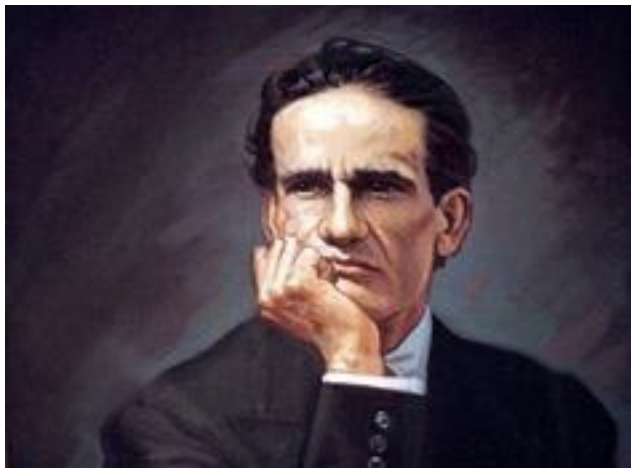

Миллер, Генри (1891-1980) – американский писатель. Циничные по интимно-эротической обнаженности романы о любви как анархически-индивидуалистическом бунте («Тропик Рака», 1934, «Тропик Козерога», 1939), трилогия «Благостное распятие» (1949-1960). Повлиял на «разбитое поколение».

Генри Миллер в скандально знаменитом романе «Тропик Козерога» не без иронии описывает разудалую попойку у некоего музыканта. «По всему обширному дому были расставлены рояли, не меньше четырех, не говоря уж о гитарах, мандолинах, скрипках и фисгармониях». И продолжает: «Это были истинные приемы с бутербродами и напитками. Когда вечер набирал силу и одновременно звучали три рояля, фисгармония, мандолины, гитары, пиво лилось рекой, каминные доски ломились от сигар и сэндвичей, из сада дул освежающий ветерок, а Джордж Ньюмиллер, голый по пояс, модулировал будто дьявол – это было лучшее шоу из всех, что мне доводилось видеть, и притом оно не стоило ни цента».

Американское расточительство поражает наше воображение, но сомнительно, чтобы в таком бедламе кто-то сумел расслышать голос гитары – нежный, умиротворяющий. Она оказывается ненужной гостьей на чужом пиру!

СЕСАР ВАЛЬЕХО

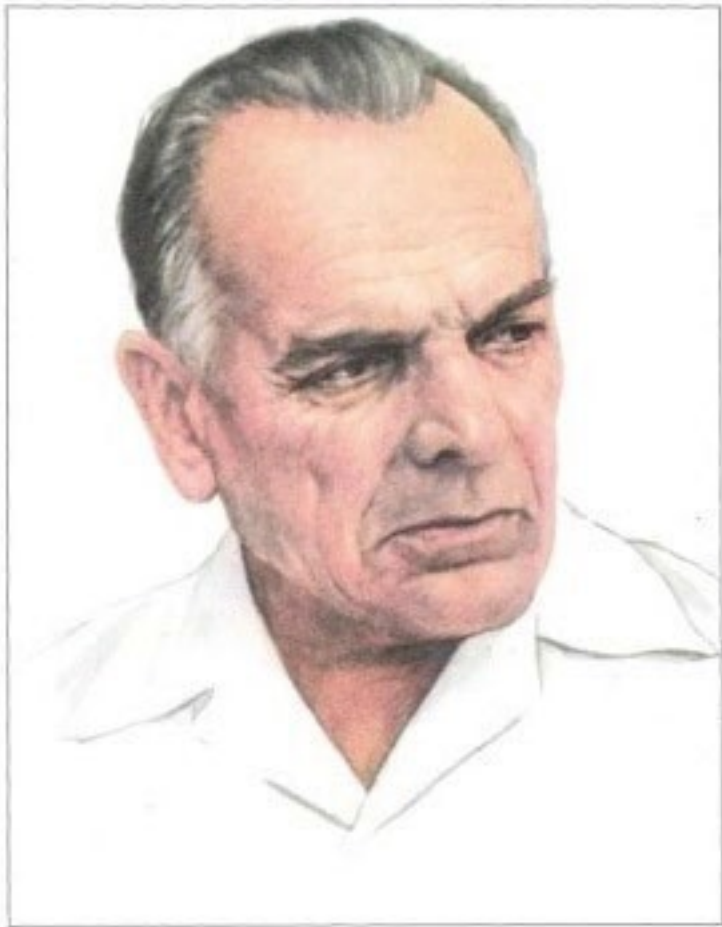
Вальехо, Сесар (1892-1938) – перуанский поэт, прозаик, литературный критик, журналист. Сборники стихов «Черные герольды» (1910), «Трильсе» (1922), «Человечьи стихи» (вторая половина 30-х годов).

Безысходный трагизм пронизывает стихотворение «Гитара под звук ладоней» Сесара Вальехо. Его герой мысленно обращается к той, с кем готов разделить минуты расставания с жизнью: «Что мне ружья, послушай, – / какое мне дело до ружей, / если пуля в конце / именно печатью мне

станет! / Что мне ружья – и что тебе пули, / если вкус твоих губ, как дымок револьвера, растает! / Да, красивая, этой же ночью / тяжесть нашей звезды испытаем руками незрячих, / а потом, я прошу тебя, очень, / спой немного – и вместе заплачем! / И этой же ночью движением слитным, бесследным, – / твоя беззаветность с моею тревожностью рядом, – / уйдем от себя, неразлучно... / Пока не ослепнем! / Пока не заплачем / над нашим последним возвратом!»

Поэт выражает готовность «уйти в пустоту от орды человекоподобных» и вернуться «в красоту, в цветоносные соты земли», иначе говоря, умереть. И все же какова мощь духа, каково жизнелюбие этого человека!

**КОНСТАНТИН ГЕОРГИЕВИЧ
ПАУСТОВСКИЙ**

Паустовский, Константин Георгиевич (1892-1968) –

русский писатель. Мастер лирической прозы. Повести «Кара-Бугаз» (1932), «Колхида» (1934), обращенные к этическим проблемам преобразования окружающей

среды.

Повесть

«Мещерская сторона» (1939) и рассказы (сборник «Летние дни», 1937), рисующие непритязательную красоту среднерусской природы и «неторопливое

счастье» человека, созерцающего ее. Историческая повесть («Северная повесть», 1938), книги о творчестве, людях искусства (в том числе «Золотая роза», 1955) отмечены романтической настроенностью,

вниманием

к

высоким человеческим

чувствам,

поэтичностью

языка.

В

автобиографической эпопее «Повесть о жизни» (ч.1-6, 1945-1963) – путь личности, сохраняющей человеческое достоинство и верность нравственным ориентирам в водовороте событий, потрясений первых десятилетий XX века, идущей своей дорогой, не

совпадающей с пафосом советской эпохи.

В замечательной книге Константина Паустовского «Золотая роза» писатель рисует портрет известного датского сказочника. «При виде Андерсена женщины затихали. Их смущал этот худой и элегантный господин с тонким носом. Они считали его заезжим фокусником, хотя и называли почтительно «синьор поэт». По их понятиям это был странный поэт. В нем не бурлила кровь. Он не пел под гитару раздирающие сердце баркаролы и не влюблялся по очереди в каждую из женщин».

Паустовский, нежнейший лирик советской поры, довольно точно передал расхожее мнение о «художественной демонической натуре», чьей спутницей непременно должна быть гитара.

В громадной портретной галерее, какой являются воспоминания Константина

Паустовского «Книга о жизни», встречается забавный персонаж: «Рассказывали, что дядя Гриша – сын сенатора из Петербурга, окончил лицей, промотал огромное состояние в Париже, потом был тапером в кино (по-тогдашнему «иллюзионе»), а теперь живет за счет человеческой жалости и перехватывает рубль или два на вечеринках в качестве непревзойденного игрока на гитаре и певца жестоких романсов».

Отпрыск славного дворянского рода хоть и опустил, но благодаря умению играть на гитаре сумел выжить, несмотря на свою «классовую чуждость» в новом советском обществе.

Говоря о своем гимназическом детстве, Паустовский восторженно вспоминает театральные спектакли в Брянске: «Нарумяненные юные женщины с подведенными синькой глазами пробегали из уборных по скрипучим доскам на сцену, волоча бархатные шлейфы. Обольстительно звенели гитары под пальцами нагловатых первых любовников, и слова жестоких романсов щемили простодушные сердца горожан: Мне снился день, который не вернется, И человек, который не придет...

Этот театр видел все: молодых цыганок с надрывающим сердце голосом, разорившихся помещиков, пахнувших лошадиным потом, – они скакали сто верст, чтобы попасть на концерт какой-нибудь Нины Загорной, – корнетов с черными баками, купцов в коричневых котелках, невест, трепещущих от испуга, в пышных, как пена, розовых платьях». («Книга о жизни»)

Театр привлекает публику красотой зрелищ, столь далеких от серых житейских будней, и гитара помогает создать атмосферу восхищения в зрительном зале.

Паустовский любил гитару и порой говорил о ней, как о живом одушевленном существе. Описывая долгую и скучную зиму в провинции, он, в частности, замечает: «В комнате поручика Ромуальда сама по себе звучала струна на гитаре. Звук струны долго дрожал. Он делался все тоньше, пока не становился сначала как серебряный волосок, потом как серебряная паутина. Тогда он затихал». («Книга о жизни»)

Поэтичное и тонкое наблюдение! Гитара у Паустовского тоскует в одиночестве, мечтая оказаться в руках исполнителя.

В мемуарной «Книге о жизни» писатель вспоминает одного своего давнего знакомого, фронтового поручика, поразившего его редкостной музыкальностью: «Соколовский снял со стены гитару санитаря Ляхмана, взял несколько аккордов и запел заунывную грузинскую песню. Потом он спел армянскую песню, после нее – украинскую, еврейскую, польскую, финскую, латышскую и окончил этот неожиданный концерт виртуозным исполнением «Пары гнедых» с цыганским «подвывом». Оказалось, что Соколовский свободно говорит на многих языках и знает вдоль и поперек всю Россию».

Гитара – воистину космополитический инструмент, способный выразить душу любого народа, населявшего великую империю.

В начале XX века в России жил удивительный человек, истинный подвижник гитары по фамилии Оленин-Волгарь. Он родился в семье музыкантов, и нет ничего необычного в том, что те отправили его учиться пению в Италию. Но юношей овладела «охота к перемене мест», он бросил учебу и обошел пешком Италию, Францию, Испанию. Повсюду он пел под гитару песни на языках тех стран, в которых находился. Позднее он стал матросом и дослужился до капитана. Вот как Паустовский пишет об этой неординарной личности: «Я познакомился с Олениным-Волгарем в 1924 году в редак-

ции одной из московских газет. Однажды после работы мы попросили Оленина-Волгаря спеть нам несколько песенок из его уличного репертуара. Достали где-то гитару, и сухощавый невысокий старик в форме речного капитана вдруг преобразился в виртуоза, в удивительного актера и певца. Голос у него был совершенно молодой.

Мы, замерев, слушали, как свободно лились итальянские кантилены, как отрывисто гремели песни басков, как ликовала вся в звоне труб и пороховом дыму «Марсельеза». («Книга о жизни»)

Чрезвычайно жаль, что время стерло из людской памяти это славное имя – не осталось ни биографических заметок, ни фотографий, ни граммофонных записей. Если бы не Паустовский, то мы не узнали бы вообще ничего о необычном артисте, страстно любившем гитару.

МАРИНА ИВАНОВНА ЦВЕТАЕВА

Цветаева, Марина Ивановна (1892-1941) – русская поэтесса. Романтический максимализм, мотивы одиночества, трагическая обреченность любви, неприятие повседневного бытия (сборники «Версты», 1921, «Ремесло», 1923, «После России», 1928, сатирическая поэма «Крысолов», 1925, «Поэма Конца», 1926). Трагедии («Федра», 1928). Интонационно-ритмическая экспрессивность, парадоксальная метафоричность. Эссеистская проза («Мой Пушкин», 1937, воспоминания об А. Белом, В.Я. Брюсове, М.А. Волошине, Б.Л. Пастернаке и других). В 1922-1939 годах – в эмиграции. Покончила жизнь самоубийством.

У Марины Цветаевой, как и у многих русских литераторов той поры, гитара непременно связана с цыганским бытом: «Пьян без вина и без хлеба сыт – / Это цыганская свадьба мчит! / Полон стакан. / Пуст стакан. / Гомон гитарный, луна и грязь. / Вправо и влево качнулся стакан: / Князем – цыган! / Цыганом – князь! / Эй, господин, берегись – жжет! / Это цыганская свадьба пьет!» («Цыганская свадьба»)

Иными словами, повсюду, где раздолье, молодецкая удаль и пьяный угар, – там звенит цветаевская, то есть цыганская гитара!

Гитара у Цветаевой иногда ассоциируется со сценами смерти. В цикле «Дон Жуан» (1917) встречаем такие слова: «Я вижу надменный и старый / Свой профиль на белой пар-

че. / А где-то – гитаны – гитары – / И юноши в черном плаще».

В этом прозрении будущего небытия одинокой звездой сияет неразделенная, печальная любовь.

В письме, посланном Мариной Цветаевой из Москвы 2 сентября 1918 года сестре Але, поэтесса сообщает: «Мы еще не уехали. Вчера на вокзале была такая огромная толпа, что билеты-то мы взяли, а в вагон не сели. Домой возвращаться мне не хотелось – дурная примета, и я ночевала у Малиновского. У него волшебная маленькая комната: на стенах музыкальные инструменты: виолончель, мандолина, гитара, – картины, где много неба, много леса и нет людей, огромный зеленый письменный стол с книгами и рисунками, старинный рояль, под которым спит собака «Мисс» (по-английски значит – барышня). Мы готовили с Малиновским ужин, потом играли вместе: он на мандолине, я на рояле».

Александр Николаевич Малиновский – художник, но, судя по всему, также артист, которому мила гитара. В разгар Гражданской войны, всеобщей разрухи и голода он пытается сохранить остатки прежнего комфортного быта, символом которого является музыка.

Менее чем через месяц после отъезда из России в послании «Але» Цветаева формулирует свое житейское кредо: «Знай одно: что завтра будешь старой. / Пей вино, правь тройкой, пой у Яра, / Синеокою цыганкой будь. / Знай одно: никто тебе не пара – / И бросайся каждому на грудь. / Ах, го-

рят парижские бульвары! / (Понимаешь – миллионы глаз!) /
Ах, гремят мадридские гитары! / (Я о них писала – столько
раз!)»

Поразительно, что в мире, где изо дня в день гремит пушечная канонада, а русская столица переполнена пьяной солдатней с красными бантами, где-то вдалеке от этого рождаются вдохновенные строки, исполненные думами о преходящем и вечном, о греховном и чистом, о земном и небесном любовном чувстве, отстраненном от войн и революций, от окопов, крови и тифозных вшей!

В 1920 году Цветаева написала стихотворение, в котором гитара весьма необычно «встроена» в ее образный ряд: «Править тройкой и гитарой / Это значит: каждой бабой / Править, это значит: старой / Брагой по башкам кружить! / Раскрасавчик! Полукровка! / Кем крещен? В какой купели? / Все цыганские метели / Оттопырили поддевку / Вашу, бравый гитарист! / Эх, боюсь – уложат влежку / Ваши струны да ухабы! / Бог с тобой, ямщик Сережка! / Мы с Россией – тоже бабы!» (Стихотворение «Править тройкой и гитарой...»)

Не касаясь побочных метафор (так, цветаевская упряжка сродни гоголевской «птицетройке», то есть Руси), отметим: умение обращаться с гитарой, по мнению поэтессы, – большое искусство!

Марина Цветаева тонко чувствовала душу гитары. «Та ж молодость, и те же дыры, / И те же ночи у костра... / Моя

божественная лира / С твоей гитарою – сестра. / Нам дар
один на долю выпал: / Кружить по душам, как метель. / –
Грабительница душ! – Сей титул / И мне опущен в колы-
бель!» (Стихотворение «Та ж молодость, и те же дыры...»)

Или еще один фрагмент: «В каждой строчке: стой! / В
каждой точке – клад. / – Око! – светом в тебя расслаиваюсь, /
Расхожусь. Тоской / На гитарный лад / Перестраиваюсь, /
Перекраиваюсь». (Стихотворение «В седину висок...»)

Вывод напрашивается сам собой: поэтическая лира Цве-
таевой сродни испанской гитаре!

Вернувшись в Россию, Марина Цветаева ради заработка
переводила стихи Гарсиа Лорки, причем настолько удачно,
что они до сих пор печатаются в собраниях поэта. Это две
родственные души, со схожими эстетическими воззрения-
ми, с одинаковой приверженностью к гитаре. Давайте про-
чтем цветаевский «Плач цыганки по графу Зубову»: «Рас-
колюсь – так в стклянь, / Распалюсь – так в пар. / В роко-
та гитар / Рокочи, гортань! / В пляс! В тряс! В прах – да не
в пляс! / А-ах, струна сорвалась! / У-ехал парный мой, У-
ехал в Армию! / Стол-бы фонарные! / Ла-ды гитарные! / И
в прах! / И в тряс! / И грянь! / И вдарь! / Ермань-Дур-
мань. / Гортань-Гитарь. / В пляс! В тряс! В прах – да не в
пляс! / А-ах, рука сорвалась! / Про трудного / Про чудного /
Про Зубова – / Про сударя... У-пал, ударный мой! / Стол-
бы фонарные! / Пропала Армия! / Ла-ды гитарные! / За всех
– грудью пав, / (Не снег – уголь ржав!) / Как в мех – зубы

вжав, / Э-эх, Зубов-граф!..»

Налицо несомненная стилистическая и образная близость двух поэтов, хотя в 1923 году, когда были написаны эти строки, Цветаева вряд ли знала стихи Лорки.

У Марины Цветаевой имеется поэтическая зарисовка, названная «Вокзальный силуэт». В ней дается портрет женщины, случайно повстречавшейся в дороге: «Волос тяжелое кольцо / Из-под наброшенного шарфа / (Вам шла б гитара или арфа) / И ваше бледное лицо».

Создается впечатление, что на глухом полустанке, где на путях сгрудились солдатские теплушки и густым облаком повисла матерная брань, вдруг появилась блоковская Незнакомка. И поэтесса, описывая невзгоды Гражданской войны, уверенно восклицает: «У всех, отмеченных судьбой, / Такие замкнутые лица. / Вы непрочтенная страница / И, нет, не станете рабой!»

ВИСЕНТЕ УИДОБРО

Уидобро, Висенте (1893-1948) – чилийский поэт, прозаик, драматург. Сборники «Эхо души» (1912), «Песни в ночи» (1912), «Грот молчания» (1913), «Водяное зеркало» (1916), «Высоколёнок» (1931).

Благодаря чилийскому поэту-модернисту Висенте Уидобро гитара очень естественно вписалась в современный урбанистический мир, где прошлое и настоящее сплелись в нерасторжимое единство. «Паровоз распаленный / бежит задыхаясь от гари / и гудит его след / парой струн на разбитой гитаре / Голый глаз / фитилек горизонта / мотается в танце / Диоген с носогрейкой / бродящий меж чисел и станций / Рвутся звезды летя по орбитам...» (Стихотворение «С экватора»)

Несмотря на то, что автор умышленно игнорирует пунктуацию, поток символов-образов производит сильное впечатление на читателя, и уподобление железнодорожной колеи паре гитарных струн поражает метафоричностью.

ВАДИМ ГАБРИЭЛЕВИЧ ШЕРШЕНЕВИЧ

Шершеневич, Вадим Габриэлевич (1893-1942) – рус-

ский поэт.

У большинства русских литераторов начала XX века гитара считалась забавой обывателя, в лучшем случае – спутницей гвардейского офицера. Как правило, игра на этом инструменте воспринималась в качестве пустого,

бездуховного времяпрепровождения. Поэт Вадим Шершеневич, современник Блока, Есенина, Маяковского, явно презирал гитару, о чем можно судить по его строкам: «Влюбится чиновник, изгрызанный молью входящих и старей / В какую-то молоденькую худощавую дрянью, / И натвердит ей, бренча гитарой, / Слова простые и запыленные, как герань».

«Мещанская» герань помещена рядом с чудесным испанским инструментом. Потребовались многие десятилетия, чтобы реабилитировать гитару в глазах интеллигенции.

**ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ
МАЯКОВСКИЙ**

Маяковский, Владимир Владимирович (1893-1930) – русский поэт. В дореволюционном творчестве форсированная до крика исповедь поэта, воспринимающего действительность как апокалипсис (трагедия «Владимир Маяковский», 1914, поэмы «Облако в штанах», 1915, «Флейта-позвоночник», 1916, «Человек», 1916-1917).

После 1917 года – сотворение социалистического мифа о миропорядке (пьеса «Мистерия-буфф», 1918, поэмы «150000000», 1921, «Владимир Ильич Ленин», 1924, «Хорошо!», 1927) и трагически нарастающее ощущение его порочности (от стихотворения «Прозаседавшийеся», 1922, до пьесы «Баня», 1929). В поэме «Во весь голос» (1930) – утверждение искренности своего пути и надежда быть

понятым в «коммунистическом далеке». Реформатор поэтического языка, оказал большое влияние на поэзию XX века. Покончил жизнь самоубийством.

Владимир Маяковский был невысокого мнения о любительском пении под гитару. Об этом говорят такие ирони-

ческие строчки «трибуна революции»: «О, бард! Сгитарьте «тара-рарай» нам: / Не вам писать агитки хламовые. / И бард поет, для сходства с Байроном / На русский, на язык прихрамывающая...»

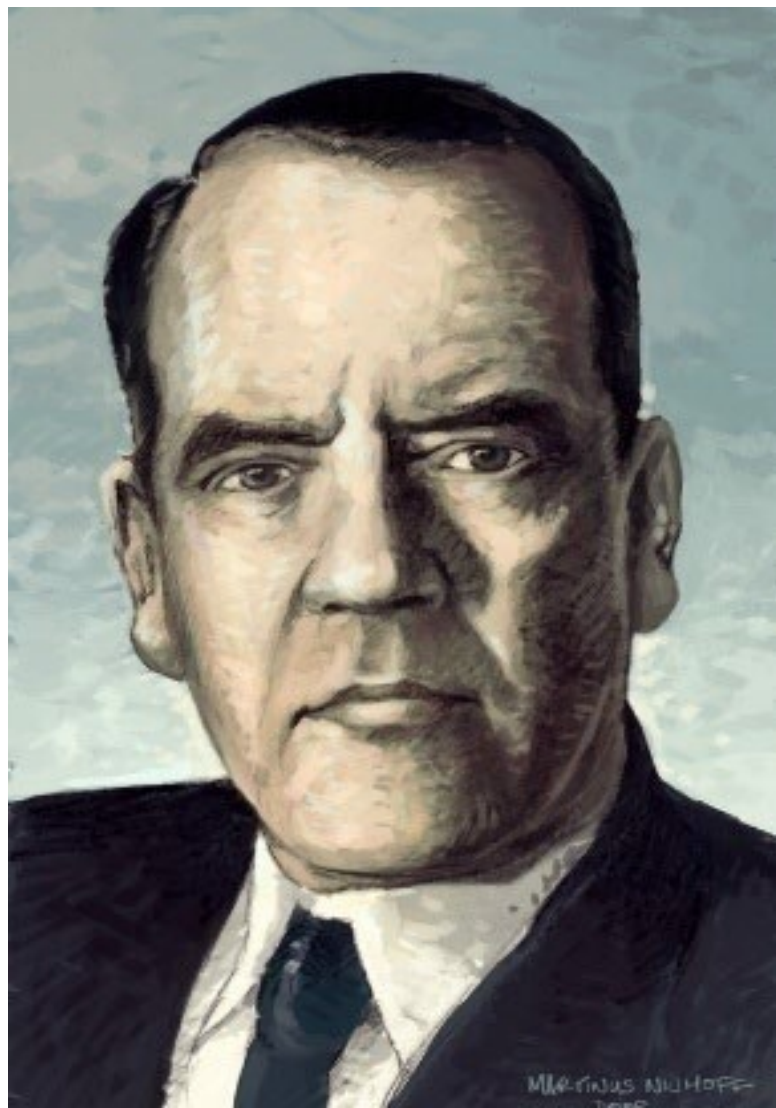
Обидное словцо «сгитарить» вполне можно применить к тем исполнителям дилетантам, которые не хотят и слышать о высоком предназначении классической гитары.

Рассказывая о своей работе над стихотворением «Сергею Есенину» в статье «Как делать стихи», Владимир Маяковский утверждает, что долго ломал голову над строчкой «Вы такое петь душе умели». Вспоминая о встречах с покойным поэтом, он чувствовал, что слово «петь» не годится – буйный во хмелю, Есенин частенько хулиганил. Благообразный на фотографиях, поэт был слишком эмоционален, склонен к скандальным поступкам. «Есенин не пел (по существу он, конечно, цыгано-гитаристый, но его поэтическое спасение в том, что он хоть при жизни не так воспринимался, и в его томах есть десяток и поэтически новых мест). Есенин не пел, он грубил, он загибал. Только после долгих размышлений я поставил это «загибать», как бы ни кривило такое слово воспитанников литературных публичных домов, весь день слушающих сплошные загибы и мечтающих в поэзии отвести душу на сиренях, персях, трелях, аккордах и ланитах».

Оценка личности Есенина, прославившегося пьяными дебошами, дана верно. Но в стихах (кроме, разумеется, «Москвы кабацкой») у Сергея Александровича пульсирует чистой-

шей воды лирика! Его стихотворения легко ложатся на музыку, и, конечно, под аккомпанемент гитары. Не это ли стало причиной его бешеной популярности?

МАРТИНУС НЕЙХОФ

MARTINUS NIJHOFF
2008

Нейхоф, Мартинус (1894-1953) – голландский писатель, переводчик.

Мартинус Нейхоф – один из лучших нидерландских мастеров сонета. «Наш столик посреди лужайки скоро / совсем потонет в лиственной тени. / Стихи в душе – замена разговора. / Мы допиваем чай, и мы одни. О хрупкая печаль, по времени, / не привноси в гармонию раздора. / За озером уже бренчат гитары, / и весла мерно бьют по водной глади; / целуются мечтательные пары...»

Вечерний пейзаж пленителен, это действительно «праздник под открытым небом». Но гитара здесь – не главный персонаж, присутствует даже оттенок некоторого пренебрежения к ней в слове «бренчит».

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОЛЯНОВСКИЙ

Поляновский, Георгий Александрович (1894-1983) – советский музыковед, заслуженный деятель искусств РСФСР (1972). Ученик К.Н. Игумнова (фортепиано), С.Н. Василенко (композиция). С 1913 года выступал как музыкальный критик.

В 1973 году издана книга Поляновского «70 лет в мире музыки», на страницах которой найдем ценные свидетельства о гитаре: «В Болшевской трудкоммуне постепенно образовалась подлинная народная консерватория, где мы читали лекции, руководили хорами, оркестрами – домбровым, балалаечным, духовым, с неаполитанским составом (гитары, мандолины). Душой всего этого музыкально-воспитательно-го движения в течение многих лет продолжал оставаться Михаил Михайлович, который сочинял специально для болшевских коллективов произведения, доступные их исполнению».

Здесь говорится о 20-х годах, когда в стране ощущался энтузиазм народных масс, о времени поголовного увлечения искусством, о М.М. Ипполитове-Иванове, директоре Московской консерватории и дирижере Большого театра оперы

и балета.

Примечательно, что Михаил Михайлович не обошел вниманием гитару, хотя гораздо важнее другое: она продолжала оставаться популярным инструментом в народной среде и после Октябрьской революции.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ЗОЩЕНКО

Зощенко, Михаил Михайлович (1894-1958) – русский писатель. В рассказах 20-х годов создал комиче-

ский образ героя-обывателя с убогой моралью и примитивным взглядом на окружающее. «Голубая книга» (1934-1935) – цикл сатирических новелл о пороках и страстях исторических персонажей и современного мещанина. Повести «Мишель Синягин» (1930), «Возвращенная молодость» (1933), повесть-эссе «Перед восходом солнца» (ч.1, 1943, ч.2 под названием «Повесть о разуме», опубликована в 1972). Интерес к новому языковому сознанию, широкое использование форм сказа, построение образа «автора» (носителя «наивной философии»). Произведения Зощенко подверглись уничтожающей критике в постановлении ЦК Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (1946)) как клевета на советскую действительность.

Михаил Зощенко, отставной гвардейский офицер, прославился в советские времена своими сатирическими рассказами о мещанах. Конечно же, следуя давней чеховской традиции, он упоминает и гитару, помещая ее в мезонине где-то между чахлой геранью и пыльными фарфоровыми слониками. Например, в рассказе «Коза» некая влюбленная дама, Домна Павловна, надела чудный сиреневый капот и занялась на кухне кулинарией. «Все это пеклось, варилось и делалось для военного телеграфиста, Ивана Кирилловича. Телеграфист лежал на койке, тренькал на гитаре и пел на-

хальным басом. В песнях ничего смешного не было, но Домна Павловна смеялась».

Или еще один фрагмент, уже из другого произведения: «Изабелла Ефремовна приходила к нему почти что всякий день и пела грудным низким голосом разные цыганские романсы, притопывая при этом ногами и аккомпанируя себе на гитаре. Это была прелестная молодая дама, рожденная для лучшей судьбы и беспечной жизни. Она презирала бедность и нищету и мечтала уехать за границу, подбивая на это Мишеля, с которым она мечтала перейти персидскую границу». (Повесть «Мишель Синягин»)

В ней же Михаил Зощенко с едва различимой иронией рассуждает о человеческом предназначении. Картина у него получается забавная: «И жизнь шла своим чередом. Происходили любовь, и ревность, и деторождение, и разные великие материнские чувства, и разные тому подобные прекрасные переживания. И мы ходили с девушками в кино. И катались на лодках. И пели под гитару. И кушали вафли с кремом. И носили модные носочки в полоску. И танцевали фокстрот под домашний рояль».

Как видим, гитара стоит у писателя в одном ряду с прочими предметами мещанского благополучия, и старинный благородный музыкальный инструмент мало чем отличается от лакированных туфель или пресловутого фарфора на комодe.

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТЫНЯНОВ

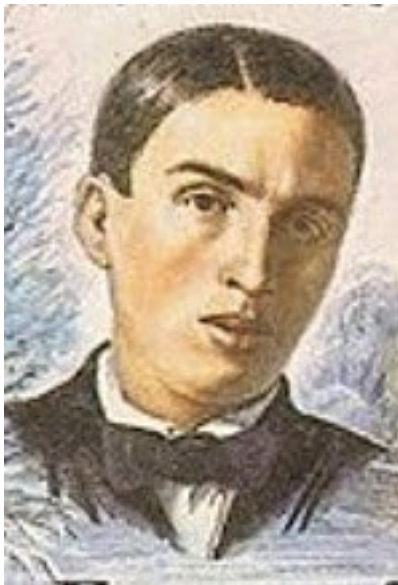
Тынянов, Юрий Николаевич (1894-1943) – русский писатель, литературовед. Книга «Архаисты и новаторы» (1929). Исследования поэтики литературы и ки-

но. Мастер исторического романа («Кюхля» – о В.К. Кюхельбекере, 1925, «Смерть Вазир-Мухтара» – о А.С. Грибоедове, 1927-1928, «Пушкин», ч.1-3, 1935-1943, не окончен).

Дед Пушкина по материнской линии был, что называется, «диким барином»: изрядно выпивал, приударял за женским полом, отличался самодурством. Тем не менее, он любил музыку. Юрий Тынянов в романе «Пушкин» набрасывает весьма колоритную сценку: «Дворовые девки были у Осипа Абрамыча блудным балетом; они плясали перед ним во времена его загула. Музыканты были у него свои – один лакей играл на гитаре, двое пели, а казачок бил в бубны».

Ансамбль, как видим, немудреный, но именно гитаре было отдано предпочтение из всех других инструментов.

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ИВАНОВ

Иванов, Георгий Владимирович (1894-1958) – русский поэт. В 1910-е годы был близок к акмеизму. В 1922 году эмигрировал.

Сборники «Отплытие на о. Цитеру» (1912), «Горница» (1914),

«Памятник славы» (1915), «Лампада» (1922), «Вереск» (1923), «Сады»

(1923), «Розы» (1931). Неоконченный роман «Третий Рим» (1928-1931), очерки.

У Георгия Иванова есть превосходное стихотворение без названия, которое хочется процитировать целиком: «Над розовым морем вставала луна. / Во льду зеленела бутылка вина, / И томно кружились влюбленные пары / Под жалобный рокот гавайской гитары. / – Послушай. О, как это было давно, / Такое же море и то же вино. / Мне кажется, будто и музыка та же... / Послушай, послушай, – мне кажется даже... / Нет, вы ошибаетесь, друг дорогой. / Мы жили тогда на планете другой, / И слишком устали, и слишком мы стары / Для этого вальса и этой гитары».

Эмигрантская ностальгия лирического героя усилена по-этом музыкой вальса. Ему горько осознавать, что гитара уже не та, что самое лучшее осталось в прошлом, на другой планете.

Воспоминания о дореволюционной России часто вызывают в памяти поэта образ гитары. Прочтем его печально-иронические строки из позднего стихотворения «Пейзаж»: «Догорают хризантемы / (Отголосок старой темы), / Отголосок песни старой – / Под луной Пьеро с гитарой... / Всюду драма, всюду убыль. / Справа Сомов. Слева Врубель. / И по самой

серединке, / Кит, дошедший до сардинки».

Пьеро с гитарой – это, похоже, Александр Вертинский, выступления которого так радовали поэтов и художников в знаменитом кабачке «Бродячая собака» во времена русского лихолетья.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН

Есенин, Сергей Александрович (1895-1925) – русский поэт. С первых сборников («Радуница», 1916,

«Сельский часослов», 1918) выступил как тонкий лирик, мастер глубоко

психологизированного пейзажа, певец крестьянской Руси, знаток народного языка и народной души. В 1919-1923 годах входил в группу имажинистов. Трагическое мироощущение, душевное смятение выражены в циклах «Кобыльи корабли» (1920), «Москва кабацкая» (1924), поэме «Черный человек» (1925). В поэме «Баллада о двадцати шести» (1924), посвященной бакинским

комиссарам, в сборнике «Русь Советская» (1925), поэме «Анна Снегина» (1925) Есенин стремился постигнуть «коммуной вздыбленную Русь», хотя продолжал чувствовать себя поэтом «Руси уходящей», «золотой бревенчатой избы». Драматическая поэма «Пугачев» (1921). В состоянии депрессии покончил жизнь самоубийством.

Один из близких друзей юности Сергея Есенина, Николай Алексеевич Сардановский, вспоминает о праздниках, какие устраивала молодежь в родном селе поэта Константинове: «Потом мы, очарованные, слушали, как две милovidные барышни Северовы под собственный аккомпанемент на гитаре пели простенькие песенки». Сам Николай был музыкально одаренным человеком, и 16-летний Есенин любил слушать его игру на скрипке и гитаре.

Гитара была популярна в крестьянском быту в начале XX века. Нельзя отрицать ее важную роль в эстетическом воспитании юношей и девушек, живших в российской глубинке! О юности и страстной любви Сергей Есенин говорит словами в духе народной песни: «Эх, любовь-калинушка, кровь – заря вишневая, / Как гитара старая и как песня новая». (Стихотворение «Песня»)

Здесь говорится о русской гитаре, которая является такой же составной частью сельской жизни, как деревенские посиделки, наигрыш гармошки-трехрядки и залиvistый смех голубоглазых красавиц.

Хмельной угар и гитара в руках любовницы – типичный сюжет у Сергея Есенина. «Пой же, пой. На проклятой гитаре / Пальцы пляшут твои в полукруг. / Захлебнуться бы в этом угаре, / Мой последний, единственный друг». (Стихотворение «Пой же, пой. На проклятой гитаре...»)

С чувством безысходности и отчаяния обращается поэт к роковой женщине и заодно с презрением – к гитаре. Жаль, что Есенин не понимал ее возвышенную душу.

Мы нередко наблюдаем у Есенина упрощенное понимание гитары. Если в его стихах появляется этот инструмент, то непременно в связи с хмельной удалью, цыганским пением и душевным надрывом. «Гитара милая, звени, звени! / Сыграй, цыганка, что-нибудь такое, / Чтоб я забыл отравленные дни, / Не знавшие ни ласки, ни покоя».

Федерико Гарсиа Лорка был намного глубже своего рус-

ского собрата по перу, ибо создал множество подлинно вдохновенных стихов о шестиструнной волшебнице.

**НИНА АЛЕКСЕЕВНА
КРИВОШЕЙНА**

Кривошеина, Нина Алексеевна (урожденная Мещерская, 18951981) – автор книги воспоминаний «Четыре трети нашей жизни».

Нина Кривошеина, откликнувшись на призыв Александра Солженицына принять участие в создании «Всероссийской мемориальной библиотеки», написала чрезвычайно интересные мемуары. Любопытны фрагменты ее книги, относящиеся к гитаре.

Описывая быт эмиграции, она отмечает: «Русские рестораны и кабаре стали одной из характерных черт Парижа тех лет, от 1922-23 гг. до середины 30-х годов. Были и совсем скромные, куда ходили люди, которым негде было готовить, одинокие, часто жившие в самых дешевеньких и подчас подозрительных отельчиках; впрочем, если

«заводилась денюга», то и в этих ресторанах можно было кутнуть, закусить с графином водки, и уж обязательно появлялась музыка – бывало, что тренькал на гитаре сам хозяин, а кто-нибудь подпевал, и часто такой кутеж кончался слезами: «Эх! Россия, Россиюшка!»

Весьма колоритной фигурой был Саша Макаров. «Он – цыган, знаменитый по хору в московском «Яре». Тогда ему было лет под шестьдесят; обычно он приходил с гитарой и с милейшей своей русской, несколько грузной, в светлых кудряшках, женой; часто подсаживался к ним Михаил Львович Толстой, младший сын Льва Николаевича. Иногда они оба

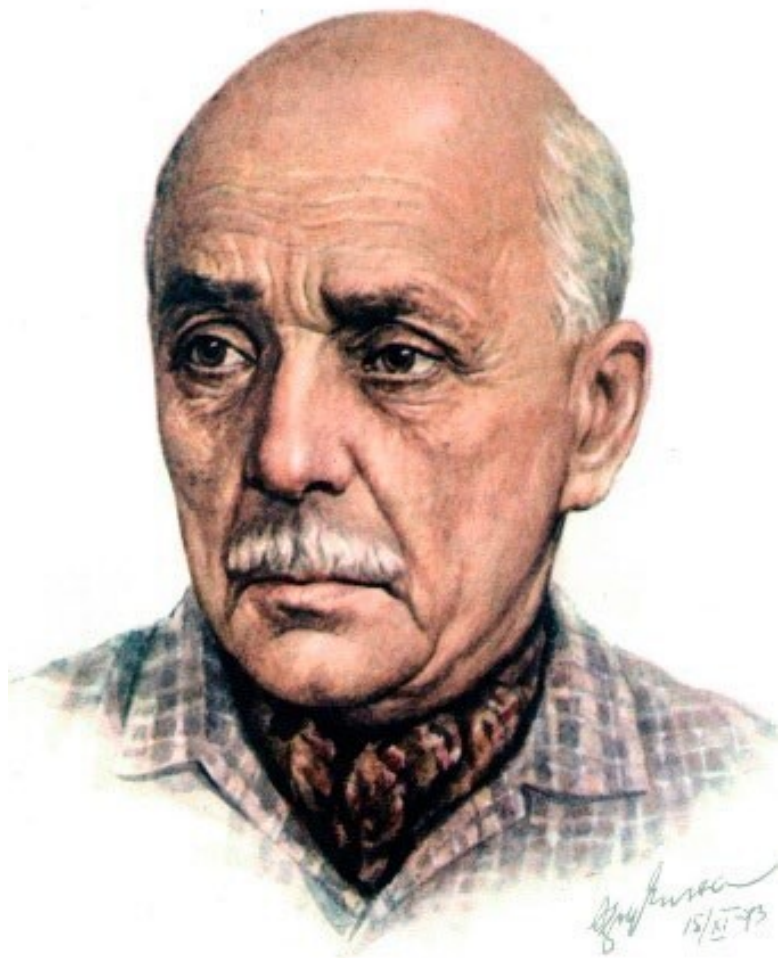
подпевали Лизе Муравьевой, и тогда публика просила Сашу Макарова спеть, что он изредка и делал. Нельзя забыть его пение: низкий, хрипловатый голос, легкий аккомпанемент на гитаре. Вот как-то пришло мне в голову устроить вечер цыганского пения в ресторане, и я попросила Сашу Макарова и Михаила Львовича Толстого прийти вечером и попеть цыганские песни и старинные русские романсы, а угощаю я. Они оба сразу согласились, и вечер вскоре состоялся, и для меня он – одно из светлых воспоминаний этого скорее нудного и, вообще говоря, нелегкого периода жизни.

Моя мать говорила: ненавижу цыганщину, одна пошлость – а вот Варю Панину слушаю и не наслушаюсь. Так и про Сашу Макарова: не наслушаешься, да и Михаил Львович за долгую жизнь веселого кутилы и со своим отличным вкусом и небольшим, но очень тонким голосом – пел скромно и прелестно. Народу в ресторане было много, и все были под очарованием этих двух людей, сохранивших и принесших с собой в Париж – нет, не «цыганщину», а подлинное певческое умение и традицию. Под конец М.Л.Толстой мне сказал в ответ на мои благодарности: «Нам самим было так приятно у вас петь. Чтобы кончить, мы сыграем вещь, которую, верно, теперь уже знаем только Саша да я: торжественный марш для восьми гитар, который игрался при выборах цыганского короля, когда шли перед королем по табору восемь гитаристов и играли. Это мы вам в подарок, как хозяйке».

Гитара на чужбине помогала русским людям вспоминать

о Родине, скрашивала их нелегкую жизнь, давала надежду на будущее.

**ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ
АНТОКОЛЬСКИЙ**

Антокольский, Павел Григорьевич (1896-1978) – русский поэт. Поэмы «Коммуна 71 года» (1933), «Сын» (1943), «В переулке за Арбатом» (1954), сборники стихов «Мастерская» (1958), «Время» (1973),

книга

«О

Пушкине»

(1960)

отличаются стремлением к историко-культурным обобщениям. Переводы.

Государственная премия СССР (1946).

«Как несло меня пять лет и гнуло, / Как мне холодом ломило скулы, / Как ходил я в цирках колесом, / А потом одной хрычовке старой / В табакерки рассыпал табак, / Пел фальцетом хриплым под гитару, / Продавал афиши темным лужам / И колбасникам багроворожим / Поставлял удушенных собак», – читаем мы в стихотворении «Санкюлот» Павла Антокольского.

Жизнь бедняка с парижских окраин описана поэтом с безжалостной правдой реалиста, так что пение под гитару, пожалуй, – это самое светлое воспоминание человека-изгоя, пришедшего со своими бедами в Якобинский клуб.

ГЕОРГИЙ ИВАНОВИЧ ШИЛИН

Шилин, Георгий Иванович (1896-1941) – русский писатель. В

1929 году вышла в свет книга его рассказов об Азербайджане «**Страшная Арват**», в **1930** году появилась книга «**Главный инженер**» (содержавшая три повести: «**Главный инженер**», «**Камо**» и «**Поединок**»), в **1934** году был издан роман о Советской Карелии «**Ревонтулет**». Первая книга романа «**Прокаженные**» написана в **1930** году.

Роман «**Прокаженные**» Георгия Шилина посвящен будням лепрозория, где, несмотря на тяжелую болезнь, тоже кипит жизнь.

«И тогда на сцену выступил Петр Плисов. Во всем лепрозории он был единственный человек, имевший музыкальный инструмент. У него была гитара, на которой он обычно играл, сидя на скамеечке около своего барака. Проказа искалечила его руки. Пальцы на правой руке были у него настолько изуродованы, что казались не пальцами, а птичьими когтями. На двух из них остались еще ногти, и вот этими ногтями он играл на своей гитаре. Плисов играл хорошо. Он ловко приспособился к своему инструменту и мог наигрывать любые мотивы. Он казался настоящим мастером. В тот день Плисов обратился к артистке с предложением аккомпанировать ей. Она удивилась и тотчас же выразила согласие. Таким образом, вечером второго дня она пела под аккомпанемент

Плисова и удивлялась его искусству. На этот раз вечер оказался еще оживленнее. Гитара внесла много жизни, а песни артистки казались еще более трогательными».

Первый концерт заезжей певицы удался, и тогда врачи стали подумывать о художественной самодеятельности.

«До сего времени никому и в голову не приходило организовывать концерты собственными силами. Никто из обитателей здорового двора никогда не интересовался вопросом – есть ли среди больных люди с музыкальными способностями. Знали, что некоторые тренькают на балалайках и гитарах, кто-то поет, но никто никогда не задумывался над возможностью соединения этих балалаек и гитар в единый оркестр».

Постепенно замысел стал реализовываться.

«Уже в начале дня выяснилась программа вечера. Силами любителей, частью с больного, частью со здорового дворов, ставился веселый одноактный водевиль. Репетировали этот водевиль недели две. Во второй части вечера «оркестр народных инструментов», состоящий из трех гитар, четырех балалаек и двух мандолин, под управлением страстного мандолиниста Ромки Козлова – недавно поступившего в лепрозорий парня лет двадцати трех – и при аккомпанементе Пети Калашникова, должен был исполнить ряд вещей, намеченных заранее».

Затея удалась! Больные с восторгом смотрели спектакль и слушали любительский оркестр. Звуки гитары помогали лю-

ням забыться и поверить, что беды не вечны и есть в жизни настоящее счастье.

**ФРЭНСИС СКОТТ
ФИЦДЖЕРАЛЬД**

Фицджеральд, Фрэнсис

Скотт

(1896-1940)

– американский

писатель.

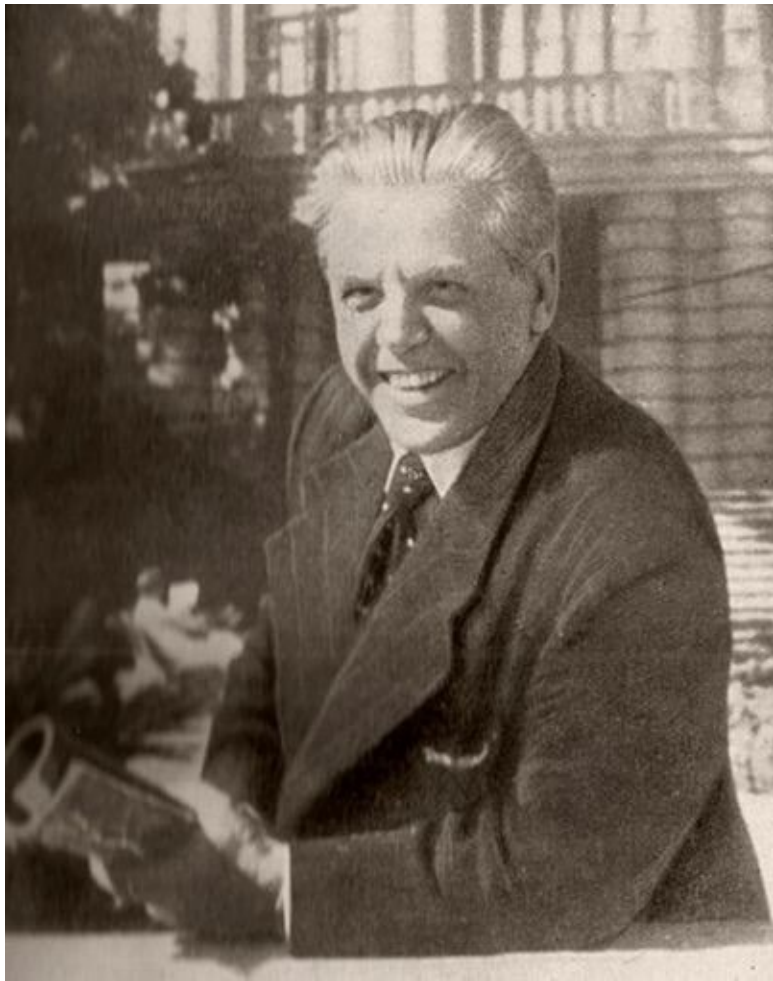
Психологический

**роман «Великий Гэтсби» (1925) развенчивает «американскую мечту» – идею социального пр
успевания. Роман «Ночь нежна» (1934) – о таланте, загубленном богатством и богемой. Неоконченный социально-политический роман «Последний магнат» – о Голливуде, «фабрике грез». Новеллы, автобиографическая проза.**

Фрэнсис Скотт Фицджеральд – один из немногих заокеанских классиков, кому не чужда тонкая лирика и чувство меры. Он не терпит пошлости и разнузданного хамства, и даже гитара, когда он вспоминает об этом инструменте, у него не «бренчит» и не «тренькает», как частенько выражаются его коллеги по перу. Примечателен отрывок из романа «Ночь нежна»: «Разговор был продолжен в «Ульпии», заставленном винными бочками погребке, под звон и стон гитары, на которой молодой музыкант мастерски исполнял «Suona fanfara mia» («Звучи, моя фанфара» (итал.)).»

Конечно, место действия – распивочная, а не концертный зал, но всё же и здесь звучит хорошая музыка, услаждающая слух взыскательных посетителей.

**ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ФЁДОРОВ**

Фёдоров, Евгений Александрович (1897-1961) – рус-

ский писатель. История Урала в романах и повестях (трилогия «Каменный пояс», 1940-1953). Рассказы, очерки.

В русской литературе сложились определенные стереотипы. К примеру, когда вспоминают о цыганах, обязательно появляется гитара, а уж если выходит певица, она непременно зовется Грушей. Евгений Фёдоров в романе «Каменный пояс» из времен царствования Екатерины Великой тоже поддался соблазну последовать трафарету: «В кабинет неслышно вошла молоденькая и тоненькая, как гибкий стебелек, цыганка. Большие жгучие глаза ее сверкнули синеватым отливом, когда она быстро взглянула на гостей. Демидов очарованно смотрел на девушку... Склонив головку, тонкими пальцами она стала быстро перебирать струны гитары. Робкий нежный звук легким дыханием пронесся по комнате и замер. С минуту длилось молчание, и вдруг девушка вся встрепенулась, взглянула на Свистунова и обожгла его искрометным взглядом.

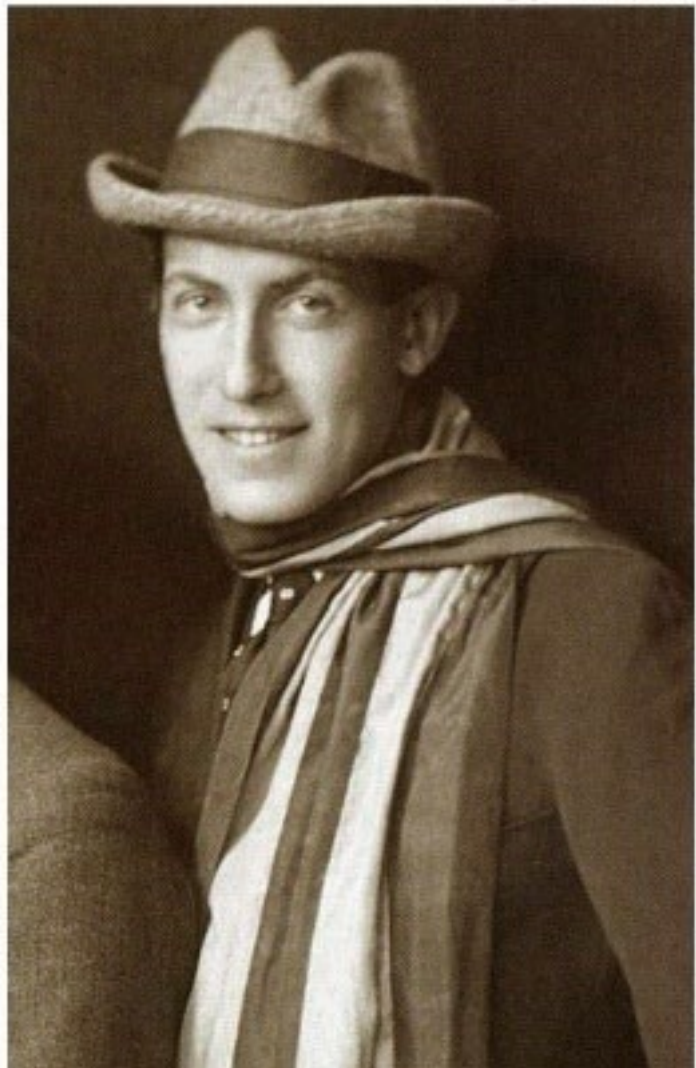
– Грушенька, спой нам! – ласково попросил он. Неугомонный гвардейский офицер стал неузнаваем: притих, размяк...

Сверкающие глаза смуглых цыганок, полуобнаженные тела, трепетавшие в сладкой истоме под лихие звуки гитар, пляски удалых цыган захватили Демидова».

Описание песен, танцев, игры на гитаре преподнесено хорошо, да вот беда: этот текст вторичен. Подобные сценки, как помнит читатель, были у Льва Толстого, Николая Леско-

ва, да и у многих других литераторов.

**АНАТОЛИЙ БОРИСОВИЧ
МАРИЕНГОФ**

Мариенгоф, Анатолий Борисович (1897-1962) – русский писатель. Примыкал к литературной группе имажинистов. В поэзии, отмеченной экспериментированием, – темы города, эротические мотивы (сборники «Витрина сердца», 1918, «Стихами чванствую», 1921, «Разочарование», 1922, «Стихи и поэмы 1922-1926»). В автобиографическом «Романе без вранья» (1927) описал артистическую богемную жизнь, которую вел со своим другом, поэтом С.А. Есениным. Романы «Циники» (1928), «Бритый человек» (1929), пьесы.

Анатолий Мариенгоф, писатель весьма незаурядный, хотя и непризнанный при жизни, отличался склонностью к емким и образным метафорам. Обратимся к роману «Циники»: «Где-то неподалеку пронесся лихач. Под копытами горячего коня прозвенела мостовая. Словно он пронесся не по земле, а по цыганской перевернутой гитаре».

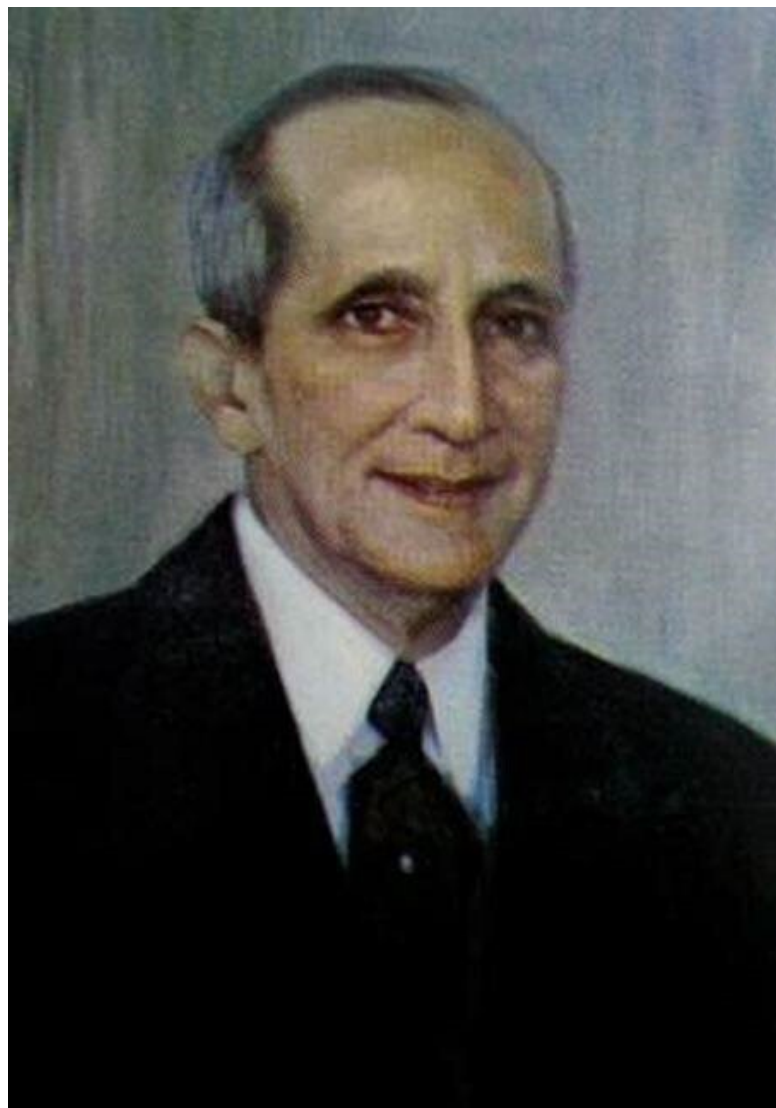
Сказано «весомо, грубо, зримо» (В.Маяковский). Правда, немного жаль инструмент, когда представляешь его на булыжной мостовой, под колесами извозчичьей пролетки.

Анатолий Мариенгоф очень любил одного своего знакомого, полуцыгана Сергея Сорокина, который бесподобно играл на гитаре и пел старинные романсы. Он посвятил ему такие строки: «Я люблю гитару Вашу, / У нее душа большая. / Ни о чем меня не спрашивает, / Только очень утешает. / Дождик, дождик в Ленинграде. / Не купить ли с горя

зонтик?.. / – Друг Сорокин, дружбы ради, / Сердце песней
урезоньте!..» (Стихотворение «Это вам, потомки»)

Как и всякий тонко чувствующий поэт, Мариенгоф обо-
жал хорошую гитарную музыку.

АНДРЕС БЛАНКО

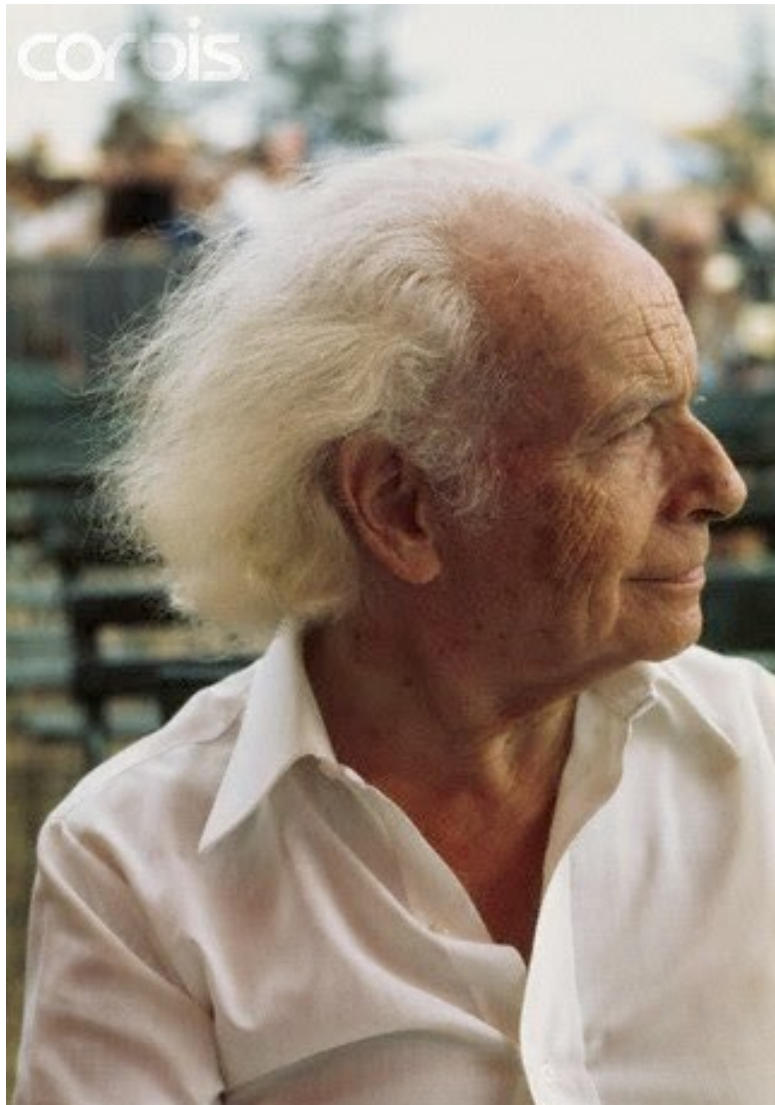
Бланко, Андрес Элой (1897-1955) – венесуэльский поэт, адвокат, политический деятель. Сборники «Время стрижки деревьев» (1928), «Каменный корабль» (1937) и другие.

В стихотворении «Кандалы» Андрес Элой Бланко описывает тюремную камеру, в которой один из заключенных мечтает о свободе. А за окном «солдаты заводят песню, / и песня над вышками реет. / Отправившись вслед за песней, / я бы, пожалуй, мог / выпить улицы добрый глоток / или добрый глоток прогулки / под звездами / вместе с любимой / у реки или где-нибудь в роще, / набитой гитарными вздохами. / С песней я мог бы, пожалуй, / коротать одинокие ночи».

Мечтая в тюремных застенках о свободе, счастливой жизни, политический заключенный не забывает вспомнить наряду с любимой женщиной гитару.

ЛУИ АРАГОН

coro is.

Арагон, Луи (1897-1982) – французский писатель. Один из основателей сюрреализма (стихи, роман «Парижский крестьянин», 1926). В 30-е годы разделял позиции социалистического реализма, преобразования в СССР осмысливал как подлинное воплощение социалистической идеи. Один из организаторов Движения Сопротивления (трагический лиризм в сборнике стихов «Нож в сердце», 1941). Исторический роман «Страстная неделя» (1958) – о пути художника к народу. В цикле романов «Реальный мир» (1934-1951, в том числе тенденциозный роман «Коммунисты», т.1-6, 1949-1951) – идейная эволюция интеллигентских кругов, видевших в рабочем классе восходящую силу нации. Эссеистские, искусствоведческие книги «Анри Матисс. Роман» (1971), «Театр-роман» (1974). Поэтические сборники («Глаза и память», 1954, поэма «Неоконченный роман», 1956). Лирические циклы стихов, посвященные Э. Триоле, жене поэта. Арагон – член ФКП с 1927 года, с 1954 года – член ЦК ФКП. Международная Ленинская премия (1957).

Луи Арагон создал трагический гимн гитаре, которая стала для него символом Голгофы – сурового испытания воли и духа. Гитара помогает поэту нести тяжкий крест жизни, вдохновляет в минуты сомнений, дарит надежду.

О гитара гитара в чьем горле упрятано сердце мое
Как собаке усталой мне осталось одно лишь выть
О гитара советуй люблю я но я не любим
Пусть умолкнут поэты перед плачем чуть слышным моим
На гитаре гитаре
О гитара гитара ночь делает лучшей чем ночь Кроме слез
нет нектара отброшу все прочее прочь
О гитара покоя гитара забвенья мечты
Сжал стакан ты рукою в тот час когда спать должен ты
Без гитары гитары
О гитара гитара ты одна лишь находишь пути
К песне грустной к искусству что крест помогает нести
О гитара голгофы без тебя мне не нужно гитар
Жгите все мои строфы и голос гитара я стар Гитара гитара
гитара

Стихотворение пессимистично внешне, но исполнено внутреннего оптимизма: пока жив поэт, он будет петь, его лирические стихи будут помогать людям обрести себя и понять смысл жизни. Не случайно оно посвящено великому чилийскому поэту Пабло Неруде и является лишь частью развернутой «Элегии в честь Пабло Неруды» (1966).

ИЛЬЯ ИЛЬФ И ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

Ильф, Илья

(Илья

Арнольдович

Файнзильберг, 1897-1937) и Петров, Евгений (Евге-

ний Петрович Катаев, 1902-1942, погиб на фронте)–русские писатели, соавторы. В романах «Двенадцать стульев» (1928) и «Золотой теленок» (1931) – похождения талантливого мошенника и авантюриста, показ сатирических типов и советских нравов 20-х годов. Фельетоны, книга «Одноэтажная Америка» (1936).

Персонаж «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова, бездарный литератор Шахов, напевает,

пребывая в хорошем настроении: «... Бейте в бубны, пусть звенят гитары...» Это строчка из романса некоего М. Нейда (Б.С. Борисова) на стихи столь же малоизвестного поэта

Г.М. Намлегина «Цыганка Зара», ставшего, так сказать, «хитом» сезона: брошюра с нотами и стихами была впервые издана в Ленинграде в 1927 году. В эпоху НЭПа гитара, объявленная пролеткультовцами безыдейным мещанским инструментом, еще продолжала звучать с эстрады и из граммофонных рупоров.

БЕРТОЛЬД БРЕХТ

Бrecht, Бертольд (1898-1956) – немецкий писатель, режиссер. В 1933-1947 годах – в эмиграции. В 1949 году основал театр «Берлинер ансамбль». В философско-сатирических пьесах на современные, исторические и мифологические сюжеты ставил остроактуальные проблемы. Ввел так называемый эффект отчуж-

дения – новый ракурс рассмотрения привычного, используя модернизированный аналог античного хора – песни-зонги, строя мизансцены по принципу кинокадра и т.п. Оказал влияние на театр XX века.

Бертольд Брехт не был профессиональным гитаристом, но этот шестиструнный инструмент сыграл существенную роль в жизни драматурга. Как он признавался, одним из его учителей был поэт Ведекинд, начинавший свой творческий путь в качестве уличного певца, певшего под гитару баллады.

Сам Брехт также отдал дань жанру баллады, причем «сочинял стихи одновременно с музыкой». Позже он писал псалмы, которые исполнял под гитару, и, наконец, стал создавать «безрифменные стихи с нерегулярным ритмом». Однажды он не без юмора признавался: «В университете я слушал лекции по медицине, а учился игре на гитаре».

Спектакли Брехта, как правило, были музыкальными. Например, в пьесе «Господин Пунтила и его слуга Матти» звучали «Баллада о лесничем и графине» на мелодию старинной шотландской баллады, «Песня о сливах» на народную мелодию и «Песня о Пунтиле» на музыку композитора Пауля Дессау. Во время перемены декораций исполнительница роли кухарки Лайны пела их в сопровождении аккордеониста и гитариста.

Так что роль гитары в становлении современного немецкого театра трудно переоценить.

ИВАН ИВАНОВИЧ СМИРНОВ

Смирнов, Иван Иванович (1898-1969) – бывший заключенный фашистских концлагерей, автор мемуарной книги «Бухенвальдский набат», которую начал пи-

сать в 1963 году.

О том, что даже в немецких концлагерях, за колючей проволокой, можно было изредка послушать гитару, мы узнаем из книги «Бухенвальдский набат» Ивана Смирнова. «У нас во флигеле «А» собралось человек двести, пришли поболтать из других блоков. Тут же Яша Никифоров. У него в руках раздобытая где-то с помощью немцев заключенных гитара. Он неторопливо щиплет струны, неторопливо вокруг него струится разговор. Все сегодня настроены лениво, вольно, отдыхают, никуда не спешат».

Свидетельству очевидца можно верить: даже в кромешном аду Бухенвальда чистый, печальный голос гитары согривал узников теплом надежды!

**ВЛАДИМИР
ВЛАДИМИРОВИЧ НАБОКОВ**

Набоков, Владимир Владимирович (1898-1977) – русский и англоязычный (с 1940) писатель. В 1919 году эмигрировал из России. Жил в Кембридже, Берлине (1922-1937), Париже. С 1940 года – в США, с 1960 года – в Швейцарии. С 1945 года – гражданин США. В рома-

нах «Защита Лужина» (1929-1930), «Дар» (1937), «Приглашение на казнь»

(антиутопия,
1935-1936),

«Пнин»

(1957) – безысходно-трагическая
коллизия

духовно

одаренного одиночки с тоскливо-примитивным «
среднечеловеческим» миром – «мещанской цивили-
зацией» или миром «пошлости», в котором
властвуют
мнимос

ти, иллюзии,
фикции.

Сенсационный бестселлер «Лолита» (1955) – опыт
соединения эротики и социальнокритического нраво-
описания, творимый рафинированным европейцем.
Лирика с мотивами ностальгии, мемуары («Память,
говори», 1966).

Персонажи романа Владимира Набокова «Дар» Году-
нов-Чердынцев и Кончеев беседуют о русской литературе:

«Вам никогда не приходило в голову, что лермонтовский
«знакомый труп» – это безумно смешно, ибо он собственно
хотел сказать «труп знакомого», – иначе ведь непонятно:
знакомство посмертное контекстом не оправдано».

«У меня все больше Тютчев последнее время ночует».

«Славный постоялец. А как вы насчет ямба Некрасова – нету на него позова?»

«Как же. Давайте-ка мне это рыданице в голосе: загородись двойною рамою, напрасно горниц не студи, простись с надеждою упрямою и на дорогу не гляди. Кажется, дактилическую рифму я сам ему выпел, от избытка чувств, – как есть особый растяжной перебор у гитаристов. Этого Фет лишен».

«Чувствую, что тайная слабость Фета – рассудочность и подчеркивание антитез – от вас не скрылась?»

В приведенном диалоге интересно парадоксальное сопоставление музыки и поэзии, рифмы и необычного приема игры на гитаре. Набоков, известный эстет, тонко чувствует неуловимое родство и взаимосвязь двух разных видов искусства.

Богач Комаров, персонаж романа «Пнин», сын донского казака, даже на чужбине, в эмиграции, оставался любителем застолья. «Он и Серафима – его крупная и веселая москвичка-жена, носившая тибетский талисман на свисавшей к вместительному мягкому животу длинной серебряной цепочке, – время от времени закатывали русские вечера с русскими hors d'oeuvres (закусками), гитарной музыкой и более или менее поддельными народными песнями, – предоставляя застенчивым аспирантам возможность изучать ритуалы «vodka-drinking» (питие водки) и иные замшелые национальные обряды...»

Примечательно: гитарная музыка на вечеринках воспринимается Набоковым как чисто русская традиция, не свойственная чопорным европейцам.

Одна из героинь романа «Подвиг» стояла особняком в дамской компании, чем и привлекла внимание гимназиста Мартына, только что покинувшего с матерью Россию. «Ей было двадцать пять лет, ее звали Аллой, она писала стихи, — три вещи, которые, казалось бы, не могут не сделать женщину пленительной. Ее любимыми поэтами были Поль Жеральди и Виктор Гофман; ее же собственные стихи, такие звучные, такие пряные, всегда обращались к мужчине на вы и сверкали красными, как кровь, рубинами... По ней томился один из великих князей; в продолжение месяца докучал ей телефонными звонками Распутин. И она иногда говорила, что ее жизнь только легкий дым папиросы Режи, надушенной амброй.

Всего этого Мартын совершенно не понял. Стихами ее он был несколько озадачен. Когда он сказал, что Константинополь вовсе не аметистовый, Алла возразила, что он лишен поэтического воображения, и, по приезде в Афины, подарила ему «Песни Билитис», дешевое издание, иллюстрированное фигурами голых подростков... Вместо всяких французских Билитис, петербургских белых, гитарных ночей, грешных сонетов в пять дактилических строф, он ухитрился найти в этой даме с трудноусваиваемым именем совсем другое, совсем другое».

Замечательная метафора «петербургские белые гитарные ночи» хорошо передает атмосферу, в какой жили до революции представители серебряного века русской словесности.

У Владимира Набокова был редкостный дар – умение нарисовать одной фразой портрет персонажа. Возьмем, скажем, такой фрагмент из романа «Подвиг»: «Другие Сонины знакомые, как, например, веселый зубастый Каллистратов, бывший офицер, теперь занимавшийся автомобильным извозом, или милая, белая, полногрудая Веретенникова, игравшая на гитаре и певшая звучным контральто «Есть на Волге утес», или молодой Иоголевичь, умный, ехидный, мало-разговорчивый юноша в роговых очках, читавший Пруста и Джойса, были куда проще Бубнова».

Эти герои невольно встают перед нами как живые: отставной поручик, близорукий студент и русская барышня со своей сердечной любимицей-гитарой.

Вчитываясь в одно из последних стихотворений Владимира Набокова, находим строки сладостной ностальгии: «Сорок три или четыре года / ты уже не вспоминалась мне: / вдруг, без повода, без перехода, / посетила ты меня во сне. / Мне, которому претит сегодня / каждая подробность жизни той, / самовольно вкрадчивая сводня / встречу приготовила с тобой. / Но хотя, опять возьась с гитарой, / ты опять «молодушкой была», / не терзать взялась ты мукой старой, / а лишь рассказать, что умерла». (Стихотворение «Сорок три или четыре года»)

Нельзя не заметить в этих строках мотивы, родственные поэзии Федерико Гарсиа Лорки, у которого гитара частенько навеивает мысли о смерти.

ЛОРКА ГАРСИА

COLOUR BY KLINGBOM

Гарсиа, Лорка Федерико (1898-1936) – испанский поэт. В лирике – фольклорно-мифологические мироощущения, мотивы величия и трагической обреченности любви, вечной нераздельности жизни и смерти (сборники «Цыганское романсеро», 1928, «Поэма о канте хондо», 1931), острота столкновения с мертвяще урбанистической цивилизацией (сборник «Поэт в НьюЙорке», опубликован в 1940). Героическая драма «Марианна Пинеда» (1925), трагедии «Кровавая свадьба» (1933), «Иерма» (1934), драма «Дом Бернарды Альбы» (1935, опубликована в 1945). Расстрелян фашистами.

Федерико Гарсиа Лорка, прекрасно владевший фортепиано,

вскоре влюбился в гитару и делал попытки освоить этот инструмент. В письме Мануэлю де Фалье, датированном 1922 годом, он с легкой иронией повествует о своих учебных муках: «Вы и представить себе не можете, как я вспоминаю Вас, когда беру гитару и пробую извлечь из нее (силой!) Ваше изумительное «Посвящение Дебюсси», но спотыкаюсь сразу на первых нотах».

Быть гением в разных областях искусства чрезвычайно трудно!

Тот, кто не поверял свои думы гитаре, не ощущал пальцами сопротивления ее режущих струн, тот не сможет так

вдохновенно писать об этом старинном благородном инструменте, как это делал Федерико Гарсиа Лорка. В его «Шесть каприччо» есть изящная миниатюра «Загадка гитары»: «Там, где круг / перекрестка, / шесть подруг / танцевали. / Три – из плоти, / три – из стали. / Давние сны их искали, / но обнимал их яро / золотой Полифем. / Гитара!»

Сложная система поэтических образов и метафор выражает такую мысль: шесть гитарных струн под пальцами фанатично преданного музыке артиста-виртуоза способны передать всю гамму человеческих эмоций.

Федерико Гарсиа Лорка почти во всех стихотворениях, в которых описывает свои звуковые аллюзии, употребляет сравнение с тем или иным музыкальным инструментом, причем в подавляющем большинстве случаев он отдает предпочтение гитаре. В «Романсе с размытым текстом» поначалу вступают ударные: «На дно затоки / уплыли строки. / А по затоке / плывет, играя, / луна – / и с высот небесных / завидует ей вторая. / Мальчик / с песчаной стрелки / смотрит на них и просит: / – Полночь, ударь в тарелки!» «... Вот незнакомый город / видит вдали дон Педро. / Весь золотой тот город, / справа и слева кедры. / Не Вифлеем ли? Веет / мятой и розмарином. / Тает туман на кровлях. / И к воротам старинным / цокает конь по плитам, / гулким, как тамбурины». А затем, как и следовало ожидать, в воображении поэта возникает любимая им гитара. «Под водою / строки плывут чередою. / Гребень воды качает / россыпи звезд и чаек. / Сна не

тревожит ветер / гулом гитарной деки. / Только тростник и помнит / то, что уносят реки».

В «Элегии», описывающей женщину, которая не знала любви и материнства, находим горестные строфы: «Нетронутый лотос, ничьи поцелуи / во мгле этих пламенных бедер не канут, / и темные волосы перебирать, / как струны, ничьи уже пальцы не станут. / О таинство женственности, словно поле, / ты ветер поишь ароматом нектара, / Венера, покрытая шалью манильской, / вкусившая терпкость вина и гитары».

«Вкусовая» характеристика музыкального инструмента поражает своей неожиданной точностью!

Гитара в творчестве Федерико Гарсиа Лорки обычно соединяется с грустью, тоской, даже со скорбью. Возьмем стихотворение «Квартал Кордовы» из цикла «Три города»: «Ночь как вода в запруде. / За четырьмя стенами / от звезд схоронились люди. / У девушки мертвой, / девушки в белом платье, / алая роза зарылась / в темные пряди. / Плачут за окнами / три соловьиных пары. / И вторит мужскому вздоху / открытая грудь гитары».

Вероятно, поэта не особенно впечатляли жизнерадостные, зажигательные мелодии, которые тоже можно извлечь из этого универсального инструмента.

Стихотворение «Смерть петенеры» окрашено в мрачные, безысходные тона. «В белом домике скоро отмучится / петенера, цыганка-разлучница... / Колеблется, догорая, / свеча в ее пальцах нетвердых, / юбка ее из муара / дрожит на

бронзовых бедрах... / Острые черные тени / тянутся к горизонту. / И рвутся гитарные струны / и стонут. / Кони мотают мордами. / Всадники мертвые».

Испанский поэт нарисовал жутковатую, но поэтически выразительную картину расставания человека с жизнью, хотя сама-то «петенера», которую он сравнил со старухойцыганкой, – это не что иное, как народный андалусский напев.

В стихотворении «Вопль» Лорка развивает тему, опять-таки употребив сравнение с гитарой: «Дорогой, обрамленной плачем, / шагает смерть / в венке увядшем. / Она шагает / с песней старой, / она поет, поет, / как белая гитара. / Над желтой башней / тает / звон. / Из пыли / бриз мастерит серебряные кили».

Похоже, что Лорка предчувствовал свою трагическую кончину, если его даже в разгар веселья не покидали скорбные мысли.

А в поэтической миниатюре «Memento» он даже отдает распоряжения на случай своего безвременного конца: «Когда я мир покину, / с гитарой схороните / мой прах в песках равнины. / Когда я мир покину / среди росистой мяты, / у рощи апельсинной. / Пусть мое сердце станет

/ флюгаркой на ветру, / когда я мир покину. / Когда умру...»

В «Маленькой восковой поэме» Гарсиа Лорка вновь обращается к теме смерти, и опять возникает образ гитары: «Я видел, как два колоска воскового цвета, / мертвые, хорони-

ли гряде вулканов, / и видел, как два обезумевшие ребенка / отталкивали, рыдая, зрачки убийцы. / И я знаю, что два – не число и числом не станет, / это только тоска вдвоем со своею тенью, / это только гитара, где любовь хоронит надежду, / это две бесконечности, недоступные / друг для друга».

В нашем воображении возникает неразрывная поэтическая цепочка: Жизнь – Гитара – Смерть.

Вспоминается также короткое стихотворение «Шесть струн»: «Гитара, / и во сне твои слезы слышу. / Рыданье души усталой, / души погибшей / из круглого рта твоего вылетает, / гитара. / Тарантул плетет проворно / звезду судьбы обреченной, / подстерегая вздохи и стоны, / плывущие тайно в твоём водоеме / черном».

Поразительно, какую гамму чувств может выразить этот инструмент, и как верно умел испанский поэт передать словами магию звуков гитары! Гарсиа Лорка прекрасно понимал ее душу. Нельзя не восхищаться, когда, например, читаешь такие замечательные строки о ней:

«...Эти шесть струн, упорные жилы поэзии... созданы для страсти».

Емко и абсолютно точно сказано!

Перу Федерико Гарсиа Лорки принадлежит исключительный по красоте и поэтичности гимн гитаре:

Начинается плач гитары. Разбивается чаша утра.

Начинается плач гитары.

О, не жди от нее молчанья!

Неустанно гитара плачет.

Как вода по каналам – плачет, Как ветра над снегами – плачет, Не моли ее о молчаньи!

Так плачет закат о рассвете,

Так плачет стрела без цели, Так песок раскаленный плачет.

О прохладной красе камелий. Так прощается с жизнью птица под угрозой земного жала. О, гитара, бедная жертва пяти кровожадных кинжалов!

Стихотворение «Гитара» переведено на русский язык Мариной Цветаевой. Два гения сплели ей царственно прекрасный венок из поэтических роз.

Федерико Гарсиа Лорка, побывав в 1920 году на концерте старинной музыки одного молодого гитариста, написал в газетной рецензии: «Подобно Льобету и Сеговии, он тоже странствующий рыцарь, который с гитарой за спиной бродит из края в край, впитывая в себя пейзажи тех мест, где звучит старинная музыка. Это Сайнс де ла Маса, человек, исполненный прежде всего волнения и меланхолии... Грусть и радость Диего де Нарваес-и-Мударра и скрытая печаль такого тонкого артиста, как Луис Милан (Мирафлор), были услышаны снова в XX веке в Испании благодаря выдающемуся музыканту с нежностью разыскивавшему в библиотеках пожелтевшие страницы и удостоившему особой чести бедную

оклеветанную гитару».

Усилиями таких мастеров, как Сайнс де ла Маса и Андрес Сеговия «оклеветанная» гитара была вновь поднята на должную высоту.

Мы очень мало знаем музыку эпохи Возрождения, и когда тот или иной артист на концертах исполняет старинные мелодии, восхищаемся и немеем. Нам, суетливым слушателям, до тошноты перекормленным современными «попсовыми» ритмами, отраднo погрузиться в мир иного, давнего искусства.

Подобное ощущение испытал Федерико Гарсиа Лорка, когда писал о выступлениях молодого гитариста Сайнса де ла Масы: «Он смыл пыль времени с лирической заставки шестнадцатого века, и предстали не кованые шлемы, тяжелые мечи и крепостные рвы, но глубокие глаза и нежная улыбка. Сквозь вековой туман проступила вечная нить любви, оплетающая наперекор иронии и наши сердца».

Испанские виуэлисты XVI века представляли собой мощный отряд деятелей Реконквисты и Возрождения. Жаль, что их творения так быстро забылись. Поэтому нельзя не оценить свидетельство Гарсиа Лорки, большого поэта и ярого поклонника гитары: «Угловатые и страстные мелодии, кованные народом, в руках придворных музыкантов обрели благородную нежность».

Воздействие испанской гитарной музыки на русских композиторов XIX века несомненно. Достаточно послушать

«Воспоминания о летней ночи в Мадриде» Михаила Глинки, «Испанское каприччио» Римского-Корсакова. Отмечая данный феномен, Федерико Гарсиа Лорка с гордостью писал: «Так угрюмый восточный колорит и тоскливые модуляции наших песен отозвались в далекой Москве, и печаль Велы вплелась в таинственный перезвон кремлевских колоколов».

Русский народ всей душой полюбил гитару. Она неотделима от образа геолога, туриста и вообще любого путешественника. Легкий, универсальный инструмент не обременяет путника своей тяжестью, зато верно служит вечерами у таежного костра. И это, заметьте, не только у нас. Достаточно вспомнить немецкого писателя и драматурга Ведекинда, который в молодости странствовал с гитарой по Швейцарии, исполняя под ее аккомпанемент народные песни.

Федерико Гарсиа Лорка в одной из своих лекций так охарактеризовал энтузиаста: «Чудный странник Франц Ведекинд, пожелавший узнать, как устроен шар земной, – не зря немецкие бюргеры пришли в транс от его дерзких прелестных песен».

Гарсиа Лорка трепетно и нежно относился к гитаре, видя в ней концертный, а не обывательский инструмент. «Невозможно, чтобы нить, объединяющая нас с загадочным Востоком, оказалась привязанной к грифу гитары, которую держат руки забулдыги; невозможно, чтобы самая драгоценная часть наших песен оказалась запятнанной мутным вином профессионального эстрадника».

Это поклонение испанского поэта гитаре по своей святости сравнимо с поклонением Деве Марии!

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК

Ремарк, Эрих Мария (1898-1970) – немецкий писа-

тель. Антифашизм и социальная критика с гуманистических позиций, стремление «потерянного поколения» найти опору в дружбе, фронтовом товариществе или любви запечатлены в романах «На Западном фронте без перемен» (1929), «Три товарища» (1938), «Триумфальная арка» (1946), «Время жить и время умирать» (1954).

В «Трех товарищах» Ремарка описывается комичное вокальное состязание загулявших обывателей с хором Армии спасения: «Этот поединок был форменной потехой. Армии спасения было известно, что кладбищенские скамьи служат прибежищем для любовных пар. Только здесь они могли уединиться и скрыться от городского шума. Поэтому богобоязненные «армейки», задумав нанести по кладбищу решающий удар, устроили воскресную облаву во имя спасения душ. Необученные голоса набожно, старательно и громко гнусавили слова песни. Резко брэнчали в такт гитары». В знак протеста быстро организовался «контрхор», и из-за кустов громко зазвучала старинная похабная песня «В Гамбурге я побывал, мир цветущий повидал». Посрамленные старые девы не выдержали натиска грешников и отступили.

Кому неизвестно, что гитары вполне могут быть оружием в идеологических спорах!

Эрих Мария Ремарк в романе «Три товарища», книге интересной, хотя вряд ли достоверной с точки зрения фактов, рисует трафаретный портрет эмигранта-белогвардейца:

«Комнату рядом... занимал ротмистр граф Орлов... кельнер, статист на киностудии, «жиголо» с поседевшими висками. Великолепный гитарист. Ежевечерне он молился Казанской богородице, испрашивая у нее должность администратора в каком-нибудь отеле средней руки. Напившись, пускал слезу».

Для полноты «русского колорита» недостает разве что самовара, изъеденной молью бобровой шубы и балалайки. Впрочем, незамысловатая роль последней отведена более благородному струнному инструменту. Как-никак перед нами «их сиятельство»!

Тем не менее, писатель далек от упрощенного понимания гитары. Роман заканчивается поразительной по накалу чувств сценой: «На коленях молодой испанки лежала гитара. Девушка взяла несколько аккордов. Потом запела, и мне показалось, что в полумраке вдруг откуда-то появилась и парит неведомая темная птица. Рита пела испанские песни, пела негромко, чуть хрипловатым и ломким, больным голосом. И я не мог понять – то ли из-за этих непривычных и грустных напевов, то ли из-за берущего за душу и какого-то вечернего голоса девушки, то ли из-за теней, отбрасываемых больными, сидевшими в креслах или прямо на полу... – не знаю отчего, но вдруг мне показалось, что все происходящее – не более чем слезное и тихое заклинание судьбы, притаившейся там, за занавешенными окнами, не более чем мольба, крик и страх, боязнь остаться наедине с неслышно подтачивающим

тебя небытием...»

Тему смерти, как частенько в стихах Федерико Гарсиа Лорки, выражает все та же печальная, скорбящая гитара.

Описывая путь домой одной из фронтовых частей после заключения перемирия в 1918 году, Ремарк в романе «Возвращение» замечает: «Вечером мир всегда прекрасней. Не в окопах, правда, а в мирной жизни. Сегодня днем мы входили в эту деревню разозленные, теперь мы оживаем. Маленький оркестр в углу быстро пополняется нашими ребятами. Среди нас есть не только пианисты и виртуозы игры на губной гармонике, но даже один настоящий музыкант, баварец, играющий на басовой гитаре. К ним присоединяется Вилли Хомайер, соорудивший себе какую-то дьявольскую скрипку. Кроме того, он вооружился крышками от бельевых баков и блестяще заменяет ими литавры, тарелки и треугольники».

Знаменательно, что именно музыка воодушевляет солдат, отупевших от окопной жизни, и гитара в руках профессионала творит чудеса!

На страницах романа «Возлюби ближнего своего» Ремарк показывает жизнь небольшой группы людей, нашедших себе приют в старом вагоне на запасных путях. Как умеют, они обустроиваются на новом месте. После скудного ужина настает час отдыха.

«— Спой что-нибудь, Лила, — сказал Штайнер.

Она кивнула и сняла со стены гитару. Она запела, и ее голос — хриплый, когда она говорила, — стал чистым и глубоко-

ким. Она сидела в полутьме. Ее лицо, обычно неподвижное, оживилось, а глаза загорелись диким, тоскливым блеском. Она пела русские песни и старые колыбельные песни цыган. Через некоторое время она замолчала и взглянула на Штайнера. Свет отражался в ее глазах.

—

Спой еще, — попросил Штайнер. Она кивнула и взяла на гитаре несколько аккордов. Затем начала напевать простые, незатейливые мелодии, из которых порой вылетали слова, словно птицы из темноты далеких степей; песни странствий и минутного отдыха в шатрах, — и всем показалось, что в беспокойном свете лампионов и вагон превратился в шатер, который они разбили на ночь, а завтра им предстоит двинуться дальше, дальше...»

Тихая песня и задумчивые аккорды гитары создают иллюзию благополучия и уюта, в чем так нуждаются скитальцы.

Один из героев романа «Черный обелиск», ваятель по профессии, слыл человеком непрактичным и мечтательным. «Я начинаю тоскливо посвистывать и лениво направляюсь к сараю, в котором работает скульптор Курт Бах.

Он сидит со своей гитарой на ступеньках крыльца. За его спиной поблескивает лев из песчаника, Курт его делает для памятника павшим воинам. Это вечно та же умирающая кошка, у которой болят зубы.

—

Курт, — спрашиваю я, — если бы тебе обещали, что твое

желание исполнится немедленно, чего бы ты пожелал?

—

Тысячу долларов, — отвечает он не задумываясь и берет на гитаре дребезжащий аккорд.

—

Фу, черт! А я-то воображал, что ты идеалист.

—

Я и есть идеалист. Поэтому и желаю иметь тысячу долларов. А идеализма мне желать нечего. Его у меня хоть отбавляй. Чего мне не хватает — так это денег».

Бах, доморощенный философ, доволен своей жизнью. Любимой работы и звенящей гитары ему вполне достаточно для счастья, и даже безденежье тому не помеха.

ЙОЗЕФ ТОМАН

Томан, Йозеф (1899-1977) – чешский писатель. Ав-

тор романов «Сократ», «Медвежий угол», «Дон Жуан» (1944). Повествование о жизни графа Мигеля де Маньяра, прозванного севильским людом «доном Жуаном», позволяет автору рассказать об Испании XVII века и выразить свое отношение к современности. В момент появления роман прозвучал протестом против фашистского «нового порядка», захватнических войн и мракобесия.

Место действия «Дон Жуана» Йозефа Томана – Испания, и в романе десятки раз упоминается гитара. Трудно удержаться от соблазна, чтобы не привести несколько цитат, тем более, что язык чешского автора колоритный, сочный, метафорический.

Перед нами раскрывается панорама Севильи.

«Отовсюду – звуки. Шум и крик базара и пристани, вопли нищих, свистки парусников на реке, гул колоколов, ослиный рев, цокот копыт, брэнчанье гитар, пение воды в фонтанах...» Уличное представление.

«Но уже застучали каблочки, защелкали кастаньеты, подхватили гитары – цыганка пляшет неистово, юбки взлетают, открывая худые икры. Смуглая кожа ее ног окрашивается красноватым оттенком от пламени свечей, тонкие руки извиваются змеями».

Веселье, чем-то напоминающее пресловутые афинские ночи.

«Гитары гремят, девушки щебечут, красные портьеры

пропускают парочки в кельи любви, роскошный вертеп горит смоляным факелом, взрывы страстей заливают виноградная кровь земли, поддавая горючего в пламя».

Незамысловатое народное празднество.

«Звон бокалов, запах жареного, бречанье гитар, звуки пастушьих рожков, пение, бубны, струйка вина, текущая из бурдюка прямо в горло, шум, крик, ликование...» Лирический пейзаж на исходе дня.

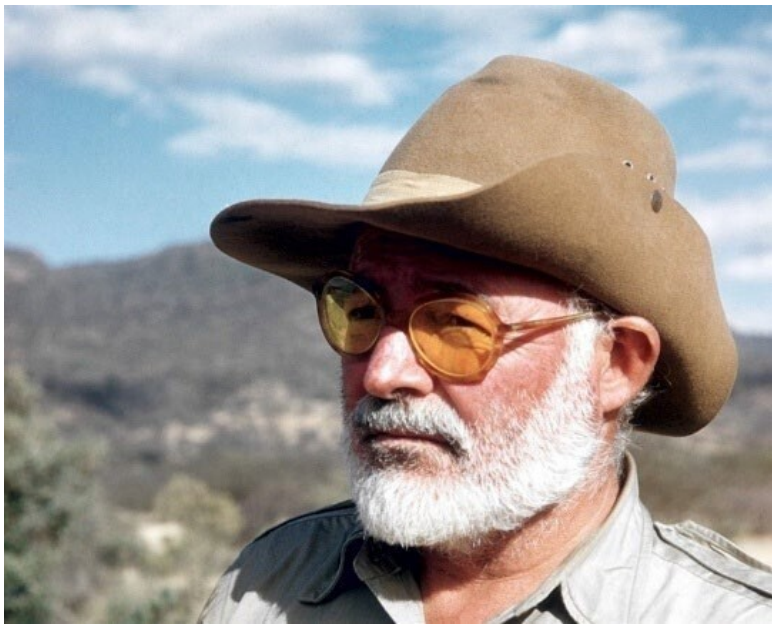
«Вечер. Мигель открыл окно – и разом песня гитары ворвалась во всей своей силе, хрупкими аккордами заплясала вокруг. На улице, затопленной лунным сиянием, под стеною дома напротив, маячит тень певца:

О, прелестное созданье, От кого мне ждать наград
За любовь, за все страданья?

Не от вас ли, Соледад?»

Каждый фрагмент мозаики наблюдений складывается в цельную панораму, рисующую жизнь Испании с удивительной правдивостью, и гитаре в ней отведена не последняя роль.

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

Хемингуэй, Эрнест Миллер (1899-1961) – американский писатель. В романах «Фиеста» (1926), «Прощай, оружие!» (1929) – умонастроения «потерянного поколения». В романе «По ком звонит колокол» (1940)

гражданская война в Испании (1936-1939) предстает национальной и общечеловеческой трагедией, обусловленной цепной реакцией насилия. Прозу отличают внешняя простота, строгая объективность, сдержанный лиризм, содержательный подтекст, скрыто-напряженный диалог. Нобелевская премия (1954).

Роман Эрнеста Хемингуэя «По ком звонит колокол» повествует о гражданской войне в Испании. Поэтому не удивительно, что гитара появляется на страницах книги. Перед нами описание одной из стоянок диверсионной группы Роберта Джордана. «Из пещеры донеслось пение цыгана и мягкие переборы гитары. «Наследство мне оставил отец», – вывел нарочито гортанный голос, немного задержался на высокой ноте и продолжал: «Месяц, звезды и

солнечный свет, никак его не истрочу я, скитаюсь уж сколько лет!»

Гитара забренчала быстрыми аккордами в знак одобрения певцу.

–

Хорошо поешь, – услышал Роберт Джордан чей-то голос. – Теперь каталонскую, цыган.

–

Не хочу.

–

Давай. Давай. Каталонскую.

–

Ну, ладно, – сказал цыган и затянул уныло: «Черна моя кожа, приплюснут нос, но я человек все же».

–

Ole! – крикнул кто-то. – Давай, давай, цыган!

Голос певца окреп и зазвучал печально и насмешливо: «Я негром, а не каталонцем рожден, за это хвала тебе, боже».

–

Ну, расшумелись, – сказал голос Пабло. – Уймись, цыган!

–

Да, – подхватил голос женщины. – Глотка у тебя здоровая. Таким пением ты всех окрестных *guardia civil* соберешь, а слушать все-таки противно.

–

Я еще песенку знаю, – сказал цыган, и гитара начала вступление.

–

Держи ее при себе, – ответила ему женщина.

Гитара смолкла».

Вопреки всем правилам партизанской тактики, требующей скрытности и тишины, этот инструмент все-таки приглушенно звучит на привале. Такова, видимо, душа испанца, беззаветно любящего музыку.

ХОРХЕ БОРХЕС

Борхес, Хорхе Луис (1899-1986) – аргентинский писатель. В 1920-е годы – один из основателей авангардизма в испано-американской поэзии, поставангардист, мастер рассказа. Сборники стихов «Творец» (1960), «Другой, все тот же» (1969), «Тайнопись» (1981).

Фантастические, психологические, приключенческие, детективные и сатир

ические новеллы,

прозаические

миниатюры, насыщенные

интеллектуальной

метафоричностью.

Сборники «Вымыслы» (1994), «Алеф» (1949) и другие.

Хорхе Луис Борхес в эссе из книги «Делатель» проводит тонкую психологическую грань между своим истинным «Я» и тем образом литератора, который прочно утвердился в общественном мнении. Ему кажется, что это разные люди – писатель-небожитель, удивляющий игрой ума и фантазии, и обычный земной человек, не чуждый страстей, пороков и недостатков. Он пишет о себе то в первом, то в третьем лице: «Мне суждено остаться Борхесом, а не мной (если я вообще

есть), но я куда реже узнаю себя в его книгах, чем во многих других или в самозабвенных переборах гитары».

Парадокс: Борхес-человек считает, что его внутренний мир легче выразить не словами, а музыкой, причем не симфонической или фортепианной, а гитарной!

Читая эссе Борхеса, можно прийти к неожиданному выводу: гитара не пользовалась особым почтением в Аргентине. Судите сами: «На кухне была гитара; до событий, о которых идет речь, пеоны частенько рассаживались здесь кружком, кто-нибудь настраивал инструмент, но никогда не играл. Это называлось «посидеть за гитарой».

Или такой пассаж: «Мой кузен Гильермо Хуан, обучавшийся в Морском училище РиоСантьяго, пришел к Маседонио в гости, и тот предположил, что в заведении, где столько провинциалов, много играют на гитаре. Мой кузен ответил, что живет там уже несколько месяцев, но не знает никого, кто умел бы играть; Маседонио выслушал его возражение, как выслушивают согласие, и сказал мне тоном человека, дополняющего одно утверждение другим: «Вот видишь, крупный центр игры на гитаре».

Расхожее мнение, что Латинская Америка населена исключительно смелыми гаучо, одетыми в пончо и сомбреро, с гитарой на перевязи, не подтверждается. Гитару здесь любят, однако умение хорошо играть на ней – удел избранных.

МИГЕЛЬ АСТУРИАС

Астуриас, Мигель Анхель (1899-1974) – гватемальский писатель, общественный деятель, дипломат. Антииракский роман «Сеньор Президент» (1946), трилогия о судьбах народа Гватемалы XX века, проникнутая освободительными идеями («Ураган», 1950, «Зеленый папа», 1954, «Глаза погребенных», 1960), роман «Страстная пятница» (1972), стихи, рассказы. Международная Ленинская премия (1966), Нобелевская премия (1967).

Роман «Ураган» – первая часть «Банановой трилогии» Астуриаса, увидевшая свет в 1950 году. Конечно же, гитара появляется на ее страницах многократно, ведь трудно представить себе латиноамериканский быт без этого замечательного инструмента.

Эпизод первый:

«Косматый протянул Лино гитару.

– Гитара, – сказал он ему на ухо, – похожа формой на твою зазнобу, только хвост у нее вверху.

И Лино Лусеро, прежде чем заиграть, щупал и гладил гитару, водил пальцами по струнам, и дрожь струн передавалась ему».

Как видим, сравнение гитары с девушкой понравилось гитаристу.

Эпизод второй:

«Мид не ответил. Его сирена звалась Сокоррито Крус – с

телом упругим, как струна гитары, и с пальцами, пахнущими сандалом. Воспоминание о ней мешало ему говорить».

И здесь думы о любимой навевают ассоциации с гитарой. Эпизод третий:

«Все окружали лунатика и просили спеть «Кто-кто». Побрячав на гитаре, Лусеро кивал головой, и все затягивали: «Кто-кто, кто-кто...» Лино делал им знак понизить голос, не переставая повторять: «Кто скачет, кто плачет, / кто пляшет на рельсах раскаленных? /

Железнодорожный рабочий! / Две рельсы, две рельсы, / две рельсы у моей гитары...» Простой люд не пренебрегал гитарой!

И, наконец, эпизод четвертый, в котором решается судьба мальчика:

«Мид объявил, что Лино должен переехать в столицу.

—

Как же он будет жить, когда там такая дороговизна... — после минуты молчания пробормотала донья Роселия...

—

Работу выберет себе по душе. Важно не забыть гитару и научиться играть, как настоящие музыканты.

Старик Лусеро, который уже приготовился заявить, что не отпустит сына, почувствовал себя польщенным. Отцовское тщеславие — самое сильное из всех возможных форм тщеславия. Донья Роселия застыла, уйдя в себя; она зажмурилась, чтобы не видеть даже мысленно гитару Лино — ведь в

ней запрятана сирена, а этот любезный господин хочет, чтобы Лино учился музыке».

Уважительное отношение к гитаре в среде простых людей впечатляет!

В романе «Зеленый папа» гитаре посвящено немало страниц, поскольку одни из главных персонажей, братья Самуэли, жить не могут без этого инструмента. Где бы они ни появились, начинается веселье.

Вот первый фрагмент:

«Потом братья принесли гитары, чтоб подогреть импровизированный праздник. Но перед этим глотнули водки еще разок... Соном зазвенели гитары, потом пасодоблем, потом вальсом... Необъятную тишь морского побережья давил свинцовый полдень; те, кто не участвовал в празднике – мексиканская водка поджигала голос за голосом, чаррангеада сменялась тонадой и соном, – те в этот час валились замертво в гамак, на койку или попросту на землю – где попрохладней».

В тексте есть несколько специальных терминов, так что без комментариев здесь не обойтись. Итак, сон – это название распространенных в сельской местности Гватемалы мелодии и танца. Чаррангеада – незамысловатое бренчанье на гитаре, состоящее из аккордов, тонада – исполнение мелодии на гитаре.

Далее следует описание еще одного деревенского гулянья: «Гитары братьев Самуэлей, маримба, принесенная из де-

ревни, и трубы бродячих циркачей-музыкантов гроыхали
вовсю, изгоняя тишину. С музыкантами пришли три канат-
ных плясуньи и два клоуна... Телеграфист Поло Камей до-
вольно долго танцевал с другой циркачкой. Он отбил ее у
одного из Самуэлей. Ей нравилась гитара, но мало-помалу,
с той легкостью, с какой женщины верят словам мужчины,
говорящего о любви, она очаровалась другими струнами, на-
тянутыми меж телеграфных столбов над землей, – они ведь
почти как гитарные».

Забавна женская логика, не правда ли?

Впрочем, гитара звучит и в столице:

«Государственные служащие ожидают с момента на мо-
мент сообщения: нерабочий день! Праздник!.. Наплевать,
что без жалования, зато день праздничный! Улицы уже за-
полнены народом, дома украшены национальными флагами,
в автомашинах и повозках – радостные люди, гирлянды, зна-
мена, гитары, бутылки; девочки и мальчики проходят с пе-
нием «Марсельезы»...»

Что верно, то верно: жизнелюбие и непосредственность
взрослых гватемальцев сродни беззаботному веселью детей,
и гитара – полноправный участник этого шумного столпо-
творения.

Завершает «Банановую трилогию» роман «Глаза погре-
бенных». Конечно же, и здесь гитара – полноправный персо-
наж, поскольку мы вновь встречаемся с известными нам по
«Зеленому папе» братьями Самуэлями.

Поначалу действующие лица романа беспечны:
«Праздник! Надо понять – настоящий праздник!

–

А вон тот умеет играть на окарине!

–

Дай-ка ему, дружище, пусть сыграет! Послушаем музыку, хватит болтовни!

Окарина, скрипка, гитаррилья, бандурриа и гитара появились в руках братьев Самуэлей.

–

Ну и натворили вы, право!

–

Натворили не натворили, а сотворили и растворились!»

К этому фрагменту вновь нужен комментарий. Окаринами в Гватемале называют самые разнообразные свистульки и флейты – традиционные музыкальные инструменты местных индейцев. Гитаррилья – маленькая четырехструнная гитара, бандурриа – разновидность небольшой гитары с двенадцатью струнами.

Читаем роман дальше. Эпизод за столом:

«– Чем больше пьешь, тем больше чувствуешь себя человеком. Правда ведь, Самуэлито? Ну и молчалив этот Самуэлито! Ударь-ка лучше по струнам гитары да спой... «Там идут, там идут, там идут / те, кто умрут, – / без любви, без любви, без любви»... Еще одна сценка:

«Голос говорившего заглушили сильные аккорды гитар,

которые, как изящные кобылицы, залившимся ржаньем отозвались на удары пальцев, пришпоривших крепче-крепче, чтобы те не упирались и дали бы волю звуку, – и как жаль, что нет тут женщин, с которыми можно было бы потанцевать, состязаясь в скорости с гитаристами. Как только музыканты кончили играть сон, раздались аплодисменты и крики – те, кто уже успел изрядно выпить, бросились к Самуэлям с такими бурными объятиями, что музыкантам еле удалось спасти свои инструменты».

Впрочем, было бы заблуждением представлять братьев Самуэлей праздными гуляками. Они занимаются и политикой, пытаясь склонить на свою сторону капитана правительственных войск Саломэ, влюбленного в гитару. Забавный штрих: в казарме «на постели его ждала гитара с бело-голубым бантом, кокетливая, как женщина».

Далее мы узнаем, как судачат об их пропагандистской деятельности в кабачке:

«– С ним был другой офицер, тоже капитан, которого зовут Хосе Доминго Саломэ. Его хорошо знают гитаристы, давно известные здесь под именем Самуэлей. Их три брата. Самуэлон – старший, толстяк, добрый, как хлеб. Самуэль – средний, живой, лукавый, себе на уме. И, наконец, Самуэли-то – младший, коренастый, но задиристый, как щенок.

–

И как же работали эти Самуэли?

–

Давали ему уроки игры на гитаре и... распевали революционные песни...

Флориндо захохотал, но тут же спохватился и зажал рот рукой:

—

Революционные песни... ха-ха-ха!.. В комендатуре?

—

Вот именно, — сказал Табио Сан, — если бы не аккомпанемент гитар, можно было бы назвать это «Курсом революционной подготовки на дому... в комендатуре»...

Кей продолжал смеяться».

Как же проходили занятия в казарме?

«—Ну, началось... — произнес Самуэлон, но конец фразы заглушил аккорд, который он сорвал со струн гитары, звучный аккорд народной песни, которую он все время тихо наигрывал, тогда как капитан Саломэ ему вторил.

—

Да, кажется, началось... Официально мы знаем лишь одно: что правительство не сдает позиций... А вот эти аккорды у меня никак не получаются... — продолжал капитан, следя за пальцами гитариста, который одной рукой перебирал лады, а второй заставлял плакать струны. — Впрочем, есть и другие сведения. Студенты-медики уже покинули больницы и госпитали. В судах остались лишь судьи, они-то не могут объявить забастовку. Закрылись школы, потому что учителя бросили работу. Все меньше и меньше транспорта. Коммер-

ция свертывается...

Самуэлон, внимательно прислушиваясь к этим сообщениям капитана, казалось, отвечал ему струнами гитары, подбирая маршевые мелодии, мажорные, боевые ноты. Струны гогорили, кричали все громче, многозвучнее, неистовее, а капитан, с покрасневшими глазами и взъерошенными усами, продолжал уже громким голосом, словно забыл, что находится в комендатуре:

—

И последняя, самая свежая новость: у него потребовали отставки».

Урок продолжается:

«Самуэлон начал наигрывать на гитаре национальный гимн, однако офицер перехватил гриф.

—

Это запрещено! – закричал он.

Они оба замолчали, сидя рядом, они были похожи на провинившихся школьников, виновных в том, что они знают об отставке Зверя. Это уже само по себе было преступлением. – Играйте, играйте для маскировки... – процедил Саломэ. Самуэлон не знал, что делать – плакать, играть или прыгать от радости, и в струнах гитары он искал выхода своим чувствам.

Сумеет ли он доставить такую важную весть тем, кто его ждет?»

« – Мы?.. – задумчиво произнес капитан Саломэ. – Мы будем выполнять приказы, мой друг, и продолжать учиться

игре на гитаре.

—

Я хотел вам сказать, что слух-то у вас есть, но только нужно упражнять пальцы, почаще делайте вот это движение — будто вы ловите блох, потому что это... — он прижал гитару к груди, — это большущая блоха, и если бы она могла говорить, то открыла бы пасть и попросила вас почаще повторять уроки.

—

Мы и так упражняемся без конца... — Капитан отложил в сторону инструмент, встал и направился, было, к двери, но затем вернулся и снова сел. — Вот вы говорите, что у гитары — пасть, но, пожалуй, вот у кого действительно большая пасть — у тех, кто разглагольствует о забастовке, а подкинут им какую-нибудь малость, так они сразу же и заткнутся».

«Ушел Самуэлон, а капитан взял гитару с постели и хотел, было, повесить ее на место, но, когда он ощутил инструмент в руках, ему захотелось потрогать струны, извлечь из гитары какие-то звуки, ведь это не звуки были, а мысли его...»

Анализ фрагментов о гитаре из романов Астуриаса показывает, что писатель хорошо знает и любит этот инструмент. Ведь гитара — душа народа!

АНТУАН СЕНТ-ЭКЗЮПЕРИ

Сент-Экзюпери, Антуан де (1900-1944) – французский писатель.

**Философичность, лиризм,
гуманистический
пафос**

0

тличают романы «Южный почтовый» (1929), «Земля людей» (1939),

повесть

«Военный

летчик», аллегорическую сказку «Маленький принц» (1943).

Незаконченная

философская

книга «Цитадель» (издана в 1948). Участник Второй мировой

войны,

летчик.

Погиб

в ра

звездательном полете.

В книге «Цитадель» Антуан де Сент-

Экзюпери неоднократно вспоминает гитару, неожиданно вплетая ее в прихотливую ткань повествования. Приведем эти фрагменты:

«Без пианино, гитары сможешь ли ты свободно отдаться музыке? Твоей статуе необходимы уши и нос, вот тогда ты свободно ищешь улыбку. Запреты, ограничения, правила шлифуют, оттачивают культуру, благодаря им так утонченно изысканны ее плоды. За толстыми стенами моего замка душевная жизнь богаче, чем у подонков на пустыре».

«Как свободно льется твоя песня, ты импровизируешь, подыгрывая себе на гитаре, но разве я не должен был научить тебя петь, разве ты не тренировал свои пальцы? А ученье – всегда борьба, принуждение и терпеливость».

«Если за этими стенами, – думал я, – есть неведомый нам музыкальный инструмент, если музыка его терпка и печальна и разбудит в нас неведомые нам чувства, если вдруг эти незнакомцы воспользуются своим сокровищем и рассыпят среди моих воинов свое богатство, я знаю, потом вечерами, в лагере, я услышу, как мои воины подбирают на своих гитарах, на которых нечасто играют, мелодию, пленившую их сердца новизной. Мелодия эта изменит их сердца».

«Неужели гитарист не пьет чаю, потому что знает, как сочетаются ноты? Я знаю коечто о сочетании линий в треугольнике. Почему мне не должно нравиться пение воды и священнодействие чаепития, воздающее честь моему другу королю...»

Нельзя не заметить стилистического родства этих философских метафор с языком сочинений Фридриха Ницше, в которых глубина мысли передается словами и главное – подтекстом!

ЮЛИЙ БОРИСОВИЧ МАРГОЛИН

Марголин, Юлий Борисович (1900-1971) – польский философ, литературовед. В 1939 году оказался на советской территории и в 1940 году был арестован.

Автор мемуарной книги «Путешествие в страну Зэ-ка» (1952).

О том, как музыка помогала выжить людям, оказавшимся в сталинских лагерях, рассказывает в «Путешествии в страну Зэ-ка» Юлий Марголин. «Среди поляков на 48-ом выделялся человек с серебряными волосами и благородной осанкой... Это был Левандовский, капельмейстер Польского Радио в Варшаве. Я, правда, не мог припомнить такого имени, но факт, что среди нас находился музыкант, был признан официально: в ведение Левандовского были переданы две балалайки и гитара, хранившиеся при «клубе», и даже позволили ему первое время спать в теплом углу при КВЧ. Входя туда, я находил Левандовского за топкой железной печурки или присутствовал при том, как он с серьезным лицом и смеющимися глазами подыгрывал на балалайке, пока наш воспитатель исполнял душераздирательный романс «Эх, зачем эта ночь».

Две балалайки и одна гитара на весь лагерный пункт в сибирской тайге – вот и весь немудреный арсенал для перевоспитания «врагов народа». Чудо, что старику Левандовскому, так и пропавшему за колючей проволокой, хоть перед смертью довелось слышать очаровательный голос гитары!

МАРГАРЕТ МИТЧЕЛЛ

Митчелл, Маргарет (1900-1949) – американская писательница. Роман «Унесенные ветром» (1936, свыше

70 изданий) – о жизни Юга во время и после Гражданской войны 1861-1865 годов. Имя героини Скарлетт О’Хары стало воплощением беззастенчивого стремления цельной натуры достигнуть желаемого.

Маргарет Митчелл, написавшая прославленный роман «Унесенные ветром», нарисовала впечатляющую картину американской жизни середины XIX века. Из ее повествования становится ясно, что гитара занимала достойное место в светском обществе. «Мелани сумела весьма дипломатично объединить Дамарфисток, Мужской хоровой клуб и Общество юных леди-гитаристок и мандолинисток с Субботним музыкальным кружком, так что теперь в Атланте появилась возможность слушать хорошую музыку».

Но не только дамы увлекались этим инструментом! Свахая к Скарлетт, жених говорит ей: «... И каждый вечер буду появляться с гитарой под вашим окном и распевать во весь голос серенады, и так вас скомпрометирую, что вам придется выйти за меня замуж, чтобы спасти свою репутацию».

Похоже, ни один порядочный человек на Юге США в те времена не обходился в повседневном быту без гитары!

ЛУИС КАРДОСА-И-АРАГОН

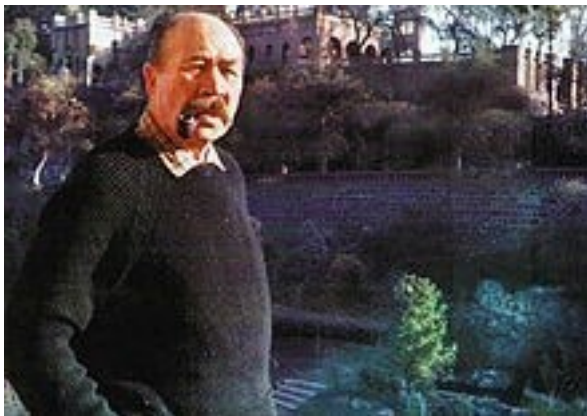
Кардоса-и-Арагон, Луис (1901-1992) – гватемальский поэт. Эссе «Гватемала – линия руки», «Возвращение в будущее». Стихотворные сборники «Луна-парк», «Мальстром». Повести «Вавилонская башня», «Облако и час».

Гитара – достопримечательность Гаваны для всякого, кто

побывал в кубинской столице, и, конечно же, для гватемальского поэта Луиса Кардоса-и-Арагона, который восторженно вопрошает: «Как мне назвать Гавану? / Смуглой, соленой, славной? / Ах, слова мои – только пена, / и уже не вмещаются краски / в плоды, и цветы, и женщин, / в землю, море и стены. / А гитара под пальцами негра / рассекает закатное небо – / и пейзаж истекает шелком, / солнцем, пальмами, аквамаринном». (Стихотворение «Солнце, аквамарин и пальмы»)

Гитара становится органической составной частью панорамы города, раскинувшегося под синим небом.

ГИЛЬЕРМО ФАБРЕ

Фабре, Гильермо Вискарра (1901-1980) – боливийский поэт-авангардист, творец боливийских пейзажей. Сборник «Создание зари» (1949) и другие.

Монументально стихотворение «В стране окаменелого плача» боливийского поэта Гильермо Вискарра Фабре. Оно показывает, как легко древний пантеизм индейцев впитывает в себя элементы европейской культуры и религии. Совершенно неожиданным кажется такое сравнение: «Рядом с немymi существами, дремлющими в камне, / под небесным

куполом у подножия гор, / тысячелетия нагая вода / сонно
лепечет в зеленых гитарах своих берегов».

Очень поэтично!

ДЖОН СТЕЙНБЕК

17/06/09

Стейнбек, Джон Эрнст (1902-1968) – американский писатель. Произведения о люмпенах, незадачливых чудаках – о добре и красоте в мире простых людей. Роман «Гроздь гнева» (1939) – о трагической судьбе обездоленных фермеров – стал эпопеей об американском народе. Повесть «Жемчужина» (1947) – притча о проклятии богатства. В романе «К востоку от рая» (1952) библейскую историю Авеля и Каина перенес в современную Америку. «Зима тревоги нашей» (1961) – иронический роман со сложной нравственной и психологической проблематикой. Нобелевская премия (1962).

Сентиментальный роман Джона Стейнбека «Благостный четверг» описывает жизнь низов американского общества, тех, кого «средний класс» презрительно именуется «маргиналами». Это люди с трудной судьбой, выброшенные на обочину жизни – эмигранты, неудачники, калеки. Тем не менее и они умеют радоваться! «В обширном районе, прилегавшем к мексиканской границе, бродили буквально миллионы «мокрых спин» – темных, безответных, трудолюбивых парней, готовых всю жизнь безропотно вкалывать на полях. И надо же было такому случиться, что именно среди джозефовых работяг попалось два музыкальных дарования – певец-тенор и гитарист! Вскоре, к ужасу Джозефа-Марии, на глазах у него вырос целый оркестр: две гитары, контрабас, барабан, маракасы; были и певцы: тенор и два баритона. Джозеф-Мария

совсем было собрался отправить артистов на долгие гастроли в Мексику, но тут как на грех к ним прибился его племянник Какахуэте со своей сладостной трубой. Поля с морковью и цветной капустой были заброшены: теперь «мокрые спины» трудились на танцплощадках калифорнийских городков. Оркестр так и назывался – «Эспалдас мохадос», «Мокрые спины».

Любовь к музыке помогла неимущим людям кое-как встать на ноги, обрести достойную профессию. Не последнюю роль в этом деле сыграла гитара.

НИКОЛАС ГИЛЪЕН

**Гильен, Николас (Николас Гильен Батиста, 1902-1989) – кубинский поэт.
Лирика**

**Гильена,
отразившая**

**его антифашистские и антимилитаристские
взгляды, близка кубинскому фольклору. Сборники
«Песни для солдат и**

**соны для туристов» (1937), «Испания. Поэма о четы-
рех печалях и одной надежде» (1937), «Все мое» (1964),
«Большой зверинец» (1967). Публицистические книги
«Беглая проза. 1929-1972»**

**(т. 1-3, 1975-1976). Международная Ленинская пре-
мия (1954).**

В стихотворении «У гроба Монтеро» Николас Гильен вос-
создает образ кубинского фольклорного героя, весельчака и
отчаянного забияку: «Умел зажигать ты зори / огнем своей
буйной гитары, / игрой тростникового сока / в твоём теле
живом и гибком, / под луною бледной и мертвой! / И была
твоя песня сочной, / смуглой, точно спелая слива».

Колоритный портрет жизнелюбивого человека, умеющего
радоваться песне под аккомпанемент гитары!

Поэт говорит, что у подневольного негра на сахарных
плантациях, изможденного тяжким трудом, остается одно
утешение – гитара: «Ранят бичи, как ножи, / не считает над-
смотрщик ударов. / Ступай со своею гитарой / и розам про
боль расскажи! / А еще расскажи им про то, / как новое солн-
це сияет. / На воздушных качелях качаясь, / пусть ликует
каждый росток!» (Стихотворение «Поэтическое искусство»)

Гитара пробуждает мысль о новой счастливой жизни.

Николас Гильен присоединяет голос гитары к политическому протесту и делает это убедительно. «Полковники из терракоты, / политиков томный лай, / булочки с маслом и кофе. / Гитара моя, играй! / Чиновники все на месте, / берут охотно на чай / двести долларов в месяц. / Гитара моя, играй! / Янки дают нам кредиты, / они купили наш край, – / родина всего превыше. / Гитара моя, играй! / Болтают всю депутаты, / сулят горемыке рай, / а за всем этим сахар и сахар... / Гитара моя, играй!» (Стихотворение «Полковники из терракоты...») Гитара зовет людей бороться за независимость Родины.

**НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
ЗАБОЛОЦКИЙ**

Заболоцкий, Николай Алексеевич (1903-1958) – русский поэт. В сборнике «Столбцы» (1929) – гротескное изображение нэповского быта. В поэме «Торжество земледелия» (1933) – философское осмысление

темы преобразования природы, в поздней лирике – размышление о месте человека в мироздании, общественно-психологические, нравственные проблемы. Переводчик грузинской поэзии, «Слова о полку Игореве». Опыт жертвы сталинских репрессий в мемуарах «История моего заключения». Опубликовано за рубежом на английском языке в 1981 году, в России

**–
в 1986 году.**

Стихотворения 1920-х годов Николая Заболоцкого рисуют колоритные картины нэпманского периода нашей истории. Читаем «Вечерний бар»: «Сирена бледная за стойкой / Гостей попотчует настойкой, / Скосит глаза, уйдет, придет, / Потом с гитарой на отлет / Она поет, поет о милом, / Как милого она любила...»

«На рынке»: «Калеки выстроились в ряд. / Один играет на гитаре. / Ноги обрубок, брат утрат, / Его кормилец на базаре. / А на обрубке том костыль, / Как деревянная бутылка... А вокруг – весы, как магелланы, / Отрепья масла, жир любви, / Уроды, словно истуканы, / В густой расчетливой крови, / И визг молитвенной гитары, / И шапки полны, как тиары, / Блестящей медью».

«Свадьба»: «И поп, свидетель всех ночей, / Раскинув бороду забралом, / Сидит, как башня, перед балом / С большой гитарой на плече. / Так бей, гитара! Шире круг! / Ревут бокалы пудовые. / И вздрогнул поп, завыл и вдруг / Ударил в

струны золотые. / И под железный гром гитары / Подняв последний свой бокал, / Несутся бешеные пары / В нагие пропасти зеркал».

Перед нами три жанровых поэтических полотна – и на каждом из них мы видим гитару, задумчивую, тоскующую, влюбленную.

Стихотворение «Бродячие музыканты» – еще одна картина нэпманского Ленинграда, но стоящая особняком. Здесь сильнее, чем раньше, проявляется гротеск: «Закинув на спину трубу, / Как бремя золотое, / Он шел, в обиде на судьбу. / За ним бежали двое. / Один, сжимая скрипки тень, / Горбун и шаромыжка, / Скрипел и плакал целый день, / Как потная подмышка. / Другой, искусник и борец, / И чемпион гитары, / Огромный нес в руках крестец / С роскошной песней Тамары. / На том крестце семь струн железных, / И семь валов, и семь колков, / Рукой построены полезной, / Болтались в виде уголков».

В одном из дворов начинается концерт. «Но богослов житейской страсти / И чемпион гитары / Подъял крестец, поправил части / И с песней нежною Тамары / Уста отважно растворил. / И все умолкло. / Звук самодержавный, / Глухой, как шум Куры, / Роскошный, как мечта, / Пронесся... / И в этой песне сделалась видна / Тамара на кавказском ложе. / Пред нею, полные вина, / Шипели кубки дотемна / И юноши стояли тоже. / И юноши стояли, / Махали руками, / И страстные дикие звуки / Всю ночь раздавались там... / –

Тилим-там-там!»

Заболоцкий использовал в «Бродячих музыкантах» приемы Иеронима Босха, палитру Пиросманишвили, и в результате получилось нечто, чему трудно придумать название.

Стихотворение «Творцы дорог» (1947) пленяет кристальной чистотой слога. Вчитаемся: «Когда горят над сопками Стожары / И пенье сфер проносится вдали, / Колокола и сонные гитары / Им нежно откликаются с земли».

Как хорошо и точно сказано: гитара созвучна колоколам и музыке Горних Сфер!

Позднее творчество Николая Заболоцкого отличается гармонией и соразмерностью. Слова тщательно отобранны, поэтическая мысль прозрачна и чиста. Возьмем, к примеру, стихотворение «Гурзуф ночью» (1956): «Для северных песен ненадобен юг: / Родились они среди туманов и выюг, / Качанию лиственниц вторя. / Они – чужестранцы на этой земле, / На этой покрытой цветами скале, / В сиянии южного моря... / Наплававшись по морю, стая парней / Здесь бродит с заезжей сиреной. / Питомцы Нептуна блаженствуют с ней, / Гитарой брэнча несравненной».

Заболоцкий мастерски передает то томящее молодое чувство, какое пробуждается в нас таинственной лунной ночью под неторопливый перебор струн!

ИОСИФ ПАВЛОВИЧ УТКИН

Уткин, Иосиф Павлович (1903-1944) – советский поэт и журналист. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. «Повесть о рыжем Мотэле...» (1925), «Первая книга стихов» (1927), поэма «Милое детство» (1928).

Владимир Маяковский не одобрял поэзию Иосифа Уткина. Както он прочитал стихотворение «Ветер», в котором его младший современник метафорически восклицает: «Я опутал шею шарфом, / Вышел... он уже готов! / Он настраивает арфу / Телеграфных проводов...»

Посчитав изыски Уткина «мещанскими», Маяковский написал следующую эпиграмму: «Кружит, вьется ветер старый, / Он влюблен, готов, / Он играет на гитаре / Телеграфных проводов. / Месяц выкрутил колени / Из-под юбки облаков...»

Маяковский совершенно напрасно издевался. По всей вероятности, он забыл о том, что еще в XVII веке изобрели так называемую «эолову» или «воздушную» арфу: деревянный ящик (резонатор) с отверстием, близ которого натягивались 9-13 струн, настроенных в унисон. Струя воздуха колебала их, а звучание зависело от силы ветра – от нежного до громкого при его порывах. Этот своеобразный струнный инструмент часто устанавливался на крышах помещичьих усадеб, в гротах и ротондах дворцовых парков. Именно такую арфу имел в виду Уткин, говоря о гудении телеграфных проводов.

Эолову гитару, насколько известно, пока никто не создал.

В 1926 году Иосиф Уткин посвятил Александру Жарову стихотворение «Гитара». Приведем его целиком: «Не этой песней старой / Растоптанного дня, / Интимная гитара, / Ты трогаешь меня. / В смертельные покосы / Я нежил, строг и юн, / Серебряную косу / Волнующихся струн. / Сквозь боевые бури / Пронес я за собой / И женскую фигуру / Гитары дорогой! / Всегда смотрю с любовью / И с нежностью всегда / На политые кровью, / На бранные года. / Мне за былую муку / Покой теперь хорош. / (Простреленную руку / Сильнее бережешь!) / ... Над степью плодоносной / Закат всегда богат, / И бронзовые сосны / Пылают на закат... / Ни сена! И ни хлеба! / И фляги все – до дон! / Под изумрудным небом / Томится эскадрон... / ... Что пуля? Пуля – дура. / А пуле смерть – сестра. / И сотник белокурый / Склонился у костра. / И вот, что самый юный / (Ему на песню – дар!), / Берет за грудь певунью / Безусый комиссар. / И в грустном эскадроне, / Как от зеленых рек, / Пovýпрямились кони / И вырос человек! / ... Короткие кварталы – / Летучие года! / И многого не стало, / Простилось навсегда. / Теперь веселым скопом / Не спеть нам, дорогой. / Одни – / Под Перекопом, / Другие – / Под Ургой. / Но стань я самым старым, – / Взглянув через плечо, / Военную гитару / Я вспомню горячо. / Сейчас она забыта. / Она ушла в века / От конского копыта, / От шашки казака. / Но если вновь, бушуя, / Придет пора зари, – / Любимая, / Прошу я – / Гитару подари!»

Несомненно, революционная романтика Уткина близка по духу светловской, герой которого не боится смерти и, перешагнув через нее, мечтает «допеть до конца» начатую песню отцов: «Гренада, Гренада, Гренада моя!»

АНН И СЕРЖ ГОЛОН

Голон, Серж и Анн (Голубинов Сергей, 1903-1972, и Шанже Симона, 1921-2017) – современные французские литераторы.

Анн и Серж Голон создали серию исторических романов о маркизе Анжелике, действие которых происходит во время царствования Людовика XIV. Они уделили гитаре особое

внимание, этот инструмент играет важную роль в развитии сюжета. Попробуем вкратце проследить, когда и при каких обстоятельствах она появляется на страницах их повествования.

Впервые Анжелика услышала о гитаре в ранней юности, в гостях у своих дальних родственников.

« – Мой сын – придворный комедиант, он так далек от деревни! – заявил маркиз. – Только на одно и способен – брэнчать на гитаре. Я определил его пажом к монсеньору Мазарини, но боюсь, как бы он его не научил там любви по-итальянски. Юнец и без того похож на смазливую девушку, не правда ли?.. Вы, конечно, знаете, что такое любовь по-итальянски?»

В Париже Анжелика знакомится еще с одним пажом, на сей раз королевским, который сообщил ей немало пикантных подробностей о придворной жизни.

У одного из торговцев «паж купил две палочки с нанизанными на них жареными лягушачьими лапками. Коренной житель Парижа, он находил это лакомство весьма занятным. Они уплетали лапки с огромным аппетитом. Паж сказал, что его зовут Анди де Рогье и он состоит на службе у короля. Молодой король – веселый малый, иногда он покидает важных господ своего Совета ради удовольствия побрэнчать на гитаре с друзьями. А еще при дворе находятся очаровательные итальянские куколки – племянницы кардинала Мазарини, хотя самого кардинала вынудили покинуть Францию».

За Анжеликой начинает ухаживать граф де Пейрак, которого она поначалу возненавидела, однако его чудесный голос и умение играть на гитаре заставляют девушку присмотреться к нему повнимательнее.

«Когда Анжелика, утомленная скукой и бездельем, направилась в комнату, под ее окном слышались звуки гитары. Анжелика выглянула в сад, но в темных кустах никого не увидела.

«Неужели сюда явился Энрико? Как он мил, этот мальчик. Решил меня развлечь...» Невидимый музыкант начал петь. Голос оказался низкий, не такой, как у пажа.

При первых же нотах у Анжелики замерло сердце.

Какой тембр, то бархатистый, то серебряный, какая безукоризненная дикция, такому божественному голосу могли бы позавидовать все эти доморощенные трубадуры, которые наводняют Тулузу с наступлением ночи. В Лангедоке прекрасные голоса не редкость. Да и мелодия легко рождается на губах, привыкших смеяться и декламировать. Но этот певец – истинный артист. Какой необычной силы у него голос! Казалось, он заполнил весь сад, и даже луна дрожит от его звуков. Певец исполнял старинную народную песню на провансальском языке, изящество которого так часто восхвалял граф де Пейрак. В устах певца оживали тончайшие нюансы языка. Анжелика понимала не все слова, но одно – она поняла его! – повторялось непрестанно: «Аморе! Аморе!» Любовь!

И Анжелика вдруг догадалась: «Это он, последний из трубадуров, это Золотой голос королевства!»

Поскольку лицо певца скрывалось под маской, Анжелика долго не могла догадаться, что это не кто иной, как граф де Пейрак.

« – Сударыня, – вдруг сказал музыкант, – простите мне мою дерзость, но я хотел бы перевести для вас на французский язык строфу, на которую меня вдохновили ваши очаровательные глаза...»

Он довольно долго перебирал струны гитары, словно вспоминая мелодию, потом глубоко вздохнул и начал:

Очи цвета морской волны.

О, меня захлестнули они.

Я плыву, утонувший в любви,

Без руля по волнам ее сердца...

Пока он пел, пел очень тихо, с какой-то непонятной тоской в голосе, Анжелика внимательно рассматривала его... Ужасное подозрение закралось в душу Анжелики... И только что, вставая за гитарой, он как-то неловко качнулся...

Она закричала сначала от испуга, а потом от гнева и, в ярости ломая ветки жимолости, принялась топтать их ногами.

–

Нет, это уж слишком, слишком... Это чудовищно... Снимите вашу маску, Жоффрей де Пейрак... Прекратите маскарад, иначе я выцарапаю вам глаза, задушу вас, я вас...

Песня резко оборвалась. Гитара издала скорбный звук и замолкла. Под бархатной маской сверкали белоснежные зубы графа де Пейрака – он хохотал.

Припадая на одну ногу, он подошел к Анжелике. Ее охватил ужас, но с еще большей силой – ярость.

–
Я выцарапаю вам глаза, – прошипела она сквозь зубы.
Граф, продолжая смеяться, взял ее за руки.

–
Что же тогда останется от ужасного хромого сеньора, если вы еще выцарапаете ему глаза?

–
Как бесстыдно вы обманули меня! Вы убедили меня, что вы... Золотой... Золотой голос королевства.

–
Но я и в самом деле Золотой голос королевства».

Как и следовало ожидать, Анжелика потом полюбила графа и вышла за него замуж. Со временем появился на свет ребенок, их сын, который унаследовал от отца привязанность к гитаре.

«Вскоре после отъезда маршала дю Плесси де Бельер пришло время отправиться в армию и маленькому Кантору... Он уселся в экипаж де Вивонна вместе со своим наставником, Гаспаром де Роканоном. На Канторе был костюм из зеленого шелка, который очень подходил к цвету его глаз, он был отделан галунами и бантами. Черная бархатная шляпа с

белым плюмажем венчала кудрявую голову. Неизменная гитара была с ним, как любимая игрушка у капризного ребенка. Это был прощальный подарок Анжелики. Инструмент был сделан из лучших сортов дерева, был отделан перламутром и изготовлен лучшими мастерами Парижа».

Не пытаясь излагать крайне запутанный, авантюрный сюжет романов Голон, отметим появление гитары в самых разных уголках планеты, от Парижа до Северной Африки, от Прованса до Америки.

Париж.

«Анжелика тихо вышла, прикрыв за собой дверь башни Несль. Она шла по берегу реки, в разорванном ветром тумане еле просвечивались огоньки шаланд. Она слышала, как один лодочник заиграл на гитаре и запел песню».

Сцена на корабле.

«Он послал за одним из своих пажей, который скоро явился с лютней и гитарой. – Давайте воспоем облачную ночь и любовь прекрасных дам...

Вдруг раздался и быстро угас какой-то неясный глубокий звук, словно от ветра с далекого горизонта, потом он возобновился тоном ниже, его глухие раскаты то поднимались, то опускались. Анжелику охватила дрожь...

– Слушайте, – прошептал граф де Сен-Ронан, – это каторжники поют!» Анжелика в одном из владений Османской империи.

« – Ну вот, так лучше. Посмотрите в зеркало... Сегодня

вы – королева... Королева Средиземноморья. Дайте вашу руку.

Так, в княжеском облачении, положив руку на локоть Рескатора, Анжелика сошла с проклятого помоста. Все спины сгибались при ее приближении. Рескатор занял место около паши, который представлял здесь власть Великого султана, и усадил Анжелику по правую руку. В облаках благовоний, поднимающихся из курильниц, колыхались длинные воздушные покрывала танцовщиц. Они танцевали под звуки тамбуринов и нанов – маленьких трехструнных гитар, звучавших высоко и резко».

Анжелика попадает в гарем.

«Чтобы развлечь гаремных женщин, Осман Ферраджи посылал им какого-нибудь фокусника или укротителя змей; дервиша – глотателя скорпионов, кактусов и толченого стекла; танцора, сопровождавшего гигантские прыжки звуками тамбурина с бубенцами.

Имелся также слепой певец, терзавший крошечную гитару».

Граф де Пейрак, потерявший голос, все равно не оставляет гитару.

«Возле одного из сундуков он остановился, открыл его и, развернув аккуратно свернутые куски материи... вынул из этой обертки гитару. Купленная в Кремоне, в те времена, когда он еще надеялся, что голос к нему вернется, она, как и он, чаще всего молчала. Иногда он перебирал ее струны, раз-

влекая случайных подруг, но, не сопровождаемая пением, игра на гитаре доставляла ему только разочарование. Он не утратил своего прежнего мастерства и играл не просто умело, а удивительно легко, непринужденно, завораживая слушателей. Но рано или поздно всегда наступала минута, когда, увлеченный музыкой, он чувствовал, как его легкие наполняются воздухом и в нем на крыльях поэзии поднималось властное желание петь».

Граф занимается музыкой с сыном.

«Очень скоро Жоффрей де Пейрак с волнением обнаружил у сына врожденную способность к пению и музыке. Его собственный голос был сорван, мертв, но теперь он снова полюбил играть на гитаре. Он сочинял для Кантора баллады и сонеты, приобщал его к музыке Востока и Запада. Постепенно он пришел к решению отдать мальчика на несколько месяцев в итальянскую школу в Венеции или же в столице Сицилии, Палермо, чье островное положение делало этот город своего рода портом приписки для всех корсаров, порвавших со своими государствами».

Надо признать, что Кантор оправдал надежды отца. В заключительных романах серии этот юноша с гитарой покоряет Америку своим искусством!

ХОРХЕ АНДРАДЕ

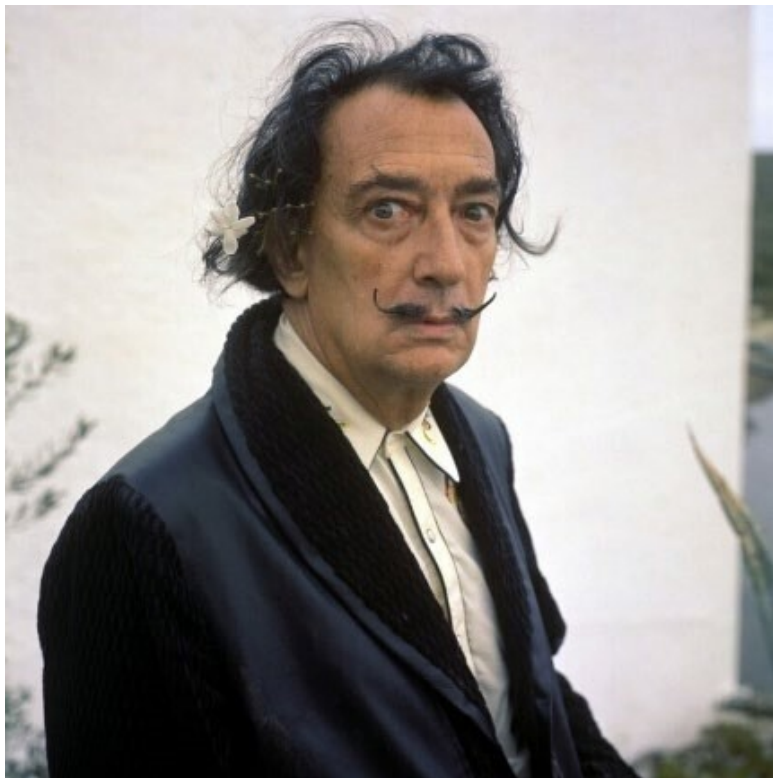
Андраде, Хорхе Каррера (1903-1978) – эквадорский поэт, критик, путешественник, дипломат. Сборники стихов «Неизреченный пруд», «Гирлянда безмолвия», «Время труда».

Хорхе Каррера Андраде описывает одиночество и безысходность, поселившиеся в городских кварталах бедноты, однако и там звучит голос гитары: «Карты хранят тайну чердаков, / Слезы сделаны для того, чтобы их выкурить в трубке. / Старались похоронить одиночество в гитаре. / Известно, что оно проходит по неоплаченным квартирам, / Что оно торгует платьем самоубийц / и что оно опутывает посланья, бегущие по телеграфной проволоке».

(Стихотворение «Одиночество городов»)

Здесь гитара разделяет горестную судьбу одинокого слабого человека, зажатого в тисках современного индустриального общества. Урбанизация, словно палач, набрасывает петлю на горло песни.

САЛЬВАДОР ДАЛИ

Дали, Сальвадор (1904-1989) – испанский живописец. Представитель сюрреализма.

Картины

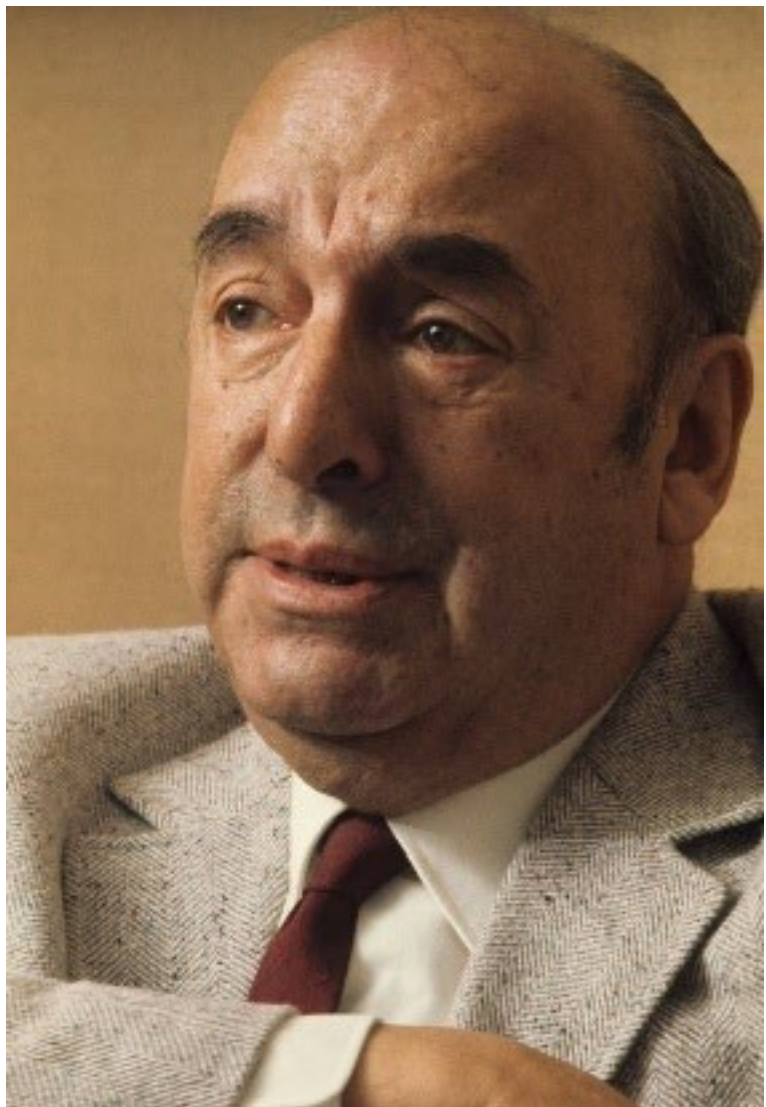
и

рисунки, отмеченные безудержной фантазией и виртуозной техникой исполнения, представляют собой фантазмагорию, в которых самым противоестественным ситуациям и сочетаниям предметов придана видимая достоверность и убедительность («Пылающий жираф», 1935, «Постоянство памяти», 1931).

В «Тайной жизни Сальвадора Дали, рассказанной им самим» прославленный художник пишет: «О войне 1914-1918 годов не могу вспомнить ничего плохого. Нейтралитет Испании принес стране эйфорию и экономическое процветание... Дамы выучились танцевать аргентинское танго и петь под аккомпанемент гитары немецкие песни».

Совершенно справедливое наблюдение, ибо именно в эти годы благодаря Андресу Сеговии гитара вошла в моду. Жаль, что «процветание» вскоре обернулось революцией и гражданской войной, когда голос шестиструнной красавицы надолго умолк у себя на родине.

ПАБЛО НЕРУДА

Неруда, Пабло (Нефтали Рикардо Рейес Басоальто, 1904-1973) – чилийский поэт. Лирическая книга «Двадцать стихотворений о любви и одна песня отчаяния» (1924). Антифашистские, гражданские и социальные стихи (сборник «Испания в сердце», 1937, две «Песни любви Сталинграду», 1942-1943). Эпопея о судьбе Латинской Америки «Всеобщая песнь» (1950), лирико-философские «Оды изначальным вещам» (1954-1957), автобиографическая поэма «Мемориал Черного острова» (1964), книга воспоминаний «Признаюсь: я жил» (опубликована в 1974). Член ЦК КП Чили с 1958 года. Международная Ленинская премия (1953), Нобелевская премия (1971).

Пабло Неруда в поэме «Всеобщая песня» отождествляет себя, поэта, вернувшегося в родные края, с гитарой: «Родина, родина, плотью и кровью я снова с тобою. / Встреть же меня, как сына. Слышишь: я полон / песен и плача! / Прими же / эту слепую гитару, / этот разум, блуждавший по миру!»
Голос поэта, лауреата Нобелевской премии, патриота Чи-

ли и гражданина мира гармонически сливается с голосом гитары, и это – высшая похвала, которую можно дать человеку, созданному для творчества.

Сборник стихотворений «Испания в сердце» рассказывает о гражданской войне в стране, это взволнованный репортаж с места событий, где наблюдается всеобщее ожесточение, разруха, кровь, смерть. Даже гитара воспринимается поэтом трагично: «В руке красавицы гниет гитара. / Слова, что создавали, изгнаны, / а между известью и мрамором / след слез, уже замшелый».

Такая ситуация известна со времен Древнего Рима: «Когда гремит оружие, музы молчат».

ГРЭМ ГРИН

Грин, Грэм (1904-1991) – английский писатель. Реалистические романы отмечены психологизмом («Суть дела», 1948), политической актуальностью

(«Тихий американец», 1955, «Наш человек в Гаване», 1958, «Комедианты», 1966, «Почетный консул», 1973), сложной этической проблематикой («Власть и слава», 1940). Многие произведения близки к жанру детективного романа. Роман-памфлет «Доктор Фишер из Женевы, или Банкет с бомбой» (1980). Публицистика (книга «Мое знакомство с генералом», 1984).

Герой романа Грэма Грина «Путешествие с тетушкой» попадает в Асунсьон. По случаю такого события затевается званый вечер.

« – Когда мистер Висконти вернется, – сказала тетушка, – мы позовем в твою честь гостей. Этот дом создан для приемов. Мы устроим в саду костер и зажарим целиком быка на вертеле, на деревья повесим цветные лампочки, и, конечно, будет музыка и танцы. Арфа и гитара – здесь сейчас это в моде. Их национальные танцы – полька и галоп».

Довольно интересная деталь: в столице Парагвая конца 1940-х годов особой популярностью пользовались благородные струнные инструменты, в том числе и классическая гитара. Джазовое безумие, охватившее тогда всю Европу, не очень-то пришлось по вкусу в Латинской Америке!

**СЕРГЕЙ ИОСИФОВИЧ
ЮТКЕВИЧ**

Юткевич, Сергей Иосифович (1904-1985) – российский режиссер и теоретик кино, художник, Народный артист СССР (1962), доктор искусствоведения. Фильмы «Человек с ружьем» (1938), «Рассказы о Ленине» (1958), «Ленин в Польше» (1966), «Ленин в Париже» (1981), «Кружева» (1928), «Встречный» (1932, с Ф.М. Эрмлером), «Отелло» (1956), «Сюжет для небольшого рассказа» (1970) и другие.

Сергей Юткевич, рецензируя спектакль «Гамлет» театра на Таганке, сообщает, что Владимир Высоцкий, игравший главную роль, появлялся в самом начале представления в современной одежде и с гитарой в руках. Это несколько обескураживало публику, поскольку была налицо ломка стереотипов.

Известный кинематографист резонно возражает: «Вы скажете: это несовместимо – Маяковский и гитара. А разве пристала гитара Пастернаку? Или Шекспиру? Но, по счастью, тут же расстается актер с инструментом, который уже больше не появится в течение спектакля. В этом почувствовал я знак возмужания, расставания с привычным и в то же время понял, почему нужен был театру именно такой знак: он полемически снимал, разрушал ту другую, невидимую стену, которая все же возникает каждый раз между современным зрителем и шекспировской трагедией, отгороженной от нас веками и часто уже выцветшими театральными традици-

ями».

Маловероятно, конечно, чтобы реальный прототип датского принца музицировал на гитаре, да еще на русской семиструнке, но представить современников Уильяма Шекспира с гитарой или же лютней в руках совсем нетрудно. Его стихи прекрасно ложатся на музыку!

ЭРИБ СЕРВЕРА

Сервера, Эриб Кампос (1905-1953) – парагвайский поэт-авангардист. Главная книга стихов – «Искупленный пепел» (1950).

Эриб Кампос Сервера с любовью обращается к клочку земли, называемой Парагваем. Поэт вспоминает покинутую родину: «Нет дальнего жасмина / звезд твоих. Нет ярого,

ночного / нападенья сельвы. Ничего нет: / дней твоих с гитарами, с ножами, / ясности небес непостижимой». (Стихотворение «Горсть земли»)

Годы бурной, мятежной молодости навеки запечатлелись в эмигрантской памяти поэта.

**МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ШОЛОХОВ**

Шолохов, Михаил Александрович (1905-1984) – русский писатель, академик

АН

СССР

(1939),

два

жды Герой

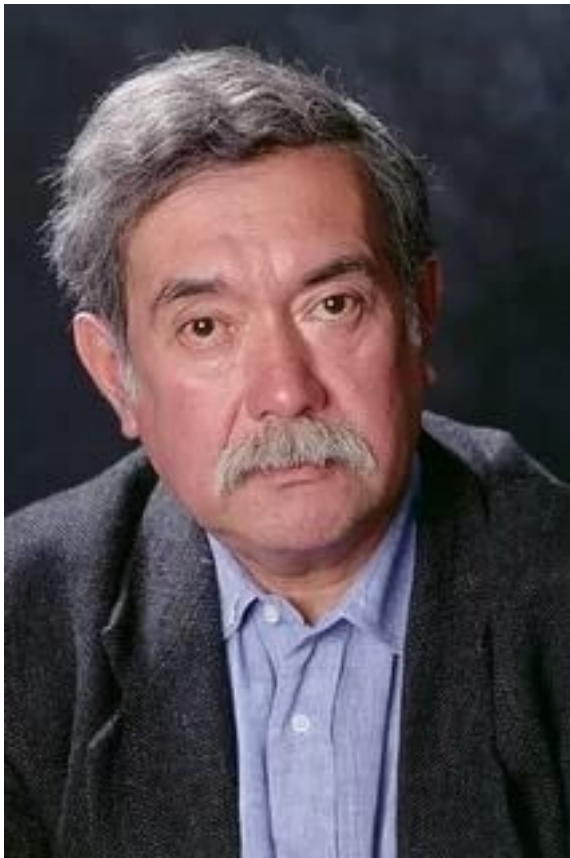
Социалистического Труда (1967, 1980). Книга «Донские рассказы» (1926). В романе «Тихий Дон» (кн.1-4, 1928-1940) – драматическая судьба донского казачества в годы Первой мировой и Гражданской войн, трагическая обреченность героя, ввергнутого в хаос исторических катаклизмов, проблемы народа и личности в революции. Государственная премия СССР (1941), Нобелевская премия (1965).

В «Тихом Доне» Михаила Шолохова колоритно выписан портрет сотника Копылова, который служил начальником штаба в

повстанческом полку Григория Мелехова. «Когда-то учительствовал он в церковноприходской школе, по воскресеньям ходил к станичным купцам в гости, перекидывался с купчихами в стуколку и с купцами по маленькой в преферанс, мастерски играл на гитаре и был веселым, общительным молодым человеком; потом женился на молоденькой учительнице и так бы и жил в станице...»

К несчастью, этого доброго, благодушного человека закрутил вихрь Гражданской войны, и гитара осталась для него знаком мирной, счастливой и невозвратной жизни.

РАУЛЬ ТУНЬОН

Гонсалес Туньон, Рауль (1905-1974) – аргентинский поэткоммунист. Лучшие его стихи собраны в двухтомник «Луна с курком» (1957). На русском языке опубликована антология «Розы в броне» (1962).

В «Элегии на смерть Мигеля Эрнандеса», выдающегося испанского поэта, арестованного фашистами и умершего в тюремном лазарете, Рауль Гонсалес Туньон восклицает: «Но я знаю – он жив: когда черная кара / настигает убийц, восстает он из тленья. / О руках его бредят немые гитары, / и к пылающей Волге зовет его пенье».

Сталинградская победа на берегу великой русской реки стала расплатой за смерть таких певцов свободы, как Лорка и Эрнандес.

**ГРИГОРИЙ
ГЕОРГИЕВИЧ БЕЛЫХ**

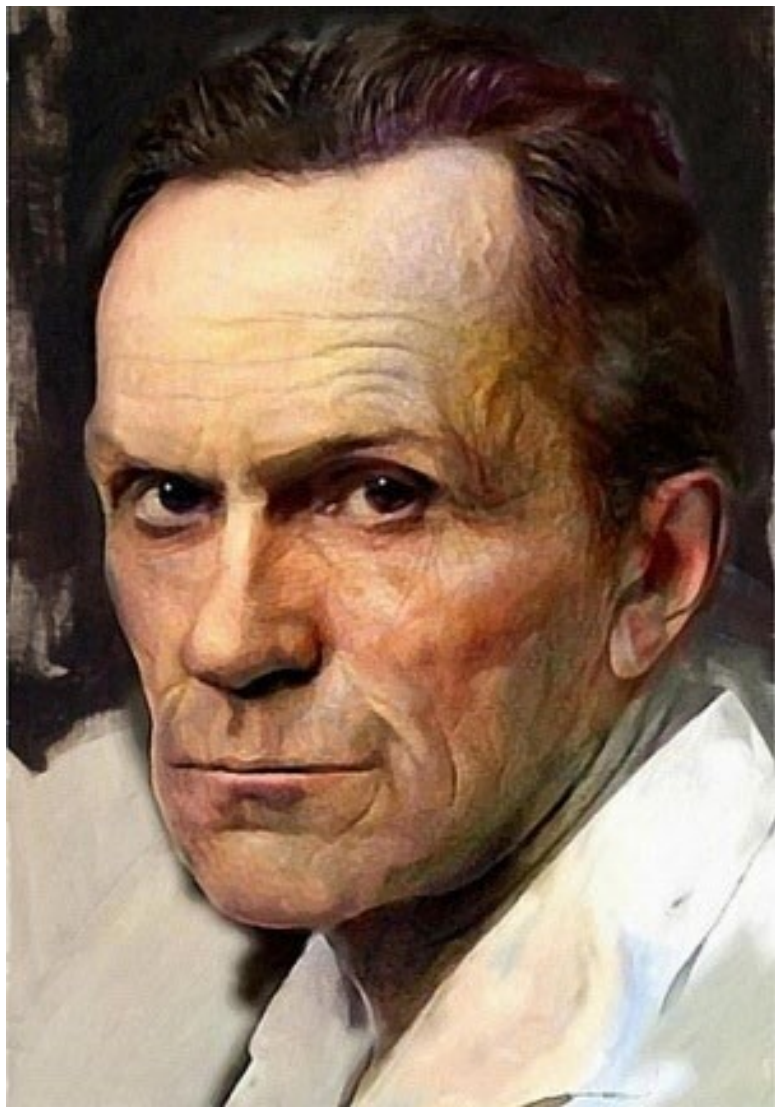
Белых, Григорий Георгиевич (1906-1938) – русский писатель.

Известность получил как один из авторов книги «Республика Шкид» (1927, совместно с Л. Пантелеевым) – о подростках беспризорниках, оказавшихся в детской колонии. Книги «Лапти» (1929), «Белогвардеец» (1930), «Дом веселых нищих» (1933). Репрессирован (1937).

Гитара нередко напоминает о погожих днях, пении серенад по вечерам, душевной радости. В «Республике Шкид» Григория Белых и Алексея Пантелеева читаем: «Уже распустились почки и светлой, нежной зеленью покрылись деревья церковного сада. На улицах бушевала весна. Был май. Вечерами в окна Шкиды врывался звон гитары, пение, шарканье множества ног и смех девушек. А когда начались белые ночи, к шкидцам пришла любовь».

В этом контексте роль гитары не сводится к одному лишь аккомпанементу, она сама выступает в качестве участницы событий, пробуждающих юношеские чувства.

**ВАРЛАМ ТИХОНОВИЧ
ШАЛАМОВ**

Шаламов, Варлам

Тихонович

(1907-1982) –

русский писатель. Был репрессирован. В документально-

философской прозе («Колымские рассказы», 1979) и стихах (сборник «Огниво», 1961, «Дорога и судьба», 1967, «Московские облака», 1972) выразил многострадальный опыт

сверхчеловеческих

испытаний

в сталинских лагерях строгого режима. Воспоминания.

Варлам Шаламов в стихотворении «Холодной кистью виноградной...» восклицает: «О, соглашайся, что недаром / Я жить направился на юг, / Где груша кажется гитарой, / Как самый музыкальный фрукт».

Поэт, кажется, первым уловил едва заметное сходство контуров столь разнородных предметов, как душистый плод и струнный инструмент. А если вдуматься, некоторые гитарные пьесы и впрямь источают тонкий аромат грушевой эссенции, запах меда и теплого бабьего лета!

ПАВЕЛ ФИЛИППОВИЧ НИЛИН

Нилин, Павел Филиппович (1908-1981) – русский писатель. Книга очерков и сценарий фильма «Большая жизнь» (1-я серия, 1940, 2-я серия, 1958), посвященного шахтерам Донбасса. Повести «Жестокость» (1956), «Испытательный срок» (1956), «Через клад-

бище» (1962), рассказы («Дурь», 1973, «Впервые за рубежом», 1978). Острая постановка нравственных и общественных проблем. Государственная премия СССР (1941).

Героиня романа Павла Нилина «Жестокость» Юля Мальцева частенько «веселая, берет гитару и поет». «Больше всего, по словам Узелкова, ей удастся «Все говорят, что я ветрена бываю, все говорят, что я многих люблю!» И между тем она не лишена серьезных духовных интересов. Мечтает поступить в университет».

Автор считает игру на гитаре, равно как и пение, легкомысленным занятием. Ошибочная точка зрения, не делающая чести крупному писателю!

Ироничная повесть «Дурь» описывает незадачливую семейную жизнь провинциалов, официантки и шофера. «Из посторонних Танюшка пригласила на тот ужин двух своих подруг – официанток из кафе. Ирину и Фриду, шеф-повара Ивана Игнатьича и еще одного старичкабухгалтера Костюкова Аркадия Емельяновича с пристани, который, как она объяснила мне, учит ее особо играть на гитаре в струнном кружке при клубе водников. И что вроде того, что неудобно было бы его не пригласить. И, правда, он явился с гитарой, каких я еще не видывал, – большой, блестящей, будто обшитой пуговицами, а сам – весь какой-то коричневый, с крашеными, как у женщины, волосами и слегка плешивый. Заметно при этом, что и плешь он закрашивает чем-то, что-

бы она не бликовала.

—

Я, — сказал он, — сыграю вам сюиту...

Мне эта сюита, откровенно говоря, была ни к чему, но поскольку Танюшке она, может быть, была интересна, я, конечно, не мог возражать. Хотя старичок этот мне сразу не понравился».

Вечеринка закончилась, гости разошлись по домам, но роковой гитарист Аркадий Емельянович всерьез полюбился шоферской жене Танюшке. Читаем дальше: «В третьем часу ночи, таким образом, заезжаю я к себе домой — и что же я застаю? Я застаю свою жену — вы не поверите и ни за что не угадаете с кем. С этим самым Костюковым, Аркадием Емельяновичем, с этим вроде того что пожилым, крашеным дьяволом, шестидесяти, можно сказать лет. Картина? Вот именно. И этот уже совершенно старый черт, приводя себя, как говорится, в порядок, этак усмехаясь от своего же конфуза и снимая со стены гитару, на которой опять, должно быть, играл тут свою сюиту, говорит мне:

—

Извините, — говорит, — если можете, Николай Степаныч, но я, — говорит, — не мог не уступить дамскому капризу. Такая, — говорит, — получилась у нас эмоция...»

Ничего не скажешь — романтический музыкант. Хоть и плешистый, оказался милее женскому сердцу, чем простоватый шофер.

ИВАН АНТОНОВИЧ ЕФРЕМОВ

Ефремов, Иван

Антонович

(1908-1972) –

русский писатель, палеонтолог. Основатель тафономии («Тафономия и геологическая летопись», 1950).

Научно-фантастические, приключенческие, социально-философские романы «Туманность Андромеды» (1957), «Лезвие бри

твы» (1963), «Час быка» (1968-1969). Государственная премия СССР (1952).

Научно-фантастический роман Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» повествует о далеком будущем человечества, когда технический прогресс достиг немыслимых высот. Тем не менее, старушку-гитару люди не забыли.

«–...Спойте, Веда, – попросил Дар Ветер. – У Карта Сана есть вечный инструмент со струнами времен Темных веков феодального общества.

–

Гитара, – подсказала Чара Нанди.

–

Кто будет играть?..

–

Попробую – может быть, справлюсь сама.

–

Я играю! – Чара вызвалась сбежать за гитарой в студию». Импровизированный концерт начался.

«Чара медленно перебирала струны гитары, подняв свой маленький твердый подбородок. Высокий голос молодой женщины зазвенел тоской и призывом. Она пела новую, только что пришедшую из южной зоны песню о несбывшейся мечте. В мелодию вступил низкий голос Веды и стал тем лучом стремления, вокруг которого вилоь и замирало пение Чары... Дуэт получился великолепным – так противоположны были обе певицы и так они дополняли друг друга. Раскаты струн следовали порывами, аккорд догонял другой и бессильно замирал, не достигнув слияния. Мелодия шла отрывисто, точно всплески волн падали на берег, разливались на миг по отмелям и скатывались один за другим в черное бездонное море».

Прославленный советский фантаст совершенно прав: сколько бы чудесных новинок ни выбросила на рынок электронная индустрия, люди будут скучать по гитаре, такой родной и привычной!

Интеллектуально-фантастический роман «Лезвие бритвы» был необыкновенно популярен в советские времена, в библиотеках приходилось неделями ждать своей очереди, чтобы его почитать. Приведем несколько фрагментов текста, имеющих отношение к гитаре. Уличная сценка на родине:

«Сима вернулась на уединенную дорожку у оленьих загонов и замерла в раздумье, едва касаясь пальцами холодной проволоки. Под смех и редкие аккорды гитары к ней направлялась компания молодежи. Ее окликнули две девушки из гимнастической школы. Сопровождавшие их молодые люди тоже были знакомы Симе, веселые и музыкальные ребята из самодеятельности соседнего завода, дружная тройка, часто ожидавшая девушек после занятий.

– Серафима Юрьевна, какую смешную песню нам спел Володя! Ну-ка повтори для Серафимы Юрьевны! – воскликнула одна из девушек, обращаясь к статному парню с кудреватými золотистыми волосами русского добра молодца... Звучным, хорошим голосом он начал старый романс о глазах, как море, от которых не ждешь ничего хорошего, в темной их глубине видятся странные тени. В них силуэты зыбких растений и мачты затонувших кораблей.

Парень пел, а взгляд его выражал действительно мольбу о том, чего не могло быть. Чем больше настораживалась Сима, тем сильнее расходился певец, рвя гитарные струны. Парни улыбались, а девушки, женским чутьем поняв происходящее, притихли».

А теперь перенесемся за границу, в один из южных портов:

«Несложный ремонт «Аквилы» был уже закончен, когда Иво, Сандра, Леа и Чезаре вернулись в город. Моряки подружались с портовыми мастерами, и вернувшиеся из саванны

нашли всю компанию в живописных позах под тентом на палубе, разучивающую под аккомпанемент двух гитар печальную португальскую песню «фадо» – тоска по родине».

Моряки развлекаются на палубе яхты:

«Наверху зазвенели гитары. Калабрийцы распевали неаполитанские портовые песни, ухарские и неприличные. Два вооруженных матроса с патрульного судна, дежурившие на палубе, весело ухмылялись, не понимая слов».

Сцена в гостях, на богатой вилле:

«Чезаре заметил внизу в холле европейскую гитару. Попросив принести ее, он принялся напевать вместе с Леа «Кантаре, воларе»... Итальянка слушала, не шелохнувшись. Под конец крупные слезы неожиданно покатались из ее глаз.

–

Боже мой, Сандра, что с вами? – вскочил, отбрасывая гитару, Чезаре.

–

Да ничего, – Сандра досадливо тряхнула волосами...»

Этот неприхотливый и легкий инструмент можно встретить повсюду, на любом конце земли!

ИРАКЛИЙ ЛУАРСАБОВИЧ АНДРОНИКОВ

Андроников, Ираклий Луарсабович (Ираклий Анд-

роникашвили, 1908-1990) – русский писатель, литературовед, мастер устного рассказа, Народный артист СССР

(1982).

Основные

исследования посвящены М.Ю. Лермонтову. Ленинская премия (1976), Государственная премия СССР (1967).

В 1943 году в Москве открылся Центральный государственный музей музыкальной культуры имени

М.И. Глинки, разместившийся в трехэтажных палатах бояр Троекуровых. Литературовед Ираклий Андроников, в 1960-х годах побывавший здесь, рассказывал: «Целый этаж музея занимают музыкальные инструменты, на которых играют народы Земли: от самых простых барабанов и флейт, сохраняющих первобытный вид, до инструментов современного симфонического оркестра. Тут – бубны и балалайки. Бандуры. Гусли. Кяманчи. Курай. Кумузы. Дудуки. Охотничьи рога. Литовский каннель. Японский самейдайк. Румынский паи.

Индонезийский ситар. Гонги. Спинет XVI столетия. Клавесин. Первые образцы фортепиано... Более двух тысяч инструментов».

Готовя телепередачу и пытаясь как-то выделить наиболее ценные экземпляры, Андроников выбрал четыре экспоната с необычной судьбой. Вот они.

«Фанфара. Трофей Семилетней войны, отбитый у противника русским солдатом в 1759 году. А это – серебряная труба с Георгиевским крестом и надписью: «За храбрость при Фер-Шампенуазе» – то есть за последнюю битву, в которой Наполеон в 1814 году потерпел поражение, после чего русские войска вступили в Париж. Покажем барабан, на который Наполеон во время сражений любил ставить ногу. Может быть, даже щелкнем по нему пальцем. Приобщим к этим трем гитару цыганки Тани – из хора Ильи Соколова, от пения которой однажды разрыдался Александр Сергеевич Пушкин».

Радостно сознавать, что гитара, под звуки которой ронял слезу великий русский поэт, еще жива и благоговейно хранится под музейным стеклом!

МИГЕЛЬ ОТЕРО

Отеро, Сильва Мигель (1908-1985) – венесуэльский поэт и прозаик. В поэзии разрабатывает националь-

ные темы. Сборник «Вода и русло» (1937).

Голос гитары звучит и там, где постепенно умирает жизнь. Мигель Отеро Сильва с горечью пишет в стихотворении «Моя песня мчится к морю»: «Моя кровь течет в море. / Мои стоки видят кривые контуры хижин / без дыма и без надежды на завтра. / В моих водах отражаются взоры / метисов из деревни, забытой на бескрайней равнине. / Мои притоки несут гитарное треньканье / и песню, охрипшую от рома».

Процесс изменения синтаксических конструкций данного отрывка связан с общим мотивом обреченности, предопределенности мрачной картины угасания. Гитарные аккорды – единственное, что оживляет грустный пейзаж.

**ТАМАРА НИКОЛАЕВНА
ЛИВАНОВА**

Ливанова, Тамара Николаевна (1909-1986) – советский музыковед. Доктор искусствоведения. Труды по русской и западноевропейской музыке XVII-XIX веков в ее исторических связях с другими областями художественной культуры.

Первым операм предшествовали драматические постановки с музыкой. Так, в 1589 году во Флоренции состоялся торжественный праздничный спектакль в связи с бракосочетанием Фердинандо Медичи с Христиной Лотарингской. Как отмечает Тамара Ливанова, исполнение пятиактной комедии «Странница» Дж. Баргальи прерывалось музыкальными «интермедиями» и «концертами». Это были «Гармония сфер», «Состязание муз и пиферид», «Битва Аполлона с Пифоном», «Демоны неба и ада». Пьеса заканчивалась балетом.

Музыка состояла из мадригалов. Мадригал Мальвецци исполнялся певицей, остальные его голоса были поручены инструментальному составу, куда входили лютня, большая гитара и другие инструменты. Далее Ливанова пишет: «Мадригал Кавальери прямо предназначен для голоса соло с сопровождением китарроне (басовая гитара)». Затем она добавляет: «По-своему весьма любопытен мадригал Пери «Эхо», предназначенный для трех теноров в сопровождении китарроне».

Ценное свидетельство ученого! В мадригалах трех авто-

ров присутствует гитара!

Она есть и в постановке второй по счету оперы. «Эвридика», констатирует Тамара Ливанова, «в принципе выдержана в новом стиле, как его мыслили участники камераты. В центре внимания композитора – вокальные партии, мелодия, связанная с поэтическим словом, сопровождение же сведено к цифрованному басу. Инструментальный ансамбль невелик, близок бытовым ансамблям и представляется скорее камерным: чембало, лира, лютня, басовая лютня, басовая гитара (китарроне)».

Нельзя отрицать тот факт, что гитара играла существенную роль в процессе возникновения оперного жанра.

ЭЙС КРИГЕ

Криге, Эйс

(1910-1987) –

южноафриканский

писатель, антифашист, участник гражданской войны в Испании (1936-1939) и боев с

Роммелем в Северной Африке (1939-1942). В его ли-

рике высокая гражданственность

сочетается

с

виртуозным использованием

поэтичес

ких и

лексических

средств

языка африкаанс. Перевел стихи Ф. Вийона, Ф.

Гарсиа Лорки, Ш. Бодлера, П. Элюара и других (антология «Для лютни и гитары», 1950).

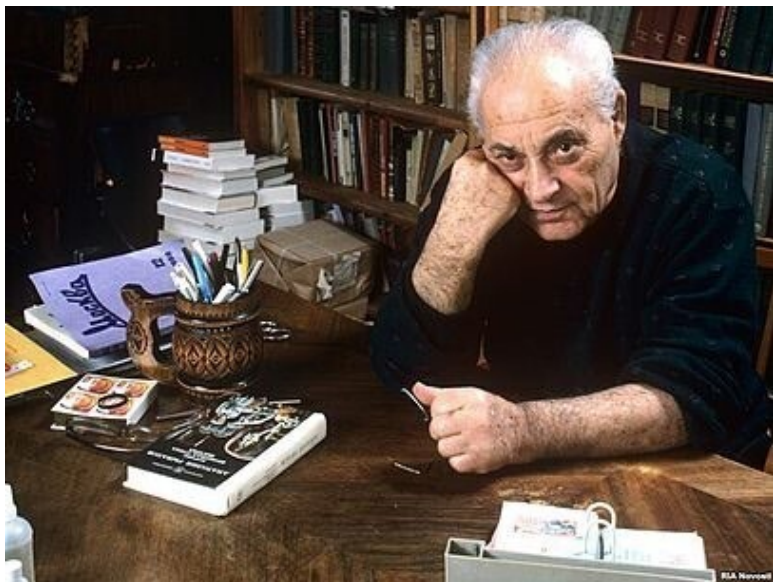
Стихотворение «Танцуют клубы» Эйса Криге рисует картину всеобщего веселья в Кейптауне, на самом юге Черного континента. «Музыка, музыка, звонче лети в небосвод! / Кажется, горы – и те затанцуют вот-вот!.. / Слышишь, как банджо звенит, как гитара поет! /

Каждый, кто хочет, тот с нами танцует и с нами идет!.. / Слышишь ли, слышишь ли, это гитара вблизи забренчала! / Это парни из нашего клуба идут! Это только начало!.. / В золотом и зеленом!.. Как пена могучего вала!.. / Мандолины и банджо, гитары и скрипки грохочут

сейчас! / Туруру-туруру! Слышишь, где-то вступил контра-
бас! / Наша песня сверкает под солнцем, как яркий ал-
маз! / Песня рвется из глоток, из легких и брызжет из глаз!»

Вот вам еще одно доказательство того, что гитара звучит
во всех уголках нашей планеты!

АНАТОЛИЙ НАУМОВИЧ РЫБАКОВ

**Рыбаков, Анатолий Наумович (1911-1998) – русский
писа
тель. Романы**

**социально-нравственных коллизиях
современного производства**

«Водители»

(1950),

«Екатерина Воронина»

(1955).

**Социально-психологический роман «Тяжелый
песок» (1978). Повести для юношества**

«Кортик»

(1948),

«Приключения Кроша» (1960).

В романах «Дети Арбата» (1987),

**«Тридцать пятый и другие годы» (кн.1, 1988, кн.2
«Страх», 1990, кн.3 «Прах и пепел», 1994) время тоталитарного режима воссоздано через судьбы**

поколения 30-х годов. Художественный анализ «феномена Сталина». Репрессирован в 1933-1936. Государственная премия СССР (1951).

**Саша Панкратов, герой автобиографического романа
Анатолия Рыбакова «Дети**

Арбата», за излишнее свободомыслие попадает в ссылку, в деревню Мозгову на берегу Ангары. Поскольку на дворе был 1934 год и «большой террор» еще не начался, условия жизни оказались довольно сносными: можно было работать, читать, даже развлекаться. «Все же пришлось зайти в коопе-

ратив, кончились папиросы. Федя встретил его приветливой улыбкой. Здорово! Здорово! Как голова? В порядке? Ну и ладно! Отпустил папиросы, спички. Предложил купить гитару с самоучителем. Прислали три штуки, а ни тунгусы, ни чалдоны на гитарах не играют. Саша не купил, о чем впоследствии жалел – научился бы играть».

Любопытный штрих: гитара в те годы была настолько широко распространена, что продавалась даже в сельпо, в далекой и холодной Сибири!

Роман «Страх» – продолжение «Детей Арбата». Саша Панкратов, отбыв трехлетний срок ссылки в Сибири, устраивается на работу шофером в Калинин. Это скучный город, не Москва, развлечения здесь незамысловатые.

«В другой раз взяли водки, и Глеб повел его к другим своим знакомым. Две тетקי лет тридцати с чем-то, продавщицы из магазина «Канцтовары», гостеприимные, веселые, выставили закуску. Выпили. Глеб снял со стены гитару, украшенную красным бантом, перебрал струны: «Мы все пропьем, баян оставим и всяких сук плясать заставим...» Лихо пропел. Однако продавщицы запротестовали: «Не надо блатного».

– Не надо, так не надо, – согласился Глеб, – споем другое.

«Зачем насмешкою ответил, / Обидел, ласку не ценя? / Да разве без тебя на свете / Друзей не будет у меня?.. / Дела нет мне до такого до речистого, / Был ты сахарный, медовый, аметистовый, / Но в душе пожара нету, тускло зарево, / Пой,

звени, моя гитара, разговаривай».

Хорошая песня под аккомпанемент гитары – что может быть лучше этого? Тревоги и беды отступают на второй план, и героям романа хочется верить, что жизнь постепенно наладится.

**ВИКТОР ПЛАТОНОВИЧ
НЕКРАСОВ**

Некрасов, Виктор Платонович (1911-1987) – русский писатель. Повесть «В окопах Сталинграда» (1946, сценарий кинофильма «Солдаты», 1957) – дневник офицера, раскрывающий правду будней Великой Отечественной войны. Рассказы и повести (в том числе «Кира Георгиевна», 1961), зарубежные очерки, воспоминания. С 1974 года жил за границей. Мемуарно-ностальгическая проза («Записки зеваки», 1976, «По обе стороны стены», 1980, и другие). Государственная премия СССР (1947).

В книге Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда», которую критики единодушно считают правдивой, почти документальной, задерживает наше внимание такой эпизод: «Карнаухов снимает со стенки гитару. Вчера батальонные разведчики нашли ее в каком-то из разрушенных домов...»

Далее следует сценка, трогаящая душу лиризмом и потрясающей человечностью. И где? В руинах уничтоженного города, когда мороз и смерть, отчаяние и надежда переплелись в единый клубок. «Карнаухов берет аккорд. У него, оказывается, очень приятный грудной голос, средний между баритоном и тенором, и замечательный слух. Поет он негромко, но с увлечением, иногда даже закрывает глаза. Песни все русские, задумчивые, многие из них я слышу в первый раз. Хорошо поет. И лицо у него хорошее, какое-то ясное, настоящее».

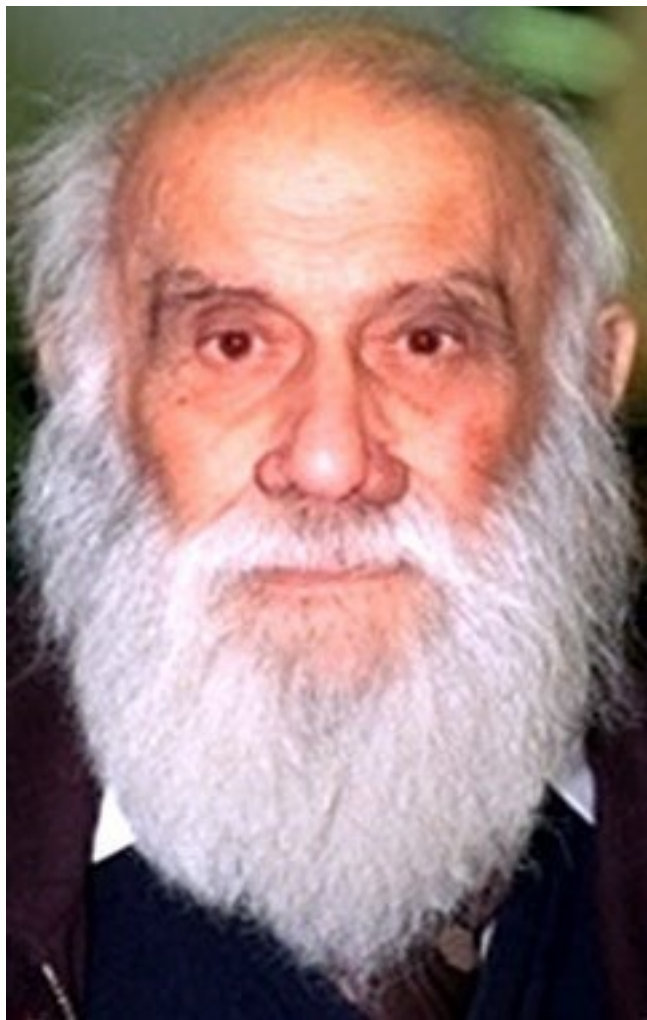
Гитара приходила на помощь бойцам в трудную минуту,

и ее трепетный голос облагораживал их души, вселял веру в торжество добра.

Очутившись в Париже, Виктор Некрасов был поражен несоответствием реальности тому, что он когда-то читал о «столице мира». В «Маленькой печальной повести» он отмечает: у французов, оказывается, «непринято забегать на огонек, о встречах уславливаются за месяц, водки не пьют, поллитра на троих для них смертельная доза, в метро места даме не уступают, и это галантные французы, где ж д'Артаньяны? Бывший мушкетер все выискивал – и обнаружил только бронзового, на памятнике Дюма-отцу. И вообще французы оказались куда замкнутее, куда прижимистее, чем он ожидал. И бесцеремоннее в то же время. Долго не мог привыкнуть к поцелуям на каждом шагу – в метро, в магазине, на улице останоятся, обнимутся ни с того ни с сего и взасос. Потом понял, что он сам ханжа советской выучки, и общая раскованность, безбоязненность, легкость и свобода поведения стала даже нравиться. Развалились в своих маечках, а летом и просто в трусах, на лестнице у Сакре-Кер, бренчат на гитарах, и никакой мент к ним не подойдет: «А ну, марш отсюда, чтобы духу вашего не было!»

Группы молодых людей, слушающих гитарную музыку, – неременная деталь европейского городского пейзажа.

ЛЕВ ЗИНОВЬЕВИЧ КОПЕЛЕВ

Копелев, Лев Зиновьевич (1912-1997) – русский писатель, филолог-германист. В 1945 году был репрессирован и приговорен к десяти годам лагерей. С 1971 года – в эмиграции в Германии. Автобиографическая трилогия «Хранить вечно» (1975), «И сотворил себе кумира» (1978), «Утоли моя печали» (1981). Книги «Святой доктор Федор Петрович» (о Ф.П. Гаазе, 1985), «Мы жили в Москве. 1956-1980» (совместно с Р.Д. Орловой, 1987). Исследования о Г. Манне, И.В. Гете, Б. Брехте, Г. Белле, М. Фрише.

Лев Копелев в биографической книге «Брехт» подробно рассказывает о том, какое влияние оказала гитара на немецкого драматурга.

Бертольд Брехт в гимназии.

«В газетах пишут о героях, которые «рады умереть за кайзера и отечество». Рады умереть? Какой идиот может радоваться смерти? «Боже, покарай Англию», – пишут на плакатах, на пивных кружках, на туалетной бумаге. А он поет под гитару баллады Киплинга, читает друзьям его стихи о храбрых английских солдатах, насмешливых, сильных, уверенных в себе».

9 апреля 1918 года умер Франк Ведекинг, творчеством и личностью которого восхищался Брехт. В некрологе будущий драматург писал: «Он пел несколько недель тому назад... под гитару свои песни. Пел монотонно резковатым и совсем непоставленным голосом, но никогда ни один пе-

вещь меня так не восхищала и не потрясала. Именно сверхъестественная жизненная сила этого человека придавала ему энергию, позволяла вопреки насмешкам и издевательствам петь свою песню песней Человечности и придавала ему личное обаяние. Казалось, он бессмертен...»

Летом того же года призван в армию Вальтер, младший брат Брехта (старший тем временем поступил на медицинской факультет Мюнхенского университета, чтобы уклониться от воинской обязанности).

«В последний вечер в поредевшем кружке друзей братья поют вдвоем, брэнча на двух гитарах. Утром на высокой бетонной платформе товарной станции Брехт молча глядит вслед угрюмо дымящему поезду».

Не удовлетворенный учебной, он устраивается театральным рецензентом в социалдемократическую газету.

«Брехт всюду носит с собой гитару. Время от времени он начинает перебирать разреженные струны – их всегда недостает – и поет свои баллады или песни, которые сочинил на слова Киплинга, Ведекинда, Вийона. Он сочиняет к ним простые мелодии, диковатые, но привязчивые, подчиняющие слух и память».

Брехт выступает со сцены театра-варьете.

«Он садится на обыкновенный табурет, кладет на острые колени гитару и поет жестковатым, резким, скрипучим голосом. Поет, не напрягаясь, не играя модуляциями, но отчетливо произнося каждое слово, старательно выпевая каждый

переход мелодии. Он не старается понравиться слушателям, не заискивает перед ними, не улыбается. Он даже не поет, а внятно, просто и серьезно рассказывает песни... Некоторые записные театралы морщатся.

– Это не искусство. Он обыкновенный рыночный куплетист, конкурирует с шарманщиками. Он подражает кабацким песням Ведекинда, но подражает плохо, потому что недостаточно музыкален. Слушая его, можно впасть в отчаяние, возненавидеть человеческий род».

Дружба с Фейхтвангером.

«Фейхтвангер любит слушать пение Брехта, хотя неизменно говорит, что голос у того «резкий и некрасивый», а гитара дребезжит, что он, собственно, не поет, а просто слишком громко читает свои баллады. Но слушает его часами, забывая о погасшей сигарете».

1923 год. Марианна, жена Брехта, рождает дочь.

«Он сидит у кровати дочери и пощипывает струны гитары. Зудящие звуки наполняют комнату и, как усталые мухи, бьются об оконные стекла. Он поет насмешливо-печальные и заунывно-плясовые песни».

Песенное творчество Брехта.

«Брехт часто сам сочиняет мелодии. Иногда стихи рождаются вместе с мелодией, вырастают из нее. Из привязчивой песенки, переименованной шутя либо случайно: в лад шагу, ритмам трамвайных колес или порывам ветра, шумящего за окном. Из воспоминаний о церковных хорах и уличных

певцах. Он брэнчит на гитаре, и слова прилетают, как отголоски гудящих, жужжащих струн... Ему необходимо нечто совершенно иное, чем те звуковые эффекты, которые принято называть музыкой... Необходимы просто лад, ритм, интонация. Поэтому чаще всего нужны гитары, трубы, может пригодиться шарманка, лишь бы не скрипки. И значит, ему нужна вовсе не музыка, а нечто совсем другое, скажем так: «мызука»; вроде похоже и все же не то».

1928 год. Работа над «Трехгрошовой оперой».

«...Брехт читает Вайлю стихи, потом берет гитару, перебирает струны: нужна примерно такая мелодия. Вайль улыбается, коротко записывает в блокноте. На следующий день он играет на пианино, а Брехт подпевает. Угрюмой насмешкой звучит пародийномолитвенный напев».

Оглушительный успех «Трехгрошовой оперы».

«Брехт и Вайль стали знаменитостями. Их зонги поет весь Берлин. Появились тысячи пластинок; уличные певцы с гитарами и гармошками разносят песни Мэкки и Пичема, Дженни и Полли по самым дальним окраинам. Предприимчивый делега открыл «Трехгрошовое кафе» – там постоянно звучат только мелодии их оперы».

Нетрудно понять, что именно гитара изменила судьбу молодого Бертольда Брехта:

благодаря гитаре и любви к театру мир получил вместо заурядного врача блистательного драматурга.

ОСКАР СЕРРУТО

Серруто, Оскар (1912-1981) – боливийский поэт, журналист, дипломат. Сборник «Число роз и семь песен» (1954), роман «Огненный потоп».

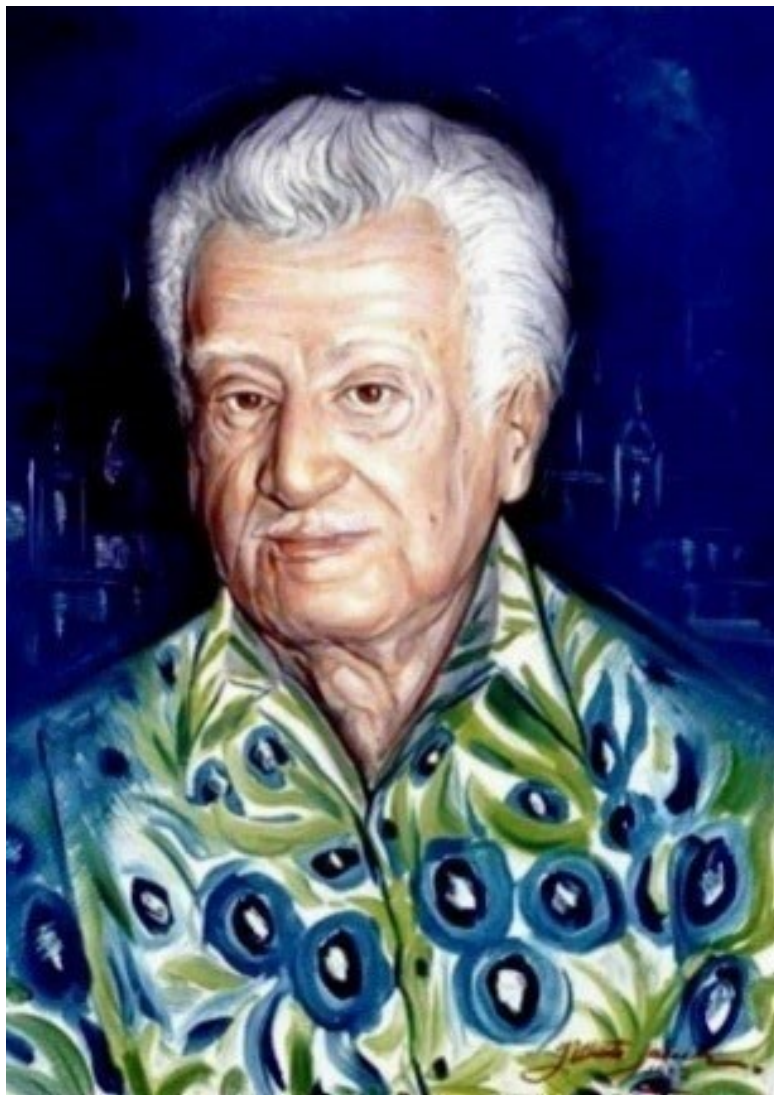
Подобно Гильермо Фабре, Оскар Серруто в своих стихах

часто обращается к красочным метафорам: «Беспредельное плоскогорье, / распластанное и яростное, как пламя. / От звона его гитар чернее черное горе, / безлюдье капля за каплей буравит камень».

(Стихотворение «Плоскогорье»)

Сюрреалистический пейзаж ожил благодаря звенящим гитарам.

ЖОРЖИ АМАДУ

Амаду, Жоржи (1912-2001) – бразильский писатель. В социально-революционном романе-дилогии «Бескрайние земли» (1943) и «Город Ильеус» (1944), «Красные восходы» (1946), «Подполье свободы» (1952) и других, а также в повестях, рассказах передал энергию и своеобразие бразильского национального характера. Романы «Возвращение блудной дочери» (1977), «Военный китель, академический мундир, ночная рубашка» (1979). Художественные биографии. Международная Ленинская премия (1951).

Роман «Капитаны песка» Жоржи Амаду описывает жизнь городских низов. Гитара здесь упоминается едва ли не на каждой странице, она вечная спутница молодежи. Один из подростков мечтает о будущем: «...Долдон подумал: дураком надо быть, чтоб по своей воле уехать из Байи. Вот он подрастет немного, и начнется расчудесная жизнь портового молодца: нож за поясом, гитара за спиной, красotka на пляже. Чего еще надо? Вот жизнь, достойная мужчины».

Похоже, что в солнечных краях немислимо существование без гитары, она скрашивает бедность.

Знаменитый роман «Дона Флор и два ее мужа», кроме поднятых в нем социальных, нравственных, психологических проблем, имеет музыкальную канву развития, где гитаре отведено важное место. Проследим эту «звуковую» драматургию произведения

Часть I. О смерти Гуляки, первого мужа донь Флор (под аккомпанемент кавакиньо, то есть бразильской маленькой гитары).

Часть II. О первом периоде вдовства Флоры, отмеченного печалью, строгим трауром и воспоминаниями о прошлом (под аккомпанемент скрипки, гитары и флейты).

Часть III. О периоде менее строгого траура, об интимной жизни вдовы, о том, как она пришла к мысли о втором замужестве, когда думы о покойном супруге стали ее тяготить (с предсказаниями на хрустальном шаре).

Часть IV. О том, как донна Флор жила со своим вторым мужем в покое и благополучии (аккомпанемент на фаготе).

Часть V. Об отчаянной борьбе между духом и плотью (в сопровождении африканских барабанов и шутиливой песенки Эшу).

В книге гитара символизирует собой будни и праздники простых людей, карнавал, веселье, внезапную смерть жизнерадостного человека, полного сил и здоровья. Кстати, здесь напрашивается параллель с Кармен, погибшей в момент торжества тореадора, и тоже в миг всеобщего ликования.

Где и когда звучит гитара в романе Амаду?

Раскроем книгу.

Бразильский карнавал:

«Во главе этой карнавальской группы шествовал небольшой оркестр гитаристов и флейтистов, среди которых был тощий Карлиньес Маскареньяс, хорошо известный в мест-

ных публичных домах. Он играл – и как божественно играл! – на самой маленькой гитаре кавакиньо. Юноши были одеты в цыганские костюмы, девушки – в костюмы венгерских и румынских крестьянок. Но ни одна венгерка, румынка, болгарка или югославка не могли извиваться в танце так, как извивались эти веселые девушки в расцвете молодости».

«Маскареньяс в цыганском камзоле, расшитом стеклян-русом и бисером, с нарядными серьгами-кольцами в ушах, изощрялся на своем кавакиньо. Стонали флейты и гитары. Гуляка танцевал самбу самозабвенно, как делал все, кроме работы. Он вертелся вокруг мулатки, притоптывал каблуками и наступал на нее, словно петух».

Смерть Гуляки в разгар веселья:

«Представление было затеяно для желанного Карлиньоса Маскареньяса (уж не производное ли это прозвище, от слова «маскарад»? – В.Р.), по которому вздыхала эта слабонервная особа. Анете считала себя необычайно чувствительной и изгибалась, как кошка, когда он играл на своем кавакиньо. Теперь кавакиньо безмолвствовало, никчемно свисая с руки артиста, будто Гуляка унес с собой в иной мир его последние аккорды».

Серенада под окном любимой женщины:

«Гуляка собрал для Флор самых лучших музыкантов: несравненное кавакиньо тощего Карлиньоса Маскареньяса, скрипка знаменитого Эдгаро Коко, флейта виртуоза Валтера да Силвейры... На гитаре играл молодой человек, которого

все любили за галантность, веселый нрав, скромные и вместе с тем благородные манеры, за его остроумие, утонченность, редкие музыкальные способности и чарующий голос. С недавних пор он стал выступать по радио и уже пользовался заслуженной славой...»

«В начале Ладейры они остановились, и скрипка Эдгара Коко издала первые душераздирающие звуки. Ее поддержали кабакиньо, флейта и гитара, а затем вступили голоса Каймми и Гуляки. Гуляка не был отличным певцом, но его вдохновляли страсть, желание отомстить за возлюбленную, утолить ее печаль, утешить, доказать ей свою любовь:

«Ночь. Улыбка уснувших небес, / Звезд любовная дрожь, / Лунный свет, наполняющий лес, / Как серебряный дождь, / Как роскошный, сверкающий дождь... / Я пою. Я тебя умоляю:

«Услышь!» / Ты не слышишь. Ты спишь...»

Серенада плыла вдоль по улице, и из окон стали высываться головы любопытных, плененных музыкой и пением».

Что сказать по поводу этого фрагмента? Образ гитариста здесь положителен, в нем есть нечто от благородного испанского идалго. А сколько теплоты и нежности в самой серенаде, исполняемой современными горожанами! Нельзя не восхититься трепетной любовью, которую испытывает к гитаре Жоржи Амаду!

Знаменитый певец в гостях у Гуляки:

«А ведь кумушки толклись около дома, и видели, как Си-

лвио, взяв гитару, запел своим полным страсти, истинно бразильским голосом. Послушать его собралась целая толпа, он пел до рассвета, а гости, сидя за пивом и кашасой, заказывали все новые песни, и певец никому не отказал».

Застолье в Бразилии просто немыслимо без гитары!

Гитара во сне и наяву у доны Флор:

«Разъяренная дона Розилда все время добивается, почему Силвио Каллас оказался в Назарете, а тот отвечает, будто приехал только затем, чтобы петь вместе с Гулякой серенаду доне Флор. «Я ненавижу серенады», – рычит дона Розилда. Но Силвио взял гитару, и его нежный, бархатный голос зазвучал над бухтой Реконкано. Дона Флор улыбалась во сне, слушая протяжную, грустную песню.

Голос певца становился все громче, песня звучит все ближе, и дона Флор уже не знает, сон это или явь. Она вскакивает с постели и подбегает к окну.

На улице стоят Гуляка, Мирандон, Эдгар Коко, Карлиньос Маскареньяс, бледный Женнер Аугусто из кабаре «Аракажу». И среди них Силвио. Аккомпанируя себе на гитаре, он поет для доны Флор: «...Под звуки мелодии страстной, / Под звон шестиструнной гитары...»

Сколько возвышенных эмоций пробуждает в душе женщины серенада! Кажется, что рыцарское прошлое не миновало, оно присутствует в современном индустриальном городе.

Любовь к гитаре у простых людей:

«Дона Флор воспитывалась на высоких творениях Баха и Бетховена, которым дона Тиза внимала в полумраке немецкой гостиной. Она привыкла к народным мелодиям и серенадам под аккомпанемент гитары, кабакиньо, беримбау и свирелей».

Гитара, несомненно, воспитывает музыкальный вкус у простых людей бразильского общества!

Ненависть самодовольных мещан к гитаре:

«Однако дона Розилда считала святотатством сравнивать вещи, исполняемые любительским оркестром для изысканной публики, с треньканьем каких-то болванов на гитаре».

Примитивным людям кажется, что на гитаре можно только «тренькать», а не играть!

Подводя черту вышесказанному, следует признать: бразильский писатель всем сердцем обожает гитару, видит в ней выразительницу духа своего народа.

«Габриэла» – роман о свободной любви и душевной привязанности. Его главная героиня – бразильская Карменсита. Естественно, что писатель не может обойтись без гитары. Она – неотъемлемая часть бразильского пейзажа:

«Норд-ост дует все сильнее, наполняя паруса. Лети, «Смелый», лети, уже видны вдалеке огоньки Байи. Уже слышен барабанный перестук кандомбле, пение гитар, протяжные стоны гармоник».

Слепцы, поющие под гитару:

«Слепец, перед которым на земле стояла плошка, расска-

зывает под гитару истории времен борьбы за землю: «Храбр Амансио сверх меры, / меткостью своей гордится, / лишь один Жука Фейррейра / мог с ним в храбрости сравниться. / Темной ночью в сельве жутко, / повстречались близ границы. / – Кто идет? – воскликнул Жука. / – Человек – не зверь, не птица! / И коснулся палец спуска – / рад Амансио сразиться».

«Слово об Ильеусе распространилось по всему свету, слепцы под гитару воспевали его изобилие, коммивояжеры рассказывали, будто в этих богатых краях, населенных отважными людьми, можно устроиться очень быстро, ибо не было более доходной сельскохозяйственной культуры, чем какао».

Гитара на фазенде у богатого плантатора:

«Алтино устроил роскошный обед, на котором присутствовали фазендейро, коммерсанты, врач, аптекарь, священник – все, кто занимал достаточно видное положение в местечке. Алтино велел позвать музыкантов, играющих на гармонике и гитаре, певцов-импровизаторов, в частности одного слепца, слагавшего замечательные стихи».

Гитара в ночном баре:

«Габриэла быстро ушла. Совсем рядом с «Бате-Фундо», откуда доносились грохот бубнов и звон гитары, какой-то пьяный, качнувшись, попытался ее обнять. Габриэла оттолкнула его локтем, он потерял равновесие и схватился за фонарь. Из двери «Бате-Фундо», находившегося на плохо освещен-

щенной улице, слышался гул голосов, громкие раскаты смеха и крики».

Гитара в новогоднюю ночь:

«Около одиннадцати часов, когда на улице совсем мало людей, послышалась музыка кавакиньо и гитар, флейты и барабанчиков и голоса, певшие кантиги, которыми сопровождаются танцы рейзадо. Габриэла подняла голову. Ошибаться она не могла. Это терно Доры».

Гитара в повседневном быту. Богатый владелец плантации какао содержит любовницу. Неожиданно он застаёт её в объятиях учителя. И что же? Публика замерла в ожидании криков, выстрелов, убийства. Ничего похожего не случилось, кроме комичной сцены:

«И действительно, ничего не произошло, если не считать, что из дому вышли под руку Глория и Жозуэ и направились по набережной, чтобы миновать оживленный «Везувий». Немного погодя служанка выставила на тротуар узлы, чемоданы, гитару и ночной горшок – единственную пикантную деталь во всей этой истории...»

В романе «Габриэла» гитара занимает подобающее ей место. Автор в восторге от ее восхитительных звуков.

Собирательный образ художника, незаурядной творческой личности, неоднократно воплощался в литературе XX века. Достаточно вспомнить Кола Брюньона из одноименного романа Ромена Роллана (1904-1912), Адриана Леверкюна из «Доктора Фаустуса» (1947) Томаса Манна и Педро Ар-

шанжо, главного героя «Лавки чудес» (1969) Жоржи Амаду.

Последнего, а именно Аршанжо, называют двойником автора. Мы не ошибемся, если в этом персонаже увидим некоторые черты личности и бразильского композитора Вилла-Лобоса.

Интересно проследить, какое место занимает гитара в жизни Педро Аршанжо, ученогэтнографа, создателя теории «смешения рас», но, к сожалению, получившего признание только после смерти.

Кто он, местре Педро?

«Педро Аршанжо Ожуба проходит в танце (т.е. танцует – В.Р.), он не один, он разный, он многолик: старик, зрелый мужчина, юноша, подросток, гуляка, танцор, говорун, выпивоха, бунтарь, мятежник, забастовщик, демонстрант, гитарист, влюбленный, пылкий любовник, писатель, ученый, колдун».

«Лавка чудес» – это центр народного творчества, руководимый Педро, где представлены всевозможные образцы ремесленных и художественных изделий. И, конечно же, «здесь толкуются певцы-трубадуры, бродячие поэты, гитаристы-импровизаторы, сочинители книжонок, что набраны, сверстаны и отпечатаны в типографии Лидио Корро или в другой какой-нибудь, не менее убогой, – книжки эти идут по пятьдесят рейсов – за бесценок, и расходуется поэзия и проза по вольной земле Пелоуриньо».

Педро сызмала «искусно играл на гитаре и кавакиньо – о

беримбау или атабаке и говорить нечего: этому он научился еще в детстве, когда устраивался праздник на улице или на террейро».

Педро в юности:

«Когда он вернулся из Рио, ему шел двадцать второй год, был он щеголем, играл на гитаре и кабакиньо».

Любимая женщина Педро:

«Чтоб рассказать про Розу, Розу де Ошала, Розу-негрятянку, чтоб описать, как веет от нее ароматом ночи и запахом самки, как блистает ее шелковистая, нежная, словно лепесток, иссиня-черная кожа, как бренчат ее серебряные браслеты, как полна она глубинной гордой силы и красоты, как томно сияют ее колдовские глаза – для всего этого надо быть великим поэтом, растрепанным рапсодом, а бродячий певец-гитарист с соседней улицы, хоть и ловко

складывает семистопные частушки, тут не справится, нет, не справится!..» Педро аккомпанирует танцующей Розе:

«Берет Лидио Корро флейту, будит мелодией звезды, гитарным перебором ищет Педро Аршанжо луну в небесах, подносит ей, Розе, – ничего для нее не жалко, ничего для нее не слишком, и о Розе рождается в «Лавке чудес» самба, и плачет-заливается флейта о любви...» Педро с другой женщиной:

«Хлопают в такт красотишки, кружится самба, звучит флейта, громче звенит гитара. У каждой – своя тайна, свое томление, своя мука. У ног Педро Аршанжо, прижавшись к нему,

сидит белокожая и белокурая шведка Кирси».

Игру Педро слушают студенты:

«В центре площади, у фонтана, его окружили студенты, и один из них, лоботряс четверокурсник, любивший праздники и шутки, отдававший должное таланту Педро в игре на гитаре и кабакиньо – он и сам с удовольствием брэнчал на виоле, – показал ему брошюрку».

Педро в компании девиц:

«...А собирались они в Рибейру. Будиан отправился вперед, повез провизию и девиц. Обещалась там быть одна, по имени Дурвалина, – просто куколка... Педро Аршанжо посулил ей, что будет петь под гитару, а потом, в самый разгар праздника, похитит ее и на лодке свезет в Платаформу...»

Певец прославляет имя Педро, выступившего за права чернокожих бразильцев:

«На сцену вышел, презрев все нормы и правила, юный, отважный и талантливый Каэтано Жил: он пел под гитару свои песенки о жизни, любви и надежде, сочинял самбы и модиньи. Вот его творение: «Утверждать Аршанжо смеет: / Нынче негр читать умеет! / Чернокожий! / Было ж сказано когда-то / Что диплома у мулата / Быть не может! / Но Аршанжо заявляет: / И метис теперь читает. / Вот напасти! / В наказанье за отвагу / Засадить его в тюрьгу! / Где же власти?! / Что же смотрит полицейский? / Ясен умысел злодейский! / Это смута! / Покарать за оскорбленье, / За такое поношенье / Нужно круто!» На празднике в честь вручения диплома Та-

деу:

«Лидио Корро берет флейту, передает Педро Аршанжо гитару, танцоры становятся в круг, начинается самба. Где вы, Кирси и Доротея, Ризолета и Делэ? Сабина дос Анжос переместилась в Рио-де-Жанейро, к сыну, он у нее моряк. Ивана вышла замуж за шкипера парусника, живет в Муритибо. А здесь – лишь юные невесты, которые напрасно пожирают глазами новоиспеченного доктора Тадеу».

Педро и его ближайший друг в старости:

«В «Лавке чудес» и на улице, в веселых домах и меблированных комнатах кумовья смеялись и пели в кругу молодых женщин на танцевальных вечерах и пасторилах, на праздниках и пирушках; с ними по-прежнему были гитара и флейта, Розы – не было. Как бы ни ублажали Лидио, тоска его не исчезала: кто обладал Розой, никогда не сможет ее забыть, заменить другой. А для Педро Аршанжо любовная тоска началась много раньше. «Не знаешь ты, милый мой кум Лидио, чем я заплатил за то, чтобы сохранить твою дружбу».

Неудачная попытка Педро устроиться на работу в гимназию:

«Надзирателем в гимназии Педро Аршанжо проработал одни сутки: ему показалось, что воспитанники интерната – узники, оторванные от семьи и лишённые улицы, жертвы строгой дисциплины, вечно голодные и тоскующие по свободе. В свое первое и последнее дежурство он организовал с мальчишками импровизированный литературно-музыкаль-

ный вечер: стихи и кавакиньо. Они пропели бы до утра, если бы директор гимназии, срочно вызванный из дома, не положил конец “этому немислимому безобразию”».

Несколько строк из последней записки профессора о Педро Аршанжо:

«Мулат, бедняк, самоучка. Еще мальчиком нанялся юнгой на грузовое судно. Несколько лет прожил в Рио-де-Жанейро. По возвращении в Байю работал наборщиком в типографии, преподавал в начальной школе, затем поступил на медицинский факультет на должность педеля и проработал там около тридцати лет; был уволен после выхода в свет одной из его книг, навлекшей на него гонения. Музыкант-любитель, игравший на кавакиньо и шестиструнной гитаре. Участвовал в народных праздниках и обрядовых действиях. Женат не был, ему приписывают множество любовных связей, в том числе с некоей прекрасной скандинавкой, то ли шведкой, то ли финкой, точных сведений нет».

Нетрудно убедиться, что Педро Аршанжо, борец против дискриминации негров и индейцев в Бразилии, не расставался с гитарой до последних дней жизни.

Герой рассказа «Чудо в Пираньясе» вел жизнь свободного художника, и это ему неплохо удавалось. «На просторах сертанов Байи и Сержипи, где обычно бродил Убалдо со своим чемоданчиком, гармоникой и гитарой, все его знали и любили. За ним приходили издалека, чтобы пригласить на крестины, свадьбу или велорио: никто лучше него не мог при-

думать здравицу в честь новобрачных или рассказать историю на ночном бдении, которая заставила бы плакать или смеяться даже покойника».

Вопреки расхожему мнению, что будто бы искусством сыт не будешь, этот бродячий поэт и музыкант жил припеваючи. «Убалдо Кападосио содержал три семьи продажей своих книжек, гармоникой и гитарой, голосом с хрипотцой и стихами, плохими или хорошими – неважно, главное, поэзия кормила трех жен (все незаконные) и девятерых детей, трое из которых – приемные... Кападосио был богат талантами и детьми – девятью, как уже было сказано, но только шесть его собственные: трое у Ромилды и трое у Валделиси. Еще троих он усыновил. Самый старший достался ему вместе с Ромилдой, когда мулатка решила бросить своего мужа, торговца из Аракажу, и следовать за пением волшебницы-гитары одинокого и печального трубадура».

А вот Розалво, персонаж рассказа «Иеманжа, богиня пяти имен», плохо жил и плохо кончил. Его любовница Роза Палмейрао, от имени которой ведется повествование, вспоминает: «Она тогда сама была почти ребенком, любовь не считается с возрастом. Старуха мать прокляла ее тогда, и так она и отправилась по свету. Он был бродяга, хорошо играл на гитаре, его возили бесплатно на шхунах и кораблях, и музыка его оживляла не один праздник во многих городах побережья. Роза Палмейрао очень сильно его любила, и было ей всего лишь пятнадцать лет, когда она с ним познакоми-

лась. Она с ним и голодала, ибо денег у него никогда не водилось, и терпела от него побои, когда он напивался, и даже прощала ему похождения с другими женщинами. Но когда она узнала, что ребенок родился мертвым из-за того, что он, Розалво, нарочно дал ей тогда это горькое питье, что он не хотел, чтоб дитя родилось живым, тогда она переменялась сразу и навсегда. Тогда она стала Розой Палмейрао с кинжалом на груди и ножом за поясом и ушла, оставив любимого мертвым подле его гитары. Все было в нем ложью – и его песни, и его взгляды, и его мягкая манера говорить».

Эти два литературных персонажа Амаду, несмотря на искреннюю привязанность их к гитаре, являются несомненными антиподами.

Роман «Бескрайние земли» повествует о тяжелой жизни поденщиков на плантациях какао в Бразилии. Время от времени на его страницах появляется гитара, однако напев ее, как правило, грустный. «Была мягкая лирическая ночь. Полоска лунного света, падающая на камни мостовой, звезды, виднеющиеся через открытые двери, далекие звуки гитары, аккомпанирующей женщине, которая монотонно и печально напевала какую-то песенку о потерянной далекой любви – вся эта поэзия ночи доносилась и до грязного прилавка таверны».

Приведем еще одну картину:

«Откуда в безлунной ночи доносятся звуки гитары? Это грустная песня, тоскливая мелодия, в ней поется о смерти.

Синьо Бадаро никогда особенно не вслушивался в печальную мелодию и слова песен, распевавшихся в краю какао работниками – неграми, мулатами и белыми. Но сейчас, проезжая по дороге на своем вороном коне, он почувствовал, что эта музыка проникает ему в душу... Музыка доносилась, наверное, с плантации, из какой-нибудь хижины, затерявшейся среди деревьев какао. Пел мужчина. Синьо не понимал, чего ради негры по ночам часами тренькают на гитаре, когда у них и без того так мало времени для сна.

Но музыка доносилась до него на каждом повороте дороги, иногда она была еле слышна, а то вдруг усиливалась, словно играли где-то совсем близко.

Мой удел безнадежно печален

Только труд от зари до зари...»

Впрочем, не только о безысходной тоске поет гитара в романе. «На ярмарках в поселках и городах слепые гитаристы слагали баллады об этих стычках, о перестрелках, обогривших кровью черную землю какао... Поэтами и летописцами этого края были слепцы. В их печальных песнях, в струнах их гитар жили традиции и история земли какао. Толпы на ярмарках, люди, приехавшие, чтобы продать муку, кукурузу, бананы и апельсины, люди, прибывшие, чтобы что-то купить, собирались вокруг слепых послушать истории времён начала эры какао – начала столетия. Они кидали монеты в чашку у ног слепого, гитара стонала, голос пел о стычках в Секейро-Гранде, о кровопролитиях прошлого... Лю-

ди с улыбкой присаживаются на корточки, некоторые опираются на палки и внимательно слушают повествование слепца. Гитара аккомпанирует виршам, перед глазами возникают люди, которые некогда завоевывали лес и вырубали его, люди, которые убивали и гибли сами, люди, которые сажали какао».

Да, Амаду – непревзойденный лирик и летописец. Его романы помогают нам понять душу и чаяния бразильского народа.

ХУЛИО КОРТАСАР

Кортасар, Хулио (1914-1984) – аргентинский писатель. В реалистической прозе с элементами фантастики и философской символики – поиски новых форм бытия и сознания. Романы «Выигрыши» (1960), «62. Модель для сборки» (1967), «Последний раунд» (1969). Проблемы формирования личности в процессе борьбы в романе «Книга Мануэля» (1973).

Состязание двух джазовых исполнителей, гитариста и корнетиста, описано в романе Хулио Кортасара «Игра в классики». Обоих музыкантов уже нет в живых, однако осталась пластинка с записью их великолепной игры. «Жалобный голос саксофона, году в двадцать восьмом или в двадцать девятом прокричавший о том, что он боится пропасть, поддержанный любительской ударной группой из женского колледжа и партией фортепиано. Но потом пронзительно вступила гитара, точно возвещающая переход к иному, и неожиданно... вперед вырвался корнет и, уронив две первые ноты темы, оперся на них, как на трамплин. Бикс ударил по сердцу, четко – как падение в тишине – прочертил тему. Двое, давно уже мертвых, сражались, то сплетаясь в братском объятии, то расходясь в разные стороны..., перебрасывали, точно мяч, тему «I'm coming, Virginia»...»

Американская джазовая музыка начала XX века не обходилась без гитары!

ДИДЕРИК ОПЕРМАН

Опперман, Дидерик Йоханнес (1914-1985)– южно-африканский поэт. Писал на языке африкаанс. На русский язык переводил Евгений Витковский.

Поэзии Дидерика Йоханнеса Оппермана свойствен мрачный лиризм. В поэме «Журнал Йорика» он говорит: «Сажевый ливень льет на бетон, / над площадью сеется базарной, / налипает на жесь и на картон, / оседает в кафе на деке гитарной».

Тусклый индустриальный пейзаж становится еще более грустным, когда наш взор падает на давно заброшенную гитару.

ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ ШЕФНЕР

Шефнер, Вадим Сергеевич (1914-2002) – русский писатель. Родился в дворянской семье. В 1937 году окончил рабочий факультет при Ленинградском университете. Начал печататься в 1936 году. В 1940 году вышла его первая книга стихов «Светлый берег». Во время Второй мировой войны был сначала рядовым, потом работал военным корреспондентом в Ленинграде. Автор сборников «Своды» (1967), «Запас высоты» (1970), «Переулочек памяти» (1976), «Годы и миги» (1983). Повесть «Сестра печали» (1970) – о блокаде Ленинграда. В 1965 году была опубликована его первая повесть в жанре фантастики – «Девушка у обрыва», затем появились «Запоздалый стрелок» (1967), «Дворец на троих» (1968),

«Лачуга двойника» (1981), которые позднее вошли в сборник под названием «Сказки для умных». В 1997 году удостоен Пушкинской премии в области поэзии. Государственная премия им. М. Горького (1985).

Раскроем автобиографическую книгу Вадима Шефнера «Сестра печали». Там есть эпизодический персонаж Костя, никогда не разлучавшийся с гитарой. «Действительно, в смысле внешности Косте не повезло. Парень сильный, стройный, но левый глаз – стеклянный и вся левая щека в синих точках-порошинках. За это его и прозвали Синявым. Давно, еще шкетом, Костя мастерил пистолеты-самопалы, и

однажды самоделку разорвало».

Костя не только играл на гитаре, но и пытался петь. «Когда я, вдоволь набродившись по линиям, вернулся домой, Костя полусидел-полулежал на своей постели и брэнчал на гитаре. Это было одним из его любимых занятий, хоть музыкальным слухом он и не обладал. Обычно гитара лежала у него под кроватью, а не висела на стене, как у всех порядочных гитаристов, – гвозди в наши стены вбивать было не просто.

– Какие последние слухи из убежища Марии Магдалины? – спросил он и, не дожидаясь моего ответа, не в лад аккомпанируя, затянул куплет из «Гоп со смыком» с перевранными словами:

Мария Магдалина там живет, – да-да!

Техникума нашего оплот, – да-да!

Заведение открыла, райских девок напустила,

С ангелов червончики гребет, – да-да!»

Невинное увлечение Кости-Синявого гитарой, приправленное блатной романтикой, придает ему комический вид. Сколько таких подростков-детдомовцев с искаленной психикой позднее сбились с пути – Бог весть!?

У Вадима Шефнера есть философское стихотворение, которое хочется привести целиком: «Кого-то нет, кого-то нет... / В одной квартире старой / Висит гитара давних лет, / Умолкшая гитара. / Ее владельца ожидать / Нелепо, бесполезно, – / Унесена его кровать / К соседям безвозмездно. / Но кто-то все не верит в быль, / Что нет его навеки, / Но кто-

то отирает пыль / С потрескавшейся деки. / И, слушая, как
вечерком, / Не помня песен старых, / Бренчат ребята за ок-
ном / На новеньких гитарах, / Все смотрит вдаль из-под руки
– / Во мрак, в иные зори – / И ждет, что прозвучат шаги /
В пустынном коридоре». (Стихотворение «Кого-то нет, ко-
го-то нет...»)

Шефнер поэтически точно решил вопросы о смысле чело-
веческого бытия, искусства и творческого бессмертия, взяв
в качестве примера судьбу безвестного гитариста.

БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ КРЕМНЕВ

Кремнев, Борис Григорьевич (1914-1984) – русский писатель. Книга «Шуберт» (1964).

Шуберт – новатор в музыке. Композитор внимательно следил за вновь изобретенными инструментами. Один из них – арпеджионе. Обо всем этом узнаем в книге «Шуберт» Бориса Кремнева:

«Тоска, удушливая и иссушающая, все плотнее присасывалась к нему. Она была бесплодна и, как выжженная пустыня, не рождала ничего. Шуберт никогда не был присяжным весельчаком, постоянно ясным и бездумным. Случалось и раньше, что на смену веселью придет грусть, нежная и ласковая, рождающая то задумчиво-мечтательное настроение, которое раскрывает все створки души и располагает к творчеству. Это доброе и плодородное чувство он запечатлел в сонате ля-минор.

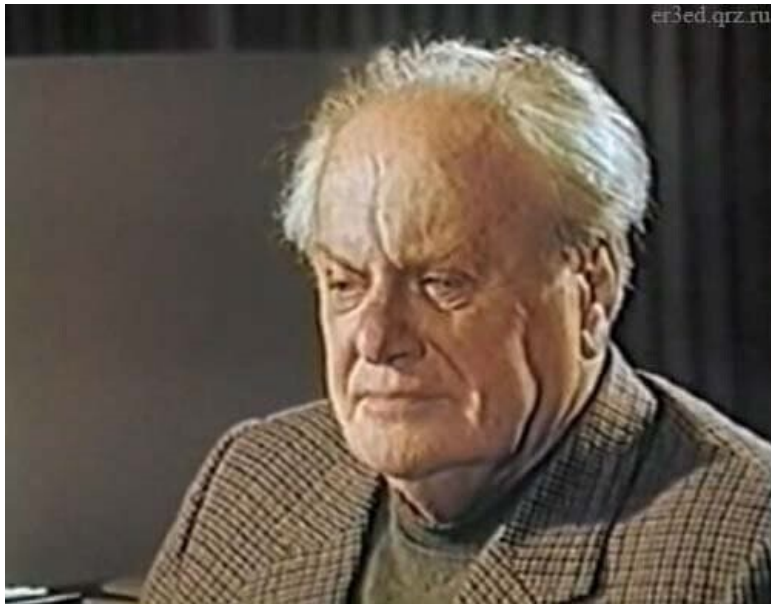
Он написал ее для арпеджионе, нового, только что изобретенного инструмента – странной помеси виолончели с гитарой. Во все времена и народы находятся чудачки, изобретающие новые музыкальные инструменты. Жизнь этих инструментов скоротечна. Не успев родиться, они тут же уми-

рают, в отличие от их создателей, которые продолжают свой неустанный труд, призванный произвести очередной переворот в музыке.

Такая же бесславная участь постигла и арпеджионе. Ныне никто не помнил бы о нем, если бы не Шуберт. Написанная им соната (ее в наши дни исполняют на виолончели в сопровождении фортепьяно) – шедевр искусства. Первая же фраза – певучая и задушевная – погружает слушателя в атмосферу мягкой и нежной грусти, рождающей тихие, добрые мечты».

С момента своего рождения гитара совершенствуется и видоизменяется. Хотелось, чтобы композиторы чаще писали музыку для всевозможных разновидностей гитар, как в свое время поступил Франц Шуберт.

ЕВГЕНИЙ АРОНОВИЧ ДОЛМАТОВСКИЙ

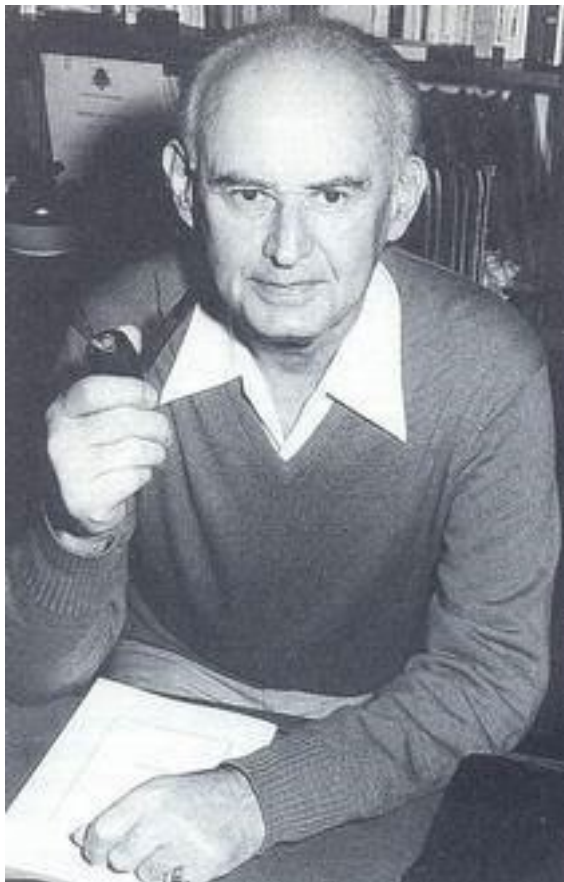
Долматовский, Евгений Аронович (1915-1994) – русский поэт. Публицистическая лирика, поэмы, тексты песен. Сборники «Слово о завтрашнем дне» (1949),

«Годы и песни» (1963), «Было. Записки поэта» (кн.1-3, 1973-1988). Книга о Великой Отечественной войне «Зеленая брама» (1981-1982), повесть «Международный вагон» (1986). Государственная премия СССР (1950).

Евгений Долматовский посвятил Федерико Гарсиа Лорке немало проникновенных стихов, в частности «Романс о Гарсиа Лорке». Говоря о непреходящей ценности творчества, о песне, противостоящей злу и насилию, он восклицает: «Так значит – она бессмертна, / Так значит – играй, гитара! / Раскручивая фламенко, / Стучи каблукком, гитана. / Нет места для слез, но надо / Чтоб помнилось зло и горько: / В Гренаде, точней – в Гранаде / Расстрелян Гарсиа Лорка».

Гитара в этом отрывке выступает в качестве символа свободы и неукротимости человеческого духа.

ДАВИД ШАЙНЕРТ

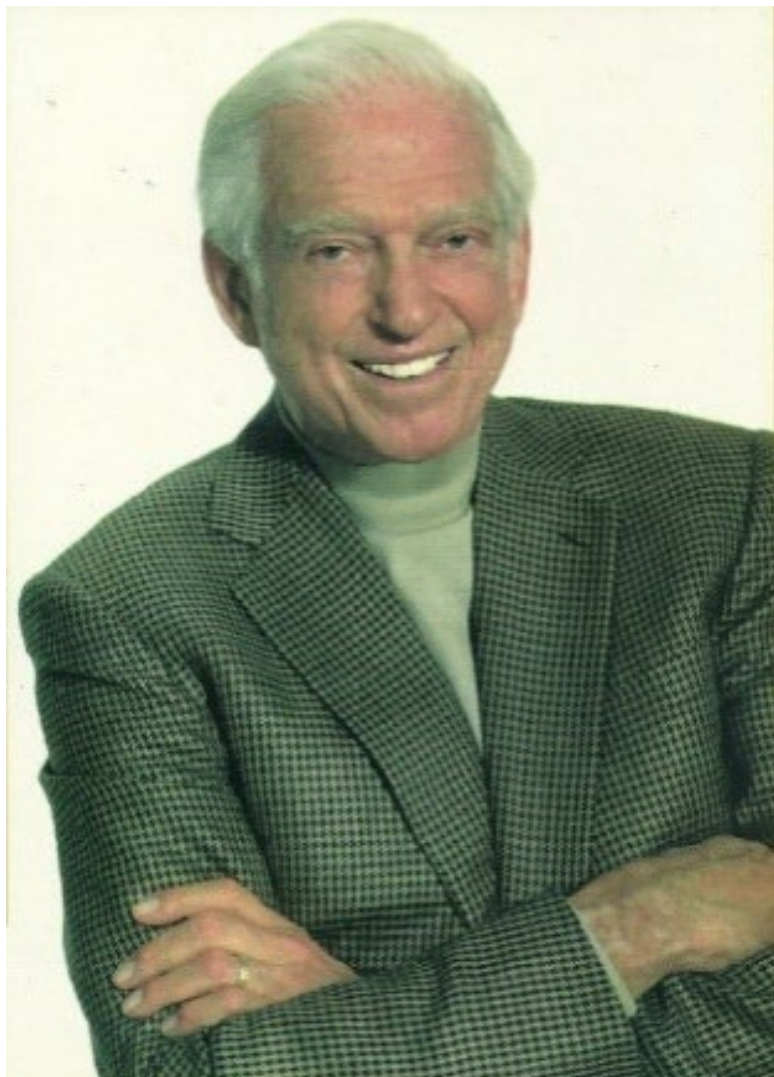

Шайнерт, Давид (1916-1996) – бельгийский писатель родом из Польши, писал по-французски. Антифашистский роман «Длинноухий фламандец».

Полна отчаянья и грустного житейского смысла «Каталонская песня» Давида Шайнерта: «Так мало места надо / Для нищеты моей, / Что камня у ограды / Вполне хватило б ей. / Так надо места мало / Для гордости моей, / Что острия кинжала / Вполне хватило б ей. / Так мало надо места / Для радости моей, / Что было бы нетесно / В груди гитары ей».

Показательно, что именно в гитаре гордый испанец ищет забвения от вечных бед и несчастий!

СИДНИ ШЕЛДОН

Шелдон, Сидни (1917-2007) – американский писатель. Романы «Оборотная сторона полуночи» (1975), «Незнакомец в зеркале» (1976), «Гнев ангелов» (1980), «Если наступит завтра» (1985), «Мельницы богов» (1987).

Приведем забавный фрагмент романа Сидни Шелдона «Конец света» о том, что растения по-разному воспринимают ту или иную музыку. В колледже Темпл Бьюелл в Денвере «обычные растения были помещены в три разных стеклянных ящика, в одном ящике звучала рокмузыка, в другом – музыка, исполняемая на индийских ситарах, а в третьем музыки не было. Ход эксперимента снимали кинокамеры Сиби-эс. Через две недели растения в ящике с рок-музыкой погибли, в ящике без музыки они росли нормально, а вот в ящике, где звучали мягкие звуки ситар, они дали прекрасные бутоны, тянущиеся к источнику звука. Уолтер Кронкайт продемонстрировал этот фильм в передаче новостей. Если хотите проверить, это было 26 октября 1970 года».

Перед нами еще одно доказательство того, что красота благотворно воздействует на все живое, и вдвойне примечательно, что, быть может, и гитара обладает такими же качествами.

**ВЛАДИМИР
ДМИТРИЕВИЧ ДУДИНЦЕВ**

Дудинцев, Владимир Дмитриевич (1918-1998) – русский писатель. В романе «Не хлебом единым» (1956) – драматическая судьба изобретателя, сталкивающегося с бюрократической системой. Сборник «Повести и рассказы» (1959). Трагическая судьба отечественной генетики в конце 1940-х годов – в основе остросюжетного романа «Белые одежды» (1987). Государственная премия СССР (1988).

Гитара – богатый, независимый инструмент, не привязанный к какой-либо идеологии. В 20-30-е годы в советской России ее пытались осуждать, как «классово чуждую», однако благодаря усилиям Иванова-Крамского репутация гитары быстро восстановилась. В романе Владимира Дудинцева «Белые одежды» находим меткое наблюдение, касающееся психологии людей, которых изо дня в день перекармливают пропагандистскими лозунгами так, что они перестают поддаваться агитации и живут только музыкой: «Женщина пела со старомодными эстрадными подвывами в голосе, но слова были серьезны: «Мы идем на смену старым, утомившимся бойцам – мировым зажечь па-ажаром пролетарские сердца!» Все было очень естественно, и Федор Иванович тут же сообразил, что во времена молодости этой женщины даже под гитару, даже весной, в парке звучали именно такие слова, и не мешали молодой жизни».

ЖАКЛИН СЬЮЗАН

Сюзан, Жаклин
(1918-1974)

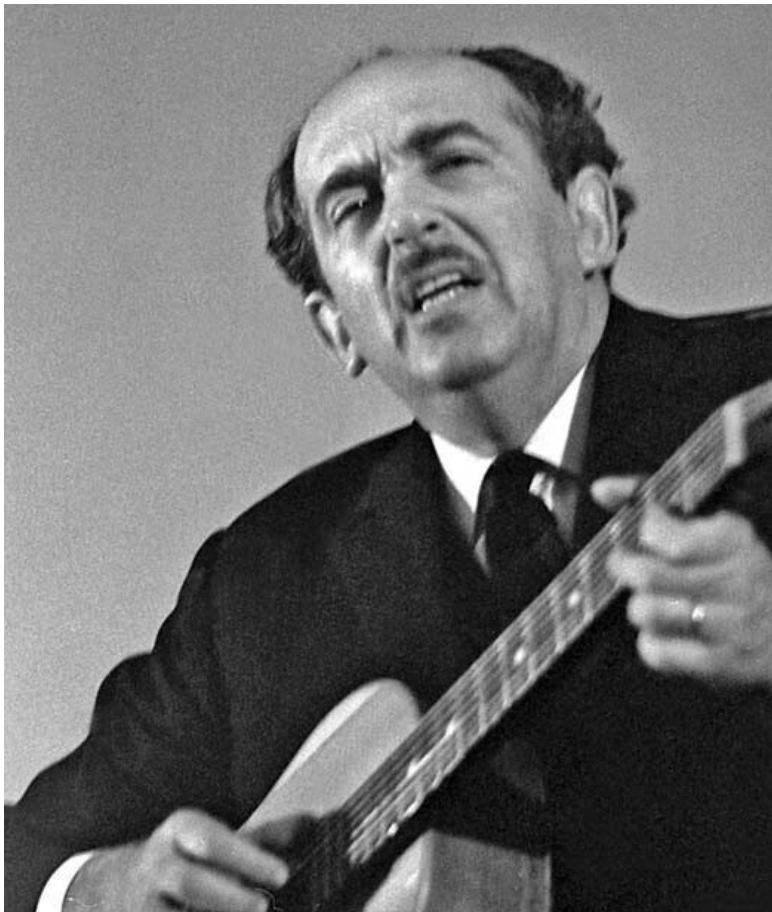
–

французская писательница.

В женском романе Жаклин Сьюзан «Одного раза недостаточно» описывается один феноменальный случай из медицинской практики: «— Видите, — пояснил доктор Петерсон, — каждая минута тратится на лечение. На борьбу за здоровье. У нас здесь находится один мальчик, попавший на ферме под трактор. Потеряв обе руки, он научился играть на гитаре с помощью протезов. Каждый вечер у нас концерт. Иногда мы ставим спектакли и балеты. Все это — часть терапии».

Сомнительно, что бедный калека мог исполнять серьезные пьесы, требующие виртуозного мастерства. Показательно другое: гитара пробудила в нем стремление к жизни, стала избавлением от тяжких дум и чувства безысходности, которые на время овладели им!

**АЛЕКСАНДР
АРКАДЬЕВИЧ ГАЛИЧ**

Галич, Александр Аркадьевич (Александр Гинзбург, 1918-1977) – русский драматург, поэт. Комедии

и сценарии фильмов «Вас вызывает Таймыр» (1948), «Верные друзья» (1954, обе – совместно с К.Исаевым), «На семи ветрах» (1962). С начала 1960-х годов получил неофициальное признание как автор и исполнитель песен-новелл, в основном трагикомического содержания. Главные темы – память и ответственность за прошлое, противостояние произволу, конформизму (сборник «Избранные стихотворения», 1989). С 1974 года – за границей.

Когда гитара из сольного инструмента превращается в аккомпанирующий, это унижает гордый, самодостаточный инструмент. Ее роль низводится до какой-то служанки в пьяных застольях. Как писал Александр Галич в стихотворении «Желание славы»: «Я сижусь, гитарой тренькаю – / Хохот, грехот, гогот, звон... / И сосед-стукач за стенкою / Прячет в стол магнитофон...»

Можно ли назвать искусством бездарные песни барда-политикана?

Александр Галич – человек с изломанной судьбой и разувверившийся в Родине. Его, истинного космополита, обуравает жажда странствий: «И хотелось-то мне в дорогу, / Налегке, при попутном ветре... / Я шагал бы, как вечный цыган, / Никого бы нигде не трогал, / Я б во Пскове по-птичьи цыкал, / И округло на Волге окал, / И частушкой по струнам – взлет, / Да гитара, как видно, врет, / Лишь, мучительна и странна, / Все одно дребезжит струна!» (Стихотворение

«Черновик эпитафии»)

Гитара здесь не к месту. Если кто-то бренчит на одной струне и при этом обнажает свою издерганную, запутавшуюся душу, то нет ничего удивительного, что песня у него не получается.

Иногда у Александра Галича от ощущения жуткой безысходности вырываются из груди прекрасные слова о гитаре. Обращаясь к близкой ему женщине, он спрашивает: «Только чем ты помянешь меня? / Бросишь в ящика пыльную прорубь? / Вдруг опять, среди белого дня, / Семиструнный заплещется голубь, / Заворкует неладно лады / Под нытье обесславленной квинты... / Если мы и не ждали беды, / То теперь мы воистину квиты!» Чудесная метафора, сопоставляющая птицу и гитару, оживляет стихотворные строки, привносит поэзию в скорбный монолог страдающего человека. (Стихотворение «Понеслись кувыркком...»)

**НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
БОГДАНОВ**

Богданов, Николай Александрович (?-?) – летчик, автор книги воспоминаний.

В годы Великой Отечественной войны гитара часто помогала фронтовикам сохранить мужество своим тихим и мирным перезвоном струн, звала к победе и вселяла надежду на счастливое будущее. Конечно, в передовых пехотных частях трудно было уберечь столь хрупкий инструмент, зато в авиации он являлся неременным украшением недолгих пауз между боевыми вылетами. Памятный кинофильм «В бой идут одни старики» ничуть не преувеличивает роль музыки на войне. Ценно для нас свидетельство пилота Николая Богданова о военных подвигах гвардейского Гатчинского авиаполка.

Вспоминая боевых друзей, он рассказывал: «Погиб смертью храбрых Иван Иванович Поляков, небольшого роста, живой, черноглазый весельчак, никогда не расстававшийся с гитарой, гордость и любимец полка. Сколько ночей в ожидании вылета мы коротали под звон струн его гитары и цыганские песенки, то грустные, бередящие душу, то искрометно задорные и веселые. Весело и задорно плясал он – так, что самые угрюмые не выдерживали, пускались в пляс... Он был создан для жизни, радостной и веселой; не верилось, что его нет в живых».

Гитара не молчала, когда свершались геройские подвиги.

**АЛЕКСАНДР ИСАЕВИЧ
СОЛЖЕНИЦЫН**

Солженицын, Александр

Исаевич

(1918-2008) –

**русский писатель. Рассказы «Один день Ивана Де-
нисовича» (1962), «Матрёнин двор» (1963, оба опубли-**

кованы А.Т. Твардовским в журнале «Новый мир»). Повести «В круге первом», «Раковый корпус» (1968, опубликованы за рубежом), «Архипелаг ГУЛАГ» (1973, в

СССР распространялся нелегально). Эпопея «Красное колесо» (1971-1991). Нобелевская премия (1970).

«Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына – это, без преувеличений, энциклопедия советской лагерной жизни. Попробуем полистать ее, чтобы найти в ней упоминания о гитаре.

Сцена «ухаживания» в женском бараке. «Пятеро девушек ходят, обернутые в простыни:

играя в карты накануне, блатняки проиграли с них все, велели снять и отдать. Вдруг входит с гитарой банда блатных – в кальсонах и в фетровых шляпах. Они поют свою воровскую как бы серенаду».

Какими-то островками цивилизации в сталинских лагерях являлись помещения КВЧ – культурно-воспитательной части. Сюда приходят вечно голодные заключенные, чтобы

на недолгое время забыться. «Как будто среди разгула нечистой силы кто-то обвел по земле слабо-светящийся мреющий круг – и он вот-вот погаснет, но пока не погас – тебе чудится, что внутри круга ты не подвластен нечисти на эти полчаса. Да еще ведь здесь кто-то на гитаре перебирает. Кто-то напевает вполголоса – совсем не то, что разрешается со сцены. И задрожит в тебе: жизнь – есть! она – есть!»

Лагерное начальство помыкало заключенными, как капризные баре – своими крепостными. Особенно выделялся полковник Мамулов, брат начальника секретариата самого Берии. «Любимая его квартира была загородная, при лагере. Сюда приезжал иногда и сам Лаврентий Павлович. Привозили из Москвы всамделишный хор цыган и даже допускали на эти оргии двух эзков – гитариста Фетисова и плясуна Малинина (из ансамбля песни и пляски Красной армии), предупредив их: если где слово расскажете – сгною!»

Солженицын описывает знакомство с архидьяконом Владимиром Рудчуком, который был когда-то чуть ли не личным секретарем патриарха. Попав в лагерь, тот ухитрился пристроиться художником в КВЧ. Его не без оснований подозревали в стукачестве. «Он в лагере получал «Вестник московской патриархии» и иногда с важностью рассуждал о великомучениках или деталях литургии, но все деланно, неискренне. Еще была у него гитара, и только это искренне у него получалось – сам себе аккомпанируя, он приятно пел: «Бродяга Байкал переехал...», – еще покачиванием переда-

вая, как он объят скорбным ореолом каторжника. Чем лучше человек в лагере живет, тем тоньше он страдает...»

Потрясает выразительной силой воспоминание автора книги об одном из концертов, где, как издавна было заведено, лагерное начальство тщательно проверяло репертуар на предмет крамолы. Однажды все же удалось обхитрить туповатого начальника КВЧ в золотых погонах. «У Жени был небольшой голос, он охотно пел для друзей в секции барака и со сцены тоже. И вот однажды было объявлено:

– «Женушка-жена»! Музыка Мокроусова, слова Исаковского. Исполняет Женя Никишин в сопровождении гитары.

От гитары потекла простая печальная мелодия. А Женя перед большим залом запел интимно, выказывая еще недоочерствленную, недовыхолощенную нашу теплоту: Женушка-жена!

Только ты одна,

Только ты одна в душе моей!

...Померк длинный бездарный лозунг над сценой о производственном плане. В сизовой мгле зала пригасли годы лагеря – долгие, прожитые, долгие оставшиеся. Только ты одна! Не мнимая вина перед властью, не счеты с нею. И не волчьи наши заботы... Только ты одна!..

Милая моя,

Где бы ни был я –

Всех ты мне дороже и родней!

Песня была о нескончаемой разлуке. О безвестности. О

потерянности. Как это подходило! Но ничего прямо о тюрьме. И все это можно было отнести и к долгой войне.

И мне, подпольному поэту, отказало чутье: я не понял тогда, что со сцены звучат стихи еще одного подпольного поэта (да сколько ж их?!), но более гибкого, чем я, более приспособленного к гласности.

А что ж с него? – ноты требовать в лагере, проверять Исаковского и Мокроусова? Сказал, наверно, что помнит на память.

В сизой мгле сидели и стояли человек тысячи две. Они были неподвижны и неслышны, как бы их не было. Отвердевшие, жестокие, каменные – схвачены были за сердце. Слезы, оказывается, еще пробивались, еще знали путь».

Таким образом, гитара звучала в сталинских лагерях, ее голос рождал в очерстевших сердцах Веру, Любовь и Надежду.

Культурно-воспитательная часть в сталинских лагерях, как свидетельствует Солженицын на страницах романа «В круге первом», – это «единственный в лагере огонек, единственный уголок, куда можно было на полчаса зайти перед отбоем и почувствовать себя человеком: перелистать газету, взять в руки гитару, вспомнить стихи или свою прежнюю неправдоподобную жизнь. Лагерные «Укропы Помидоровичи» (как звали воры неисправимых интеллигентов) сюда тянулись...»

Да, писатель прав. То был маленький оазис свободы на

пространстве, обнесенном колючей проволокой, где измученные люди поверяли гитаре свои грустные мысли и надежды!

Глава «Досужные затеи» романа «В круге первом» посвящена воскресному отдыху заключенных марфинской шарашки. Тюремное начальство в своем рвении превращает его в своеобразную пытку, так как всячески ограничиваются прогулки и общение эков между собой. Мало этого! «После годовой переписки со всеми высокими инстанциями было также решено, что и музыкальные инструменты типа «баян», «гитара», «балалайка» и «губная гармоника», а тем более прочих укрупненных типов, – недопустимы на шарашке, так как их совместные звуки могли бы помочь производить подкоп в каменном фундаменте».

Казалось бы, когда и поиграть на любимом инструменте, как не в свободный от работы день, так нет: запрещено, да еще с такой иезуитской изобретательностью!

День 5 марта 1953 года, как вспоминает Александр Солженицын на страницах романа «Раковый корпус», был в лагерях необычным. «Вдруг – не вывели на работу, и барак не отперли, держали в запертых. И – громкоговоритель за зоной, всегда слышный, выключили. И все это вместе явно показывало, что хозяева растерялись, какая-то у них большая беда. А беда хозяев – радость для арестантов! На работу не иди, на койке лежи, пайка доставлена. Сперва отсыпались, потом удивлялись, потом поигрывали на гитарах, на банду-

ре, ходили на выгонки к вагонке догадываться»... «Э, ребята! Кажись – Людоед накрылся...» – «Да ну???» – «Никогда не поверю!» – «Вполне поверю!» – «Давно пора!!» И – смех хоровой! Громче гитары, громче балалайки!»

Страна скорбно прислушивалась к траурной музыке, лившейся изо всех репродукторов, а за колючей проволокой украдкой веселились: сдох Людоед! Так гитара вносила свою оптимистическую нотку в реквием, звучащий повсюду.

**ДАНИИЛ
АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРАНИН**

Гранин, Даниил Александрович (Даниил Герман, 1919-2017) – русский писатель. Нравственно-психологические проблемы научной интеллигенции (романы «Искатели», 1954, «Иду на грозу», 1962). Художественно-документальные произведения «Эта странная жизнь» (о биологе А.А. Любищеве, 1974), «Клавдия Вилор» (1976), роман «Зубр» (о судьбе Н.В. Тимофеева-Ресовского,

1987), «Блокадная книга» (совместно с А.М. Адамовичем, ч.1-2, 1977-1981). В романе «Картина» (1980) и повести «Неизвестный человек» (1990) – проблема сохранения исторической памяти, анализ состояния человека, теряющего свое место в социальной иерархии. Шпионский роман «Бегство в Россию» (1994).

Государственная премия СССР (1976). Герой Социалистического Труда (1989).

Лыков, герой романа «Картина» Даниила Гранина, заместитель председателя райисполкома в небольшом российском городке, с детских лет тяготел к музыке и прекрасно играл на гитаре. Несмотря на уговоры родителей, он все-таки избрал более серьезную профессию. Тем не менее, детские увлечения его не оставляли. Однажды, «вспомнив, видимо, школьные годы, стал на гитаре играть, выступил на концерте самодеятельности. Ему аплодировали особенно бурно, и разговоров было множество. Начальство же пришло в смущение».

ние, повторяя формулу, брошенную Чистяковой, – «гонится за популярностью». Ладно, в районном масштабе, а что как, став областным начальником, он позволит себе выйти на сцену с гитарой?»

В этой реакции чванливых партаппаратчиков на безобидное увлечение их коллеги гитарой видится явное пренебрежение «сильных мира сего» к людям искусства, которых они искренне считают мелкими и малополезными существами.

ГИ БРЕТОН

Бретон, Ги (1919-2008) – французский публицист. Серии книг «Женщины и короли», «Истории любви в

истории Франции».

Ги Бретон прославился как автор десятитомной исторической хроники «Женщины и короли» («Любовь и история Франции»), в которой сделал попытку доказать, что многие известные события имели существенную «амурную» подоплеку, помимо экономических и политических причин.

Вот фрагмент текста, относящегося к 1156 (!) году. Гитара неоднократно упоминается на страницах этого труда. «Алиеноре пришлось заниматься девочкой, которую родила ее бывшему супругу новая жена. Она ухаживала за ней с большим вниманием. Годом позже ей удалось вернуться во Францию к рождественским праздникам. Бернар де Вентадур, который посылал ей в Лондон многочисленные любовные песни, ждал ее в Пуатье. Увидев ее, он вдохновился на веселую поэму, которую в тот же вечер пропел ей у камина под аккомпанемент гитары».

К сожалению, мы не можем принять данное свидетельство, поскольку достоверные сведения об испанской гитаре появились столетием позже. Вероятно, прекрасный трубадур играл на каком-то другом музыкальном инструменте.

Листаем эпопею Бретона дальше.

В XVII столетии гитара пользовалась во Франции вниманием высокопоставленных особ. К примеру, автор утверждает, что герцог Ришелье обязан своей карьере покровительству женщин. Одной из них была Мария Медичи. «В 1624 году, благодаря всё той же королеве-матери, по отношению к

которой он проявил себя исключительно галантным и услужливым кавалером (желая понравиться ей, он научился бренчать на гитаре), Ришелье становится министром, потом главой Королевского совета и, наконец, первым министром».

Чуть ниже мы узнаем, что музицировал на гитаре не только Ришелье, но и сам король. «Поведение Людовика XIII менялось буквально на глазах. Однажды утром он попросил принести ему гитару, на которой кое-как умел играть, и потребовал, чтобы его оставили одного. Сильно заинтригованная, Анна Австрийская, встав за дверью, с любопытством прислушалась. В течение нескольких минут король перебирал струны, потом под его пальцами родилась изящная мелодия, и, наконец, зазвучали почти шепотом произносимые слова. И тут она поняла, что он сочиняет лирическую песню о красоте мадемуазель де Отфор...»

Заслуживает внимания отрывок о Наполеоне Бонапарте, относящийся к 1794 году. Будущий император без памяти влюбился в пятнадцатилетнюю дочь богатого негодянта

Жозефа Лоранти. Позднее отец девушки вспоминал: «Между молодым генералом и семьей Лоранти, состоявшей из двух дочерей и сына, установилась самая тесная дружба. Обедали все в столовой, выходившей окнами в апельсиновый сад, где молодые люди гуляли, резвились и смеялись. Очень часто, работая в гостиной на втором этаже, он вдруг становился очень серьезным и задумчивым – очевидно, прокручивал в голове свои грандиозные проекты. Иногда

его глаза останавливались на испанской картине: на ней был изображен молодой гитарист. Наполеон очень любил это полотно, и наша семья бережно хранит его».

Вероятно, Наполеон, глядя на холст, воображал себя на месте неведомого гитариста, поющего серенаду.

Хотя книга Бретона изобилует неточностями и натяжками, его свидетельства о гитаре представляют несомненный интерес.

ЮРИЙ ИВАНОВИЧ ЧИРКОВ

Чирков, Юрий Иванович (1919-1988) – советский

ученый, профессор, доктор географических наук. Автор книги «А было все так...» (1991).

Читая биографическую книгу «А было все так...», можно почувствовать, что Юрий Чирков с особенным удовольствием вспоминает один из своих дней рождения, который ему довелось встретить в 1941 году в ссылке.

«Двадцать второй день рождения – 25 ноября – отметили весьма дружно. Влас Трофимович из Пожни привез несколько килограммов лосины. Борманы достали сыр, колбасу. Градов передал овощи для винегрета, капусту. Профессор Ясенецкий, шефствовавший над пасекой опытной станции, достал мед, профессор Зворыкин принес бутылку шампанского, а я купил у завскладом продбазы бутылку коньяка «Финь Шампань». В довершение всего Борманы принесли корзину столового серебра, которое сохранила и привезла в Ухту бабушка Борман.

Все кушанья готовили профессор Мацейно и гидрометрист Пастианиди – оба великие кулинары. Лосина была и тушеная в кисло-сладком соусе, и жареная. Из рыбы сделали заливное, селедка купалась в горчичном соусе, винегрет в большой миске походил на мозаику, белокочанная свежеквашеная капуста с вкраплениями оранжевой моркови и рубиновой клюквы, краснокочанная капуста маринованная. Все это было красиво расставлено на столе. На сладкое был приготовлен рисовый пудинг на меду с изюмом. Среди этого изобилия стояли не только бутылки с этикетками, но и само-

дельные из спирта, получаемого для химлаборатории опытной станции. Над столом повесили мой портрет, выполненный тушью художником Львом Премировым.

За стол сели двенадцать человек. Именно человек, а не загнанных эков, стоящих, может быть, у края пропасти, как поется в лагерной песне. Профессор Зворыкин открыл застолье, сердечно поздравил меня с 22-летием. Очень остроумно он связал мифологические образы с нашим положением. Богдан Ильич в свой тост вставил стихи Мицкевича из «Пана Тадеуша». Лев Флоринский прочитал поздравление в стихах... Борман-старший играл на гитаре и вместе с Сергеем очень приятно пел старинные романсы и, даже, страшно сказать, сочинения запрещенного Вертинского.

Вспоминая об этом дне, я еще раз убеждался, что нигде так не умеют радоваться, как в лагере и в ссылке, если имеется хоть какой-нибудь повод для радости. Действительно, «жизнью пользуйся, живущий; мертвый, тихо в гробе спи».

Этот фрагмент книги поражает удивительным жизнелюбием героев, сумевших так искренне веселиться под звуки гитары, слушая песни Вертинского.

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ЕЖОВ

B. Brubaker

Ежов, Валентин Иванович (1921-2004) – советский сценарист.

Фильмы «Баллада о солдате» (с Г.Н. Чухраем, 1959), «Крылья» (с Н.Б. Рязанцевой, 1966), «Белое солнце пустыни» (с Р. Ибрагимбековым, 1970), «Это сладкое слово – свобода» (с В.П. Жалакявичюсом, 1973), «Красные колокола» (с С.Ф. Бондарчуком, 1982) и другие. Ленинская премия (1961). Заслуженный деятель искусств России (1976).

В СССР пользовался огромной популярностью фильм «Белое солнце пустыни» по сценарию Валентина Ежова и Рустама

Ибрагимбекова. В нем гитара является непременной спутницей одного из героев, таможенного чиновника Верещагина. Многие из самых комичных сцен ленты идут под ее аккомпанемент. Например, следующая: «К бывшей таможене подскакал унтер, посланный Абдуллой. Он приказал сопровождавшему его бандиту обождать перед домом. Из окон дома доносились звуки гитары. Верещагин пел: «Ваше благородие, госпожа разлука...»

–
Ты с ним поосторожней, – сказал бандит.

Унтер снисходительно улыбнулся...»

И совершенно зря не прислушался к доброму совету! Через минуту он вылетел из дома на улицу, выбив спиной раму

окна.

«Удар оземь был сильным, однако унтер резво поднялся и, не разгибаясь, подбежал к своему коню.

—

Ты чего? – спросил бандит.

—

Да у него гранаты другой системы, – сказал он как можно непринужденней и, взобравшись на коня, поскакал прочь».

Гитара в этом фильме помогает нарисовать запоминающийся образ пьющего, но великодушного и доброго человека, способного противостоять насилию. Тем самым ореол благородства отсветом ложится и на сам инструмент.

СТАНИСЛАВ ЛЕМ

Лем, Станислав (1921-2006) – польский писатель. В многочисленных произведениях в жанре научно-философской фантастики – острые проблемы моральной ответственности человека за последствия своих деяний (романы «Астронавты», 1951, «Дневник, найденный в ванне», 1961, «Солярис», 1961,

«Голос Неба», 1968, «Насморк», 1976, «Мир на земле», 1987, «Фиаско», 1987).

«Воспитание Цифруши» Станислава Лема – потешное фантастическое произведение, в котором автор высмеивает порядки, царящие при дворе некоего феодального деспота. Тот крайне недоволен своим оркестром. «Гармонарх является в ложу и говорит:

– Ну, хорошо. Мелодия, в целом, вполне мелодична, и довольно-таки гармонична гармония, но духа в ней еще не хватает. Без Веры Играют, наперебой, нет тут ни ладу ни складу, Не Убеждает ваша игра! И к тому же какая-то дрожь поросычья. Это что за озноб трясучий в музыке вашей засел, изнутри симфонию портит? А ну-ка, вытребовать мне Искусных, а прочих вон со двора, и вообще, живей у меня – гитарить, здрунить, скрибеть, мандолинить, тромбонить, но в такт и в тон, а не то Гармонарх осерчает!»

Большой любитель словотворчества, Станислав Лем обогатил польскую лексику очередным перлом – глаголом «гитарить», имеющим, к сожалению, негативный оттенок.

Научно-фантастическая повесть «Футурологический конгресс» с явной иронией рисует картины далекого будущего, когда астронавтика станет способом бегства от житейских передряг. Ученые собираются в Костарикане, где-то на самом краю Галактики, однако не желают отказываться от своих привычек. «Я заглянул в бар – тот почти опустел; прислоненная к табурету, стояла папинтовка, две пары ног высовывались из-под стойки, одна из них босая, но вряд ли причиной тому было альтруистическое самоотречение. Несколько динамитчиков дулись у стены в карты, еще один брэнчал на гитаре, мурлыча все тот же непристойнейший шлягер. Внизу, в холле, толпились футурологи. Они тоже спешили на заседание...»

Вино, карты и гитара, несмотря на впечатляющие космические декорации, никуда не исчезают. Не так-то просто людям будущего сбросить груз земных привычек!

ДЖЕЙМС ДЖОНС

**Джонс, Джеймс (1921-1977) – американский писатель. Антимилитаристские романы «Отныне и во-
век» (1951), «Тонкая красная линия» (1962). «Только
позови» (1978) – роман о трагической судьбе бывших**

фронтвиков и извечном круге обреченности: «кровь рождает кровь». Роман «Веселый месяц май» (1971) развенчивает леваческий анархизм. Мемуары «Вторая мировая война» (1975).

Энди, герой романа Джеймса Джонса «Отныне и вовек», любил рассказывать друзьям о своей встрече с неким Джанго, французом со странной, вроде бы немецкой фамилией, которого он окрестил «Величайшим Гитаристом Мира». Игра неведомого музыканта

потрясла его. «Но когда ему хотелось описать им, которые никогда ничего такого не слышали, терпкую, струящуюся, удивительно нежную мелодию этой гитары, память всякий раз подводила его. Да такое и не опишешь. Это слышать надо. Четкий, мерный как маятник, идеально ровный пульс аккомпанемента с короткими щемящими всплесками минорных аккордов в конце фраз, и в каждом таком всплеске вся суть, вся сладкая горечь трагедии этого мира (и того, другого, мира тоже). А над всем этим звенит мелодия; неукоснительно выдерживая заданный аккомпанементом темп, она вьется вокруг основного ритмического стержня тугими переливчатыми арпеджио, ни на секунду не останавливается в своем движении, не знает сомнений, никуда не отклоняется, а потому и не затихает ни на миг, чтобы в паузе отыскать потерянную дорогу и снова на нее вернуться, и вдруг переходит с мягко вычерченного меланхолического джазового контура на резкий, сумасбродный и взрывной цыганский ритм,

она и рыдает над жизнью, и смеется над ней – и все это так неистово, необычно и сложно, что слух не успевает полностью уловить, ум не может ничего предугадать, а память не в силах что-то удержать. Энди не очень разобрался в джазе, но насчет гитары понимал все».

Этот фрагмент прозаического текста, посвященный гитаре, прямо-таки дышит поэзией!

КАРЛОС ЧАНГ МАРИН

**Чанг, Марин
Карлос
Франсиско
(1922-2012) – панамский
поэт,
живописец,
композитор.**

Сборники стихотворений «Начало плача», «Поэмы тела», «Жизнь во мраке».

Мудры руки трудового люда, созидающего блага жизни. Карлос Франсиско Чанг Марин слагает в их честь гимн «Грязь заводская въелась в эти руки». И, конечно же, эти руки в минуты отдыха берут гитару. «Мозолистые, в шрамах, руки деда, / которые смешали землю с кровью / своей, чтоб вырастить зеленый рис. / Шершавые, коряжливые пальцы, / такие добрые для струн гитары / или во время жалобных прощаний».

Верно: на гитаре не играют холеными пальчиками!

ДЖЕК КЕРУАК

Керуак, Джек (1922-1969) – американский писатель, лидер «разбитого поколения». Романы «На дороге» (1957) и «Бродяги Дхармы»

(1958)

отразили

формирование контркультуры

в

США

и

увлечение

дзэн-буддизмом. Автобиографический роман «Биг Сур» (1962) – о кризисе движения.

Джек Керуак прославился как апологет философии битников, этих веселых гедонистов, влюбленных в жизнь. В романе «Бродяги Дхармы» читаем: «Шон накрыл в саду, на широкой доске, королевский обед на всех – вино, гамбургеры, пикули, – развел огромный костер, вынес две своих гитары, и я понял: вот как надо жить в солнечной Калифорнии».

Или еще один фрагмент: «Ничего особенного не было в этом зрелище: костер, угощение на доске, люди играют на гитарах, качаются на ветру густые деревья, и среди всех расхаживают несколько голых».

Вечный праздник развлекающихся бездельников не обошелся без музыки, и гитара была их незаменимым инструментом.

БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ ЧИЧИБАБИН

Чичибабин, Борис Алексеевич (1923-1994) – русский поэт. В лирике нравственный максимализм, пафос жизнеутверждения сменяются углублением темы внутренней свободы лично-

сти, осознанием жертвенного пути и трагического одиночества поэта (сборники «Молодость», 1963, «Гармония», 1965, «Колокол», 1989, «Мои шестидесятые», 1990). Государственная премия СССР (1990).

В стихотворении Бориса Чичибабина «Смутное время» можно прочесть: «На Литве звенят гитары. /

Тула точит топоры. / На Дону живут татары. / На Москве сидят воры».

Здесь что ни строчка – то ложь. Гитар в те времена Литва не знала, татар на Дону не жаловали, в Туле если и точили топоры, то исключительно для плотницких работ. Единственное, что в приведенной строфе правдиво и актуально, так это про Москву.

ЭДУАРД АРКАДЬЕВИЧ АСАДОВ

Асадов, Эдуард Аркадьевич (1923-2004) – русский поэт. Лирические стихи (сборник «Высокий долг», 1986), поэмы (в том числе автобиографическая «Снова в строй», 1948).

Поэт Эдуард Асадов был необыкновенно популярен в советское время. Его простые, душевные произведения отвечали запросам самой широкой аудитории. Каких только областей жизни он ни касался! Разумеется, не обойдена вниманием и гитара. Раскроем стихотворение «Цыгане поют»:
«Ваши деды в лихих конокрадах ходили, / Ваши бабки, пленя и «Стрельну» и «Яр» / Громом песен, купцов как цыплят потрошили / И хмелели от тостов влюбленных гусар! / Вы ины: без пестрых и скудных пожиток, / Без колоды, снующей в проворных руках, / Без костров, без кнутов, без коней и кибиток, / Вы в нейлоновых кофтах и модных плащах. / Вы ины, хоть больше, наверное, внешне. / Ведь куда б ни вели вас другие пути, / Все равно вам на этой земле многогрешной / От гитар и от песен своих не уйти! / Струны дрогнули. Звон прокатился и стих... / И запела, обнявши меня, точно сына, / Щуря взгляд, пожилая цыганка Сантина / Про старинные дроги и пару гнедых. / И еще, и еще! Звон гитар нарастает, / Все готово взлететь и сорваться в ничто! / Песня песню кружит, песня песню сжигает, / Песня песню кружит, песня песню сжигает, / Что мне сделать для вас? Ну скажите мне, что?! / Вздогнув, смолкли веселые струны-бродяги /

Кто-то тихо ответил смущенно почти: / – Золотой, ты прочти нам стихи о дворняге. / Ну о той, что хозяин покинул, прочти! / Май над миром гирлянды созвездий развесил, / Звон гитар... дрожь серег... тополиный дурман... / Я читаю стихи, я качаюсь от песен, / От хмельных, обжигающих песен цыган!»

Асадов доступно и взволнованно продолжил тему, поднятую Аполлоном Григорьевым и Федерико Гарсиа Лоркой. Несомненно, роль гитары в формировании цыганской музыки следует признать первостепенной.

Эдуард Асадов отдал дань такой модной в 1960-х годах теме, как «физики и лирики».

Жажда новизны обуревает героев его стихотворения «Остров Романтики»: «От Арктики до

Антарктики / Люди весь мир прошли. / И только остров Романтики / На карты не нанесли. / ...Ни шепота обывателей, / Ни скуки и ни тоски. / Живут там одни мечтатели, / Влюбленные и чудаки... / Там есть залив Дон-Кихота, / И мыс Робинзона есть. / Гитара в большом почете, / А первое слово – «честь»! / ... Гитары звенят ночами, / К созвездьям ракеты мчат, / Там только всегда стихами / Влюбленные говорят».

Поэт совершенно верно подметил, что люди с чистой душой не могут оставаться равнодушными к возвышенной музыке гитары.

**ГРИГОРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ
БАКЛАНОВ**

Бакланов, Григорий Яковлевич (1923-2009) – русский писатель. В повестях «Пядь земли» (1959), «Мертвые сраму не имут» (1961), романе «Июль 41 года» (1965) – правдивое изображение ужасов войны и судеб ее рядовых участников (так называемая «окопная» правда).

Григорий Бакланов стал литератором, пройдя долгий путь по дорогам войны, так что его свидетельствам можно доверять. И когда он пишет, что один из героев повести «Южнее главного удара» даже под огнем противника не расставался с музыкальным инструментом, это сущая правда. «Красавец сержант Орлов, пришедший с той батареи, которую днем уничтожили танки, лениво опершись спиной о бруствер окопа, настраивал гитару. Неожиданно все услышали приближающийся вой мины.

В орудийном окопе произошло быстрое движение и стихло. Прежде чем мина разорвалась, в последний, привычно угаданный момент – ни раньше и не позже – Архипов пригнулся, заслонив собой раненого. Один Орлов остался стоять, как стоял: в ленивой позе, спиной к разрыву. Только пальцы его задержались на струнах».

Мужеством Орлова можно восхищаться, а любовь к гитаре делает этого персонажа еще привлекательнее.

МИХАИЛ ИСАЕВИЧ ТАНИЧ

Танич, Михаил Исаевич (Михаил Танхилевич, 1923-2008) – русский поэт, автор текстов многих популярных песен. Фронтовик, после войны был репрессирован, позже реабилитирован.

В песне «Магадан» Михаила Танича есть такие строки: «Ой, прислушайся к ветрам, баритон, / Разве север нам с тобой по годам? / Лучше в поезде Москва – Балатон, / Чем в столыпинском опять в Магадан. / А гитара, как беда, через край, / Не прощает ни чужих, ни своих. / Ну уж, ладно, поиграй-поиграй, / Я уж, ладно, отсижу за двоих».

Автор писал стихи, опираясь на личный опыт, не с чужих слов. Дойдя на войне до Берлина, он поступил в институт, а оттуда «загремел» на шесть лет в ГУЛаг по доносу. Позднее, уже на воле, именно гитара позволяла ему вспомнить о былом и забыть за чарочкой о житейских бедах. Она воистину утешительница сердец, врачеватель душевных ран!

Танич рассказал о том, как появилась на свет его первая песня о подмосковных ткачихах. Поначалу в комсомольской газете эти стихи приняли к печати, но потом, побоявшись таких строчек: «Водят девки хоровод, / Речка лунная течет, / Вы, товарищ Малиновский, / Их возьмите на учет», – дали от ворот поворот. Оно и понятно: товарищ Малиновский в то время был министром обороны. Вдруг обидится? Удрученный автор двинулся к выходу и... «Откуда ни возьмись, как в сказках сказывается, встретился мне в коридоре уже зна-

комый молодой композитор Ян Френкель. И забрал у меня эту гранку с текстом. Так взял, на всякий случай. А потом, когда сыграл мне музыкалу, такой подкупающий простотой русский вальсок, я понял, что это – может быть, песня, а в песне, тоже понял, придется уволить министра обороны. И уволил. И получилось: «Ходят девочки в кино, / Знают девочки одно – / Уносить свои гитары / Им придется все равно!» Говорят, что девочки пели: «Уносить свои гитары не придется все равно!» – и плакали, но песня покатила и стала сразу знаменитой».

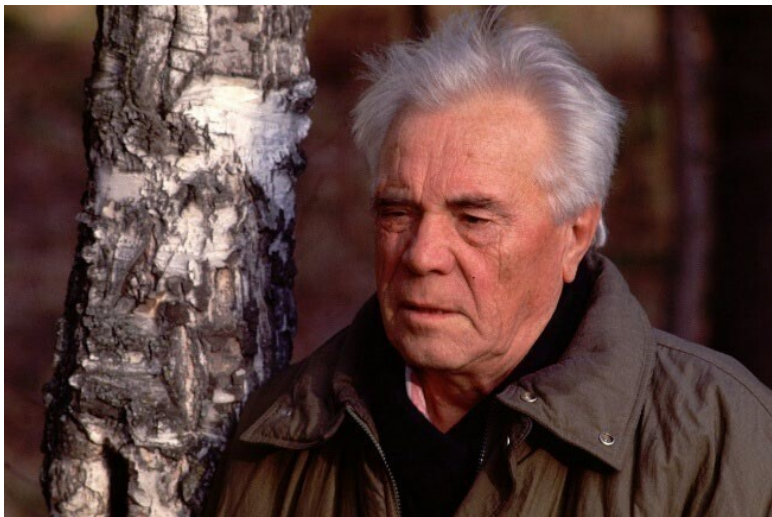
И, скажем прямо, не проиграла от того, что имя маршала исчезло, а появились гитары, непременно спутницы и наперсницы девушек в жутковатых, казарменного типа общежитиях текстильных фабрик. Кому еще было поверять печаль в «женских» городах вроде знаменитого Иванова, где катастрофически не хватало женихов?

В Нью-Йорке Танич написал чудесную песню «Кабацкий музыкант», посвященную судьбе ресторанных оркестрантов, вынужденных ради заработка играть в сигаретном дыму, под пьяные возгласы слушателей. «Кабацкий музыкант / Алеша Дмитриевич, / Ему подносят все, / И он немножко пьян, / Но в этом кабаке / Он – как Иван-царевич, / И это на него / Приходит ресторан. / Играй, Алеша, / На своей гитаре, / Я – первый друг / Таланта твоего! / Ты видишь – девочки / Стоят на тротуаре, / И это – жизнь, / А больше ничего. / Кабацкий музыкант / Поет чуть-чуть фальшиво, / Но мы ему простим /

Заведомую ложь! / А как он должен петь, / Когда разносят пиво, / И танцы до утра, / И хохот, и балдеж? / Кабацкий музыкант, / Как рыба в океане, –/ Вот в этом бардаке, / Где шум и неуют, / И мужики ему / Подносят мани-мани, / А девочки любовь / Бесплатно выдают. / Кабацкий музыкант, / Ах, сколько их по свету / Разбросано кругом, / Вблизи и вдалеке!»

Участь такого артиста незавидна, но вспомните важный штрих – «и это на него приходит ресторан»! Значит, есть в игре большого мастера нечто такое, что привлекает публику; значит, звуки его гитары магически воздействуют на слушателя! Это ли ни торжество искусства над бескультурьем!

ВИКТОР ПЕТРОВИЧ АСТАФЬЕВ

Астафьев, Виктор Петрович (1924-2001) – русский писатель. В психологических повестях и романах о войне и современной сибирской деревне («Кража», 1966, «Пастух и пастушка»,

1971, «Царь-рыба», 1976), в цикле автобиографических рассказов и повестей («Последний поклон», кн.1-2, 1971-1992, «Зрячий посох» – на основе перепис-

ки с критиком А.Н. Макаровым, 1988) – противостояние нравственному распаду с опорой на корневые устои национальной

жизни, тема гибели русской природы. В романе «Прокляты и убиты» (кн.1, 1992) – мрачная обстановка казарм военного времени, страдания солдат, жертв бессмысленной жестокости советской репрессивной системы. В романе «Печальный детектив» (1986) – жестокий диагноз нравственного и социального состояния общества 1970-1980-х годов. Цикл лирических миниатюр «Затеси» (публикуется с 1972). Рассказы, киносценарии. Государственная премия СССР (1978, 1991). Герой Социалистического Труда (1989).

Виктор Астафьев известен как прекрасный бытописатель, знаток народной жизни. В рассказе «Ясным ли днем», написанном в конце 60-х годов, он изображает сцену «мирного» призыва на военную службу, лишённую какого-либо патриотизма, да и вообще здравого смысла. Пьяные «рекруты» прощаются с привычной гражданской жизнью, веселясь напропалую.

«...«Последний нонешний денечек» не ревел никто. Гармошек не было, не голосили бабы, как в проводины прежних лет. Мужики не лезли в драку, не пластали на себе рубахи и не грозились расщепать любого врага и диверсанта.

Ребята и девчонки перешли на какую-то вовсе несуразную дрыгалку. Володя самозабвенно дубасил по гитаре, девки за-

перебирали ногами, парни запритопывали.

Чик-чик, ча-ча-ча!

Чик-чик, ча-ча-ча!

Слов уж не понять было, и музыки никакой не улавливалось. Но ребятам и девчонкам хорошо от этой песни, изверченной наподобие проволочного заграждения».

Впечатляющая жанровая сценка всеобщей бездуховности! И роль гитары здесь примерно такая же, как у тамтама африканских племен: задать ритм, чтобы отупевшая толпа могла отплясывать бессмысленные ритуальные танцы.

БУЛАТ ШАЛВОВИЧ ОКУДЖАВА

Окуджава, Булат Шалвович (1924-1997) – русский поэт. В стихах (сборники «Март великодушный», 1967, «Арбат, мой Арбат», 1976, «Посвящается вам», 1988, «Милости судьбы», 1993) и прозе (повесть «Будь здоров, школяр!», 1961, исторические романы «Бедный Авросимов» – о П.И. Пестеле, 1969, в последующих изданиях – «Глоток свободы», «Путешествие дилетантов», 1976-1978, «Свидание с Бонапартом», 1983) – частная человеческая жизнь в ее сложных взаимосвязях с течением истории. В

авторских

песнях

Окуджавы,

звучавших нравственным камертоном в эпоху

заст

оя, сквозь романтически преображенные картины

ны

будничной

жизни,

мягкую

доверительную интонацию и тонкий лиризм противопоставляет твердость этических ориентиров, безупречная верность высокому духовному выбору. Государственная премия СССР (1991).

Булат Окуджава как-то рассказал историю из своей молодости. Его однажды пригласили в незнакомую компанию,

угостили как следует, а затем дали в руки гитару. Он исполнил несколько своих песен, а потом началось нечто невообразимое: «Вдруг из дальнего угла крикнули требовательно:

–

Веселую давай!.. «Цыганочку»!..

–

«Цыганочку»!.. – загудели гости, и кто-то затыкнул «Ехал на ярмарку ухарь-купец...».

Я не понимал, что происходит. Стоял, обнимая гитару. Тут ко мне подскочил Максимов, дернул меня за руку и прошипел:

–

Пошли отсюда!.. – и повел меня насильно в прихожую. – Давай одевайся! Скорей, скорей!.. Пошли отсюда!..

Мы вышли из квартиры. Ноги у меня были деревянные. Голова гудела.

–

Я не хотел тебе говорить, – сказал, кипя, Максимов уже на ночной улице, – когда мы пришли, там, на столике в прихожей, лежал список гостей, и возле твоей фамилии было написано – «гитарист»!»

Барда приняли за обычного халтурщика, музыканта, играющего на свадьбах или в ресторанах, а вкусы псевдоинтеллигентной публики отличались купеческой невзыскательностью.

Булат Окуджава всегда помнил кровавые сталинские ре-

прессии и страшную войну, унесшую миллионы человеческих жизней, и гитара помогала преодолеть депрессию. «О чем ты успел передумать, отец расстрелянный мой, / когда я шагнул с гитарой, растерянный, но живой? / Как будто шагнул я со сцены в полночный московский уют, / где старым арбатским ребятам бесплатно судьбу раздают», – вопрошает поэт в одноименном стихотворении.

Думы о былом не переставали тревожить сердце популярного барда до конца жизни, а это значит, что совесть в нем не заснула.

Окуджава, песнями которого наслаждалось не одно поколение советских людей, в стихах нередко говорит о гитаре, своей неразлучной спутнице. Вспоминается его шуточный тост на дружеской вечеринке: «Слава и честь самовару – / первенцу наших утех! / Но помяну и гитару – / главную даму из всех».

Благодаря Окуджаве гитара стала неотъемлемой частью нашей обыденной жизни – как мать, как жена, как возлюбленная. Ведь это много значит!

Он не мыслил встречу с близкими друзьями, если их компанию не разделяла обожаемая им гитара. Только тогда, считал Окуджава, создавалась сердечная атмосфера! «Будет ужин, и гитара, / и слова под старину. / Я вам буду за швейцара – / ваши шубы отряхну», – обращался поэт к гостям в стихотворении «Чувствую: пора прощаться».

Без громких слов, с тихим почтением относился Окуджа-

ва к гитаре – своей ненаглядной наперснице, у которой он искал утешения и неоднократно находил его. «Пусть мелодия простая. / но, из сердца вырастая, / украшает наше ремесло. / Ты прости меня, гитара, / может, я тебе не пара, / просто мне с тобою повезло». (Стихотворение «Дама ножек не замочит...»)

В прославленном барде до последних дней жила великая интеллигентская скромность.

Окуджава сравнивает гитару с букетом душистых цветов. Сколько слов любви и признательности он выражает спутнице жизни в стихотворении, посвященном давнему другу В.Фагельсону! Вслушаемся в эти чудные слова: «Витя, сыграй на гитаре, / на семиструнной такой, / если, конечно, в ударе, / если она под рукой. / Дай я чехол с нее скину / и как букет поднесу...»

Гитара всегда дарит праздник людям с нежным сердцем.

Булат Окуджава принадлежит к числу тех поэтов, которые создали гимн гитаре. Всю жизнь он пел под шепот ее струн и поэтому не мог не посвятить своей верной подруге стихи:
Гитара

Усталость ноги едва волочит, Гитара корчится под рукой.

Надежда голову мне морочит, А дождь сентябрьский льет такой.

Мы из компании. Мне привычно И дождь, и ветер, и

дождь, и ты. Пускай болтают, что не типичны В двадцатом веке твои черты.

Пусть друг недолгий в нас камень кинет,
Пускай завистник свое кричит – Моя гитара меня обнимет,
Интеллигентно она смолчит.

Тебе не первой, тебе не первой Предъявлен веком нелегкий счет.

Моя гитара, мой спутник верный,
Давай хоть дождь смахнем со щек.

В грустную минуту гитара утешит, подбодрит, и тогда надежда вновь загорится яркой звездой.

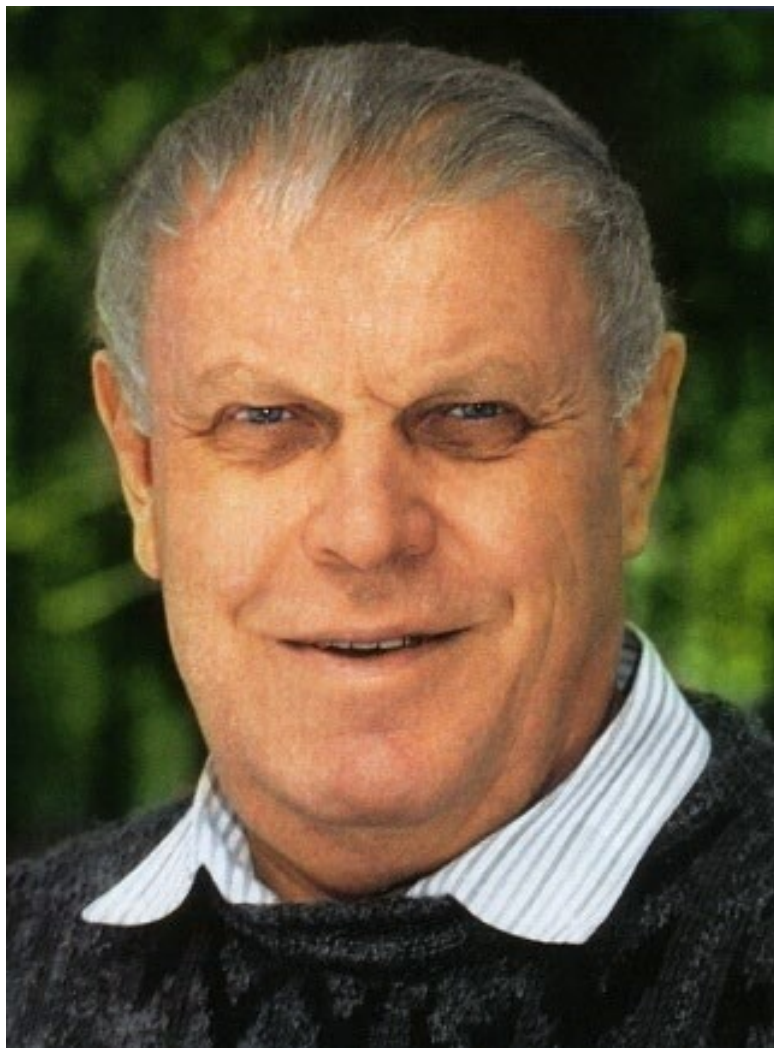
Попав в конце жизни на благополучный Запад, Булат Окуджава издалека смотрит на Россию и бывших соотечественников. Ему дороги черты народа, с которым делил радость и горе. Надежды улетучились, огромная страна исчезла с лица земли. Но гитара, как знак целой эпохи, осталась. Поэт искренне признается: «Мне русские милы из давней прозы / и в пушкинских стихах. / Мне посердцу их лени и смех, и слезы, / и горечь на устах. / Когда они сидят на кухне старой / во власти странных дум, / их горький век, подзвученный гитарой, / насмешлив и угрюм...»

В стихах с начальными словами «Мне русские милы...» Булат Окуджава выражает горечь по поводу промелькнув-

ших годов лихолетья, подкрашенных звуками гитары.

Зная, что жизнь отлетает, он в последней строке одного из последних стихотворений с емким началом «Малиновка свистнет и тут же замрет...» оставляет место для гитары, своей доброй утешительницы: «Напрасных надежд долгожданный канун. / Березовый лист на лету бронзовеет. / Уж поздно никто никого не заменит... / Лишь долгое эхо оборванных струн». Когда певец умирает – рвутся и струны его гитары!

**ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ
СОЛОУХИН**

Солоухин, Владимир Алексеевич (1924-1997) – русский писатель. Лирическая повесть «Владимирские проселки» (1957) – о современной деревне. Стихи (сборник «Аргумент», 1972). В книгах эссе «Письма из Русского музея» (1966), «Камешки на ладони» (1977-1984), «Время собирать камни» (1980) выступает против разрушения национально-исторических основ русской культуры. Повесть «Смех за левым плечом» (1989). Острополемические публицистические книги о В.И. Ленине.

Владимир Солоухин на страницах книги «Письма из Русского музея» остроумно полемизирует с Владимиром Стасовым, знаменитым художественным и музыкальным критиком. Речь идет о картине

«Свежий кавалер. Утро чиновника, получившего первый крестик» (1846), гениальном холсте

Павла Федотова. Внимательно рассмотрев интерьер полотна и заметив гитару, Солоухин приходит к выводу: «Человечишко изображен, конечно, ничтожный, мелкий. Но, глядя на него, на ту же самую картину, можно опровергнуть каждое слово прославленного критика. Хотите, чтобы я прочитал картину по-другому? Пожалуйста. Настоящий карьерист и сухарь, «одеревенелая натура», не будет становиться в позу перед кухаркой, тем более в ночном халате... То, что он куражится перед кухаркой, говорит скорее о его веселом,

общительном нраве, о его, если хотите (любимое у критиков словечко) демократизме. О том же (веселый, общительный нрав) говорит и гитара, под которую он поет, вероятно, жестокие романсы, и может быть, – кто знает? – хорошо поет... «Продажный взяточник», – утверждает Стасов. Но откуда это видно? С таким же успехом можно про него сказать, что он английский шпион».

А ведь Солоухин прав! Действительно, человек, любящий музыку, не может быть мрачным мизантропом. Обличительные пассажи Стасова рассыпаются, если обратить внимание на гитару, исповедницу человеческой души, которая совсем не случайно изображена на холсте!

Описывая избушку на привале альпинистов, следующих по одному из маршрутов, Владимир Солоухин в повести «Прекрасная Адыгене» сообщает: «В этой хижине не ночуют. Ночуют в палатках, в спальнях мешках. В ней лишь готовят еду на примусах (нет все же ветра, дождя и снега), но главное, в этой хижине сидят после ужина и поют песни. В каждом альпинистском отряде обязательно найдется одна гитара, один человек, умеющий брэнчать на ней. Таким образом, хижина, хотя и не достроенная, во многом определяет быт на этой стоянке. Не будь ее, все с наступлением темноты разошлись бы по своим палаткам, ибо даже у костра здесь не посидишь. Не так уж много дров затащишь на себе в эту высь. Теперь же, при свете коптилки, под гитарный перебреньк, сидели до одиннадцати, а то и попозже».

Писатель, великолепный знаток русского языка, изобрел новую лексическую форму. «Гитарный перебреньк» в нашей изящной словесности никто до него не применял.

ТРУМЕН КАПОТЕ

Капоте, Трумен (1924-1984) – американский писа-

тель. От лирической прозы об одиночестве романтической души в мире деловитости и жестокости (повести «Голоса травы», 1951, «Завтрак у Тиффани», 1958) перешел к документальной прозе о преступности (в том числе роман «Не дрогнув», 1965, перевод «Обыкновенное убийство», 1966, повесть «Самодельные гробики», 1980).

В романе «Другие голоса, другие комнаты» Трумена Капоте удачно выписан портрет возлюбленной главного героя, некоей испанки Долорес, девушки обаятельной и весьма экзальтированной. «Она любила сидеть нагишом на солнце и рисовать крохотных животных – жаб, пчел, бурундуков, читала астрологические журналы, чертила звездные карты и мыла голову (по три раза в день, самое малое); была азартна, и после обеда мы спускались в поселок и покупали лотерейный билет или новую гитару: у нее было больше тридцати гитар, и она на всех играла – признаться, ужасно».

Ничего не скажешь, коллекция инструментов впечатляет, хотя находится в руках рядового меломана!

ЭРНЕСТО КАРДЕНАЛЬ

Карденаль, Эрнесто (родился в 1925) – никарагуанский поэт, критик, священник. Министр культуры в 1979-1987 годах. Поэтические сборники «Час “0”» (1960), «Эпиграммы» (1961), «Псалмы» (1969), «В честь американских индейцев» (1969). Публицистика

(книги «На Кубе», 1972, «Евангелие на Солентинаме», 1975).

Гитара – неизменная спутница трудового люда. Эрнесто Карденаль в стихотворении «Рассвет» взывает к Отчизне: «Вставай ты, Хуан Никарагуа, мачете бери. / Немало сорной травы тебе еще выполоть надо. / Мачете бери и гитару свою не забудь». И далее этот призыв обретает пафосное звучание: «От восходящего света тень, как вампир, улетает. / Вставайте-ка все! Все, как один, поднимайтесь!»

Людам, мечтающим о счастливой жизни, как воздух, как солнце, нужен любимый музыкальный инструмент.

АЛЕКСАНДР ГОВОРОВ

Говоров, Александр (1925-2003) – русский писатель, доктор исторических наук.

Исторический роман

«Флореаль», приключенческий роман «Последние Каролинги» (2001).

Гитара появилась в России в начале XVIII века и в царствование

Петра Великого именовалась «китарой». Историк и писатель Александр Говоров своеобразно, хотя неточно (поскольку воспроизводит уровень интеллекта своего персонажа), излагает этимологию этого слова в романе «Санкт-Петербургские кунсткамеры, или Семь светлых ночей 1726 года» (1985). Действие разворачивается в 1726 году, уже при Екатерине I. «Зизанья вынесла инструмент, похожий на балалайку или домру, но суженный посередине, будто в талии. Весь в лентах и инкрустациях, называемый «гитара», то есть «цыганка», а еще – «кифара», инструмент Венус, богини любви».

Автором подчеркнута экзотичность и несомненная светскость иноземной музыкальной новинки, столь быстро завоевавшей сердца русских слушателей.

БРАТЯ СТРУГАЦКИЕ

Стругацкие, Аркадий Натанович (1925-1991) и Борис Натанович (1933-2006) – русские писатели, братья, соавторы. Научно-фантастические рассказы и повести. Социальная фантастика, с элементами гротеска, о путях развития цивилизации и роли личности в обществе в повестях «Трудно быть богом» (1964), «Понедельник начинается в субботу» (1965), «Пикник на обочине» (1972), «За миллиард лет до конца света» (1976-1977), «Хромая судьба» (1986). Роман «Град обреченный» (1988-1989). Сборник «Незначенные встречи» (1980).

Братья Стругацкие частенько описывали в своих научно-фантастических произведениях неведомые страны и земли, затерянные в пространстве и времени. Роман «Обитаемый остров» – не исключение. Гвардейцы, охраняющие подступы к важному объекту, Дворцу Отцов, проводят свободное время с гитарой.

Влюбленные просят сослуживца сыграть какую-нибудь танцевальную мелодию. «Гай не стал спорить. Он бросил учебник, полез в шкаф, достал гитару и принялся ее настраивать. Рада и Максим сейчас же отодвинули в сторону стол и встали друг перед другом, готовые оторвать «да-да, нет-нет». Гай выдал им «да-да, нет-нет» с подстуком и перезвоном. Он смотрел, как они танцуют, и думал, что пара подо-

бралась отменная, что жить вот только негде, и если они поженятся, то придется ему совсем перебраться в казарму».

Потом пришло время что-нибудь спеть. «Пара утанцевалась до упаду, Мак отобрал у Гая гитару, перестроил ее на свой чудной манер и начал петь странные свои горские песни. Тысячи песен и ни одной знакомой. И каждый раз – что-нибудь новое. И вот что странно: ни одного слова не понять, а слушаешь и – то плакать хочется, то смеешься без удержу... Некоторые песни Рада уже запомнила и теперь пыталась подпевать».

Несмотря на то, что авторы описывают совершенно неведомую эпоху, солдаты не мыслят своей жизни без гитары, как некогда преображенцы и кавалергарды в русской столице.

«Сказка о тройке» братьев Стругацких написана, очевидно, не без влияния западной «прозы абсурда», что можно заключить хотя бы из следующего фрагмента: «Эдик с интересом расспрашивал Федю о жизни в горах, Федя, с самого начала проникшийся к вежливому Эдику большой симпатией, отвечал охотно.

–

Хуже всего, – рассказывал Федя, – это альпинисты с гитарами. Вы не можете себе представить, как это страшно, Эдик, когда в ваших родных, тихих горах, где шумят одни лишь обвалы, да и то в известное заранее время, вдруг над самым ухом кто-то зазвенит, застучит и примется рычать

про то, как «нипупок» вскарабкался по «жандарму» и «запилил по гребню» и как потом «ланцепупа пробило на землю»... Это бедствие, Эдик. У нас некоторые от этого болеют, а самые слабые даже умирают...

—

У меня дома клавесин есть, — продолжал он мечтательно. — Стоит у меня там на вершине клавесин, на леднике. Я люблю играть на нем в лунные ночи, когда тихо и совершенно нет ветра. Тогда меня слышат собаки в долине и начинают мне подвывать. Право, Эдик, у меня слезы навертываются на глаза, так это получается хорошо и печально. Луна, звуки в просторе несутся, и далеко-далеко воют собаки... вы, наверное, хотели бы узнать, откуда у меня клавесин. Представьте себе: его занесли альпинисты. Они ставили какой-то рекорд и обязались втащить на нашу гору клавесин. У нас на вершине много неожиданных предметов. Задумает, например, альпинист подняться к нам на мотоцикле — и вот у нас мотоцикл, хотя и поврежденный, конечно... Гитары попадают, велосипеды, бюсты различные, зенитные пушки... Один рекордсмен захотел подняться на тракторе, но трактора не раздобыл, а раздобыл он асфальтовый каток».

Клавесин на горном перевале, которому вторят цепные псы в долине, и гитарная музыка, убивающая аборигенов, — такие описания, согласитесь, трудно счесть реализмом. Даже критическим.

Повесть «Стажеры» рассказывает о жизни пилотов огром-

ных космических кораблей. «Юра прошел мимо открытого люка. Там никого не было, только мигали цветные огоньки на пультах. Тихо так, подумал Юра. Никого не видно и не слышно. Он свернул в поперечный коридор и услышал музыку. Кто-то где-то играл на гитаре, уверенно и неторопливо выводя печальную мелодию. Неужели и на Рее так? – подумал вдруг Юра. Он любил, чтобы вокруг было шумно, чтобы все были вместе, и смеялись, и острили, и пели. Ему стало грустно. Потом он подумал, что все сейчас, должно быть, на работе, но все же так и не смог отделаться от ощущения, что люди не могут не скучать в круглых пустых коридорах – здесь ли или на других далеких планетах. Вероятно, виновата была гитара».

По воле авторов этот чудесный инструмент звучит не только на земле, но и в галактических далях!

Описывая хмельную встречу двух давних друзей в повести «Подробности жизни Никиты Воронцова», Аркадий Стругацкий отмечает характерный штрих: «Неудержимо надвигалась меланхолия, и после шестой Алексей Т. попросил Варахасия спеть. Варахасий отказываться не стал, спеть ему давно уже хотелось. Он сходил в кабинет за старой своей, испытанной семиструнной и сказал, усаживаясь поудобнее:

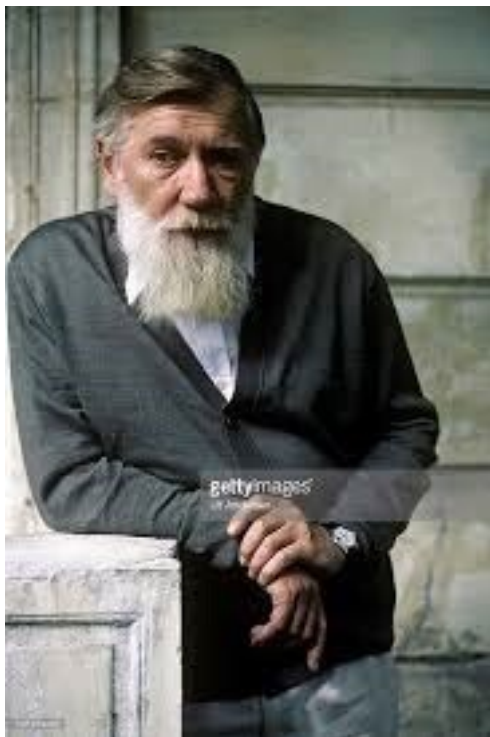
– Спою тебе новую. Месяц назад в компании один адвокат знакомый ее пел. Очень мне понравилась. Она по-украински, но все почти понятно...

Странно хороша была эта песня, и чудилось в ней некое

колдовство, но и слух у Варахасия был отменный, и гитара его звенела томительно-вкрадчиво, да и водяные шумы на дворе вроде бы попритихли».

Красивая песня под чудный гитарный аккомпанемент – что может быть лучше этого?

АНДРЕЙ ДОНАТОВИЧ СИНЯВСКИЙ

Синявский, Андрей Донатович (1925-1997) – русский писатель, литературовед. Гротескно-сатирические повести «Суд идет» (1959), «Любимов» (1963) – о социальных и психологических феноменах тоталитарного государства.

Опубликованы

в

1989

году

под псевдоним

ом Абрам Терц. В 1966 году Синявский был осужден. С 1973 года – в Париже. Мемуарная книга «Голос из хора» (1973), осмысляющая лагерный опыт.

Автобиографический

роман «Спокойной ночи» (1984). Эссе с элементами игры и эпатажа «Прогулки с Пушкиным» (1975).

Книга «В тени Гоголя» (1975). Редактор журнала «Синтаксис» (с 1978, Париж).

Советские диссиденты вроде Андрея Синявского высоко ценили гитару как свободный, гордый инструмент, неподвластный партийным директивам. Говоря о засилье цензуры, он справедливо замечает, что в результате мы «получили своих беранжеров, трубадуров и менестрелей – в лице блестящей плеяды поэтов-песенников. Я не стану называть их имена – эти имена и так всем известны, их песни слушает

и поет вся страна, празднуя под звон гитары день рождения нового, нигде не опубликованного, не записанного на грампластинку, поруганного, загубленного и потому освобожденного слова. «У меня гитара есть – / Расступитесь, стены, – / Век свободы не видать / Из-за злой фортуны, / Перережьте горло мне, / Перережьте вены, / Но только не порвите / Серебряные струны...» Так пел раздирающим душу голосом Владимир Высоцкий.

Несомненно, что гитара сыграла великую роль в деле демократического преобразования нашего общества!

НОННА ВИКТОРОВНА МОРДЮКОВА

Мордюкова, Нонна (Ноябрина) Викторовна (1925-2008) – русская киноактриса. Народная артистка СССР (1974).

Снималась в фильмах «Молодая гвардия», «Чужая родня», «Простая история», «Женитьба Бальзамина», «Возврата нет», «Журавушка», «Русское поле», «Трясина», «Родня», «Комиссар». Государственная премия СССР (1949).

В книге «Записки актрисы» Нонна Мордюкова рассказывает, как в молодости она в шумной компании с помощью гитары попыталась очаровать надменного юнца, который не обращал на нее внимания, – и это ей удалось! «Зацепила-таки... И сама никак не отдышусь, и они заряжены моим нервом... Дальше по плану был костер, но еще не село солнце, и мы направились ужинать... Взяла гитару и вдохновенно спела «Сронила колечко». Попросили еще, но я чувство меры имела всегда – передала гитару другим».

Этот чудесный инструмент может сблизать людей, в чем его великая сила!

КОНСТАНТИН ЯКОВЛЕВИЧ ВАНШЕНКИН

Ваншенкин, Константин Яковлевич (1925-2012) – русский поэт. Стихи и проза о войне, мире природы, долге человека перед эпохой. Поэтические сборники «Повороты света» (1965), «Поездка к другу» (1971), «Дорожный знак» (1977), «Ветка» (1981), «Примета» (1987). Поэма «Жизнь человека»

**(1980). Книга воспоминаний, литературных очерков
«Лица и голоса» (1978).**

Государственная премия СССР (1985).

Константин Ваншенкин опубликовал

мемуарную книгу «В мое время». В ней встречается фраг-

мент, названный им «Гитара». Вот он:

«Мой друг – потрясающий гитарист, настоящий виртуоз, знаток не только старинных песен и романсов, но и самих гитар. Их у него пять. Одной сто лет, другой сто пятьдесят. Есть ровесница Пушкина. Без обмана – их возраст подтвержден авторитетнейшими экспертами. Все реставрированы, тоже лучшими в России мастерами, и находятся в полном порядке, на ходу. Он играет то на одной, то на другой. Существует любимица. Долго не прикасался к ней, потом взял в руки, а она не звучит. Он объясняет огорченно: «Обиделась». Перебирает струны и добавляет растерянно: «Не отвечает...». И наконец, с облегчением: «Простила...»

По каким-то причинам известный поэт не назвал имя своего друга-чудака, обозначив его лишь инициалами И.Э. Как бы то ни было, можно не сомневаться, что это добрый, чуткий человек. Много ли среди нас тех, кто способен относиться к музыкальному инструменту, как к живому существу?

ТАДЕУШ КОНВИЦКИЙ

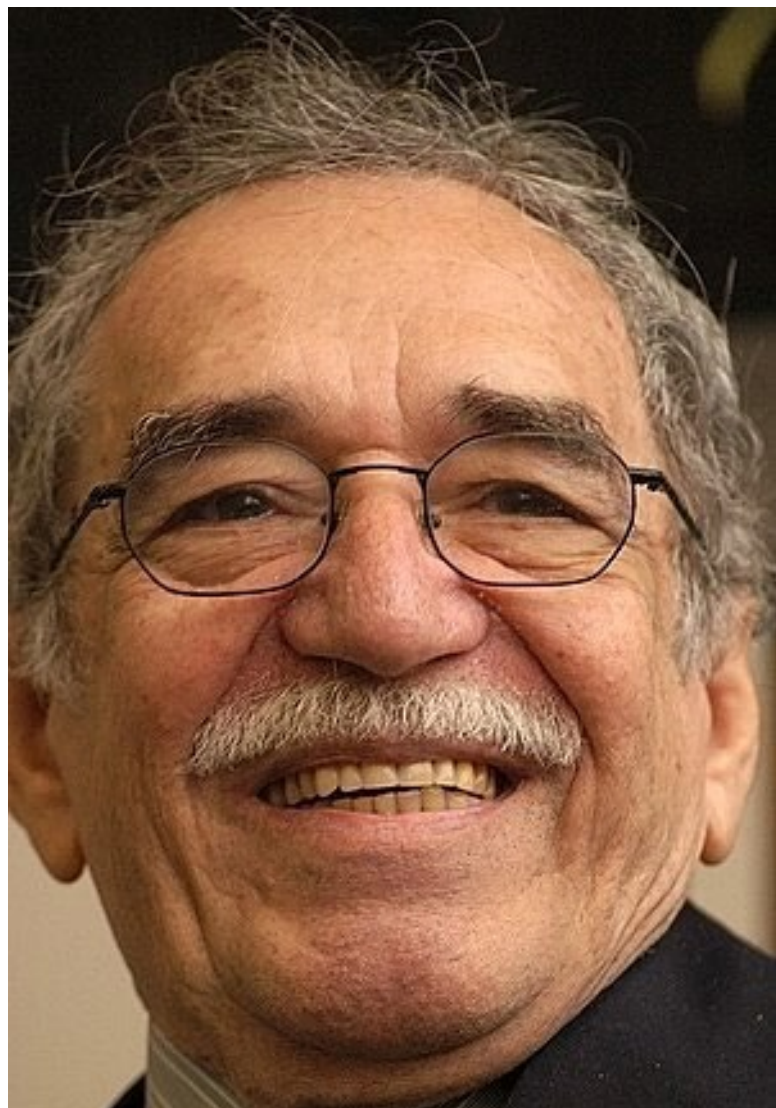
Конвицкий, Тадеуш (1926-2015) – польский писа-

тель, кинорежиссер. Романы «Дыра в небе», «Современный сонник», «Малый Апокалипсис».

Тадеуш Конвицкий в романе «Чтиво» поднимает множество нравственно-философских проблем, не забывая время от времени воссоздавать реалии нынешней жизни. К примеру, герой смотрит в окно и видит совсем нерадостную картину: «На углу двое русских с гитарами поют песню собственного сочинения; перед ними зазывно поблескивает жестяная консервная банка из-под икры. Неужели таким неприглядным и бессмысленным должен быть мой конец, коли уж пробил час?»

Меткое наблюдение! Великая страна, в одночасье развалившаяся благодаря усилиям нескольких иуд-коммунистов, вытолкнула творческого человека на обочину жизни. Неудивительно, что многие одаренные музыканты вынуждены побираться на задворках Европы, зарабатывая на жизнь игрой на гитаре.

МАРКЕС ГАРСИА

Гарсиа, Маркес

Габриель

(1928-2014) –

колумбийский писатель. Социально-политические повести «Полковнику никто не пишет» (1958) и роман «Недобрый час» (1962), антитиранический гротескный роман «Осень патриарха» (1975), роман «Хроника объявленной смерти» (1981), «Любовь во время чумы» (1985), рассказы. В романе-эпопее «Сто лет одиночества» (1967), используя фольклорно-мифологические мотивы

и

пародируя

разные художественные традиции, создал фантазмагорический мир, история которого, преломляющая реальные исторические черты Колумбии и всей Латинской Америки, осмысливается и как метафора развития человечества в целом. Нобелевская премия (1982).

Герой романа Габриеля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», метафорически описывая ворчание одной из своих героинь, жены отставного полковника Аурелиано Буэндиа, применяет курьезное сравнение: «Чем дальше он откладывал заботы о пополнении кладовой, тем больше нарастало возмущение Фернанды, пока наконец ее бессвязные жало-

бы и редкие вспышки гнева не слились в один сплошной, неудержимый поток слов; шум его, начавшийся однажды поутру и напоминавший монотонное звучание басовых струн гитары, к вечеру постепенно поднялся до высоких нот, насыщаясь при этом все более богатыми, все более яркими оттенками».

Латиноамериканский читатель хорошо знает голос гитары, поэтому ему нетрудно представить себе, как прогрессировало раздражение Фернанды!

Персонаж романа «Полковнику никто не пишет», врач по профессии, как-то бросает реплику: «Для европейцев Южная Америка – это мужчина с усами, гитарой и револьвером... Они нас не понимают».

В некотором смысле справедливое замечание, особенно если учесть, что этот инструмент можно встретить в самых неожиданных местах. Вот вам описание пошивочного ателье из этой же книги: «Герман вошел с часами в мастерскую, где Альваро уже строчил на машинке. Чуть дальше, у стены, сидела девушка и пришивала пуговицы. Над ней висела гитара, а еще выше – надпись: «Говорить о политике запрещается».

Право же, европейцу трудно понять, почему на рабочем месте можно играть на гитаре, а вот обсуждать очередной указ президента – ни в коем случае!

**ВЛАДИМИР
ВЛАДИМИРОВИЧ КУНИН**

Кунин, Владимир Владимирович (1927-2011) – русский писатель. Работал специальным корреспондентом газеты «Советская культура». Автор многих повестей и рассказов («Настоящие мужчины», «Интердевочка», «Лицо одушевленное»).

«Русские на Мариенплац» – роман Владимира Кунина, в котором автор описывает свои зарубежные впечатления.

Заслуживает внимания следующий эпизод:

«Не успел я пройти и десяти шагов, как остановился, будто вкопанный! Сначала я даже не сообразил, что же такое выплеснуло меня из общего туристского потока, что заставило меня буквально прилипнуть к каменным плитам Мариенплаца?!

А спустя мгновение понял – где-то совсем-совсем рядом живым голосом пела живая Нани Брегвадзе! Пела один из любимейших мною старинных русских романсов!

Легкий, почти незаметный, ускользающий грузинский акцент придавал романсу дополнительное очарование, а гитара, сопровождающая несравненную Нани, вела себя так мягко, так деликатно, что у меня и сомнения не осталось – здесь, рядом со мной, в Мюнхене, на Мариенплац, вот за этими разноцветными спинами, стоит Нани Брегвадзе и поет:

Лишь только вечер опустится синий, / Лишь только звезды мелькнут в небесах, / И черемух серебряный иней / Жемчугами украсит роса...

«Боже мой... – подумалось мне. – Неужели и она?!»

Не веря самому себе, я рванулся на знакомый до боли голос.

В добротной волевой манере военного разговорника давних лет, разбрасывая направо и налево «Энтшульдиген! Энтшульдиген!», я врехался в толпу, окружавшую Нани Брегвадзе, и увидел... молоденькую, красивую девочку лет двадцати – двадцати двух, в джинсах и какойто невзрачной курточке.

Отвори потихоньку калитку / И войди в тихий сад ты как тень, / Не забудь потемнее накидку, / Кружева на головку надень... – пела эта девочка голосом Нани Брегвадзе.

Она легко перебирала гитарные струны, а у ног ее лежал старый облезлый футляр от гитары, в котором поблескивали десятка полтора монеток.

Я ошеломленно уставился на эту девчонку.

В ней даже на грош не было ничего грузинского! Разве что большие, темные, широко расставленные глаза. Но такие глаза могли быть у любой русской, французской, украинской, еврейской девочки. Хотя и еврейского в ней тоже не было ничего.

Тонкое породистое лицо с прямым носиком и четко очерченными губами, а под неказистой курточкой и стиранными-перестиранными джинсиками угадывалась прекрасная фигура.

Аплодисменты, которыми наградила разноликая толпа

эту девчонку, вызвали у нее отчасти благодарную, но в большей степени ироничную улыбку. И мне это ужасно понравилось!

А когда отзвенели еще с десятков монет, брошенных зрителями в старый гитарный футляр, девчонка недобро сдвинула брови, жестко рванула струны и вдруг, без малейшего намека на грузинский акцент, запела знаменитую песню Галича:

Мы похоронены где-то под Нарвой, под Нарвой, под Нарвой. / Мы похоронены где-то под Нарвой. Мы были – и нет... / Так и лежим, как шагали – попарно, попарно, попарно... / Так и лежим, как шагали попарно – и общий привет!...»

Грустная участь у наших дарований – петь и играть на гитаре в чужих краях, с болью вспоминая Отечество, столь неласковое к своим талантам, равно как и к самому народу!

**ЭЛЬДАР АЛЕКСАНДРОВИЧ
РЯЗАНОВ**

Рязанов, Эльдар Александрович (1927-2015) – российский кинорежиссер-комедиограф, драматург. Народный артист СССР (1984), лауреат

Гос

ударственной премии

СССР

(1977), Государственной премии РСФСР имени

братьев Васильевых

(1979).

В автобиографической книге «Неподведённые итоги» Эльдар Рязанов неоднократно вспоминает о гитаре и о благотворном влиянии, которое она оказала на его жизнь.

Первое знакомство с гитарой:

«К сожалению, в детстве слон наступил мне на ухо. Но, несмотря на полное отсутствие слуха, я всегда очень любил музыку.

Еще в младенческие лета обожал петь, громко фальшивя и терзая уши окружающих. В студенческие годы на занятиях по ритмике, акробатике и танцу я был последним учеником – бегал, прыгал и танцевал не в такт, сбивался с ритма и вызывал насмешки однокашников. Но все равно я продолжал питать к музыке нежное и верное чувство. Красивая мелодия всегда вызывала во мне какое-то брожение, восхищение, экзальтацию, восторг. Во время экспедиции на остров Сахалин я решил научиться играть на гитаре. Отправился в магазин и приобрел самую дешевую семиструнную гитару. В нашей съемочной группе нашлись добрые люди, которые терпеливо мучились со мной, пытаясь обучить хотя бы трем аккордам. Под их аккомпанемент можно было исполнять множе-

ство песен. Мой учитель, вернее дрессировщик, прекрасный кинооператор Юрий Серов, сам необыкновенно одаренный музыкально, бился со мной несколько месяцев, пока продолжалась экспедиция. Я сладострастно бил по струнам, истязая тонкий слух своего добровольного педагога. Аккомпанемент звучал сам по себе, а я малоприятным голосом выкликал слова песен. Понимая безнадежность обучения, Серов говорил мне:

– Если ты чувствуешь какую-то неувязку, ты громче пой и тише играй. Тогда не так явно будет слышен разнобой.

Это был мудрый совет. И я, желая быть душой общества, выступал на вечеринках, громко выкрикивал песни, а аккомпанировал себе еле слышно. И иногда сходило! Меня выручали нахальство, хорошая память на стихи и знание бесчисленного количества текстов. Все эти песенки я напевал приблизительно на один мотив – главным для меня были слова, а не мелодия».

Гитара в фильмах Рязанова:

«Введение музыки в эпизод, в ткань сцены может быть реалистическим и условным. К примеру, в «Иронии судьбы» все песни героев картины исполняются под гитару. Зритель видит, как персонаж берет в руки инструмент, начинает аккомпанировать себе и петь. В звуковом ряду слышны только гитарные переборы и голос исполнителя. В музыкальном сопровождении песни отсутствуют флейты, скрипки или же тромбоны. Слышен только тот инструмент, который виден

на экране. В «Карнавальная ночь» или «Дайте жалобную книгу» – этот же реалистический метод введения музыки. Зритель всегда понимал, откуда звучит музыка, а если и не видел, то принцип все равно оставался – было ясно, что оркестр за сценой, вне кадра, но он есть и публика уже с ним знакома. В «Гусарской балладе» иная форма подачи музыки – условная. К примеру, партизаны просят французскую певицу Жермон (ее играла блистательная Татьяна Шмыга) спеть. Один из них берет гитару и начинает подыгрывать певице. Звучит романс, а в аккомпанемент композитор постепенно вводит и рояль, и скрипки, и аккордеон, и еще много других инструментов, которых нет и не может быть в каретном сарае, где разворачивается эта сцена».

Работа с Микаэлом Таривердиевым.

«В ленте «Ирония судьбы, или С легким паром!» я снова вернулся к песням. Однако возвращение произошло в несколько новом, непривычном для меня качестве. Дело в том, что в фильм, который не является ни мюзиклом, ни условной музыкальной комедией, было вставлено восемь (!) песен. Для реалистической картины это непомерно много. Причем для песен брались известные стихи крупных поэтов, которые, как мне казалось, не иллюстрировали содержание нашей новеллы, а освещали события иным, новым светом. До постановки ленты не существовало буквально ни одного человека, который не указывал бы мне на неуместность этих грустных и сложных стихов в легкой, где-то анекдоти-

ческой, комедийной ткани сценария. Но я-то знал, что хочу сделать картину, где переходы от веселого к печальному, от грустного к смешному будут ее особенностью. А насыщенность песнями придаст рассказу своеобразие. Только один человек безоговорочно поддержал меня – композитор Микаэл Таривердиев. Он сразу же нутром почувствовал мои намерения и стиль будущего фильма. Я благодарен Таривердиеву, что он не уговаривал меня «обогащать» аккомпанемент песен оркестровкой и пошел на самоограничение ради общего замысла. И в результате песни в фильме звучали только под скромные гитарные переборы, доступные любому дилетанту, в том числе и нашим героям. Это подчеркнуло естественность песенных эпизодов».

История создания «Жестокое романса» и специфика этого жанра:

«Жестокий романс» – наша восьмая совместная работа с Андреем Павловичем Петровым. Мы прекрасно знаем друг друга, дружим, понимаем даже не с полуслова, а с полупафоса, и все же в этой работе композитор удивил меня. Несмотря на известное имя, положение, славу, авторитет, Андрей Павлович вел себя и держался так, будто «Жестокий романс» – его первая работа в кино. Его увлеченность, открытость, готовность все переделать, отсутствие какой-либо самоуверенности наглядно свидетельствовали о творческой молодости композитора, о том, что душа его жива, свежа, неуспокоенна. И результат, с моей точки зрения, полу-

чился великолепным. Все романсы, написанные им для картины, мелодичны, очаровательны, нежны – одним словом, прелестны. Щемящую грусть, чувственность, горькую ноту несут и другие мелодии – вальс, марш, цыганская пляска, гитарные разработки романсных тем. Композитор напоил, обволок, окутал картину миром замечательных музыкальных звуков. Весь фильм действительно зазвучал как один большой романс. В музыке слышны и страстность, и нежность, и горечь, и тревога, и страдание. Написанная в традициях русской классики, музыка в сути своей современна. Ее не спутаешь с романсами прошлого века. Это не стилизация, а фантастическое умение объединить старинность и современность в единое, гармоническое звучание».

Очень тепло Рязанов пишет о Владимире Высоцком: «Высоцкий, конечно, является мифом, легендой XX века. Как случилось, что обычный паренек с московской окраины, вооруженный одной гитарой, смог завоевать любовь огромной страны. Причем завоевать без помощи средств массовой информации. Ни разу при жизни не был показан Высоцкий по Центральному телевидению. У него не было ни одного афишного концерта, скажем, в Москве или Ленинграде. Он смог напечатать только одно свое стихотворение в сборнике «День поэзии», и то в искаженном виде. Это все, что ему довелось увидеть напечатанным из тех восьмисот стихотворений, которые он написал за свою короткую, сорокадвухлетнюю жизнь. Причем умер он, можно сказать, с третьей по-

пытки. А до этого было два случая, когда наступала клиническая смерть, но врачам удавалось вытащить его с того света».

Странички книги Эльдара Рязанова, посвященные гитаре, помогают нам лучше понять творчество этого незаурядного кинорежиссера.

ЛУКЕ ЭРРЕРА

Эррера, Луке Франсиско (1927-1991) – венесуэльский писатель. Роман «Луна доктора Фауста».

В историческом романе Луке Эрреры «Луна доктора Фауста», посвященном завоеванию Венесуэлы конкистадорами, тесно переплетаются историческая и мифологическая канва.

Герой повествования, Филипп фон Гуттен, любимый гонец августейшего семейства, постоянно вспоминает Севилью, в которой провел лучшие годы жизни. Что же отложилось в его памяти?

Портрет любимой девушки:

«Мария, прикрытая лишь иссиня-черным плащом своих волос, перебирала струны гитары, сидя на подоконнике. В этот день Филиппу исполнилось двадцать три года».

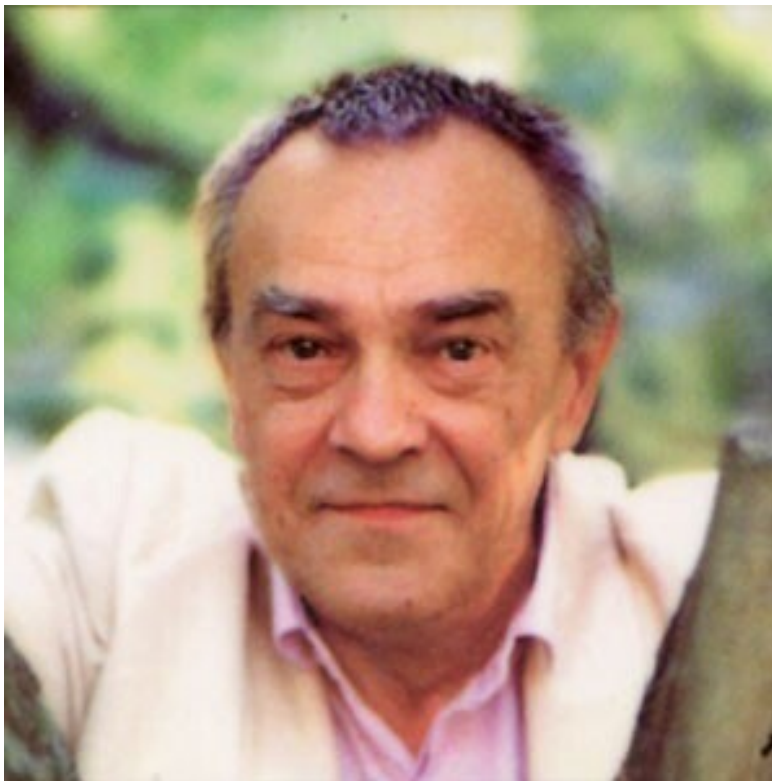
Улицы города в закатную пору:

«Филипп вспомнил веера, черные распущенные кудри, звон гитар, и Севилья стала ему мила как никогда. Он почувствовал благодарность судьбе и своему капитану. «Не пойду в монахи, – думал он в ту ночь, – стану грандом и возьму в жены чернокудрую дочку герцога». Гитара возникает в воображении героя даже тогда, когда он путешествует по Вест-Индии, за тридевять морей от Испании:

«– Добро пожаловать к нам, великий белый вождь! – приветствовала его высокая женщина. Кожа у нее была иссиня-черная, глаза зеленые, как у герцогини Медины-Сидонии, тело, мягкими изгибами напоминавшее гитару, – как у девицы из Кордовы, голос – как у Каталины де Миранда, высокие монгольские скулы и стройный рост – как у Берты Гольденфинген и жены дровосека».

Память о счастливой молодости навсегда породнила в сознании Филиппа Севилью и гитару.

ВАЛЕНТИН САВВИЧ ПИКУЛЬ

Пикуль, Валентин Саввич (1928-1990) – русский писатель. Романы на исторические сюжеты «Пером и шпагой» (1972), «Слово и дело» (1974-1975), «Фаворит» (т.1-2, 1984), «Честь имею!» (кн.1-2, 1988-1989).

В романе «Фаворит» Валентин Пикуль, который частенько вольно излагал исторические факты, в отношении гитары был точен. «Потемкин давно утопал в музыке! Через уличные «цеттели» (афишки заборные) регулярно извещал жителей, что в Аничковом дворце опять поет для публики капелла его светлости. Знаменитые Ваня Хандошкин с Ваней Яблочкинским снова явят свое искусство игры на скрипке, балалайках и даже на гитарах певучих. Потемкинская капелла всегда считалась лучше придворной, светлейший сам отбирал певцов, которые безжалостно опивали его и объедали; заезжим итальянцам, не прекословя, разрешал князь петь ради заработка в столичных трактирах».

Полудержавный властелин, каким, без сомнения, после Меншикова был князь Таврический, действительно меценатствовал, и гитара при нем становилась популярной в России.

Валентин Пикуль в своих романах иной раз пользуется недостоверными источниками, а то и очевидными сплетнями современников. Обратите внимание, как он преподносит нам великого князя Николая Николаевича: «Николаша – гроза гвардии, непревзойденный мастер по части выпивки и закуски. Свой дворец в Петербурге сдавал под «весе-

лый дом», за что имел по 46000 рублей годового дохода. Не женат, но влюблен в слезливую купчиху, торговку мукой и бубликами. Бракосочетаться с нею ему запретили. «Я состою в родстве со многими дворами, – сострил Николай II, – но с Гостиным двором родниться не хочу». Напившись, великий князь обычно раздевался догола, брал гитару и залезал на крышу дома своей хлебобулочной пасии. В лунные ночи жители Царского Села не раз видели дядю Николашу, который, сидя под трубой, распевал злодейские романсы, жестоко изранивая сердце сдобной купчихи: «Скинь мантилью, ангел милый, и явись, как майский день...» Снимали его оттуда с помощью пожарной команды».

Сомнительно, что будущий верховный главнокомандующий русской армии в мировой войне совершал такие непотребства, но то, что он умел играть на гитаре – похоже на правду. В гвардейской среде музицирование на этом инструменте было едва ли не столь же обязательным, как умение фехтовать, держаться в седле и попадать из револьвера в карточного туза с десяти шагов.

О том, что в начале XX века гитару можно было встретить на самом краю русской земли, а именно на Камчатке, нетрудно узнать, прочитав роман «Богатство». Веселой гурьбой в Петропавловске сходят на берег матросы канонерской лодки «Маньчжур». «Город сразу наполнило воркование гитар, по мосткам заходили матросы-клевашники, а навстречу им, пыля юбками, павами выступали сердечные зазнобы, душеньки и

лапушки».

Писатель изображает красочную картинку народного гулянья в том краю, где совсем недавно и слыхом не слыхивали о гитаре.

**ФАЗИЛЬ АБДУЛОВИЧ
ИСКАНДЕР**

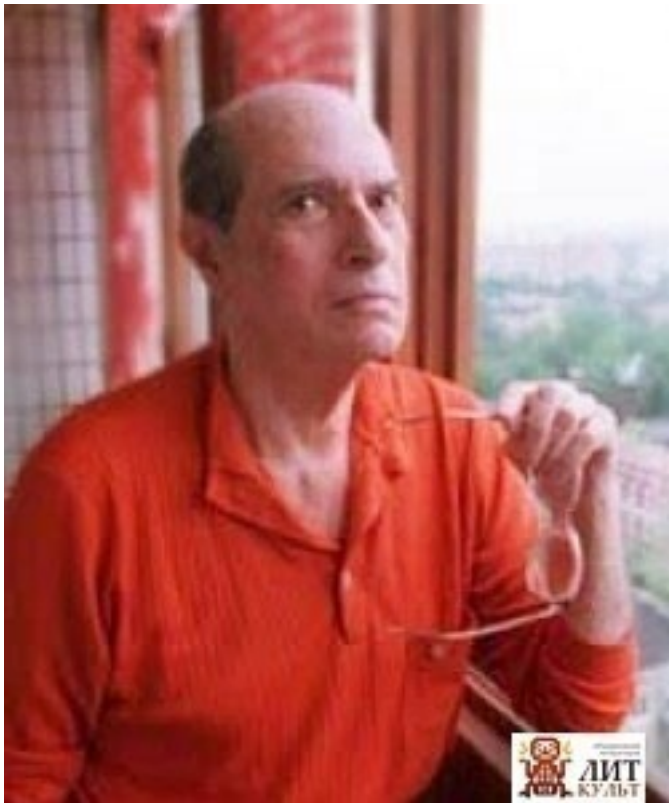
Искандер, Фазиль Абдулович (1929-2008) – русский писатель. Сатирические повести «Созвездие Козлотура» (1966), «Кролики и удавы» (1987), «Человек и

его окрестности» (1993). В романе на автобиографической основе «Сандро из Чегема» (1973-1988), проникнутом лиризмом и юмором, – панорама жизни и исторические судьбы абхазского народа, своеобразие национального характера. Сборники стихов («Горные тропы», 1957, «Зори земли», 1966), рассказов («Тринадцатый подвиг Геракла», 1966). Государственная премия СССР (1989). Государственная премия РФ (1993).

Писатель Фазиль Искандер создал широкую галерею литературных персонажей, которых кинорежиссер Василий Шукшин некогда метко окрестил «чудиками». Это люди, одержимые какой-либо идеей, выделяющей их из серой однообразной толпы. В романе «Сандро из Чегема» Искандер рассказывает о судьбе девочка Тали, влюбленной в музыку. «В восемь лет она научилась играть на гитаре и вечно волочила ее по дороге между Большим Домом и соседями. В двенадцать лет она играла все мелодии, которые когда-либо воспроизводились в Чегеме. Играть она могла в любом положении: сидя, стоя, лежа, бегом и даже верхом на дедушкином муле, который, по наблюдениям чегемцев, слегка подплясывал, услышав над собой бречанье струн. Но больше всего она любила играть, сидя на макушке дедушкиной яблони».

Как не порадоваться за Тали, нашедшую свое призвание в лице чудесного музыкального инструмента!

**ВАЛЕРИЙ АБРАМОВИЧ
АГРАНОВСКИЙ**

Аграновский, Валерий Абрамович (1929-2000) – известный советский журналист, долгие годы работал спецкором «Комсомольской правды».

Мемуарная книга Валерия Аграновского «Вторая древнейшая» повествует о советской журнали-

стике, о нравах и порядках, царивших в редакциях, о судьбе людей, искренне или против своей воли восславлявших социалистический строй. Оказывается, гитара играла большую роль в их жизни.

Сам автор тоже был поклонником этого инструмента. Читая, что как-то «дома у Алексея Яковлева Каплера и его жены Юлии Владимировны Друниной по просьбе хозяев я специально для «гостя из Италии» спел, сам себе аккомпанируя на гитаре, «Белые туфельки», стилизованный под городской романс. В доме Каплеров я был частым и желанным гостем, нежно и с уважением относясь к хозяевам, как и они ко мне, при этом никогда не отказывался от гитарного пения».

Любопытен и такой эпизод: «В эпоху бурного развития научно-технической революции даже дети перестают удивляться! Когда-то ребенок, глядя на репродуктор, мог спросить, в высшей степени возбуждись: «Папа, там сидит гномик?!» Зато сегодня мой маленький племянник, слушая «живое» исполнение под гитару, спокойно сказал: «Я знаю, папа, у тебя в горле магнитофон».

Нельзя удержаться от того, чтобы не привести забавную сцену в гостях у пожилого еврея:

« – Вот и моя семья, – знакомит Дынькин, – чем богат, тем и рад. Двосечка, птичка моя, сыграй что-либо на гитаре.

–

Вы уважаете веселое или заунывное? – это Двося спрашивает. – Как сказать...

—
Когда я одна, я играю заунывное, а так я всегда веселая.

—
Это прямо замечательно...

Мы в центре внимания. Две дюжины глаз пронизывают нас насквозь.

—
Ой, Боже мой! Ой, горе мне, — восклицает вдруг Сора, — я не выдержу от них!

Оказывается, открутился кран, и весь стол облило кипятком.

Минута смятения, мокрая скатерть закрывается полотенцем, и как будто ничего не было. Пьем чай «з вареньем».

Двося достала гитару. Инцидент с краном испортил настроение, и она забыла, что должна быть «всегда» веселой. Несколько предварительных аккордов...

—
Оставь его, его дхугая любит —

У ней пхава пхед Богом и людьми... Тебе себя отдать, ее он счастье сгубит, Ты ж не найдешь забвения — пойми!

—
Когда она играет, я люблю мечтать, — шепчет на ухо Дынькин. — Я ей не перебиваю, и она мне не перебивает. Она свое дело знает, я свое. А ну-ка, Двося, что-либо веселое! Две гитахи за стеной Жалобно заныли...

Этот памятный мотив...

Милый, это ты ли?

Эх, хаз! Еще хаз!

Еще много, много хаз!

—

Эх, лаз, есцо лаз, — не вытерпел какой-то карапуз.

—

Если бы моя Сора знала музыку, то я заставил бы ее даже в лавке играть, — шепчет

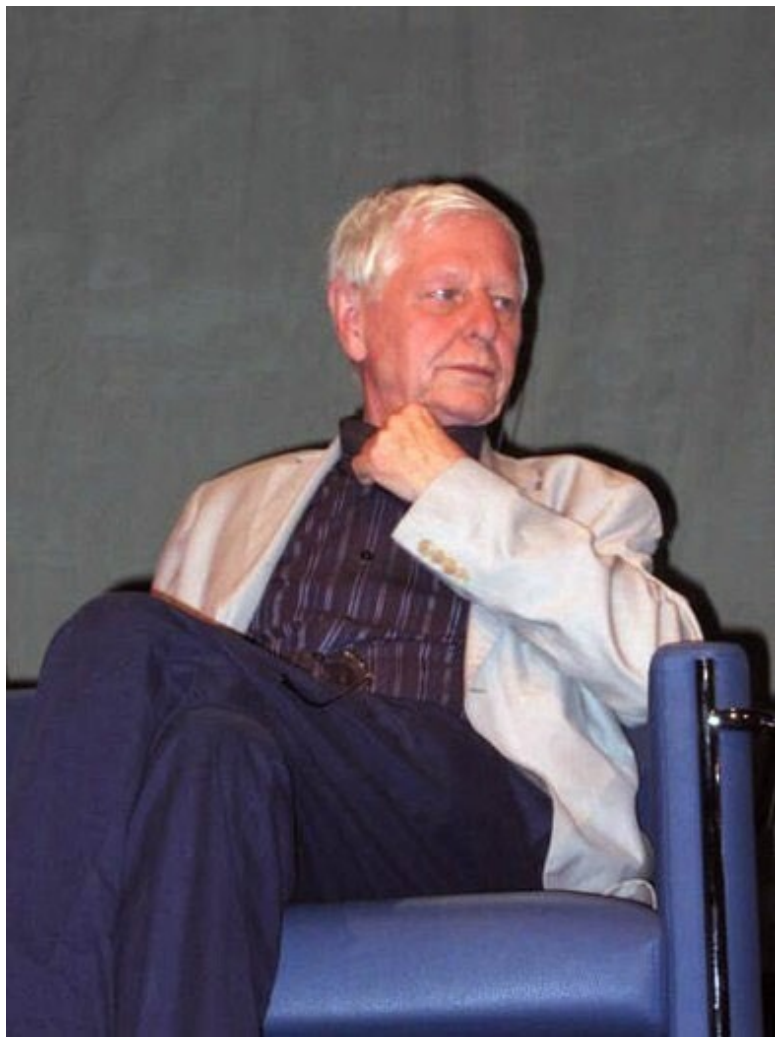
Дынькин. — Я вам тоже советую взять жену с гитарой. Сожалеть не будете...»

Как-то, сидя в приемной академика Флерова, только что синтезировавшего 104-й элемент таблицы Менделеева, Аграновский терзался сомнениями: «Что делать? — мучительно думал я, все ближе продвигаясь к дверям. — Как привлечь внимание Флерова, чтобы получить для газеты хоть несколько лишних слов? Как выделиться из массы, как остановить его глаз на своей персоне? Встать на голову? Сбежать куда-нибудь за гитарой и спеть шлягерную песню? Заговорить по-немецки, да еще стихами?» Журналист, как видим, был очень высокого мнения о своих исполнительских дарованиях!

Можно привести и фрагмент книги, свидетельствующий о роли гитары в жизни учащейся молодежи: «В пору моего студенчества мы пели под гитару старинные романсы. Говорю о конце сороковых годов. Еще не было отечественных бардов, даже термина такого мы не знали, гитаристы имено-

вались властями бесполой «авторской песней». И вот попадает к нам романс мелодичный, мягкий и с чувственным набором замечательных слов, иначе говоря, с содержанием. К стыду своему (не я этот романс пел, а давний мой друг, но его уже нет с нами), сохранился в благодарной памяти всего лишь кусочек строки: герой романса кудато едет, смотрит в окно вагона поезда, при этом «вино на губы тихо лья». До сих пор не покидает меня щемящий романс с «настроением» и прелестным («неграмотным») глагольным оборотом. Много позже мы даже огорчились, узнав, что романс был не народом сочинен, у него талантливые авторы (поэт с композитором), которые стилизовали текст «под народ». Но как похоже и как нежно: «Вино на губы... лья»; ах, хорошо!»

ХАНС ЭНЦЕНСБЕРГЕР

Энценсбергер, Ханс Магнус (родился в 1929) – немецкий писатель. Член «Группы 47». Сатирические стихи, сочетающие традиции Б. Брехта и К. Ту-хольского с приемами модернизма («Защита волков», 1957), документальные политические пьесы («Допрос в Гаване», 1970, «Гибель «Титаника», 1978). В литературно-критическом эссе – влияние ультралевых идей.

В XX веке гитару часто воспринимали как символ обывательской жизни. У немецкого поэта Ханса Магнуса

Энценсбергера читаем: «В канун золотого века / они стирают пленки, / варят суп... / Чем они только не заняты? / Бренчат на гитарах, / режутся в скат, / гладят кошек, / нянчат детей».

Музыкальный инструмент, назначение которого – радовать душу, поставлен в один ряд с пленками, кастрюлями, засаленной колодой карт, визгом ребятишек. Удручающая картина!

АНАТОЛИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ АЗОЛЬСКИЙ

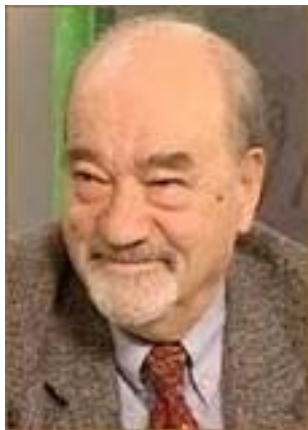

Азольский, Анатолий Алексеевич (1930-2008) – русский писатель. Роман «Степан Сергеевич» написан в 1969 году, был одобрен А. Твардовским, но по цензурным соображениям 20 лет пролежал в портфеле редакции.

Один из героев Анатолия Азольского, рассуждая о том, откуда берутся садисты и негодяи, утверждает: «Ты, Фомин, представитель шестой колонны. Говорю это глубоко осознанно, с полным пониманием... Шестой колонны. Пятая колонна обычно создается заблаговременно, инструктируется и оплачивается. Шестая растет самопроизвольно, в тиши и так же незаметно и тихо уходит в могилу – при обычном течении жизни. Но стоит потянуть ветерком перемен – вчерашний тихарь превращается в бандита. Все палачи и начальники контрразведок банд и белых армий читали в юности Северянина и Бальмонта, пощипывали гитарки, писклявили романсики, вообще от убийств были так же далеки, как пионерка от грехопадения».

Трудно согласиться с таким утверждением. Человек, искренне любящий искусство, а не играющий роль «просвещенной личности», волей-неволей приобщается к высочайшим нравственным ценностям. Невозможно представить себе гитариста Андреса Сеговию, душевно беседующего с Кальтенбруннером или доктором Менгеле!

ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ ЗОЛОТУССКИЙ

Золотусский, Игорь Петрович (родился в 1930) – российский критик. В статьях и рецензиях – эстетический анализ современной русской литературы, обостренное внимание к ее духовнонравственной проблематике. Сборники критических работ «Тепло добра» (1970), «Очная ставка с памятью» (1983), «Трепет сердца» (1986) и другие. Книги о жизни и творчестве Н.В. Гоголя (главная – «Н.В. Гоголь», 1979). Авто-

биографическая повесть о военном детстве «Пока мы вместе» (1971).

Позабытый ныне литератор Нестор Кукольник, которого, несмотря на шумный успех, ругал Белинский, учился в одной гимназии с Гоголем. Как пишет в книге «Н.В.Гоголь» Игорь Золотусский, Кукольник был «вечный антагонист Гоголя, которому Гоголь сначала сильно завидовал. Все давалось беспечному Нестору – и науки, и игра в бильярд, и гитара в его руках пела, и нежинские дамы рано стали обращать на него внимание. Нестор Кукольник, как и Василий Любич-Романович или Редкий, был учеником, который знал, может быть, более, чем некоторые из учителей и профессоров, случалось, профессора обращались к ним за помощью, чтобы перевести какое-то трудное место из Горация или вспомнить полузабытый факт из «Истории крестовых походов» Мишо».

Быть может, именно тайная зависть к гитаристу и дамскому угоднику Кукольнику подвигла Гоголя на то, чтобы стать знаменитым русским писателем!

**ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**

Рождественский, Геннадий Николаевич (1931-2018) – российский дирижер. Народный артист СССР (1976). Герой

Социалистического Труда (1990). В 1951-1960 годах и 1965-1970 годах – главный дирижер Большого театра. В 1961-1974 годах – главный дирижер и художественный руководитель Большого симфонического оркестра центрального телевидения и радиовещания. В 1974-1985 годах – главный дирижер Московского камерного музыкального театра, с 1980 года – симфонического оркестра Министерства культуры СССР. С 1974 года – главный дирижер ряда зарубежных оркестров. Профессор Московской консерватории (с 1976). Ленинская премия (1970).

Известный дирижер Геннадий Рождественский, исполнивший множество произведений Альфреда Шнитке, отзывался о гитарных пристрастиях композитора не слишком уважительно. «Я всегда был против гитар: потому что их не всегда можно достать, а когда достанешь, выясняется, что гитарист нот не знает. А если вдруг знает – то на колени хочется встать. Помню, при каком-то исполнении «Фауста» приходилось привязывать веревки к ногам гитариста, чтобы кто-то дергал за них тогда, когда ему надо было вступать... Впрочем, гитара у Альфреда – это не просто гитара, это – basso continue, большое чембало сегодняшнего дня...»

Надо ли говорить, что раздражение маэстро вызвано не самим инструментом, а теми исполнителями, которые позорят звание музыканта.

АХТО ЛЕВИ

Леви, Ахто (1931-2006) – эстонский писатель, чело-

век интересной и необычайной судьбы, прошедший гитлерюгенд и 15 лет сталинских лагерей. Многие в его книгах автобиографично. Роман «Мор» и другие.

В книге «Мор», имеющей подзаголовок «Роман о воровской жизни, резне и Воровском законе», Ахто Леви на нескольких страницах рассказывается о том, какое место занимает гитара в тюремном и вольном быте уголовников.

Между тюремными сроками:

«По традициям воровской культуры люди жили своей жизнью:

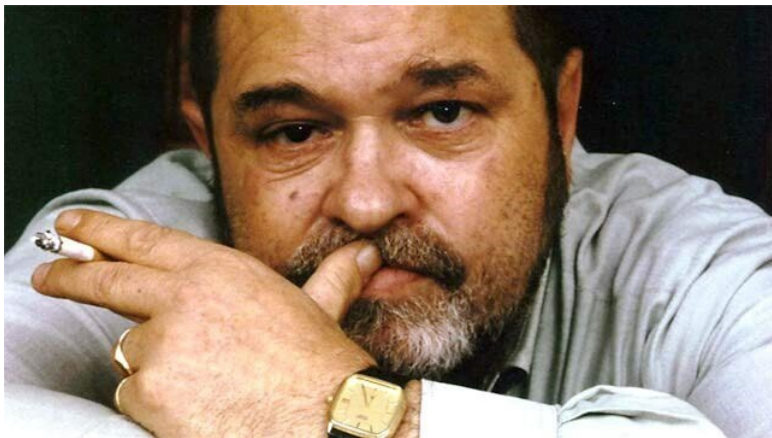
ездили в гости друг к другу, давали, конечно, и «гастроли» в городах, куда ездили; собирались на «малинах», слушали пластинки, резались в карты, играли на гитарах, бацали, пели цыганские романсы наряду с песнями на стихи а ля Есенин из тюремного фольклора собственного сочинения; иногда резали друг друга на почве ревности; упражнялись в красноречии и, произнося речи на сходках, не пользовались шпаргалками наподобие государственных деятелей; одевались шикарно в меру собственных представлений о моде...» В лагере, понятно, жизнь уже не такая веселая, но и здесь имеются свои радости. «Вечерами, когда бараки еще не заперты (хотя замки для воров до фени), воры чифируют, травят баланду, кто-то на гитаре шпарит, кто-то бацает – как говорится, самодеятельность. Бывают и пельмени (с воли доставят, и водочку тоже), и песни Петьки Лещенко, Изабеллы Юрьевой, или сами воры музицируют, декламируют Есе-

нина, романы травят – настоящие или собственного устного сочинения».

Даже печальные события не омрачали жизнь бесшабашных лагерников. «Воры устроили поминки душам усопших воров в секции 37-й королевской бригады, откуда удалили всех фраеров, оставив Вралья и Треску, чтобы варили чифир. Поминки по ворах совпали с празднованием нового, 1950 года. В секции имелся патефон с пластинками Лидии Руслановой и гитара, а один вор, из цыган, превосходно бацал. Нигде не сказано, что воровские поминки не должны быть мажорными, тем более что днем извозчики дров достали водку и настоящих сибирских пельменей аж целый мешок».

Из приведенных цитат понятно, что мы познакомились со специфической, маргинальной субкультурой. Тем не менее, и здесь есть место для гитары, звуки которой заставляют лихой народ на время забыться.

ЮЛИАН СЕМЕНОВИЧ СЕМЁНОВ

**Семёнов, Юлиан
Семенович (1931-1993)**

–

**русский
писатель. Остросюжетные
политические детект**

ивы (повесть

«Семнадцать мгновений весны», 1969, одноимен-

ный телефильм, 1973, «ТАСС уполномочен заявить»,
1979, хроника в 4 книгах «Альтернатива»,
1975).

Романы

«Горение» (о Ф.Э.Дзержинском, 1977/1978),
«Пресс-центр» (1984),
«Экспансия» (кн.1-3, 1985-1987).

Юлиан Семенов изрядно поколесил по свету в качестве корреспондента. Как человек наблюдательный и дотошный, он оставил немало свидетельств о нравах и быте населения тех стран, в которых побывал. В Мадриде, например, в обычной траттории, куда журналист заглянул вместе со знакомым испанским художником, он увидел поразительную сценку. «Гитарист, высокий, с длинными баками, с громадными рукавами – его тоже зовут Педро, – обернулся к товарищам, чуть кивнул головой, те положили инструменты на колени, и Педро заиграл на гитаре протяжную, странную, тревожную и грустную песню.

–

По-моему, это переложение с лютни времен Филиппа Второго, – шепнул мне Буэна. Педро услышал его – музыкант точно читает артикуляцию.

–

Си, – сказал он. – Молодец, художник!» (Книга «Испания»)

Это наглядное свидетельство того, что хорошая старинная

музыка не умерла, она до сих пор звучит в гитарном исполнении. Она прочно вошла в быт простых людей.

ГЕННАДИЙ ИВАНОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

Алексеев, Геннадий Иванович (1932-1987) – русский

писатель. Проза «Пригородный пейзаж», «Обычный час», «Высокие деревья». Метафорический роман «Зеленые берега» (1984) посвящен певице Анастасии Вяльцевой (выведенной автором под именем Ксении Брянской), знаменитой исполнительнице цыганских романсов.

Роман «Зеленые берега» Геннадия Алексеева повествует о жизни прославленной певицы, гастролировавшей по России с «цыганскими» романсами. Понятно, что гитаре в книге посвящено немало страниц. Приведем несколько наиболее интересных отрывков. Героиня романа Ксения Брянская ужинает в трактире:

«Пели цыгане. Пели, в общем-то, плохо. Пытались плясать, но и это у них не получалось. Мы совсем уж было собрались уходить, но конферансье объявил, что сейчас выступит цыганка Глаша, которая исполнит романсы из репертуара знаменитой Ксении Брянской.

—

Это забавно! – сказала Ксения, и мы остались.

Вышла стройная, красивая цыганка с длинными черными косами, вся в лентах, серьгах, перстнях и монистах. Гитарист заиграл, она запела. Ксения внимательно слушала, подперев щеку рукою. Слушала и улыбалась.

У Глаши был приятный голосок, и пела она с чувством. Но голосок нисколько не был поставлен, чувства было чрезмерно много, а держалась она грубовато. Получалась пар-

дия на Ксению. Притом, было очевидно, что по наивности Глаша не ведает, что творит.

Ксения перестала улыбаться и нахмурилась.

—

Пора домой! – сказала она и встала из-за стола».

Сценка в гостях:

«Увидев висящую на стене гитару, Ксюша обрадовалась, взяла ее в руки и задумчиво провела пальцами по струнам. Спросив, не играет ли кто из присутствующих на гитаре, и, выяснив, что, к несчастью, никто не умеет этого делать, она с сожалением вздохнула и заявила, что в таком случае ей придется себе самой аккомпанировать, а играет она «еле-еле».

Пудобнее расположившись в кресле павловских времен, она очень сносно сыграла вступление и стала петь негромко, вполсилы.

Тихим вечером, долго молчанье храня,
Мы сидели с тобой над широкой рекой,

А потом ты сказал мне, что любишь меня, И тихонько мой локон потрогал рукой».

Пожалуй, самое сильное впечатление производит следующий фрагмент романа Алексева:

«В руках трактирщика появилась гитара все с тем же невероятных размеров небесноголубым бантом. Он нежно погладил гриф и ударил по струнам. Гитара вскрикнула, потом застонала и постепенно умолкла. Склонив голову, Ковыряхин слушал, как затихает рокот струн. После он выпрямился, за-

крыл глаза, посидел несколько секунд неподвижно и заиграл вальс «Дунайские волны».

—

Браво! – воскликнул я, когда он закончил. И тут же спросил: – Где научились вы, дражайший Матвей Матвейч, так искусно играть на гитаре?

Ковыряхин ответил, уставясь в пол:

—

Нигде я не учился, никто меня не учил-с. Сам я премудрость эту одолел. Купил в лавке книжку-самоучитель и как-то потихоньку, полегоньку, по вечерам да по воскресеньям... Сначала мучился, хотел бросить. Гитара меня вовсе не слушалась. А после пошло, стало получаться, покорились мне сей строптивый инструмент. И вскорости сделался он мне другом душевным. Без него теперь и жизни мне нет. Люблю я, сударь, поиграть в одиночестве. Люблю потешить сердце свое мечтами несбыточными. Люблю предаться сладостным чувствам под гитарный звон. Играю и плачу. Так хорошо-с! А если наперед еще пару рюмок, то больше ничего и не надобно. Блаженство, сударь!

—

А почему бы вам, Матвей Матвейч, так сказать, публично, со сцены искусство свое незаурядное не продемонстрировать? Людей порадуете и себе удовольствие доставите. Такой игры, как ваша, признаться, я еще не слыхал. И хотя в этом деле я не специалист, талант ваш несомненно замеча-

телен. А может быть, попробовать вам Ксении Владимировне на одном из концертов поаккомпанировать? Она поет под рояль, а под гитару-то будет задушевнее, теплее. Трактирщик не отрывал своего взгляда от дощатых половиц.

—

Полно вам, сударь! Я – и рядом с самою Брянской! Полно! Смеетесь вы надо мною. Право же, смеетесь. А чего тут смеяться-то? Чего же смешного в увлечении моем невиннейшем? Грешно вам, сударь!»

В этом отрывке малограмотный трактирщик Ковыряхин, как сумел, сочинил целую стихотворную оду гитаре – инструменту, который он любит и которому поклоняется. Его бесхитростные слова могут повторить вслед за ним тысячи и тысячи почитателей гитары.

**РОБЕРТ ИВАНОВИЧ
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ**

Рождественский, Роберт Иванович (1932-1994) – русский поэт.

Гражданственность, публицистическая направленность лирики

(сборники «Ровеснику», 1962, «Голос города», 1977,

«Это время», 1983, «Возраст», 1988). Поэмы «Реквием» (1961), «Письмо в тридцатый век» (1963), «210 шагов» (1978). Слова к популярным песням. Государственная премия СССР (1979).

Роберт Рождественский, большой почитатель творчества испанского поэта Лорки, посвятил ему стихотворение, озаглавленное «Гитара Гарсиа Лорки»: «А одна струна – тетива, / зазвеневшая из темноты. / Вместо стрел в колчане – слова. / А когда захочу – цветы. / А вторая струна – река. / Я дотрагиваюсь до нее. / Я дотрагиваюсь слегка. /

И смеется детство мое. / Есть и третья струна – змея. / Не отдергивайте руки: / это просто придумал я – / пусть боятся мои враги. / А четвертая в небе живет. / А четвертая схожа с зарей. / Это – радуга, что плывет / над моею бедной землей. / Вместо пятой струны – лоза. / Поскорее друзей зови! / Начинать без вина нельзя / ни мелодии, ни любви. / А была и еще одна / очень трепетная струна. / Но ее – такие дела – / злая пуля оборвала».

Шестая, оборванная струна испанского поэта – его нежная, ранимая душа, взыскующая красоты и любви!

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕВТУШЕНКО

Евтушенко, Евгений Александрович (1932-2017) – русский поэт, лидер молодой поэзии второй половины 50-х и 60-х годов. В лирике – острая

и

остановка сложных

нравственных

и исторических вопросов (стихотворения «Наследники Сталина», «Бабий

Яр»),

проблемы

морали,

**гражданственности, международной полити-
ки. Сборники «Шоссе Энтузиастов» (1956), «Интимная
лирика» (1973), «Граждане, послушайте
меня» (1989).**

**Романы «Ягодные места» (1981), «Не умирай
прежде смерти» (1994). Переводы. Работы в кино (ав-
торские фильмы «Детский сад», 1984, «Похороны Ста-
лина», 1990). Для Евтушенко характерна самостоя-
тельность, яркое своеобразие поэтической**

**интонации. В конце 80-х годов он становится де-
путатом Верховного Совета СССР, активизируется
как публицист. Государственная премия СССР (1984).
Умер в США.**

Для Евгения Евтушенко королева красоты – кубинская революция, а Снегурочки и Деды-Морозы – ее защитники. И Новый год без гитар немислим на острове Свободы. Несколько странные сравнения у поэта. Очень выразительна его картина зимнего праздника в тех краях, где не бывает холодов: «Кубинских снегурочек волосы / светятся над автоматами / волнами, волнами, волнами, / черными, чуть лило-

ватыми. / Что-то в глазах затаивая, / танцую серьезно-серьезно, / снегурочек держат за талии / барбудос, как деды-морозы. / Гитара поет приглушенно. / Гитара поет все тоньше. / Снегурочки – при оружии. / Деды-морозы – тоже. / Танцуют чуть угловато, / и все-таки так галантно! / В такую же ночь когда-то / вступали барбудос в Гавану!»

В этих стихах на гитару падает отблеск героической доблести, зарево кубинской революции.

В 1966 году Евгений Евтушенко писал: «Я разлюбил тебя... Банальная развязка. / Банальная, как жизнь, банальная, как смерть. / Я оборву струну жестокого романса, / гитару пополам – к чему ломать комедь!» (Стихотворение «Я разлюбил тебя... Банальная развязка...»)

33-летний поэт излишне эмоционален, гормоны так и играют. Ну в чем перед ним провинилась гитара? Невольно вспоминается реплика гоголевского Городничего в адрес некоего учителя, с жаром преподававшего историю. Однажды на уроке тот дошел до Александра Македонского. «Я раз слушал его: ну покамест говорил об ассириянах и вавилонянах – еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что есть силы хватить стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?

От этого убыток казне».

Пронзительно по своей душевной боли стихотворение

«Граждане, послушайте меня...»

Сюжет его незамысловат. По сибирской реке плывет пароход. Пассажиры, как водится на

Руси, напропалую веселятся. Где-то поодаль иная сценка: «Там сидит солдат на бочкотаре. / Наклонился чубом он к гитаре, / пальцами растерянно мудря. / Он гитару и себя изводит, / а из губ мучительно исходит: / «Граждане, послушайте меня...» / Граждане не хотят его слушать. /

Гражданам бы выпить и откусать / и сплясать, а прочее – мура!»

Поэт, пожалуй, единственный, кто понимает неведомого музыканта: «Эх, солдат на фоне бочкотары, / я такой же – только без гитары... / Через реки, горы и моря / я бреду и руки простираю / и, уже охрипший, повторяю: / «Граждане, послушайте меня...»

Трагична судьба художников, которым есть что сказать, но их не желают слушать. Нежный голос гитары теряется среди пьяных выкриков грубой толпы.

В стихотворении «Киоск звукозаписи», посвященном памяти Владимира Высоцкого, Евгений Евтушенко дает убедительные, образные характеристики двум самым знаменитым бардам 1960-1970-х годов: «Ты был полу-Гамлет и полу-Челкаш. / Тебя торгаши не отнимут. / Ты наш... / Тебя хоронили, как будто ты гений. / Кто – гений эпохи. Кто – гений мгновений. / Ты – бедный наш гений семидесятых / И бедными гениями небогатых. / Для нас Окуджава / был Че-

хов с гитарой. / Ты – Зощенко песни / с есенинкой ярой, / И
в песнях твоих, / раздирающих душу, / Есть что-то / от сип-
лого хрипа Хлопуши!»

Можно поспорить с Евтушенко, который сравнивает Бу-
лата Шалвовича с Антоном Павловичем: масштаб явно не
тот. Однако он прав, когда делает акцент на гитаре («Чехов
с гитарой»). Без этого инструмента оба певца не сделались
бы столь знаменитыми.

**ВЛАДИМИР
НИКОЛАЕВИЧ ВОЙНОВИЧ**

Войнович, Владимир Николаевич (1932-2018) – русский прозаик, поэт, драматург. В 1980-1992 годах жил в эмиграции (в ФРГ). В романе «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» (1969-75) и его продолжении «Претендент на престол» (1979) – сатирическое осмеяние тоталитаризма, образ Иванушки-дурачка, носителя народной нравственности и здравого смысла. Сатирическая повесть-антиутопия «Москва 2042» (1987).

Владимир Войнович в мемуарной книге «Портрет на фоне мифа» едко высмеивает московских правозащитников, с которыми некогда общался: «У многих тщеславие было первопричиной их

поступков: где-то что-то дерзкое сказал, советскую власть обругал, Брежнева назвал палачом, и вот о тебе уже трубят наперебой все западные «голоса». Помню, один диссидент с гордостью мне сказал: «Вчера забугорные радиостанции шесть раз обо мне говорили». В искателях быстрой славы легко развивалось чувство превосходства над другими людьми, которых они готовы были судить непримиримо. Я помню, как доставалось Булату Окуджаве от очеркиста Марка Поповского за то, что он не становится в ряды борцов и продолжает петь свои негромкие песенки. Одна диссидентка в Париже отказалась пойти на концерт Окуджавы по прин-

ципиальным соображениям. «Вот если бы я знала, – сказала она, – что он выйдет на сцену, ударит гитарой по трибуне, разобьет ее и скажет, что не будет петь ничего до тех пор, пока в его стране правят коммунисты, тогда бы я, конечно, пошла». Окуджава был человек совестливый, его очень ранили подобные попреки, и, может быть, ему и хотелось иногда разбить гитару, но, слава богу, он этого не сделал».

Войнович совершенно прав: гитара Окуджавы вошла в историю, а кто ныне помнит Марка Поповского, который некогда картаво поносил советскую власть из студии мюнхенской радиостанции «Свобода»?

**АЛЕКСАНДР МОИСЕЕВИЧ
ГОРОДНИЦКИЙ**

Городницкий, Александр Моисеевич (родился в 1933) – геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, академик Российской Академии естественных наук (1992). Наряду с научной деятельностью широко известен как поэт и автор песен.

Член Союза московских писателей и Международного Союза писателей-маринистов, президент Ассоциации российских бардов. Опубликовано восемь книг стихов, две книги мемуарной прозы и несколько дисков с авторскими песнями.

Александр Городницкий, рассуждая о судьбе поэта-партизана в стихотворении «Денис Давыдов», пишет: «Денис Давыдов, славный генерал, / Великий мастер сабли и гитары! / Его портрет я в книге

отыскал, / Где он стоит, вальяжный и не старый / В лосинах белых. И закручен ус / Над ментиком. И пышны бакенбарды / Над галунами, о каких, боюсь, / Мечтать не смеют нынешние барды. / Где нынче вы, гусары прежних лет, / Свой дымный пунш тянувшие из кружек? / Да и сегодня нужен ли поэт / Во стане русских воинов?! Не нужен. / Печальны их бивачные огни. / Невесел сон, тревожный и короткий. / Среди руин Афгана и Чечни / О чем им петь над выданною водкой, / Негромкою гитарою звеня, / В нашивках за раненья желтокрасных? / “Ах, Родина, не предавай меня”, – / Поют они, но просьбы их напрасны».

Грустные, но правдивые строки! Героику нынешних «локальных» войн нельзя и сравнивать с рыцарской жертвенностью Отечественной войны 1812 года!

ЮРИЙ ИОСИФОВИЧ ВИЗБОР

Визбор, Юрий Иосифович (1934-1984) – русский поэт, журналист, сценарист. Один из наиболее ярких представителей авторской песни, создатель жанра песни-репортажа. Его песни отличаются неподдельной искренностью, мелодичностью («Милая моя», «Домбайский вальс», «Мама, я хочу домой», «Вставай-

те, граф...», «Волейбол на Сретенке» и другие). Снимался в кино («Июльский дождь», 1966, «Семнадцать мгновений весны», 1973, «Нежность к ревущему зверю», 1980, и другие)

Юрий Визбор – трогательный лирик и патриот России. Он понимает тех, кто борется за свободу своего народа, подобно чилийскому певцу Виктору Хара. Обоих бардов объединяет любовь к гитаре. Получила известность «Баллада о Викторе Хара», написанная Визбором: «Я вам песню спою об одном гитаристе, / Он чилийских мальчишек был вожак и кумир, / Я вам песню спою об отважном марксисте, / Он играл на гитаре, а слушал весь мир. / Но представьте себе, что и эта гитара / Для фашистов страшна, будто совесть земли. / В сентябре на допрос взяли Виктора Хару / И гитару его на допрос увели. / Чтоб бежать он не смог – его крепко связали, / Чтоб жить он не мог – расстреляли в ночи, / Чтоб играть он не мог – ему руки сломали, / И у песен, ребята, есть свои палачи. / С голубых Кордильер открываются дали, / Океанские ветры звенят, как струна, / А гитару его сапогами ломали – / И гитара поэта бывает страшна. / Неоконченный век превращается в старый, / Но не все его песни, увы, хороши, / И сама по себе не играет гитара, / А дана человеку, как голос души. / Так играйте ж, друзья! Бейте в ваши гитары! / Воскрешайте шеренги великих имен! / Чтобы в ваших руках руки Виктора Хары / Продолжали бы песню грядущих времен».

Песенная (бардовская) гитара имеет право на жизнь, а

вместе с нею такие поэты, как

Виктор Хара и Юрий Визбор. У него гитара скрашивает будни геологов, моряков, полярников

– всех людей романтических профессий. «А море серое /
Всю ночь качается, / И ничего вокруг / Не приключается. / Не
приключается... / Вода соленая, / И на локаторе / Тоска зе-
леная. / И тихо в кубрике / Гитара звякает. / Ах, в наших
плаваниях / Бывало всякое». (Песня «А море серое»)

В долгой, утомительной навигации пение под гитару на-
вевало думы о берегу, успокаивало душу.

Какая геологическая экспедиция возможна без гитары?!
Прощаясь с любимой женщиной, Визбор поет о земле, что
«туманами свежа»: «Мой странный мир обрадуется мне, /
Придут рассветы у огня погреться, / И по гитарной старень-
кой струне / Сползет роса и упадет на сердце, / И запоют ре-
бята у костра...» (Песня «Не провожай меня»)

Всегда и везде его сопровождала гитара, которой доверял
свои сокровенные чувства и мысли. Визбор воспевал роман-
тику странствий, красоту непокоренных гор и суровой се-
верной природы.

«Здесь часто с тоской небывалой / Я думал, мечтал о
тебе, / Туманы ползли с перевалов / Навстречу неясной
судьбе. / Звенели гитар переборы, / И слушали их под ок-
ном. / Ой, горы, ой, синие горы, / Вершины, покрытые
льдом». (Песня «Синие горы»)

Песни Юрия Визбора с их незамысловатым гитарным

аккомпанементом породили целое поколение романтиков 50-60-х годов прошлого столетия!

ДМИТРИЙ СПИРИДОНОВИЧ ПОПАНДОПУЛО

Попандопуло, Дмитрий Спиридонович (родился в 1935) – русский писатель, бывший редактор военных газет. Автор книги рассказов «Христо-борец».

У Дмитрия Попандопуло в книге рассказов «Христо-борец» выведен персонаж по кличке Колучий, который пре-

красно умел играть на гитаре, чем и прославился. В старости инструмент помогал ему выжить, что нелегко в наше время. «Помню, уже где-то в семидесятом или в семьдесят первом на городском пляже возле «Ракушки» сидела компания молодняка и из середины тихо плакала струнами гитара и кто-то негромко пел. То ли песня показалась мне знакомой, то ли хрипловатый голос, но я подошел туда. Сидел в окружении пацанвы почти лысый да худющий мужичок в черном пиджаке, старался над своей гитарой, а пацанва говорила ему: «Давай, дед, клево поешь, хочешь еще глотнуть портвейну?» Тот поднял голову и взял бутылку, и тогда только понял я, что то был все-таки Колючий – глаза были его. А пацаны, уверен, понятия не имели, кого они поили портвейном».

Хорошо сказано: «Тихо плакала струнами гитара»! Песня незадачливого героя была, по сути дела, реквиемом по его неудавшейся жизни.

ФРАНСУАЗА САГАН

**Саган, Франсуаза
(1935-2004)
–французская писательница.**

Романы

«Здравствуй,

грусть»

(1954), «Любите ли вы Брамса?» (1959), «Немно-

го солнца в холодной воде» (1969), «Потерянный про-

филь» (1974), «Н

арисованная леди» (1981), «Уставшая от вой-

ны» (1985) – о любви, одиночестве, неудовлетворенно-

сти жизнью. Отличаются ясностью

повествовательной

манеры, точностью психологического рисунка.

Герой романа Франсуазы Саган «Ангел-хранитель» – экзальтированный молодой человек, беззаветно преданный женщине старше его. Сила чувств такова, что он безо всяких раздумий расправляется с теми, кто посмел обидеть предмет его страсти. Тем не менее, рядом с любимой этот обожатель кроток, задумчив и нежен. «Льюис иногда брал гитару и наигрывал какие-то странные, грустные мелодии. По-моему, он сочинял их сам... Он взял гитару и провел рукой по струнам. На улице бушевала буря, а я попивала крепчайший кофе в компании моего ласкового убийцы. Было так спокойно и хорошо, что хотелось замурлыкать. Как мало нужно для счастья, просто удивительно!»

Печальная гитарная музыка обладает целебным свойством: она успокаивает взволнованную душу.

Герой романа «Поводок» сочиняет музыку, и писательни-

да довольно точно изображает творческий процесс: «Вся мелодия вытекала из этого аккорда, странного и навязчивого аккорда, который я все время невольно наигрывал последние четыре дня; еще Кориолан не слишком настойчиво меня спрашивал, откуда он, а я ничего не мог ему толком ответить. Мне и в голову не могло прийти, что вслед за этими тремя нотами придут другие, сами по себе, двенадцать или четырнадцать сестриц... Эта подвижная, плановая мелодия выдержит и рваные, скачущие ритмы современных аранжировок, и негу фортепианных импровизаций. Я набросал ее основу, одну за другой перебирая ноты лейтмотива, проигрывая их подряд десятки раз и каждый раз любуясь их согласием. Вступление я проведу дважды в басах, затем вступят кларнет, саксофон, фортепиано и гитара, и, наконец, тихо зазвучит голос, живой человеческий голос, для этой песни нужен глуховатый тембр, который бы сразу узнавался всеми. Эта музыка навевала сожаления, но сожаления, пронизанные радостью».

Франсуаза Саган интуитивно чувствует, что гитарный тембр близок к человеческому голосу, поэтому она и ставит их рядом.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ

Рубцов, Николай Михайлович (1936-1971) – русский поэт. Проникновенная поэзия природы, сельской жизни (сборники «Душа хранит», 1969, «Сосен шум», 1970, «Стихотворения. 1953-1971», опубликованы в 1977).

Нельзя пройти мимо весомых слов трагически погибшего поэта Николая Рубцова: «Сурова жизнь. Сильны ее удары, / И я люблю, когда взгрустнется вдруг, / Подолгу слушать музыку гитары, / В которой полон смысла каждый звук». (Стихотворение «Сурова жизнь»)

Человек тонкой и щедрой души, каким был Николай Рубцов, именно так и воспринимает гитару!

В стихотворении «Утро утраты» Рубцов писал: «Человек не рыдал, не метался / В это смутное утро утраты, / Лишь ограду встряхнуть попытался, / Ухватившись за колья ограды... / Вот пришел он. Вот взял он гитару. / Вот по струнам ударил устало. / Вот запел про царицу Тамару / И про башню в теснине Дарьяла. / Вот и все... А ограда стояла. / Тяжки колья чугунной ограды. / Было утро дождя и металла, / Было смутное утро утраты...»

Гитарная музыка врачует душевные раны. Можно ли об этом сказать ярче и лучше Рубцова!

Стихотворение «Шторм» – из числа жанровых, описательных. «Бушует сентябрь. Негодует народ. / И нету конца канители! / Беспомощно в бухте качается флот, / Как будто дитя в колыбели... / Бывалых матросов тоска томит, / Уста-

ли брэнчать на гитаре... / – Недобрые ветры подули, Смит! /
– Недобрые ветры, Гарри!»

Гитара – обязательный предмет матросского кубрика, и
неважно, как зовут играющего на ней моряка – Гарри, Жю-
льен или Ваня!

МАРИО ВАРГАС ЛЬОСА

Льоса, Марио Варгас (родился в 1936) – перуанский писатель. Первое опубликованное произведение – пьеса «Бегство Инки» (1952).

Писал рассказы, издавал литературные журналы, затем уехал в Европу, где учился в Мадридском университете. Провел шесть лет в Париже (1959-1966). Романы «Город и псы» (1963), «Зеленый дом»

(1966), «Панталеон и гости» (1973), «Тетушка Хулия и писака» (1977). В 1990 году баллотировался на пост

президента Перу, но проиграл на выборах.

Роман Марио Варгаса Льюсы «Тетушка Хулия и писака» – настоящая энциклопедия повседневной жизни небольшого латиноамериканского государства. Здесь мы встретим описания народных обычаев, хронику общественной и культурной жизни Перу, целую галерею ярко и достоверно нарисованных персонажей. Посмотрим, при каких обстоятельствах автор упоминает гитару.

На свадьбе:

«Едва закончился вальс «Идол», едва танцующие остановились, чтобы похлопать музыкантам, едва те сняли руки с гитарных струн, едва Рыжий отказался от двадцатого тоста, как вдруг невеста поднесла правую руку к глазам, будто пытаясь отогнать невидимую муху, покачнулась и, прежде чем партнер успел поддержать ее, упала, потеряв сознание».

Один из героев, глядя на рыдающего молодого человека, высказывает предположение, что он оплакивает свою любовь. Ему возражают:

« – У влюбленного была бы гитара, скрипка, или он пел бы, – ответил Педро Камачо, глядя на меня с презрением, смешанным с состраданием. – А этот плачет, сколько потоков слез!..»

Молодая пара явилась в мэрию, чтобы зарегистрировать брак. Но не тут-то было: загулявший алькальд всячески откладывает церемонию:

« – Спокойно, братец, – говорил мне Хавьер. – Думай

только о женитьбе, и ни о чем другом.

– Думаю, женитьба полетела к черту, – сказал я другу, услышав, как алькальд в довершение всего потребовал принести гитары, закрыть для посетителей «Солнце Чинчи» и предложил нам пуститься в пляс. – Кажется, я попаду за решетку, потому что набью морду этому прохвосту».

Появление на свет младенца:

«Рождение ребенка, благодаря которому спустя годы вровень с воздушными змеями взметнулась слава креольского вальса, и польки, и «Маринеры», совпало с запуском огромного змея. На этот праздник в переулок Санта-Аны собрались лучшие гитаристы, контрабасисты и певцы всего квартала. Акушерка, открыв окошечко комнаты «Х», где произошло явление младенца на свет, доложила, что население этого уголка города увеличилось, и сделала такое заключение: «Если выживет, будет плясуном».

Мальчик-инвалид приобщается к музыке:

«Это было на танцуйках, куда по крайней мере один раз в неделю собирались те, кто жил по соседству с площадью Санта-Аны. То ли по поводу рождения, то ли в связи со смертью – предлогов всегда хватало (отметить радость либо залечить горе?) – в сарайчике портного Чумпитаса, во дворе скобяных дел мастеров Лимы, в тупике, где жил Валентин, до рассвета веселились и плясали под переборы гитары и уханье контрабаса, слышались звонкие хлопки в ладоши и высокие голоса певцов. ...Крисанто Маравильяс с таким восхищени-

ем смотрел на гитаристов, певцов и контрабасистов, словно они были чем-то сверхъестественным. Как только музыканты устраивали перерыв, чтобы выкурить сигарету или пропустить стаканчик, ребенок робко приближался к гитарам, осторожно, будто опасаясь испугать, гладил их, трогал струны, исторгая из них неясные аккорды... Вскоре всем стало ясно, что у мальчика не просто способности, а выдающееся дарование. Маленький инвалид обладал прекрасным слухом, он мгновенно схватывал и запоминал любой мотив и, хотя ручки его были слабы, вскоре с уверенностью взрослого мог сыграть на контрабасе любую народную мелодию. В перерывах, когда оркестранты выпивали и закусывали, мальчик самостоятельно постигал секреты музыки и особенно полюбил гитару. Соседи уже привыкли, что на праздниках он стал выступать как музыкант».

Юный бард скоро стал знаменитым:

«Если речь шла о музыке, это хрупкое существо не ведало усталости. Гитаристы округи, бывало, после долгих часов игры и пения валились от усталости наземь, у них опухали от струн пальцы, и для окружающих было бы лучше, если бы они умолкли, а не фальшивили, но инвалидик по-прежнему сидел на своем стульчике с соломенным сиденьем (ножки у него, как у японцев, не доставали до земли), и его маленькие, не знающие усталости пальцы извлекали из инструмента чарующие мелодии, при этом сам он напевал так, будто праздник только начинается. Голос у него был не сильный

– конечно, он не смог бы соперничать со знаменитым Эсекиелем Дельфином, от голоса которого, когда он при исполнении некоторых вальсов брал верхнее соль, звенели стекла в окне напротив. Однако недостаток его силы возмещали неутомимость, фанатическая любовь к музыке, богатство оттенков в игре, когда каждая нота звучала должным образом».

Крисанто Маравильяс влюбляется в монашенку, сестру Фатиму:

«Он шел в сырую ночь, таща за собой под зимним морозящим дождиком в предрассветном тумане свою гитару, и усаживался на знаменитую скамью у пустынной площади Санта-Аны напротив монастыря Босоножек. И тогда бродящие на заре коты слышали самые нежные аккорды, когда-либо извлекавшиеся из земной гитары, самые пылкие песни, когда-либо созданные человеком в любовной музыке. Набожные прихожанки, нередко заставлявшие его на рассвете поющим и плачущим перед монастырем, пустили подлый слух, будто музыкант, опьяненный тщеславием, влюбился в Божью Матерь и поет ей на восходе серенады».

Нетрудно сделать вывод, прочитав эти фрагменты: гитара в Перу – неотъемлемый атрибут быта, она звучит на всех торжествах, от рождения человека до самой его смерти.

**АЛЕКСАНДР
СЕМЕНОВИЧ КУШНЕР**

Кушнер, Александр Семенович (родился в 1936) – русский поэт. Лирико-философские сборники, отмеченные историкокультурной ассоциативностью, вос-

создают духовный и культурный мир современного интеллигента («Ночной дозор», 1966, «Прямая речь», 1975, «Голос», 1978, «Канва», 1981, «Таврический сад», 1984, «Живая изгородь», 1988). Стремление постичь вневременное в обыденной жизни.

У нидерландского художника Яна Вермеера было 15 детей, четверо из которых умерли в младенчестве. Александр Кушнер в одном из эссе замечает: «А сейчас я назову имена его дочерей: Мария, Альеда, Гертруда, Катарина, Элизабет, Беатриса, Жанна... Мне кажется, это они, его дочери, смотрят на нас с некоторых его поздних картин: одна вышивает, другая играет на гитаре, третья пишет письмо, – они похожи, их легко перепутать, принять одну за другую».

Предположение вполне вероятное: кто, как не дочери, готовы были часами позировать художнику, который работал очень медленно? А то, что в доме Вермеера была гитара, почти не вызывает сомнения. Уж больно много музыки в его полотнах, где перед нами предстает тончайшая игра разума и чувств, души и плоти.

Александр Кушнер в этом же эссе о творчестве Яна Вермеера роняет такую двусмысленную фразу: «Художник словно не вполне еще доверял себе, специфике своего искусства, искал для живописи оправдания в слове, идее. С равным успехом он мог сопроводить свою картину разъяснительной эмблемой, назидательной справкой. Толкованием или музыкальной фразой. Представим себе, что подходим к картине –

и в это время из вмонтированного в раму микрофона начинает звучать музыка (встречаются же на его полотнах то и дело клавесины, лютни, гитары, где-то, помнится, даже лежит на полу контрабас). Боюсь, такое братание живописи и музыки было бы насильственным (не о нем ли вздыхают наиболее сентиментальные мечтатели с символистической закваской), а то и напоминало бы прощальную, траурную церемонию».

Оставим на совести поэта досадную оговорку, будто музыка может звучать из микрофона, а не из динамика. Интересно его предположение о том, что Вермеер понимал ограниченные возможности живописи, неспособной во всей полноте выразить мысль художника. Выдающийся представитель «малых голландцев» одним из первых попытался приблизить живопись к музыке, помещая в интерьер те или иные музыкальные инструменты, в том числе классическую гитару.

**ЭДВАРД СТАНИСЛАВОВИЧ
РАДЗИНСКИЙ**

Радзинский, Эдвард Станиславович (родился в 1936) – российский драматург и историк. Пьесы на современные («104 страницы про любовь», 1964, «Спортивные сцены 1981 года», 1986, «Убьем мужчину?», 1987) и исторические («Беседы с Сократом», 1976, «Театр времен Нерона и Сенеки», 1982) темы. Документальнобиографические произведения «Господи... спаси и умири Россию», «Николай II: жизнь и смерть» (1993).

Читая полицейские сводки, касающиеся образа жизни Григория Распутина (их цитирует Эдвард Радзинский в своей документальной книге «Распутин: жизнь и смерть»), можно удостовериться, что «святой старец» любил гитару. Приведем описание одной из вечеринок, на которой собрались около десяти женщин, а центром внимания был Григорий Ефимович:

«В 8.20 вечера туда же пришли Лаптинская с дочерьми Распутина, имея при себе гитару. Дочери Распутина около 11 часов вечера ушли, оставив гитару у Соловьевых, а присутствие остальных затянулось до позднего времени. Во время нахождения гостей у Соловьевых от 9 часов вечера до 10-ти было заметно снаружи тушение огня в квартире, а затем с промежутками огонь тушился несколько раз».

Еще одно донесение осведомителя: «Около 10 часов вечера стали собираться к Распутину неизвестные мужчины и

женщины, человек 10-12, в том числе Алексеев, Лисенко, Рубинштейн с какой-то женщиной. В 11 часов были слышны игра на гитаре и пляска; кому-то аплодировали. Это происходило до двух часов ночи».

«Старец», как нетрудно в этом убедиться, хотя и подолгу молился, но не был чужд радостей мирской жизни. Гитара являлась именно тем инструментом, который постоянно услаждал его слух.

**БЕЛЛА АХАТОВНА
АХМАДУЛИНА**

Ахмадулина, Белла (Изабелла) Ахатовна (1937-2010) – русская поэтесса. В сборниках «Струна» (1962), «Уроки музыки» (1970), «Свеча» (1977), «Тайна» (1983),

«Сад» (1987) – стремление предъявить нравственные максимы современнику, утвердить «высокий строй» души. Сгущенная метафоричность, изысканная архаичность слога. Книга переводов и оригинальных стихов «Сны о Грузии» (1977). Эссе. Государственная премия СССР (1989).

Белла Ахмадулина, вспоминая кружок литераторов и близких знакомых, описывает одну из встреч: «Друзья мои, что так добры ко мне, / должны собраться в маленьком кафе / на площади Восстанья в полшестого. / Я прихожу и вижу: собрались. / Благословляя красоту их лиц, / плач нежности стоит в моей гортани. / Как встарь, моя кружится голова. / Как встарь, звучат прекрасные слова / и пень очарованной гитары». (Стихотворение «Я думаю: как я была глупа...»)

Интеллигентную московскую вечеринку трудно представить без гитары – этого непрехотливого, но выразительного инструмента!

ВИКТОРИЯ САМОЙЛОВНА ТОКАРЕВА

Токарева, Виктория Самойловна (родилась в 1937) – русская писательница. В прозе, нередко отмеченной иронией и юмором, – нравственнопсихологические коллизии, женские судьбы, будни семьи. Книги «О том, чего не было» (1969), «Летающие качели» (1978),

«Ничего особенного» (1983), «Коррида» (1994) и другие.

Конечно, все в мире можно испохабить цинизмом и бескультурьем, оплевать святыни, загадить храмы, накрутить на ноги портянки из разорванной Туринской плащаницы. Горестно взирать на хамствующих вандалов! Одна сценка из рассказа «Неромантичный человек» хорошей русской писательницы Виктории Токаревой показывает, как гитару несложно превратить в нечто неподобающее, непотребное, низменное. «Вдруг утро наполнилось мяукающими звуками электрогитары. Танька прекратила доить. Вышла из сарая. Выглянула через забор, и вот что она увидела: Мишка Синицын сидел против своего дома с электрогитарой марки «Эврика». Рядом с ним сидела секретарша Мещерякова Малашкина Валя, босая и с грязными пятками.

Мишка вопил песню про шикарный город Ялту, а Валя высокомерно поводила головой, будто имела прямое отношение и к Мишке, и к гитаре «Эврика», и к шикарному городу на южном берегу.

Танька посмотрела на орущего Мишку, на разомлевшую от счастья соперницу. Метнулась в дом. Подскочила к проигрывателю. Поставила его на подоконник. Включила на полную мощность.

«Бам-бам-бам-бам-бам! Это поют миллионы!» – заорал певец на всю деревню Бересневку».

Картинка, что и говорить, жизненная. Наблюдать подоб-

ное смешно и одновременно горестно. Куда катится человечество, и станем ли мы хоть в XXI веке цивилизованным народом?

Виктория Токарева в рассказе «Один кубик надежды» верно сказала: «Таня жила с одним, а ждала другого, и двойственное существование развинтило ее нервную систему. Человек расстраивается, как музыкальный инструмент. Как, например, гитара. А что можно сыграть на такой гитаре? А если и сыграешь: что это будет за песня?»

Тонко подмечено: гитара действительно в чем-то схожа с человеком, это живой и необычайно ранимый инструмент.

ВЛАДИМИР СЕМЕНОВИЧ ВЫСОЦКИЙ

Высоцкий, Владимир Семенович (1938-1980) – русский поэт, актер, автор и исполнитель песен. Трагически-исповедальные стихи, романтико-

лирические, комические и сатирические песни, баллады (сборники «Нерв», 1981, «Я, конечно, вернусь...», 1988). В песенном творчестве отталкивался от традиций русского городского романса. С 1964 года – в Московском театре драмы и комедии на Таганке (Хлопуша – «Пугачев» С.А. Есенина, Гамлет – «Гамлет» У. Шекспира, Лопахин – «Вишневый сад» А.П. Чехова и другие). Снимался в фильмах «Вертикаль» (1967), «Короткие встречи» (1968),

«Место встречи изменить нельзя» (1979) и других. Высоцкому был присущ мощный, «лавиновый» темперамент, его подлинно трагический герой – сильная личность, бунтарь-одиночка, сознающий свою обреченность, но не допускающий мысли о капитуляции. В комических жанрах Высоцкий с легкостью менял социальные маски, добиваясь абсолютной узнаваемости гротескных «зарисовок с натуры». В «серьезных» песнях и драматических ролях пробивалась наружу бурлящая под спудом глубинная сила, рвущая душу тоска по справедливости. Государственная премия СССР (1987, посмертно).

Разве мыслимо, чтобы самый яркий бард страны Владимир Высоцкий не сложил песню о гитаре – его вечной спутнице, которая в унисон с грохочущим голосом будоражит жизнь. И он создал такой гимн гитаре:

Серебряные струны

У меня гитара есть – расступитесь стены!

Век свободы не видать из-за злой фортуны: Перережьте горло мне, перережьте вены – Только не порвите серебряные струны!

Я зареюсь в землю, сгину в одночасье – Кто бы заступился за мой возраст юный!

Влезли ко мне в душу, рвут ее на части –
Только б не порвали серебряные струны!

Но гитару унесли, с нею – и свободу, – Упирался, я кричал: «Сволочи, паскуды!

Вы втопчите меня в грязь, бросьте меня в воду – Только не порвите серебряные струны!»

Что же это, братцы! Не видать мне, что ли
Ни денечков светлых, ни ночей безлунных?!
Загубили душу мне, отобрали волю, –
А теперь порвали серебряные струны...

Нельзя оторвать гитару от сердца человека, она ему дороже жизни. Ее страсть, ее неукротимость особенно дороги тому, кто по тем или иным причинам оказался в тюрьме. Тогда гитара делается символом свободы.

Законченному пьянице любое событие – удобный повод для того, чтобы выпить. Герой песни «Случай», оказавшись в ресторане, спешит пожать руку некоему «засекреченному ракетчику», в честь которого дается банкет. «Со мной гитара, струны к ней в запас, / И я гордился тем, что тоже в моде. / К науке тяга сильная сейчас, / Но и к гитаре тяга есть в народе. / Я выпил залпом – и разбил бокал! / Мгновенно мне гитару дали в руки. / Я три своих аккорда перебрал / Запел и запил от любви к науке».

Научно-технический прогресс отнюдь не уменьшает числа горьких пьяниц в обществе, и даже прославленный бард вынужден с грустной иронией согласиться, что его неразлучная спутница – не только гитара, но и бутылка, без которой невозможно и дня прожить.

В песне «Старый дом» герой, истерзанный душевными муками и житейскими горестями, попадает в бедовую компанию, где «Кто-то песню орал да гитару терзал, / И припадочный малый – придурок и вор – / Мне тайком из-под скатерти нож показал».

Вероятно, прославленный бард вполне отдавал себе отчет в том, что его наперсница гитара слишком часто звенит в бандитских «малинах», где рекой льется вино, звучит площадная брань и «зреют» преступления...

Раненое сердце Владимира Высоцкого исполнено надежды. Гитара, которой он изливает свою душу, кажется ему сказочной пташкой: «Словно семь заветных струн /

Зазвенели в свой черед – / Это птица Гамаюн / Надежду подает!» («Песня о петровской Руси») Такое отношение к гитаре свидетельствует о понимании ее истинной природы.

Современная электроника творит чудеса в области музыкального творчества, и комуто может показаться, что акустическая гитара устарела. Это неверно. Трижды был прав Владимир Высоцкий, когда пел: «Один музыкант объяснил мне пространно, / Что будто гитара свой век отжила. / Заменят гитару – электроорганы, / Электророяль и электропила. / Но гитара опять / Не хочет молчать, / Поет ночами лунными, / Как в юность мою, / Своими семью / Серебряными струнами». (Песня «Один музыкант объяснил мне пространно...»)

Барду совершенно чужды электроинструменты с их искусственным, неживым звуком. В песнях Владимира Высоцкого гитара нередко становилась спутницей бродяги-весельчака.

«Все беды – болтовня. / Я, струнами звеня, / Пою подряд три дня – / Послушайте меня!»

Его хриплый голос звучал на всю страну, ибо в хмельном задоре поэта угадывались нотки отчаянья и безысходности, тех самых чувств, что владели большинством советских людей.

ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВАЙНЕР

Вайнер, Георгий Александрович (1938-2006) – русский писатель, мастер детективного жанра. Долгое время писал в соавторстве с братом Аркадием.

В повести Георгия Вайнера «Бес в ребро» забавна комич-

ная сценка, где муж и жена препираются относительно подарка сыну. «Мы уселись за стол, и он положил на край сверток. – Это я Сережке купил гитару. Я знаю, что он давно очень хотел...

Я смотрела на него взглядом следователя Бурмистрова. – Ты бы лучше купил ему сапоги на осень! – Почему лучше? Не вижу противоречия, – засмеялся Витечка и с треском стал срывать бумагу с гитары. – На сапогах молодые люди не играют, а в гитарах не ходят по лужам. Сапоги купим отдельно. Это не проблема».

Духовно развитый родитель понимает, что не хлебом единым жив человек, и эстетическая радость тоже нужна в жизни.

ИОСИФ АЛЕКСАНДРОВИЧ БРОДСКИЙ

Бродский, Иосиф Александрович (1940-1996) – русский поэт, писал также на английском языке. В 1972 году эмигрировал в США. В стихах (сборники «Остановка в пустыне», 1967, «Конец прекрасной эпохи» и

«Часть речи», 1972, «Урания», 1987) – осмысление мира как единого метафизического и культурного целого. Отличительные черты стиля – жесткость и скрытая патетика, ирония и надлом, медитативность, реализуемая через обращение к усложненным ассоциативным

образам,

культурным реминисценциям

(иногда

приводящая

к

герметичности поэтического пространства). Эссе, рассказы, пьесы, переводы.

Нобелевская премия (1987).

Иосиф Бродский, говоря о гитаре, верен себе, выстраивая сложный поэтикоассоциативный ряд и рисуя настроение тоски и безысходности: «Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной / струн, продолжающая коричневеть в гостиной, / белеть а ля Казимир на выстиранном просторе, / темнеть – особенно вечером – в коридоре, / спой мне песню о том, как шуршит портьера, / как включается, чтоб оглушить полтела, / тень, как лиловая муха, сползает с карты, / и закат в саду за окном точно дым эскадры, / от которой осталась одна матроска, / позабытая в детской. И как расческа / в кулаке дрессировщика-турка, как рыбку – леской / возвышает болонку над Ковалевской / до счастливого случая тьякнуть

сорок / раз в день рождения, – и мокрый порох / гасит звезды салюта, громко шипя, в стакане, / и стоят графины кремлем на ткани». (Стихотворение «Ты, гитарообразная вещь со спутанной паутиной...»)

Данный этюд был написан 22 июля 1978 года, когда поэт уже давно эмигрировал в США, но воспоминания о России не оставляли его в покое.

Порою Иосиф Бродский словно забывал о том, что гитара – это звучащий инструмент, и ограничивался описанием ее внешнего облика, опять выстраивая сложный метафорический ряд: «Шум ливня воскрешает по углам / салют мимозы, гаснувший в пыли. / И вечер делит сутки пополам, / как ножницы восьмерку на нули – / и в талии сужает циферблат, / с гитарой его сходство озарив. / У задержавшей на гитаре взгляд / пучок волос напоминает гриф».

(Стихотворение «Шум ливня воскрешает по углам...»)

Поэт видел в гитаре женскую фигуру. Гитара присутствует и в пейзажных лирических зарисовках, например, в стихотворении «Гуернавака»: «Конец июня прячется в дожди, / как собеседник в собственные мысли. / Что, впрочем, вас не трогает в стране, / где меньше впереди, чем позади. / Бренчит гитара. Улицы раскисли. / Прохожий тонет в желтой пелене».

Печальные звуки струн подчеркивают атмосферу безысходности, свойственную этому стихотворению. Удачный пример органического слияния музыки и поэзии!

Вчитываясь в стихотворение «Испанская танцовщица», невольно замечаешь, что поэт пытался подражать Гарсиа Лорке: «Умолкает птица. / Наступает вечер. / Раскрывает веер / испанская танцовщица. / Звучат удары / луны из бубна, / и глухо, дробно / вторят гитары. / И черный туфель / на гладь паркета / ступает; это / как ветер в профиль».

Одним словом, восхитительно! Лишь изоощренная рифмовка в первой и третьей строфе может подсказать въедливому аналитику, что мы имеем дело с удачной имитацией стиля испанского автора.

Стихотворение «Лидо» описывает будни портового города: «Ржавый румынский танкер, барахтающийся в лазури, / как стоптанный полуботинок, который, вздохнув, разули. / Команда в одном исподнем – бабники, онанюги – / загорает на палубе, поскольку они на юге, / но без копейки в кармане, чтоб выйти в город, / издали выглядящий, точно он приколот / как открытка к закату; над рейдом плывут отары / туч, запах потных подмышек и перебор гитары. / О, Средиземное море! после твоей пустыни / ногу тянет запутаться в уличной паутине».

Что ни говори, поэт, несмотря на грубость лексикона, умеет скупыми штрихами запечатлеть точный и колоритный пейзаж, где даже гитара с «отарой туч» занимает свое подобающее место!

В 2004 году вышла в свет книга американского культуролога Соломона Волкова «Диалоги с Иосифом Бродским». В

ней поэт вспоминает о закадычном приятеле своей молодости Олеге Шахматове. Он был профессиональным летчиком, человеком разносторонних интересов. Бродский рассказывает, как они задумали совершить побег из Советского Союза, перелетев через афганскую границу. Предполагалось, что Шахматов возьмет на себя управление «Як-12», а Бродский ударит камнем по голове пилота.

Слава Богу, что их план не осуществился! Впрочем, Шахматов имел в душе некую романтическую струну, о чем говорит Бродский: «У него в голове происходит полный бенц! Между тем Шахматов был человеком весьма незаурядным: колоссальная к музыке способность, играл на гитаре, вообще талантливая фигура. Общаться с ним было интересно. Потом произошло вот что: он отлил в калоши и бросил их в суп на коммунальной кухне в общежитии, где жила его подруга, – в знак протеста против того, что подруга не пускала его в свою комнату после двенадцати часов ночи».

Форменная наглость! Да и Бродский мог бы взять в кавычки жаргонное слово «отлил».

Читаем дальше: «Потом Шахматов снова уехал и объявился в Самарканде, где, сбежав с собственной свадьбы, стал учиться игре на гитаре в местной консерватории и жить со своей преподавательницей, которая была довольно замечательная дама, армянка».

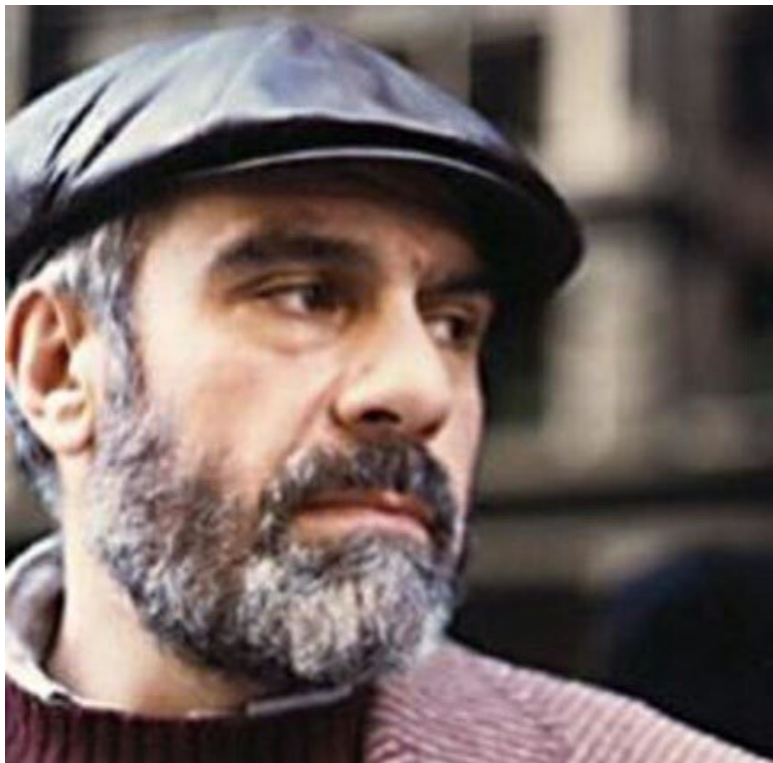
Каковы нравы у первых диссидентов! Но при этом они проливали под гитару сентиментальные слезы в кругу девиц

легкого поведения.

Бродский с величайшим почтением отзывается об одной из самых популярных гитарных пьес Матоса Родригеса в эссе «Трофейное»: «...«La Comparsita» – по мне, самое гениальное музыкальное произведение нашего времени. После этого танго никакие триумфы не имеют смысла: ни твоей страны, ни твои собственные. Я никогда не умел танцевать – был слишком зажатым и к тому же вправду неуклюжим, но эти гитарные стоны мог слушать часами и, если вокруг никого не было, двигался им в такт. Как многие народные мелодии, «La Comparsita» – это, в сущности, «плач», и в конце войны траурный лад был уместнее, нежели буги-вуги».

Верно подмеченное нобелевским лауреатом фольклорное начало «Кумпарситы» придает мелодии уругвайского автора неземную эмоциональную прелесть.

**СЕРГЕЙ ДОНАТОВИЧ
ДОВЛАТОВ**

Довлатов, Сергей Донатович (1941-1990) – русский писатель. В 1978 году эмигрировал, умер в Нью-Йорке. Книги «Зона», «Заповедник», «Наши».

Герой Сергея Довлатова из романа «Заповедник», прототипом которого, несомненно, является сам автор, рассказывает: «Я вел образ жизни свободного художника. То есть не служил, зарабатывая журналистикой и литобработками генеральских мемуаров. У меня была квартира с окнами, выходящими на помойку. Письменный стол, диван, гантели, радиола «Тонус»... Пишущая машинка, гитара, изображение Хемингуэя, несколько трубок в керамическом стакане. Лампа, шкаф, два стула эпохи бронтозавров, а также кот Ефим, глубоко уважаемый мною за чуткость.

Не в пример моим лучшим друзьям и знакомым, он стремился быть человеком...»

Перед нами фотографически точный портрет фрондирующего литератора шестидесятника, который не мыслит жизни без старого «Ундервуда» и гитары, неразлучной спутницы хмельных писательских посиделок.

НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ МИХИН

Михин, Николай Сергеевич (родился в 1942) – русский поэт, автор сборников «Мили и версты», «Начало Земли», «В нашем доме». Сборник прозы «Дача Долгорукова».

Николай Михин положил в основу своей книги «Дача Долгорукова» детские воспоминания, относящиеся к 1950-м годам. Представляет интерес фрагмент о скудной жизни людей в неустроенных бараках: «С Толиком скучно не было. Он много знал. Ребята читали друг другу стихи. Выпивали. Ходили на танцплощадку в корпуса (своей уже не было), воровали картошку и капусту в поле, ходили в гости к Васе Данилову, послушать песни под гитару. Данилов рассказы-

вал им разные истории из своей жизни, а он служил во внутренних войсках, охранял зеков. Он превосходно пек блины и угощал ими приятелей. В этом же бараке жил и второй классный гитарист Юра Малков, Валин брат, женатый на ее и Карменовой подруге Ленке Харламовой. Он был хороший сапожник и имел много клиентов. Если Васька Данилов играл больше веселые мелодии, то Юрка воспроизводил то, от чего слезы наворачивались на глаза. Гитара, казалось, выговаривала каждый звук. Толик тоже учился играть на гитаре, но получалось у него не очень».

Через несколько страниц автор продолжает тему: «С сумерками все собрались в доме. Забренчали струны гитары. Юра не жил без подруги семиструнной ни одной свободной минуты. Несколько видоизменив известное высказывание, про Юру говорили: «Мы с гитарой ходим парой».

В его руках гитара делала чудеса. Если даже все здорово устали, а привал был коротким, то после отдыха под гитару усталость проходила, и люди готовы были к продолжению пути. Недаром про его игру Коля Михин написал: «И усталость, груз чугунный, Словно ветром сдуло с плеч. Он вложил всю душу в струны, Чтобы в нас огонь зажечь». Он – это Юра Иванов».

Тяжелы были послевоенные годы, однако неустроенный быт не мешал гитаристам-любителям совершенствоваться, а их импровизированные концерты всегда находили благодарную публику!

ЭДУАРД ЛИМОНОВ

Лимонов, Эдуард (Эдуард Вениаминович Савенко, родился в 1943) – русский писатель. В 1974-92годах жил в эмиграции. Первоначально его стихи распространялись в самиздате (сборник «Кропоткин и другие стихотворения», 1968). В прозе, отмеченной циничной откровенностью, а порой и элементами порнографии, обращается к судьбе русской эмиграции в США, Франции. Наибольшую известность получил роман «Это я – Эдичка!» (1979). Книги «Русское» (1979), «Дневник неудачника, или Секретная тетрадь» (1982), «Подросток Савенко» (1983), «Палач» (1986), «Убийство часового» (1993) и другие.

Эдуард Лимонов, с малых лет склонный к эпатажу, в скандально знаменитом романе «Это я – Эдичка!» пытается вымарать грязью все, о чем повествует. Достается и гитаре. «Витька Косой, такой же мордатый, как эти мордатые, здоровый ногастый парень, обратившись лицом к еще более мордату моему другу Сане Красному – мяснику, глядя ему в глаза, чуть не соприкасаясь с ним лбом, поет, дергая гитару, «русский рок»:

«Зиганшин рок! Зиганшин буги! Зиганшин сорок дней во выюге!»

Не к лицу гитаре, этому чудесному инструменту, натура которого изначально лирична, принимать участие в скомо-рошестве, в откровенном глумлении над подвигом русского пограничника!

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ АБРАМОВ

Абрамов, Сергей Александрович (родился в 1944) – русский писатель. Повести «Канатоходцы», «Волчок

для Гулливера», «Время его учеников».

Сергей Абрамов в повести «Выше радуги» возвращает нас к незабвенным советским временам: «Трое парнейволосатиков, две русалочки в джинсах, непременная гитара – семиструнная «душка», непременная же бутылочка на скамейке, заветная полулитровочка с дешевым крашеным портвейном. Подрастающее поколение ловило «кайф». И видать, словило оно этот не ведомый никому «кайф», потому что дрожали струны гитарные, тренькали под неумелыми пальцами, качали бедрышками русалки в такт струнам, тянули хрипловатыми «подпитыми» голосами нечто заграничное, влекущее, вроде: «Дай-дай-гоу-бай. Бай-байлоу-лай». Или что-то похожее».

Немудреные «тинэйджерские» забавы той поры не обходились без гитары. Она всерьез и надолго, если не навсегда, потеснила есенинскую деревенскую «тальянку», стала средством самоутверждения и предметом особой гордости. Жаль, что общее бескультурье страны сказывалось и на репертуаре бардов из подворотен, едва-едва осиливших несколько расхожих аккордов.

ВИКТОР СУВОРОВ

Суворов, Виктор (Владимир Богданович Резун, родился в 1947) – русский писатель и публицист. Офицер советской разведки, в 1978 году перебежал в Великобританию.

Виктор Суворов в романе «Выбор» увлекательно описывает приключения сталинской разведчицы по агентурной кличке Жар-птица, получившей секретное задание от самого Иосифа Виссарионовича – поднять пролетарские массы Испании на революционный подвиг. Она попадает в боль-

шой портовый город: «Не ищите ее в говорливой толпе, в суете, в шуме и крике, в бесконечных подвалах-переходах среди

миллиона вещей, среди грохота и топота, среди плачущих и поющих, на улицах, где жалобно мяукают бездомные кошки с поломанными хвостами, с облезлыми ребрами-каркасами, где в вонючих закоулках копошатся в лужах нечистот злые, как крысята, тощие дети, где звенят гитары, гремят песни и бушует веселье, где прекрасные девушки продают любовь в изобилии по доступным каждому ценам, гордо пряча под роскошными юбками стройные ноги, на которых прекрасными розами расцвели первые робкие язвы сифилиса».

Каковы контрасты – слезы и смех, продажные чувства и горделивое одиночество, плач замызганных младенцев и звон гитары! Картина жизни, в которой с беспощадностью бытописателя-реалиста отражены высокое и низкое, красота и грязь, зловоние и аромат цветов. Гитара в этом контексте олицетворяет собой искусство, благотворно действующее на души людей.

АЛЕКСАНДР МОТЕЛЕВИЧ МЕЛИХОВ

Мелихов, Александр Мотелевич (родился в 1947) – русский писатель. Автор книг «События и открытия», «Так говорил Сабуров», «Дары нищего». Романы «Любовь к отечественным гробам», «Чума», «Изгнание из Эдема», «Роман с простатитом». Лауреат Набоковской премии Союза писателей Санкт-Петербурга (1993).

Описывая один из митингов «патриотов» эпохи перестройки в романе «Горбатые атланты, или Новый Дон Кихот», Александр Мелихов не жалеет красок: «Черный казачок держал желтую хоругвь с силуэтом Георгия-Победоносца, поражающего сионистскую гидру. В сторонке скромно держался офицер в полевой форме времен Первой германской – с гитарой через плечо, словно в каком-нибудь парижском ресторане...»

Все карикатурно, будто перед нами не вполне нормальные люди. Или попросту – ряженые. Даже гитару, замечательный испанский инструмент, они привлекли к борьбе с жидомасонством!

СТИВЕН КИНГ

Кинг, Стивен (родился в 1947) – американский писатель, автор произведений в жанре «хоррор». Повесть «Цикл оборотня», романы «Худеющий», «Свечение» и многие другие.

Масштабен роман «Армагеддон» знаменитого автора бестселлеров Стивена Кинга. Писатель создает впечатляющую картину гибели человечества от смертельного вируса,

который случайно вырвался из пробирок тайных лабораторий Пентагона. В живых остаются считанные единицы, потрясенные катастрофой. В их числе – одичавший мальчишка по кличке Джо, вооруженный ножом и смертельно опасный. После того, как бывший рок-певец Ларри, которого тот ненавидит, начинает играть, происходит чудо. «Когда разводят костер на пляже, то кто-нибудь обязательно берется за гитару.

– Давайте-ка посмотрим, что у нас там, – сказал он, расстегивая замки.

Он ожидал, что гитара окажется хорошей, но то, что лежало внутри, все-таки оказалось для него приятным сюрпризом. Это была двенадцатиструнная гитара фирмы «Гибсон».

Прекрасный инструмент, возможно, даже ручной работы...

Он взял несколько аккордов, и ему понравилось звучание, хотя струны и были немного расстроены. Звук был насыщеннее и богаче, чем у шестиструнки. Гармоничный, но жесткий.

Он стал настраивать гитару на слух... Когда он уже почти закончил, Надин дотронулась до его плеча, и он поднял взгляд.

Джо стоял рядом с костром, позабыв о потухшей палке в руке. Странные глаза его смотрели на Ларри с откровенной зачарованностью, а рот его был раскрыт.

Очень тихо, так тихо, что это могла быть всего лишь

мысль у него в голове, Надин сказала:

– У музыки есть волшебная сила...» Ларри начал играть и петь.

«Открытая, восхищенная улыбка Джо озарила его глаза, и в них появилось выражение, которое, как показалось Ларри, вполне могло бы заставить любую молодую девушку повилывать бедрами. Он дошел до инструментального куска и сыграл его не так уж плохо. Его пальцы извлекали из гитары правильные звуки: жесткие, яркие, немного кричащие, словно набор фальшивых драгоценностей, возможно, краденых, выставленных на продажу в бумажном пакетике на углу улицы. Третий куплет он вспомнить не смог – там было что-то о железнодорожной колее. Тогда он повторил первый куплет и умолк.

Когда он кончил петь, Надин засмеялась и захлопала в ладоши. Джо отбросил свою палку и стал скакать по песку, испуская приветственные крики бешеной радости. Ларри с трудом мог поверить в свершившуюся с ребенком перемену...»

Стивен Кинг совершенно прав: у музыки есть волшебная сила, способная укротить дикого зверя! Музыка облагораживает людские души, и трижды верна мысль американского писателя, утверждавшего, «что невозможно не полюбить человека, который любит гитару».

ПАСКАЛЬ БРЮКНЕР

Брюкнер, Паскаль (родился в 1948) – французский писатель. Автор романа «Божественное дитя», повестей «Горькая луна», «Похитители красоты».

В философско-фантастическом романе Паскаля Брюкнера «Божественное дитя» блестяще выписана сатирическая сцена, рисующая картину массового психоза, овладевшего музыкантами. «Людьми вновь овладело безумие... В один прекрасный день молодой английский виртуоз забрался в обнимку с виолончелью на плато в Альпах на высоте трех тысяч метров. Там он принялся терзать струны, денно и

ночно исполняя сюиты Баха, пока его не смело в пропасть ураганным ветром. Этот жертвенный порыв оказался заразительным, и к вершинам началось подлинное паломничество: каждый стремился обойти другого, вскарабкавшись как можно выше. Оркестры в полном составе устремлялись к горным пикам, где уже нельзя было протолкнуться, ибо тысячи и тысячи жаждали пленить своим искусством Всомогущего Отца... Канатные дороги были забиты концертантами в смокингах, длинноволосыми гитаристами, ударниками, жаждущими оглушить Непостижимого и Бесконечного. Их не могли остановить ни холод, ни страх высоты, ни снежная слепота. Едва добравшись до гребня, они начинали сотрясать воздух громовыми адажио, оглашая окрестные долины звуками почти невыносимой громкости. От них не было спасения даже у подножия гор. И все – мужчины и женщины – с нетерпением вглядывались в небо, ожидая какого-нибудь знака, облаков или прояснения, которые показали бы, что Бог слышит».

Дальше краски сгущаются. Безумства и ужасы множатся. «Звезды бельканто, клавишных, струнных и духовых инструментов, отказавшись нацепить на себя анораки, меховые шапки и рукавицы, так и угасли в своих смокингах и в галстуках бабочкой. Некоторые исполнители, примерзнув к инструментам, падали вместе с ними на какую-нибудь кварцевую или известняковую иглу, и их протыкало насквозь под треск дерева и грохот жести... Матери с ужасом смотрели,

как их дети, едва получив диплом консерватории, уходят, зажав гитару или скрипку под мышкой, чтобы принести себя в жертву Великому и Равнодушному».

Мороз по коже дерет от этих апокалипсических сцен! Вероятно, модный французский писатель, яркий представитель постмодернизма, очень не любит музыку, если с таким ехидным злорадством предрек бесславную кончину скрипачей и гитаристов!

МИХАИЛ ИОСИФОВИЧ ВЕЛЛЕР

Веллер, Михаил Иосифович (родился в 1948) – русский писатель. Романы «Забывтая погребушка», «Легенда Невского проспекта», «Любовь зла», «Приключения майора Звягина».

У Михаила Веллера, ироничного и не склонного к сантиментам прозаика, в романе «Разбиватель сердец» есть чудесная поэтичная фраза – «Отзвенели гитарами белые ночи». Это не что иное, как классический четырехстопный анапест, столь популярный в русской версификации.

Удивительно, как гитарная музыка воздействует на творческую личность, заставляя ее писать стихами!

ДАНИЛ АРКАДЬЕВИЧ КОРЕЦКИЙ

Корецкий, Данил Аркадьевич (родился в 1948) – русский писатель, работает в жанре детектива. Полковник милиции, доктор юридических наук. Повести «Разящий удар», «Свой круг», «Принцип карате», романы «Пешка в большой игре», «Акция прикрытия», «Основная операция», «Антикиллер».

Если пожелаете узнать, до какого уровня низведена гитара в современном русском детективе, откройте хотя бы роман

Данила Корецкого «Секретные поручения». «Кто-то забрался на козырек над входом в подъезд, стал брэнчать на гитаре и выть. И все подхватили: «А если я засну, шманать меня не нада-а-а!..» – Заткнитесь, падлы! – крикнул Горейчук».

Или еще один образчик: «Газик Димирчян, когда пьяный, берет гитару, лупит по струнам и поет жалобным голосом. Говорят – хорошо поет».

Благородный инструмент стал непременно участником блатных компаний и разгульных попоек, и это не может не печалить.

ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ КОСТОМАРОВ

Костомаров, Леонид Петрович (родился в 1948) – русский писатель. Романы «Земля и Небо», «Огонь и вода», «Иной мир», «Калека».

Гитара, благодаря своей компактной конструкции и большим выразительным возможностям, пользуется необычайной популярностью в местах лишения свободы. В уголовной среде порой появляются незаурядные исполнители – если, конечно, осваивают классический репертуар вместо блатной «Мурки» или «Гоп-стоп!» Леонид Костомаров в мемуарной книге «Десять кругов ада» описывает лагерный концерт, посвященный Октябрьской годовщине и Дню милиции, который «состоял всегда из сольных номеров гитаристов с присвистом, одного, обычно украинского, танца, декламации собственных виршей и стихов гражданственного и патриотического звучания».

На фоне казенщины и общего «культурно-воспитательно-го» убожества гитарные пьесы выглядят очень достойно!

Или еще один эпизод:

«Вдруг Воронцов встает и берет со шкафа гитару. Вино-вато говорит:

– Вольные шофера забыли... Я ее лет двадцать в руках не держал, – тренькнул по струнам, настроил и поднял на меня глаза...

Я недоверчиво смотрю на его мозолистые руки-лопаты, куда ему играть на гитаре...»

Нет, навыки игры не забылись, а сердце зэка жаждет красоты! Автор восторженно констатирует: «За свою жизнь я не слышал такой глубокой и печальной музыки, кажется, что звучал целый оркестр...»

Выразительные возможности гитары безграничны.

ХАРУКИ МУРАКАМИ

Мураками, Харуки (родился в 1949) – японский писатель. Романы «Охота на диких баранов» (1962), «Норвежский лес» (1987) отражают влияние современной американской культуры.

Харуки Мураками в романе «Охота на овец» занимается поиском смысла жизни. Его герои постоянно рефлектируют, совершают какие-то не вполне мотивированные поступки, эпатажирующие читателя. Посмотрите, при каких обстоятельствах автор упоминает гитару.

Главный герой рассуждает о сопернике-музыканте, отбившем у него девушку: «Видно, правду говорят, что в каждом

человеке с рождения заложен неизменный вектор душевных склонностей. Он был лучше меня лишь тем, что играл на гитаре. Я был лучше его лишь тем, что умел мыть посуду. Гитаристы, как правило, никогда не моют посуду. Повредишь себе палец – и больше незачем жить на свете».

Отыскав среди хлама инструмент, он пытается вспомнить, как когда-то играл: «Я притащил из кладовки старую, облупленную гитару, с трудом настроил ее и попытался вспомнить то, что играл когда-то давным-давно. Слушая Бенни Гудмэна, я ковырялся в аккордах песенки «Airmail Special», пока не подошло время обеда. Тогда я отправился на кухню, наделал из уже почерствевшего хлеба бутербродов с толстыми ломтиками ветчины и съел, запивая пивом из банки.

Я потерзал гитару еще с полчаса – и пришел Человек-Овца».

Гость восторгается:

« – Что ли на гитаре играл? – с явным любопытством спросил Человек-Овца. – Мы вот тоже музыку любим. Играть, правда, совсем не умеем...

–

Да я тоже не умею. Уж лет десять, наверное, гитару в руки не брал.

–

Ну, все равно: сыграл бы что-нибудь, как умеешь!

Чтобы не обижать Человека-Овцу, я сыграл ему первый куплет «Airmail Special», но уже в припеве заблудился в муд-

ренных синкопах, сбился с ритма, плюнул и отложил инструмент.

—

Эх, здорово! — с чувством похвалил Человек-Овца. — Небось, хорошо, когда музыку играешь?

—

Это если хорошо играешь. В этом-то и проблема. Чтобы научиться играть хорошо, нужно, чтобы слух был хороший. А с хорошим слухом уши могут завянуть от своей же игры, пока учишься».

Неумные похвалы дилетанта приводят героя в ярость:

« — Ситуация несколько изменилась, — медленно произнес я. — Я теперь очень зол. Так сильно, как еще не злился в жизни ни разу.

Человек-Овца молчал, застыв с бокалом в руке.

Я взял гитару за гриф, размахнулся — и что было силы шарахнул ею о кирпичный угол камина. Под душераздирающий визг лопающихся струн инструмент разлетелся вдребезги. Человек-Овца слетел с кресла, точно ошпаренный. Уши его качались, точно лапы сосны на ветру».

Молодой человек, неприкаянный житель японской столицы, не находит ответов на трудные житейские вопросы и вымещает злобу на гитаре, на которой за десять лет не научился играть...

АРТУРО ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

Перес-Реверте, Артуро (родился в 1951) – испанский писатель, блестящий знаток истории и искусства, мастер изящной словесности, завоевавший сердца читателей романами с захватывающей интригой.

Повесть «Тень орла» Артуро Переса-Реверте – это история испанского батальона 326-го линейного пехотного полка наполеоновской армии, тщетно пытавшегося перейти на сторону русских под Москвой. В тексте книги неоднократно упоминается гитара, и это понятно: звуки ее напоминали героям о родине, а Пепе, игравший на ней, был любим всеми, в том числе и французами. «Бедняга Перекур! Подумать только – выбраться живым из

Байленской бойни, пересечь горные отроги, не попав в руки партизан – а они бы ему непременно отхватили лучшее

достояние мужчины, – и лишь для того, чтобы схлопотать пулю от своих в тот самый миг, когда он собирался обратиться – к нам, то есть – со словами ободрения: «Не робей, ребята! Знаю, что тяжело, но ничего! Еще усилие, черт возьми! Мы с вами строим новую Европу», – и всякое такое. Ну, вот и построил. Прощай, Перекур, ты, хоть и французик был, а говорил по-нашему, не гнушался вместе с нами послушать гитару Пепе из Кордовы и похлопать его виртуозной игре, и однажды, как сам рассказывал, даже закрутил в Сакромонте любовь с обворожительной испанкой, зеленоглазой цыганкой, которая до сих пор снится ему на ночевках под открытым небом – небом этой проклятой России».

Да что там, не только простые солдаты – сам император слушал испанскую гитару! «Примерно в полночь стоял капитан Гарсия, опершись о зубец крепостной стены, высившейся над древней столицей, и раскуривал трубочку, которую накануне обнаружил в кармане убитого казачьего офицера. Слышался гитарный перебор – это Пепе-кордовец пощипывал струны – и кто-то из недвижимых и невидимых часовых напевал себе под нос что-то там такое про девушку, которая милого ждет, а он в горы ушел, все никак не придет. И тут капитан различил чьи-то шаги и только собрался крикнуть: «Стой, кто идет, разводящий ко мне, остальные на месте, стой, стрелять буду» и прочую муру, которой по уставу караульной службы полагается предварять пулю в лоб, как из тьмы вынырнул император собственной персоной и в се-

ром сюртуке. Перепутать было невозможно – во всей Великой Армии не найдешь другого такого коротышку в такой огромной треуголке.

–

Добрый вечер, капитан.

–

Здравия желаю, ваше величество! – отчеканил Гарсия, становясь ему во фронт. – За время моего дежурства никаких происшествий не случилось.

–

Вижу, – и Бонапарт тоже прислонился к зубцу. – Вольно. Можно курить.

–

Благодарю, ваше величество.

Некоторое время они постояли вот так, рядом, слушая гитару кордовца и мурлыканье часового».

После бесславного поражения остатки батальона вернулись в отчие края. «Педрокордовец поднял голову, ощупал засаленную повязку, закрывавшую дыру на месте глаза, выбитого в ходе приснопамятной переправы на Березине, и спросил: «Мы уже в Испании?» Кто-то ответил ему: «Да», ткнул пальцем в притулившийся на изгибе дороги домик таможни. Стоявшие возле него двое мрачных карабинеров со все большей подозрительностью разглядывали приближавшихся оборванцев, облаченных в лохмотья, которые покроем и цветом намекали, что были некогда мундирами Вели-

кой Армии. Тогда Педро-кордовец снял висевшую за спиной гитару и не без труда – одной струны не хватало – взял аккорд, вывел начало протяжной тоскливой мелодии. Что-то там такое о женщине, которая ждет, а муж в горы ушел, все никак не придет. Когда-то мелодия эта плыла над стенами Кремля, потом смолкла, а теперь вновь зазвучала, негромко и печально, в раскаленном послеполуденном воздухе».

Нельзя не заметить: гитара в повести испанского прозаика – полноправный персонаж со своей трудной судьбой.

Современная Испания – достойный член общеевропейской семьи, однако она сохранила свои национальные особенности, эту страну не спутаешь с Италией или Францией. О том, что гитара по-прежнему звучит на улицах ее городов, можно узнать из романа «Тайный меридиан»: «Кой встал. Он оставил тужурку на спинке стула, не посмотрел ни на недомерка, ни на Танжер и пошел к лестнице, ведущей к собору. Голова у него горела, от ярости он сжимал кулаки в карманах. Случайно он прошел мимо молодых людей с гитарой, они передавали по кругу бутылку пива. По виду это были студенты, две девушки и четыре парня. На гитаре играл худой красивый юноша с сигаретой в углу рта, девушка, держась за его плечо, покачивалась всем телом в такт музыке. Вторая взглянула на Коя и улыбнулась ему. Все остальные посмотрели на него настороженно, когда она протянула ему бутылку.

Он отпил глоток, вытер губы тыльной стороной ладони и

сел тут же, на лестнице, слушая гитару. Парень играл неважно, но поздним вечером, на полупустой площади, под пальмами и освещенным собором его мелодия производила впечатление». В полумраке особенно выразителен звук гитары.

ДАРЬЯ ДОНЦОВА

Донцова, Дарья (Агриппина Аркадьевна Донцова, родилась

в 1952) – российская писательница. Дочь писателя Аркадия Васильева и режиссера Москонцерта Тамары Новацкой. Дарья закончила факультет журналистики МГУ, работала в газетах и журналах, преподавала немецкий язык и считалась человеком преуспе-

вающим. Тогда, в застойные годы, Васильева написала первый литературный опус – повесть о сталеварах. Карьера писателя-производственника не состоялась.

**Незадачливого
литератора
с
позором выставили
из
редакции
журнала
«Юность».**

Писать иронические детективы начала в 1998 году. За пять лет она написала 43 и уже издала 34 книги, то есть в среднем по книге в месяц. На неизменные вопросы, как такое может быть, писательница всегда отвечает: «Очень просто: с восьми часов утра до двух дня надо писать десять страниц, а с девяти до одиннадцати вечера – еще пять. И так – каждый день, вне зависимости от праздников и прочих уважительных поводов».

Иронический детектив Дарьи Донцовой с интригующим названием «Обед у людоеда» дает понять, что означает слово «гитара» на воровском жаргоне. Евлампия Романова, некогда закончившая консерваторию по классу арфы, а ныне частный сыщик, хочет побывать на некоей квартире, где на-

деется отыскать улики.

« – Как же мне туда попасть? – пробормотала я. Леня с откровенной издевкой засмеялся.

–

Голубушка, что за несвойственные тебе колебания? Бери гитару – и вперед.

–

Зачем мне музыка? – удивилась я. – И потом, гитара, конечно, тоже, как и арфа, струнный инструмент, но я совершенно не умею на ней играть...

–

Гитара – это отмычка, – пояснил Дубовский.

–

Но это же незаконно!

–

Ну, е-мое, – буркнул Леня, – ты всегда законы соблюдаешь, улицу только на зеленый переходишь? Впрочем, попроси о помощи господина Гвоздя, думается, он тебе не откажет!»

Оказывается, можно стать «гитаристом», совершенно не умея играть на ней. Правда, для этого надо преступить закон...

Дарья Донцова, необыкновенно популярная сейчас русская писательница, обычно

строит повествование от имени очередного героя, никак не проявляя свое авторское «я». Так, в рассказе «Маникюр

для покойника» Евлампия Романова рассказывает о себе: «Все записано на Мишино имя, я абсолютно нищая и, если супруг разведется со мной, останусь без копейки. Более того, я нигде не работаю и имею необыкновенно «нужную» и «хлебную» в наше время профессию музыканта. Но я не играю на гитаре и не прыгаю с микрофоном по сцене. Я арфистка, причем более чем посредственная, хотя училась игре на арфе долгие годы. Ну не заладились у меня отношения с арфой. Я ненавижу этот струнный инструмент так же, как своего мужа».

Ирония вполне понятная: серьезная музыка, в том числе и гитарная, отодвинута на обочину жизни.

ДИНА РУБИНА

Рубина, Дина (родилась в 1953) – русская писательница. Автор романа «Вот идет Мессия!» (2002), книги очерков «Воскресная месса в Толедо» (2002). Живет в Израиле.

Дина Рубина посетила десятки городов Испании. В книге «Воскресная месса в Толедо» уделила немало внимания гитаре, которая является неременной деталью испанского

пейзажа.

Барселона:

«Там они и сидели, рядышком, – два великолепных гитариста – на складных брезентовых стульчиках, перед пюпитром с нотами. По типу внешности – мексиканцы... Играли со спокойствием виртуозов: руки на золотисто-багряных гитарах сдержанны и легки, лица в тени благородно бесстрастны. И бесстрастна и величава была барочная музыка «Паваны», похоронного танца... Плавное кружение попарно шествующих аккордов, меланхолическое кружение эха в катакомбах средневековых стен, кружение теней, кружение света; косо выпавший из-за угла ломоть солнца, обломленный черной стеной и сланцево слепящий глаза на черной брусчатке мостовой; группка притихших туристов... В какую-то минуту (как подстеречь в жизни эти считанные, драгоценные минуты?) гармония архитектурных масс – арка над нашими головами, балкончик сбоку, уносящаяся ввысь черная стена церкви и волны черепицы надо всем – вдруг пришла в движение, соединясь с безмятежно-величавой музыкой барокко, с опущенными глазами двух музыкантов, скупым кивком отмечающих полет монеты в раскрытый футляр... Все это было столь органично моему ожиданию Испании, что просто слилось в душевный молчаливый трепет, в проглоченные слезы, в небесную Павану – когда ты точно знаешь, что вот эти семь минут, впечатанных в бледное небо готической Барселоны, отныне и навсегда станут потаенным талисманом

твоей единственной, замусоренной, не самой удачной, не самой прекрасной жизни».

В тот же день, и тоже в Барселоне:

«Гитару в прянично-керамическом парке Гуэль мы услышали издалека и минут десять взбирались наверх, по вздымающейся волной балюстраде террасы, мимо причудливых, из-под земли растущих пальмообразных колонн. Наконец выбрались к одной из тщательно продуманных, словно вылепленных, вдавленных в скалу неким могучим великанским кулаком, пещер. Там уже сидели несколько туристов, слушая игру молодого музыканта. На земле перед ним лежал футляр от гитары, в котором поблескивала медью единственная монета в 500 песет. Вдруг, оборвав себя на пассаже, гитарист резко поднялся, рывком отключил шнур синтезатора, побросал в футляр кассеты и, подняв монету, так же рывком протянул ее туристам, со словами:

—

А это вам, леди и джентльмены, за то, что использовали меня.

Наступила пауза. Американцы (а судя по тому, что музыкант обращался к ним поанглийски, это были американцы) переглянулись недоумевающе.

Гитарист: невысокий, изящный, напряженно-прямой — продолжал стоять с протянутой в руке монетой.

—

За билеты на концерт в каком-нибудь зале вы готовы вы-

ложить куда большую сумму! – воскликнул он.

Они пожимали плечами, искренне не понимая, что паренек этим хочет сказать. Тогда он швырнул монету на камни под ноги американцам с непередаваемым презрением. Он был похож на оперного матадора или на Остапа Бендера (я имею в виду медальный профиль), если б не горечь в лице, совершенно исключаящая как оперу, так и комедию».

Севилья:

«Последней севильской картинкой были четыре монахини, вошедшие в автобус Севилья-Кордова. Одна была очень хорошенькая, с прелестной белозубой улыбкой. Другая, пожилая, почему-то держала гитару в чехле. И это было как-то несуразно, не шло ей никак,

хотелось крикнуть – да отдай той, молоденькой, хорошенькой, отдай, пусть споет!» Гранада:

«Цыгане на площади Бибарамбла откровенно плохо бренчат на гитаре и вопят пронзительными голосами песни, слишком близко, впритирку подходя к обедающим на террасе. Закончив свои немудреные серенады, переворачивают гитару вверх дном и, обходя столики, бесцеремонно ждут, чтобы на нижнюю деку туристы выкладывали дань».

Четыре уличных сценки мастерски передают быт и нравы сегодняшней Испании, которую невозможно представить без гитары.

ИРИНА БОРИСОВНА РАТУШИНСКАЯ

Ратушинская, Ирина Борисовна (родилась в 1954)

—

русская

писательница,

участница правозащитного движения. В 1983 году была приговорена к семи годам заключения. С 1986 года – в эмиграции в Англии, затем – в США. Стихи распространялись в самиздате и публ

иковались на Западе. В поэзии – религиозные мотивы, тема ответственности личности и борьбы за духовную независимость. Сборники стихов «Стихи» (1984), «Вне лимита» (1985), «Я доживу» (1986). Книга «Серый – цвет надежды» (1989) и другие.

Известная правозащитница Ирина Ратушинская, написавшая мемуарную книгу «Серый – цвет надежды», передает разговор с заключенным из мужского отделения лагерной больницы: «Когда оба отсмеялись, читаю ему стихи, ведь обещала.

–

Ира, ты спиши их на бумажку. У нас один на гитаре лабает.

–

У вас и гитара есть?

–

Ну, тут теперь нет. Недавно хлопцы начальника режима гитарной струной удавили. Кто сделал – не нашли, а гитару забрали. Но я здесь ненадолго, я сам туберкулезный, меня два раза в год сюда на больничку возят. А на нашей зоне гитары аж две, мы их под самодеятельность получили».

Логика начальника постичь трудно. Он изымает гитару, предотвращая будущие убийства! Неужели у эков нет никаких других способов отомстить ненавистным тюремщикам?

АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ ПАРЩИКОВ

Парщиков, Алексей Максимович (1954-2009) – рус-

ский поэт, переводчик. Сборники «Днепровский август» (1984), «Фигуры интуиции» (1989). Поэма «Новогодние строчки». Жил в Кельне.

Ироническая поэзия Алексея Парщикова нравится далеко не всем, хотя было бы неверно игнорировать его творчество. Давайте посмотрим, в каком контексте он обычно упоминал гитару.

«Дрожит гитара под рукой, как кролик, / цветет гитара, как иранский коврик. / Она напоминает мне вчера. / И там – дыра, и здесь – дыра». (Стихотворение «Тот город фиговый – лишь флер над преисподней»)

М-да, сравнение гитары с ковриком и кроликом воистину неожиданное. Впрочем, чего только не придумаешь в погоне за сомнительной рифмой!

«Если гитару берет человек и пытается петь, / птичка от смеха и муки / белыми лапами рвет клеть». (Стихотворение «Птичка»)

Это уже понятнее. Смысл отрывка таков: музыка бездарного гитариста – курам на смех. «Твой лик условный, как бамбук, / как перестук, задаром / был выброшен на старый круг / испуга, сна, и пахло вдруг / сожженную гитарой». (Стихотворение «Темна причина, но прозрачна...»)

Хорошо, что поэту почудился запах паленой древесины, а не серы. Тогда бы уж точно в следующих строках появился хохочущий Мефистофель.

«Гитара, брошенная рок-звездой в толпу, / разрывается,

как глубоководная рыба, / выдернутая в небеса». (Стихотворение «На дороге»)

Не слишком понятно, однако метафора впечатляет.

А в поэме «Новогодние строчки» мы сталкиваемся с полным апофеозом абсурда: «Голова из гитарного грифа с колками, как ломоносовский сделан парик, / с флюгером голова, и зияет пропеллер, чтоб туманны черты, и голова пик».

Похожие стихи сочиняет компьютер, подбирая под заданный размер случайно подвернувшиеся слова. Видимо, Парщикову до гитары не было никакого дела, она появлялась в его стихах с непредсказуемой частотой, как и любая другая вещь, попавшаяся автору на глаза.

ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПОЛЯКОВ

Поляков, Юрий Михайлович (родился в 1954) – русский писатель. Повести «ЧП районного масштаба» (1985, сценарий одноименного кинофильма, 1988), «Апофегей» (1989) – о моральнополитическом разложении в рядах партийно-комсомольского аппарата. Повесть «Сто дней до приказа» (1987) – о внеуставных отношениях в армии. Для стиля характерно использо-

вание анекдотов и современного городского жаргона.

В повести «Апофегей» Юрий Поляков рассказывает о том, как один из героев приобщился к гитарному искусству, которое сильно помогло ему в жизни: «Чистяков умел играть на гитаре. Давным-давно, когда Валера учился в школе, к ним в класс заявился мужичок с балалайкой. Он исполнил русскую народную песню «Светит месяц, светит ясный» и призвал записываться в кружок струнных инструментов, организованный при Доме пионеров. Валера записался, походил на занятия около года и немного выучился играть на балалайке-секунде, а когда через пару лет началось повальное увлечение гитарами, успешно применил свои балалаечные знания к шестиструнке. Правда, собственного инструмента выцыганить у родителей так и не удалось, но сосед по заводскому общежитию имел бренькающее изделие Мытищинского завода щипковых инструментов, при помощи которого они разучивали и исполняли разные песни:

В белом платье с по-яс-ко-ом Я запомнил образ
тво-ой...

Потом, на первом курсе педагогического института, Валера посещал театральное отделение факультета общественных профессий, руководимое каким-то отовсюду выгнанным, но очень самолюбивым деятелем. Этот режиссер-расстрига бесконечно ставил «Трех сестер» и постоянно грозился сделать такой спектакль, что «все эти творческие импотенты из разных там мхатов сдохнут от зависти». Чистя-

ков должен был играть Соленого, а Соленный, в свою очередь, должен был появляться с гитарой, напевая жестокий романс. Соленого Валера так и не сыграл, потому что режиссера погнали за освященное многовековой традицией, но не уважаемое законом влечение к юношам. Зато жестокие романсы петь выучился».

Обычный, в общем-то, путь к исполнительскому мастерству в далекие советские времена.

В романе «Замыслил я побег...» устами Башмакова писатель делает неожиданный для дилетанта вывод: «Эскейпер взял с дивана гитару, пристроил на коленях и попытался сообразить простенький аккорд – но ничего, кроме какого-то проволочного дребезжания, у него не вышло. А на подушечках пальцев, прижимавших струны к грифу, образовались синеватые промятинки с крохотными рубчиками. У Каракозина, он помнил, эти самые подушечки от частой и буйной игры на гитаре затвердели, почти ороговели, и когда Джедай в раздражении барабанил по столу пальцами, звук был такой, словно стучат камнем по дереву. Зато как он играл, какие нежные чудеса выщипывал из своей гитары! «А интересно получается, – неожиданно подумал Башмаков, – чем нежнее пальцы, тем грубее звук, и, наоборот, чем грубее пальцы, тем звук нежнее...»

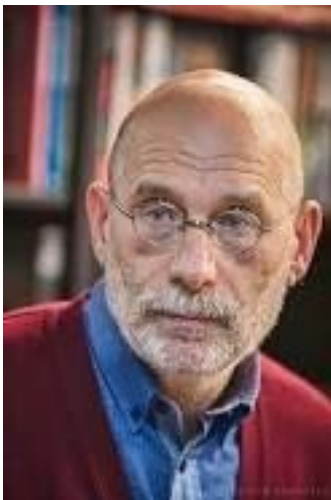
Профессиональный музыкант знает, какой это адский труд – игра на гитаре, и пальчики от этого не становятся деликатными.

В шутовском предисловии к роману «Козленок в молоке» Юрий Поляков заявляет: «Всеми силами я старался удерживать будущих читателей романа от ложных идентификаций. Например, менестрель-шестидесятник Перелыгин, исполняющий свои стихи под виолончель, в первоначальном варианте носил фамилию «Пыльношлемов», но поскольку это сразу ассоциировалось у вдумчивого читателя со знаменитыми строчками Б.Окуджавы про «комиссаров в пыльных шлемах», я избежал недоразумения, отдав эту фамилию эпизодическому персонажу. И проблема ошибочного узнавания была исчерпана, ведь каждый знает, что сам Окуджава исполнял свои стихи под гитару, а не под виолончель, каковая хоть и стала мощным орудием демократии, но в руках совершенно иного мастера культуры». В итоге фрагмент о барде в романе стал выглядеть несколько иначе: «...Я караулил, выглядывая из-за угла, пока в Дом не заглянет какой-нибудь известный мне литератор, например, знаменитый менестрель-шестидесятник Перелыгин, исполнявший свои баллады не под гитару, как другие, а под виолончель, каковую всегда носил с собой. Он заходил в ЦДЛ (Центральный Дом литератора – В.Р.) почти каждый день, если, конечно, не был в заграникомандировке, и я всегда с нетерпением ждал появления этого великого человека, намурлыкивая про себя его знаменитую балладу «Принцесса и комиссар», на которой все мы выросли...»

Насмешливый выпад автора против представителей бар-

довской песни, едва умеющих играть на гитаре, понятен. Им инструмент нужен лишь для аккомпанемента, так почему бы ни воспользоваться виолончелью или, на худой конец, балалайкой?

БОРИС АКУНИН

Акунин, Борис (Чхартишвили Григорий Шалвович, родился в 1956) – русский писатель, востоковед, литературный критик и переводчик, автор детективов об Эрасте Фандорине.

Борис Акунин славится увлекательными сюжетами своих романов, превосходным знанием истории и живым, образным языком. Описание купеческой пирушки, куда отпра-

вился сыщик Фандорин, действительно впечатляет: «Из дома на безмолвную реку выплескивало приглушенным взвизгом цыганских скрипок, гитарным перебором, звоном бубнов, взрывами хохота и еще по временам каким-то утробным порывиванием». «Утробное порывивание», оказывается, производил медведь на цепи. Акунин ничего не забыл, рисуя красочный лубок, – в том числе и гитару, без которой немислима цыганская жизнь.

ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ НЕТРЕБО

Нетребо, Леонид Васильевич (родился в 1957) – русский писатель. Окончил Тюменский индустриальный институт. Публиковался в «Литературной России», журналах и альманахах. Автор книги «Пангоды» (1999).

Повесть «Горький виноград» Леонида Нетребо посвящена событиям, происходившим в Средней Азии после революции. Взглянем, как герои проводят свое свободное время: «Басмач был тощим и угловатым, с бритой головой и огром-

ными, как вилы, руками, плохо говорил по-русски, и в часы послеобеденного отдыха, под сенью тополей, у арыка, играл на рубобе, струнном музыкальном инструменте, похожем на тыкву с воткнутой в нее длинной палкой. Иногда Дуб отбирал у Басмача инструмент, приговаривая: «Одна палка, два струна, я хозяин вся страна», перестраивал «под гитару», ритмично стучал по струнам, и они оба, к восторгу детей, пели какую-то длинную, бесконечную шутивную песню, в которой каждый куплет заканчивался утвердительным вопросом: «На кой шайтан узбек война?!»

Русский человек настолько свыкся с гитарой, что даже незнакомый ему рубоб пытается превратить в некое ее подобие!

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ СЛАПОВСКИЙ

Слаповский, Алексей Иванович (родился в 1957) – русский писатель, драматург. В 90-х годах работал в редакции журнала «Волга». Роман «Гибель гитариста» (1996).

Роман Алексея Слаповского «Гибель гитариста» – едва

ли не единственное крупное произведение русской литературы, целиком посвященное гитаре и музыкантам. Сюжет завязан вокруг личности провинциального гитариста, чье мастерство увлекает многих людей, даже недоброжелателей. Андрей Андреев, стремясь стать исполнителем, совершает немыслимый по трудности и весьма изобретательный пируэт. «Он купил замечательную гитару (так ему сказали) за полмиллиона рублей денег – в начале девяносто четвертого года – и пришел к нему стать его учеником. Есть ли какие навыки? – спросил Денис Иванович. Нет, ответил Андрей. У меня даже слуха нет. Но я хочу играть. Вы сыграйте, а я перейму. Недоумевающий, но уважающий чужие потребности, странности и страсти, Денис Иванович сыграл одну из самых трудных пьес своего репертуара. Андрей, наведя на его пальцы видеокамеру, снимал. Дома... он уселся перед экраном телевизора и с видеозаписи стал изучать, что делать пальцами правой руки, а что левой – учиться вприглядку. Он просидел так два месяца безвылазно – и достиг поразительных результатов. Он пришел к Денису Ивановичу, взял гитару и в присутствии всех математически точно повторил труднейшую пьесу. Денис Иванович очень хвалил. Другие тоже отнеслись приветливо – кроме Димы Гульченко, сказавшего, что это дикая профанация искусства...»

Конечно, рекомендовать именно такой способ изучения гитары не станет ни один уважающий себя педагог, хотя для овладения инструментом на «бытовом» уровне этот ме-

тод вполне пригоден! Многие уличные музыканты учились именно так: наблюдали за игрой старших товарищей и постепенно становились гитаристами, даже не зная основ музыкальной грамоты.

В романе «Гибель гитариста» писатель рассказывает, в частности, о том, как юный музыкант обучается игре на инструменте: «Он был старателен. Через четыре месяца он уже мог сносно сыграть довольно сложную пьесу Апподижелли «Вечерний закат». Сложную – и красивую. Начиная ее, Дима волновался, к середине слезы начинали струиться из глаз, а к финалу он тихо ревел в три ручья, беря звучные аккорды, прощаясь с мелодией».

И на этом он остановился, дальше не пошел. В сотый раз тешил себя «Вечерним закатом», доведя исполнение до блистательности, до волшебной легкости – и непременно при этом плакал. Он боялся, что если возьмется играть что-то другое, то душа, без того наполненная «Вечерним закатом», не выдержит. Нет, с него хватит! – и он вновь и вновь извлекал из струн божественные звуки Апподижелли. И Денис Иванович никогда не уставал его слушать, а однажды сказал: «Знаешь, я, пожалуй, оказался не прав. Ты добился невероятного. Ты играешь эту вещь лучше всех в мире. Только эту вещь – но лучше всех в мире. А может, в этом и суть – делать что-то одно, но лучше всех в мире».

О гитарной музыке автор написал хорошо и проникновенно, однако точка зрения педагога кажется спорной. Му-

зыканти, припавший в жажде прекрасного к целительному роднику гитарной музыки, не может довольствоваться одним-единственным глотком, в этом есть что-то алогичное, несовместимое со здравым смыслом. Впрочем, не всем же быть такими, как Андрес Сеговия, исполнившим за свою жизнь сотни, если не тысячи произведений!

В романе есть эпизод, где медсестра в больнице впервые слушает игру главного героя. Звучит музыка Баха. «Уже первый аккорд – думала и вспоминала потом, пересказывала себе музыку Светлана – как чистое соприкосновение тел, светлое высокое созвучие под аккомпанемент спокойных басов – словно в коммунальной квартире сосед прогуливается за стенкой... Вот руки подняты, пальцы переплелись, соприкоснулись, они смотрят на свои пальцы высоко поднятых рук – и невольно продолжают взгляд – за окно, где тихо и спокойно сидит на подоконнике голубь под голубым небом и белым облаком, и они оба одновременно думают, что облако, небо, голубь и они сами – счастливы, – и опять повтор мелодии, и правильно, и хорошо, так и нужно – войти в воду, отступить, опять войти, опять отступить, опять войти – сдерживая себя, хоть течение так и подмывает, затягивает... и кажется эта вода неиссякаемой, хотя вдруг понимаешь, что как ни вечна любая река, но когда-то же она пересохнет, когда-то кончится та вода, которая подпитывает ее – и грустно станет, заплакать хочется... ах, да что вы, говорит музыка, когда это еще будет, а пока любовь... печальная... нет, светлая... или

все же печальная... грусть ли прощания?... грусть ли встречи с думой о будущем прощании?..»

Как видим, произведение Баха породило очень необычный образный ряд в душе неподготовленной слушательницы.

У Алексея Слапковского есть довольно интересное наблюдение, характеризующее степень подготовленности аудитории к восприятию серьезной гитарной музыки. Герой его романа давал сольные концерты повсюду: в школах, сельских клубах, даже в лагерях для уголовников. И вот именно за колючей проволокой находились самые благодарные слушатели. «В тюрьме... тон задавали воровские авторитеты, которые, принципиально ненавидя всякий подневольный труд, в искусстве Дениса Ивановича видели именно искусство. Ловкость пальцев, бегающих по струнам и ладам, дробность переборов напоминали им искусство собственное, воровское, в котором тоже важны безошибочность, спорость, четкость – а в финале именно такое торжество полнозвучных аккордов, какое раздается в руках Дениса Ивановича, клопочет в теле гитары. Они уважали мастерство – и не дай бог кому-то из мелкоты шаловливо крикнуть музыканту: «Цыганочку давай!» – авторитеты пресекали хулиганство коротким взглядом, кратким словом, крепким кулаком».

Души матерых арестантов размягчались от соприкосновения с прекрасным и вечным, луч солнца в лице гитары освещал потемки их сердец.

Книга «Российские оригиналы» – остроумный опыт создания энциклопедии мужских характеров, где типажи расположены по алфавиту: адюльтерщик, балабол, вахлак, гражданин, делец и так далее. Это весьма точный социологический анализ, поданный с блеском и юмором.

Первый представлен автором следующим образом: «Адюльтерщик, поглаживая лысеющий лоб или седеющие кудри, говорит собравшейся на каком-нибудь интеллектуальном бивуаке молодежи, что он по-прежнему поклонник студенческой бескорыстной любви и нынешних меркантильных отношений понять не может. Принести женщине цветочек, сорванный на клумбе, бутылку вина, прочесть ей, выпитив вдохновенно кадык, стихотворение и спеть песню под гитару – это он понимает, а распахивать дверцы «мерседесов» и обклеивать долларами девичьи тела в саунах – слишком легко и слишком пошло».

Далее стареющий ловелас продолжает: «Нет уже тех, кто помнит прелести бескорыстной студенческой Любви... Пришли мужчины, не знающие не то что поэтов эпохи Тан, но и «В лесу родилась елочка» до конца не помнящие, они тоже, вроде бы, адюльтерщики в силу вековой мужской полигамности, но их адюльтерность уже буржуазна: они благопристойно снимают или даже покупают уютную квартиру для свиданий, где не услышишь ни стихотворного шелеста, ни гитарных переборов, а одно лишь, простите Бога ради, полезное для их здоровья кряхтенье и сопенье, будто трена-

жертвенный зал там, а не уединилище Любви...».

Но не только жалкие донжуаны обожают игру на гитаре. Нет, ею владеют также интеллигенты. «По мере затухания послеоттепельного энтузиазма потребовалось скорректировать облик Интеллигента – иначе в этот разряд уже никто бы не попал. Стали упрощенно считать, что Интеллигент – это тот, кто получил образование и работает головой, но в свободное время обязательно играет на гитаре и поет песни, читает художественную литературу, интересуется новинками кино, рыцарски относится к дамам. Неофициальная версия добавляла к этим качествам ещё и неприменимую принципиальность в общественных вопросах: кто леворадикально-социалистическую, кто антикоммунистическую, диссидентскую – в зависимости от взглядов самих носителей и авторов версии».

Больше всех Слаповский сочувствует российским неформалам, которые не расстаются с гитарой. Им «хочется бросить вызов морали, истеблишменту, государству... Но как бросишь, если нету ни морали, ни истеблишмента, ни государства в его нормальном полноценном виде?! Нет внешнего врага, без которого неформальное движение – гибнет! Как панковать или хипповать, если чуть не большинство населения панкует или хиппует...»

Да и в логове мирового империализма, за океаном, тоже трудно быть неформалом. Правда, по другой причине. «На Западе истеблишмент остался истеблишментом, прили-

чия остались приличиями – и даже усугубились, но ни одеждой, ни повадками, ни сумасшедшим хайром никого не удивишь, это стало игровой частью быта: молодая жена богатого адвоката катается на велосипеде в драных джинсах, сам адвокат во время уикэнда забавляет гостей хулиганской песенкой Джима Моррисона под гитару».

Таким образом, если верить Слаповскому, в современной России лишь три категории мужчин тяготеет к гитаре: селадоны, умники и маргиналы. Оставим на его совести этот сомнительный вывод.

Герой романа «День денег» становится гитаристом по воле случая. Как-то он еще в школьные годы купил лотерейный билет и спустя месяц решил проверить, не улыбнулась ли ему удача. «Он бросился к столу и с нарастающим чувством уверенности стал сличать номер. И – выигрыш! «Гитара» – было обозначено. Николай был счастлив. Играть на гитаре он не умел, но главное – выигрыш! Никто в школе никогда не выигрывал, а ему – повезло! Никому ничего не говоря, он отправил заказным ценным письмом лотерею в адрес тиражной комиссии, оттуда пришел ответ и вопрос, не желает ли он получить выигрыш деньгами? «Только гитарой в гарантированном мне законом СССР порядке, а не жульничество!» – сердито написал Николай. Через три недели он получил уведомление о посылке и с замирающим сердцем помчался на почту. Там ему объяснили, что посылка – наложенным платежом и для получения ее ему следует за-

платить 8 руб. 30 коп. Николай побежал домой, схватил из книжного шкафа несколько книг отца, по которым тот учился в техникуме и которые ему, работающему прорабом на стройке, давно были не нужны, отнес их в магазин «Букинист» и сдал за 10 руб. 18 коп. В результате он получил-таки выигрыш – гитару стоимостью 7 руб. 50 коп., выпущенную, как свидетельствовала наклейка внутри корпуса, Можихинским деревообрабатывающим комбинатом. Гриф ее болтался, дека имела трещину, металлические струны басов под пальцами визжали, как сто рожающих кошек, но Николай с помощью приятеля-гитариста довел ее до ума, и у того же приятеля перенял несколько аккордов. А дальше учился уже сам, но серьезно, по самоучителю Иванова-Крамского. После школы он стал подрабатывать музыкантом в ресторане, обивая порог филармонии и пытаясь проникнуть в какой-нибудь профессиональный вокально-инструментальный ансамбль. И ему повезло, его взяла на сельские гастроли ритм-гитаристом вместо запившего музыканта группы «Созидатели». Николай прошел нелегкую практическую музыкальную школу, он играл и на бас-гитаре, и на ударных, и за «Ионику» вставал, и перкуссией действовал, и даже саксофон освоил! Кроме этого, у хваткого парнишки, трезвенника и скромника, обнаружились организаторские способности, и вскоре он стал по совместительству чем-то вроде администратора ансамбля. Шли годы, он превратился в администратора матерого, вся страна знала его – и помнит сей-

час...»

Комичный эпизод с лотерейным выигрышем, за который пришлось изрядно приплатить, радикально изменил жизнь подростка, приобщил его к музыке. А сколько таких известнейших в гитарном мире людей, некогда совершенно случайно взявших за инструмент, чтобы с ним больше не расставаться!

ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ СВИНАРЕНКО

Свинаренко, Игорь Николаевич (родился в 1957) – русский писатель. Издатель журнала «Медведь». Автор книги «Сильно умные разговоры про успех».

Про певицу Людмилу Зыкину существует множество историй, большинство из которых – обычные сплетни. Вроде той, будто она была знакома со Сталиным. Но то, что звезда советской сцены когда-то пела с «битлами», истин-

ная правда. Вот как рассказывает об этом эпизоде публицист Игорь Свинаренко в книге «Наши люди». Однажды во время гастролей в Америке Зыкина обедала в ресторане. Спустя несколько минут в зале появилась ливерпульская четверка. Им сообщили, что есть возможность познакомиться с советской знаменитостью.

« – Я стала с ними петь «Вниз по Волге-реке».

–

Ну а они?

–

А они мне чуть-чуть подыгрывали.

–

Говорят, они вам подарили гитару и крестик. Это правда?

–

Гитару не дарили, это легенда. А подарили свой талисман, такой хороший нательный крест, из серебра. И сказали, что этот крест освященный, а мне он должен принести радость».

Добровольно расстаться с инструментом музыкант не может. Гитарист влюблен в свою гитару, как юноша, пылко и преданно.

ВИКТОР ТОЛЕДО

Толедо, Виктор (родился в 1957) – мексиканский поэт.

Похоже, что Виктор Толедо сумел постичь вселенскую душу гитары, о чем свидетельствует его стихотворение, которое он посвятил гитаристке Наде Борисловой: «Гитара – луна / В золотом озере. / Рояль – поезд, / несущий водопады. / В музыке / Нади / По морскому мосту / В сны провожают. / Бросит якорь на звезды, / Бродит по нотам, / Когда звуки падают, / Открывая волны. / Мы их постигаем, / слушаем и ощущаем, / Так вселенную мы / постигаем».

ВАСИЛИЙ ЛОМАКИН

Ломакин, Василий (Андрей Степанович Золотухин, родился в 1958) – русский поэт. Окончил химический факультет МГУ. Сборник стихов «Русские тени» (2004). Шорт-лист Премии Андрея Белого за 2003 год. С 1991 года проживает в США.

Нынешние поэты, равно как их хулиганствующие предшественники из 1920-х годов, нередко позволяют себе эпатажные выходки. Читаем пятистишие Василия Ломакина: «Пушкин, вот печальный вид: / Ангел вьется надо мною / И

гитарную струною / Заедает алфавит / ...Пушкин был гермафродит» (пунктуация на совести автора).

Ломакин, как некогда Владимир Маяковский, жаждет сбросить

Александра Сергеевича «с парохода современности», но сил хватает лишь на то, чтобы обругать классика. С Пушкиным и его хулителем, кажется, все ясно. Но вот другой вопрос: а причем здесь гитарная струна?

ВАЛЕРИЙ ВЕНИАМИНОВИЧ ГОРБАНЬ

Горбань, Валерий Вениаминович (родился в 1959) – русский писатель. Полковник милиции в отставке. Цикл рассказов «Песнь о бойне», повесть «Просто командировка».

Писатель Валерий Горбань в своей «Песне о бойне», со-

зданной на основе документальных фактов, рассказывает о буднях чеченской войны. Важную роль в кратких передышках между боями играет гитара и пение, позволяющие снять стресс бойцам. Приведем один фронтовой эпизод: «Застолье шло своим чередом. Подтянулись соседи, благо вечер пока тихий был. Упиваться никто не упивался. Нет у братьев-командиров такого права – в сопли надираться. Жизни человеческие на них. Но по сотке-другой (кому как комплекция позволяет) не вредно: чуток адреналин загасить, голосовые связочки промочить, чтобы пелось веселей. Гитара по кругу пошла. Начали, по традиции с «Офицеров» газмановских, стоя. Если по тревоге выскакивать срочно не придется, то и завершится застолье этим гимном офицерства российско-го».

Или еще один пример. Офицер с выразительным прозвищем Шопен «опустил голову и бережно погладил струны. Гитара откликнулась тихим звоном, будто радуясь, что после черных развалин и дерматинowego плена вновь увидела свет и почувствовала руки настоящего музыканта. Прислушавшись к ее голосу, он удивленно вскинул брови и пробежался ловкими пальцами по тонким серебряным нервам. Гитара мелодично пропела в ответ. Она была почти идеально настроена.

– Ах, ты, чертила бородатый, не можешь без сюрпризов! – улыбнулся про себя Шопен и, чуть-чуть подстроив третью струну, взял первый, негромкий аккорд.

Эту песню его бойцы еще не слышали. «Мы придем на могилы братишек, / Как положено, стопки нальем, / И расскажем на веки затихшим, / Как без них мы на свете живем».

Гитара и поныне верно служит русскому воинству, помогая обрести душевное равновесие и поверить в победу.

ПОЛИНА ВИКТОРОВНА ДАШКОВА

Дашкова, Полина Викторовна (родилась в 1960) – русская писательница. Дебютировала как поэт. Широкую известность приобрела как автор детективных романов «Образ врага», «Кровь нерожденных», «Никто

не заплачет», «Эфирное время», «Золотой век» и других.

Полина Дашкова, прославившаяся на поприще современной остросюжетной беллетристики, умеет коротко и очень точно набросать портреты своих героев. Интересен фрагмент из романа «Образ врага»: «Художник, кроме полотен, писал еще и песни, исполнял их под гитару в узком кругу, имел кое-какую известность. Одни говорили: он хороший художник, только зачем сочиняет песни? Другие возражали: он потрясающий бард, но зачем рисует картины? Впрочем, не важно, кто что говорил и возражал. Главное, не молчали. Знали, кто такой и как зовут. Звонили и приглашали в гости. Пристраивали картины на вернисажи. Организовывали концерты. Просто так. Бесплатно. Из любви к искусству».

Прекрасная характеристика «богемной» интеллигенции «застойной поры», когда всеобщая духота общественной жизни с необыкновенной легкостью порождала столь необычные универсальные дарования, поклонявшиеся поэзии, живописи и гитаре.

ВАН КОВЕЛЕР ДИДЬЕ

Дидье, Ван Ковелер (родился в 1960) – французский писатель, критик, сценарист. Автор многих книг. Роман «Путь в один конец» удостоен Гонкуровской премии (1994).

Дидье Ван Ковелер, французский литератор цыганского происхождения, достоверно описывает жизнь своих соплеменников в современной Европе: «Вечером, перед сном, у нас любят поговорить о предках, о краях, где они жили, по-

сетовать на то, что с появлением нержавеющей стали закатилась слава клана Кэлдереры, потомственных жестянщиков-лудильщиков, вспомнить под переборы гитары и трели губной гармошки о гонениях, погромах и законах, из-за которых все и очутились здесь... и сменили колеса фургонов на кирпичи, а странствия – на воспоминания». («Путь в один конец»)

Веками установившийся кочевой образ жизни цыган сменился оседлым, ушли в прошлое их не востребовавшие профессии, но любовь к гитаре осталась. Да подумайте сами – что это за цыган без песен и перебора рыдающих струн?

АЛЕКСЕЙ ВИКТОРОВИЧ РЫБИН

Рыбин, Алексей Викторович (родился в 1960) – известный рок-музыкант. В 1980 году вместе с Виктором Цоем организовал группу «Кино». Последние годы занимается литературной деятельностью, автор многочисленных публикаций о рокмузыкантах, двух кино-

сценариев и нескольких криминальных романов. Книжки «Кино с самого начала», «Право на рок», «Трофейщик», «Трофейщик-2», «Виктор Цой», сериалы «Генералы подвалов», «Мужик».

Рок-музыкант Алексей Рыбин, хорошо знающий нравы современной российской эстрады, частенько описывает эпатазирующие эпизоды, в которых гитаре отводится явно неподобающая ей роль.

Возьмем отрывок из его романа «Фирма»:

« – А сейчас, перед выступлением вашей любимой команды «Бильярд», мы представляем новый проект Эльвиры и Люды – «Вечерние совы».

В зале засмеялись. Гоша включил свет и замер.

На сцене перед микрофоном стояла обнаженная Эльвира с электрической гитарой «Фендер», прикрывавшей самое интимное из интимных мест. Рядом с ней на высоком вертящемся «музыкантском» стуле сидела Люда в одеянии монахини со скрипкой в руках.

Зал тихонько ахнул, потом послышался плотоядный смех. Эльвира, не обращая ни на кого внимания, тронула струны, гитара издала немислимо громкий, скрежещущий звук, тут же зазвучала скрипка Люды, и Гоша вместе со зрителями, словно загипнотизированный, стал покачиваться в такт музыке.

Эльвира выключила ногой педаль, звук гитары стал мягким, плавающим, ноты повторялись коротким эхом. Девуш-

ка быстро крутанулась на месте, продемонстрировав зрителям, что она все-таки не совсем голая, некоторые детали одежды на ней имелись. Этими деталями были узенькие, прозрачные трусики и перчатка на правой руке, которую Гоша, как и большинство зрителей, остолбеневших от неожиданного зрелища, поначалу не заметил».

Перед нами наглядный пример того, как можно профанировать высокое искусство, низводя концертное выступление до разновидности стриптиза. Впрочем, бездарным музыкантам без таких скандальных трюков просто не собрать нужного числа слушателей... **ДЖОАННА КЭТЛИН РОУЛИНГ**

Роулинг, Джоанна Кэтлин (родилась в 1965) – английская писательница.

**Окончила
университет**

в

Экзетере, преподавала в Португалии английский язык, где вышла замуж за португальского журналиста. Когда брак распался, Джоанна с дочерью приехала в Эдинбург, к своей младшей сестре Диане. Едва удерживаясь над чертой бедности, Роулинг работала над книгой, идея которой, по слухам, пришла к ней во время поездки в поезде из Манчестера в Лондон в 1990 год. После многочисленных отказов издательств она все-таки продала свою книгу «Гарри Поттер и Философский камень». К 2000 году первые три книги о Гарри Поттере принесли ей приблизительно 480 млн. долларов.

Нашумевшие книги Джоан Кэтлин Роулинг о юном волшебнике Гарри Поттере действительно увлекательны, однако гитара упоминается там лишь эпизодически, например, на тех страницах, где описывается школьная вечеринка: «Когда пир подошел к концу, Думбльдор встал и попросил учеников сделать то же самое. По мановению его палочки, столы отлетели к стенам, освободив пространство в центре зала, и тогда директор возле правой стены соорудил сцену. На ней находилась ударная установка, а также несколько гитар,

лютня, виолончель и волынка. Под бешеные аплодисменты на сцену в искусно разорванных черных робах взошли «Чертовы Сестрички» с дикими копнами волос. Они взяли в руки инструменты...»

Воистину, довольно странный набор инструментов для любительского ансамбля, играющего танцевальную музыку! Впрочем, в фантастическом произведении можно выдумать и не такое.

КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ МИХАЙЛОВ

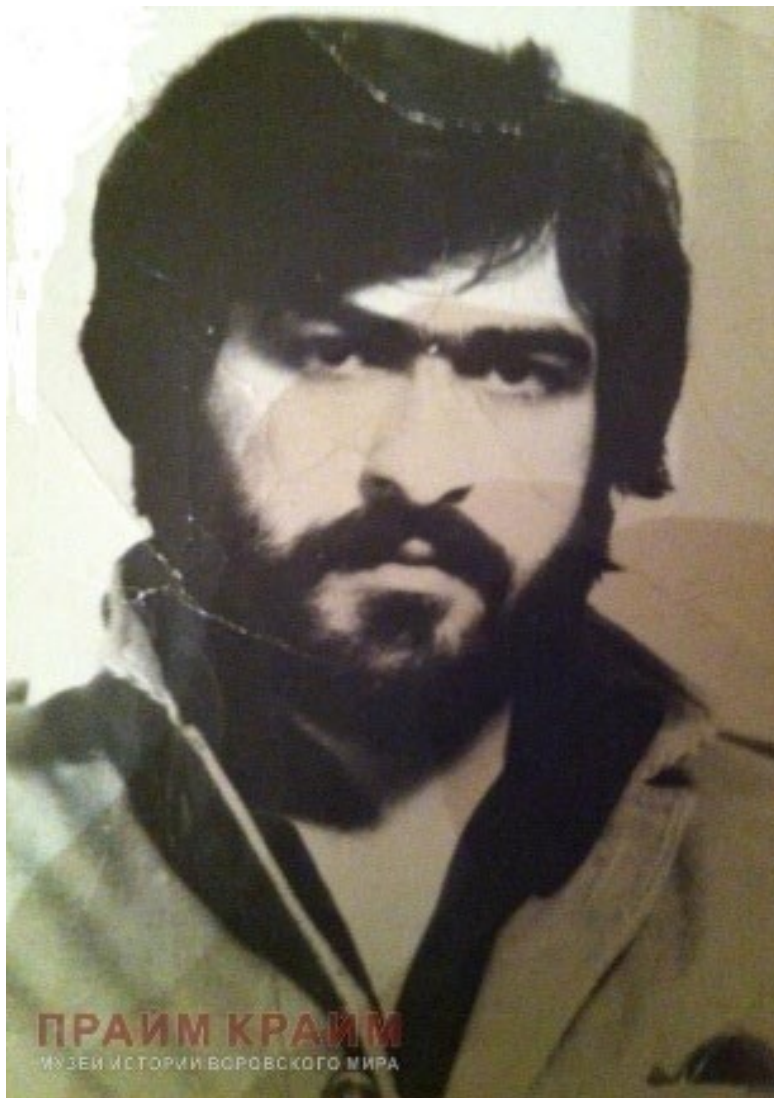
Михайлов, Константин Петрович (родился в 1965) – русский поэт. Стихи «Порвались в небе облака», «Запятая», «Память».

Константин Михайлов – изобретательный стихотворец, блестящий имитатор стилей различных эпох. Об Испании, например, он пишет восторженно: «Веселей, веселей, вестготы / В этом красном, горячем месте! / У Испании нет работы – / У Испании – только песня! / Пусть безумной гитары дека / Виноградной слезою брызжет – / Отдыхает в раю Эль-

Греко, / А Дали – отдыхает ниже».

Делая скидку на иронию автора, нельзя не заметить, что Испания для него – край бурной страсти и вдохновенной гитары.

ИГОРЬ ДМИТРИЕВИЧ МДИНАРАДЗЕ

ПРАЙМ КРАЙМ

МУЗЕЙ ИСТОРИИ ВОРОВСКОГО МИРА

Мдинарадзе, Игорь Дмитриевич (1966-2004) – гродненский бард и гитарный мастер.

Прихотлива человеческая судьба! Поэт Игорь Мдинарадзе конструировал самолеты, слыл мастером по изготовлению 12-струнных гитар, но остался в нашей памяти автором чудесного стихотворения «Только гитара», которое надо привести целиком, без купюр, не взирая на то, что оно требует редакторской доработки. Из хорошей песни, как известно, слова не выкинешь...

Небо хмурое, тучи цепляют дома, Дождь прошил землю серыми нитями. Я сойду в одиночестве скоро с ума В этой жалкой, убогой обители.

А вчера было солнце и дикий восторг, Я же к солнцу стремился даром. Я уйду, я уйду, я уйду на восток, И со мной будет только гитара.

Пыль дорог не пугала меня никогда, Где меня только люди не видели!

За плечами года, это все ерунда,
Знать не нужно, Господь, сколько выделил.

Вдруг становится жарко, и я, как в бреду, Я порою дурею от жара. Я решил, что теперь я на север уйду И со мной будет

только гитара.

Даже месяц покоя отравит меня,

В положенье введет безнадежное, Но в себе я пока ничего не менял.

Как всегда, настроенье дорожное.

Как хочу я открыть этот мир для себя, Эх, успеть бы, пока я не старый! Я на запад уйду, ни о чем не скорбя, И со мной будет только гитара.

Лишь душа выбирать направленье вольна, Ей бы только вот с телом условиться. Я, конечно же, не нагулялся сполна, Что-то плохо опять мне становится.

И опять я возьму на работе расчет, Для вещей понадежнее тару.

Я на юге бывал, но поеду еще, И со мной будет только гитара.

Но всегда к постоянству стремится душа,

Устают от неопределенности, Твердо верить хотят и ровнее дышать, Впрочем, это нормальные склонности.

Жаль, поделаться с собой ничего не могу, Душно мне, клонит в сон от угара. Я пойду хоть куда, хоть сейчас убегу, И

со мной будет только гитара.

Все части света открыты человеку с гитарой за плечами!

ЭЛЛА НИКОЛАЕВНА КРЫЛОВА

Крылова, Элла Николаевна (родилась в 1967) – русская поэтесса. Дебютировала в журнале «Знамя» в 1991 году. Автор десяти книг. В 2001 году вышел

сборник избранной лирики «Пчела на левкое» («Грааль»).

В стихотворении «Delirium» Эллы Крыловой запечатлена горестная картина: «Резервация духа – / Магадан, Петербург. / Что ни день, то – непруха, / что ни ночь, то – хирург / с психиатром на пару / плоть кромсают и ум / под блатную гитару / и панический шум / белых ангельских крылий, / линькой траченных. Где / плод столь долгих усилий? / Лишь круги по воде...» Завершает ее печальные раздумья восклицание: «На гвоздях, как Рахметов, / поживает страна. / Алчет смерти бессмертный / на кресте сатана».

Впечатляющая картина всеобщего развала и передела России, проходящего под убогое треньканье «блатной» гитары!

В цикле «Лучи и ручьи» поэтесса восклицает: «Черт догадал / родиться здесь с душою и талантом, / как «наше все» в сердцах произнесло! / Но – дактилоскопический бокал, / гитара с жеваным жеманным бантом / и песня, песня всем чертям назло!»

Перед нами – неплохой образец современной русской поэзии, в которой автор перефразирует знаменитые пушкинские слова, переводя стрелки часов на нынешнее время. И гитара с мещанским измятым бантом на грифе – отнюдь не лишняя деталь в этом контексте.

**НАТАЛЪЯ АЛЕКСАНДРОВНА
ГВЕЛЕСИАНИ**

Гвелесиани, Наталья Александровна (родилась в 1967) – русскоязычная писательница. Автор сборника прозы «Дорога цвета собаки».

Творчеству Натальи Гвелесиани присуща философичность и тонкий психологизм. Приведем небольшой фрагмент из ее фантастического романа «Дорога цвета собаки», где она с поразительной достоверностью описывает магнетическое воздействие, которое оказывает на аудиторию хорошая гитарная музыка:

«Пели негромко и печально. О непонятном. Тревога нарастала. Но хор становился громче, и дружные, стройные голоса единодушно устраняли тревогу. Она возвращалась. Ее устраняли опять. Ярость, нежность и бездумная задумчивость чередовались. Три этих состояния внезапно слились воедино, когда один из поющих опустился на стул, положил на колено гитару и властно провел по струнам. Песня замерла. Большеголовый парень в темно-синем кителе с серебряными погонами без всяких знаков, в синих форменных рейтузах и узких сапогах, с такой же, как и у всех офицеров, саблей на боку, отличался от других только цветом широкой шелковой ленты через правое плечо, которая служила, видимо, единственным знаком различия. Лента у парня с гитарой была бежевой. Склонившись над инструментом, он сосредоточенно терзал струны, заставляя их повторять все изгибы и изломы песни. Тревога стала полней. Она огрызалась, трепеща, наступала, раздуваясь от гнева. Но и боролись с ней яростней. Все смотрели с волнением, как струится пот по рябым щекам большеголового офицера, как темнеют, увлажняясь, густые рыжие волосы. Иногда он поднимал лицо и

глядел вдаль невидящим взором, полным суровой нежности. Тогда Годар думал, что он – позер и, одновременно, мучился от неуместности, несправедливости своих подозрений... Музыка уходила постепенно, выбивая из сил гитариста. Он заиграл мягче, приглушенной, словно моля об отсрочке. Но музыка все-таки увернулась, вылилась в чистый, замирающий звук одинокой струны. Потом раздался шум последнего, басового, аккорда, похожий на суровый хлопок дверью. Офицер с бежевой лентой, высвободившись от гитары, резко встал.

– Слава Кевину, господа! – сказал он хрипло, и все осушили бокалы, наполненные до краев во время неистовства музыки».

Солирующая гитара в руках хорошего исполнителя способна увлечь даже грубую солдафонскую публику, далекую от искусства и дум о прекрасном.

РОДИОН АНДРЕЕВИЧ БЕЛЕЦКИЙ

Белецкий, Родион Андреевич (родился в 1970) – русский писатель и драматург. Повесть «Путешествие в Иваново автора, Коврова и Баранова».

Безымянный персонаж пьесы Родиона Белецкого «Соня» раздражается долгой тирадой, восхваляя гитару. Несмотря на комические нотки, ее следует привести целиком, потому что этот парень искренне обожает свой инструмент:

«Есть такие лабухи, которые любят подсесть на пафос.

Они вешают гитару ниже колен и начинают возить туда-сюда кисель по грифу, клопов давить. Они думают, что если у них пальцы по струнам бегают так, что их не видно, то они виртуозы. Они думают, если они примочками обложились и медиаторов американских с пробкой себе накупили, они все Сантаны и Пако де Лусии. Лажовщики! «Smoke on the water» в соль мажоре играют! Да за это стрелять надо!.. Настоящий музыкант делает так: он берет минимум нот и каждая в десятку! Как я, например. А главное для настоящего музыканта – это его гитара! Его инструмент – это святое. Вот у меня, например, «Гибсон». Мог бы соврать, но не буду. Гитара у меня не родная, производство корейское. Но зато какой звук. Начинаю играть квартами, ей Богу, все внутри в комок сжимается, такая мощь! А на вид она у меня хрупкая, небольшая, легонькая. Под дерево сделана, гриф гладкий сзади, как шея, и дека в таких изгибах! Со стороны посмотришь, вылитая... девочка. Я ее так и называл, девочка моя. Как я любил ее! Чехол бархатом обил, струны – не поверите – духами французскими протирал. Но давно уже разлучили меня с моей любимой. Где ты, девочка моя?! Давно я уже не слышал твоего голоса. Где ты, девочка моя?!

Где ты?! Где?!..»

Конечно, такая пылкая привязанность к гитаре похожа на патологию, но сколько подобных музыкантов на свете – старательных, ревностных, самозабвенных, – которые могли бы подписаться под этими словами!

**ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
РУМЯНЦЕВ**

Румянцев, Дмитрий Анатольевич (родился в 1974) – русский поэт. Автор стихотворного сборника «Жребий брошен» (1999).

Современная русская литература богата поэтами, которые со временем, вероятно, станут в один ряд с Мандельштамом и Бродским. Читаем стихотворение «Миф» Дмитрия Румянцева: «Направляясь к тебе, в переходе у нового сквера / я услышу гитару и тающий голос Гомера, / брошу медный обол под его отсыревший ботинок, / подивлюсь, как какой-то старик развивает Плотина. / Но майевтику старца, текущую пьяно и сипло, / оборвет, из окна перевесившись, бранью Ксантиппа».

Перед нами легко узнаваемая жанровая сценка, прихотливо окрашенная авторским интеллектом и юмором, в которой, вопреки логике истории, рядом сосуществуют Гомер и гитара. Впрочем, этот хронологический нонсенс воспринимается безо всякого протеста. Думается, «Илиада» ничуть не проиграла бы в своем величии, если бы древнегреческому слепому старцу аккомпанировали на гитаре вместо кифары.

ИРИНА НИКОЛАЕВНА СИДОРЕНКО

Сидоренко, Ирина Николаевна (1980-2017) – русская поэтесса, кандидат философских наук, режиссер. Поэтические сборники «Ключ вдохновения» (2000), «Величальная» (2002), «Песнь жизни» (2003), «Соль жемчуга» (2006) и другие.

Обыгрывая латинское название Луны (Селена), поэтесса Ирина Сидоренко восклицает: «Селенный звон! Селенный звон! / Как много дум наводит он. / А юный Пан мою любовь / В селенный звон рассыпал вновь... / Звон по расселинам летит. / Прильни к Луне – она звенит! / На боль мою ответь сполна / Гитарной декою, Луна!» (Стихотворение «Селенный звон!

Селенный звон!..»)

Кружевная вязь каламбуров, аллитераций, двойных и тройных звуковых параллелизмов порой уводят автора от логики чувств, но поэтические метафоры впечатляют. Сравнение Луны с гитарой в данном контексте кажется оправданным.

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ НИКИФОРОВ

Никифоров, Николай Анатольевич (родился в 1982) – русский писатель. Роман «Идея fix».

Павел, герой романа «Идея fix» Николая Никифорова, стал знаменитым гитаристом. Непрост был его путь к славе. «Все началось лет шесть назад, когда Пашка окончил свою родную музыкальную школу, будучи уверенным, что игра на скрипке ему больше не понадобится – наконец-то можно

вздыхнуть с облегчением. Ан нет. Появилось слишком много свободного времени, которое убивать на банальные гулянки просто не хотелось. Недолго думая, он раскопал в глубинах антресоли ленинградскую гитару и стал пытаться играть на ней. Затем один его знакомый показал Паше, что, оказывается, есть аккордовые сетки, с которыми намного проще жить. Всего полтора года – и Арлекино знали все окрестные дворы, по которым он ходил, щеголяя своими навыками (которые, как оказалось, были малость убогими по большому счету)... Для него практически не существовало понятие музыкальной грамоты. Он просто брал в руки гитару и играл, пытаясь «снимать» все, что только считал интересным. К тому же Арлекино избрал довольно странный способ обучения, который называл не иначе как «игрой вслепую». Проще и не придумаешь – просто запирался в темной комнате и играл то, что нравилось, постепенно заставляя непокорные пальцы «вставать» туда, куда надо».

Довольно банальная история простого советского парня, решившего научиться игре на этом весьма капризном инструменте.

Представляет интерес фрагмент романа, в котором описывается цех по изготовлению гитар в одном из корпусов АЗЛК. Павел замер в восторге. «То, что он увидел там, не поддавалось никакому описанию. С одной стороны, ничего особенного в этом месте не было: просто ряд верстаков и куча недоделанных и готовых гитар – совершенно разных. На

его глазах вытачивались корпуса для басов, тут же инкрустировались грифы. Были громадные ящики, битком набитые колками, звукозаписывающими и прочими драгоценными предметами. Для простого наблюдателя, может быть, в этом и не было ничего особенного, но только не для

Паши. Наверное, так чувствовал себя Али баба, когда Сезам открылся. Саша что-то говорил (вернее, пытался говорить), но из-за шума станков было почти ничего не слышно. Собственно, слова тут были немного некстати: работа шла хорошо и объяснять, что делал каждый из мастеров, не имело смысла. Одно было ясно с самого начала: будет жутко интересно.

Обратный путь Паша проделал в глубокой задумчивости...»

Масштабы серийного производства гитар впечатляют. И все же трудно избавиться от мысли: а не пострадало ли качество звучания инструментов от таких ударных темпов? Когда знаешь, сколько труда и вдохновения вкладывали старые мастера в свои рукотворные шедевры, перестаешь доверять советским фанерным коробкам со струнами, которые некогда продавались за 7 рублей 50 копеек.

Павлу все интересно, и он, понаблюдав за доводкой очередного изделия, спросил у мастера:

« – Слушай, а сколько может стоить эта гитара? »

–

Я скажу тебе так: любой инструмент стоит ровно столько,

насколько он тебе нужен.

—

То есть?

—

Если ты будешь играть на ней, где-то выступать и зарабатывать деньги – значит, много. Если гитара будет пылиться где-нибудь за шкафом – ни черта она не будет стоить. Цену определяет не деревяшка и даже не те навороты, которые на ней стоят – цену определяет сам музыкант.

—

Понятно...»

Мудрая мысль! Гитара, которую музыкант бережет и лелеет, словно любимую девушку, воистину бесценна!

Финал романа печальный – Павел по кличке Арлекино лишается зрения. Теперь только музыка становится единственным смыслом жизни. «Казалось, в маленькой каморке не было никого, кроме слепого гитариста и его инструмента. Арлекино буквально слился со своей гитарой, виртуозно управляясь с ней и двумя нехитрыми «примочками». Звук нарастал, затем удалялся куда-то вдаль, буравя всех насквозь своей искренностью и чистотой. Как всегда, мелодию Паша придумывал на ходу, отделяя из мнимого хаоса звуков те, которые составляли музыку. Подобно скульптору, который отсекает лишнее».

Как-то девушка, к которой Павел был равнодушен, попросила его что-нибудь сыграть. «Паша пробовал аккорды,

настраивая инструмент. Затем, перекинув через плечо гитарный ремень, поднялся с табурета, встав в свою привычную «стойку».

—

Немного музыки, просто без слов. Сейчас я тебе сыграю ожидание.

После этих слов Паша как-то съежился, всем своим видом напоминая старое, согнутое ветрами дерево. Из-под пальцев полилась невероятно грустная мелодия, заполнившая собой всю кухню. Лена заметила, что Арлекино как-то сам меняется по ходу своей музыки: на его лице можно было прочесть и печаль, и сумасшедшее веселье, переходящее в усталую грусть. Его мелодия заставляла то скручиваться ужом и припадать к полу, то парить, подобно птице. Казалось, Паша и его инструмент – какое-то существо, которое рождалось в тот момент, когда он брал в руки гитару, и умирало, когда он убирал ее в чехол.

Когда он окончил играть ожидание, со лба градом катил пот, и даже нелепые солнечные очки не могли скрыть его усталости.

—

Это был экспромт?

—

Да. Знаешь, за те три месяца, что я провел в склифе, мне ничего не оставалось делать, как играть».

Несчастья губят слабых людей и придают стойкости тем,

кто силен духом. Гитарист Павел не сдался!